

СМОНА

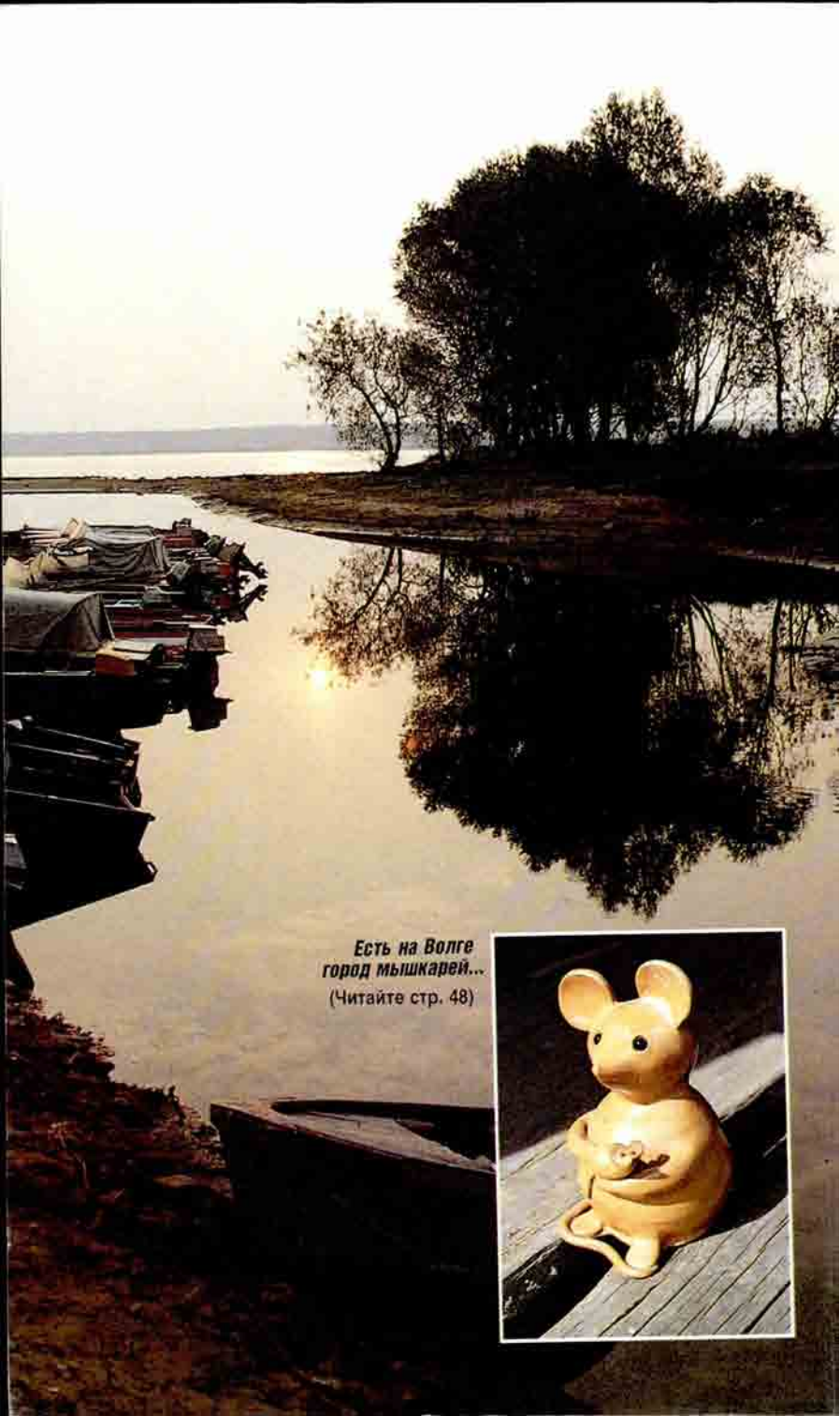
ISSN 0131 — 6656

АНДРЕЙ ИЛЬИН ■ ОБЕТ МОЛЧАНИЯ-2

НИКОЛАЙ ЛЕОНОВ ■ ПРЕЗУМПЦИЯ НЕВИНОВНОСТИ

4 / 96

*Есть на Волге
город мышкарей...
(Читайте стр. 48)*

4'96

СМЕНА

**ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ**
Основан в январе 1924 года.

Главный редактор
МИХАИЛ КИЗИЛОВ

Редколлегия:

ВАЛЕНТИНА БОЧАРОВА
ВАЛЕРИЙ ГУРИНОВИЧ

зам. главного редактора
БОРИС ДАНЮШЕВСКИЙ
НИКОЛАЙ ЛЕВИЧЕВ

зам. главного редактора
СЕРГЕЙ ПОПОВ
МИХАИЛ ТЕЛИЧКИН

главный художник
ВИТАЛИЙ ФЕДОРОВ
ТАМАРА ЧИЧИНА

Оформление

ВАЛЕНТИНА ДАВЫДОВА

Художественно-

технический редактор

АЛЕКСАНДРА ГУСЕВА

Сдано в набор 26.01.96.

Подписано к печати 21.02.96.

Формат 84×108¹/₂.

Бумага «Офсетная».

Печать офсетная.

Усл. п. л. 15,54.

Усл. кр.-отт. 17,64.

Уч.-изд. л. 23,10.

Тираж 79 550 экз.

Заказ № 106.

Цена свободная.

101457, ГСП, Москва,

Бумажный проезд, 14.

212-15-07 — для справок.

250-29-39 — отдел реализации.

250-49-98 — отдел рекламы.

Факс (095) 250-59-28.

Журнал зарегистрирован

в Министерстве печати

и массовой информации

Российской Федерации.

Рег. № 166.

Учредитель — коллектив

редакции журнала «Смена».

Рукописи, фото и рисунки

не возвращаются.

Типография издательства

«Пресса», 125865, ГСП, Москва,

А-137, ул. «Правды», 24.

В случае полиграфического брака

обращаться в издательство «Пресса»:

257-28-30, 257-41-03.

4 (1578) АПРЕЛЬ

© «Смена», 1996.

27 ПРОЗА

Лоуренс Блок

КЛИВЛЕНД В МОИХ СНАХ *Рассказ*

78

Николай Леонов

ПРЕЗУМПЦИЯ НЕВИНОВНОСТИ
Криминальная повесть

166

Андрей Ильин

ОБЕТ МОЛЧАНИЯ-2 *Остросюжетный боевик*

15 ПОЭЗИЯ

Ирина Путьева

162

Николай Котенко, Анатолий Кудрявицкий

4 ВРЕМЯ И МЫ

Игорь Цыкунов, Эдуард Осипов

ТАЙНЫ «ПОД-МОСКОВЬЯ»

18

Сергей Литвинов

ОТРАВА

48

Валерий Майоров

МЫШКАРИ

64

Вячеслав Загорский

ЗАДАНИЕ НА ЗАВТРА

Иван Зюзюкин

«МИР СИАЛ ДЛЯ НАС ВЕСНОЮ...»

74

Ираида Потехина

«ДАРОВАНИЕ — ЕСТЬ ПОРУЧЕНИЕ»

134

Людмила Быченкова

ЛЮБОВЬ И МАРГАРИТА

150

Эльвира Попова

ВЕЧНАЯ РУСЬ

На 1-й обложке: фотозюид ОЛЕГА БЕЛОУСОВА.

Джон Хаулетт

«ТАНГО НОВЕМБЕР» Сквозная тема произведений современного английского писателя — могущество техники, создаваемой интеллектом и руками людей, но одновременно — хрупкость и зыбкость власти человека над своим творением.

Роман «Танго Новембер» — не детектив, хотя в нем и присутствуют элементы детективной интриги: острота сюжета, козни мафии... Герои Хаулетта — не лихие супермены, а попавшие в экстремальную ситуацию обычные люди, на чьи плечи обрушивается груз ответственности за судьбу их дела и множества человеческих жизней.

Ольга Чайковская

ТОТ, КТО ПОЙМАЛ ЧИКАТИЛО Известная писательница вновь порадует вас блестящим очерком на тему, волнующую всех и каждого — о состоянии правосудия в нашей стране. Материалом для этого ей послужило дело о кровавом монстре из Ростова — Чикатило, которое расследовал старший следователь по особо важным делам при Генпрокуратуре России Исса Костюев.

ТАЙНЫ ПОД МОСКОВЬЮ

*В подземельях всегда прятали то, что по какой-то причине боялось света и людских глаз. В потайных ходах укрывались от нашествия врагов наши предки. В землю прятали они реликвии, деньги и скрывали в ней свои преступления. Нынче в толще грунта «покоятся» атомные бомбоубежища, стратегические пункты управления... Подземелье — это своего рода подсознание города, по которому можно судить не только о том, что было, но и о том, что будет. Так, во всяком случае, утверждают исследователи подземелий — диггеры. Наши корреспонденты встретились с **ВАДИМОМ МИХАЙЛОВЫМ**, создавшим с единомышленниками изыскательскую группу «Диггеры планеты Андеграунд».*

АКАДЕМИК ПОДВАЛЬНЫХ НАУК

— Как ты открыл для себя подземный мир?

— Мне надо благодарить за это отца: он был одним из лучших ма-

шинистов метро и брал меня в кабину поезда. Наверное, тогда я и заинтересовался подземельем. Было жутко интересно наблюдать, как рельсы раздваиваются и исчезают в каких-то тоннелях. Тогда метрополитен был в лучшем состоянии, чем сейчас. Множество огней — он и освещался-то иначе, куда щедрее нынешнего, — можно было многое по ходу метropоезда рассмотреть. Конечно, отец брал меня незаконно, я был маленьким тогда, с пяти лет он возил меня так...

Когда мне исполнилось двенадцать, день рождения мы с ребятами решили отметить в подземелье — в память о моем отце. Его не стало незадолго до того — сказалась нервная работа. С того спуска все и началось. Мы обнаружили буквально под нашим домом полные тайн и сказок подземелья. Куда ж еще мальчишкам было лезть? Подвалы тогда были открыты и доступны, и, хотя дворники отличались строгостью и гоняли нас, мы пробивались туда и через коммуникации попадали в подземную Москву.

У нас под Ленинградским проспектом целая сеть бомбоубежищ. В одном из них мы наткнулись на склад Академии океанологии. Представьте себе: идешь по огромным коридорам, что-то капает с потолка, неровный свет факелов, которые мы скручивали из газет, рисует нашими тенями фантастические картины на стенах. И вдруг ко всей этой сладкой жути еще и находка: помещение, где много разных стеклянных сосудов с формалином. А в них плавают всякие морские чудеса. Я тогда увлекался зоологией, что-то объяснил ребятам. Хотелось все это забрать с собой, но было страшно притронуться.

Игра, романтика, непонятные существа — все это перемешивалось

в наших головах, манило все дальше и дальше в, казалось, беспредельное подземелье. В те годы наши ребячьи вылазки не были особенно рискованны: бомжи, уголовные элементы в то время не облюбовали еще подземелье.

Мы вышли через изученные вдоль и поперек подвалы к метрополитену и достигли подземных уровней, гораздо более глубоких. Я помню, что первую свою «дальнюю» экспедицию мы назвали «подземной Москвой», — все наше дворовое братство зачитывалось тогда Норманом Костелли, его книгами о спелеологии. Пещеры, мужественные и ловкие герои-спелеологи и их приключения манили. Вот мы для себя похожие приключения, эдакие «пещеры социума», и открыли. Помню, даже придумали собственные «ученые» титулы: доктор подвальных наук, академик — в зависимости от того, кто больше пройдет по подвалам.

Однако, взрослея, мы постепенно от игр перешли к более серьезным исследованиям. Стали рисовать планы и схемы пройденных подземных маршрутов, расспрашивать «о старине» старушек. Нас интересовали даты запомнившихся им событий. Потом засели в библиотеках. Отец мой был страстным библиофилом, оставил массу книг по истории. Нас, конечно же, волновали древние ходы.

В подземной Москве мы открыли заброшенные штольни, водопровод екатерининских времен. Лет через десять — пятнадцать мы поняли, что знаем уже весь конгломерат подземелий первого, наиболее близкого к поверхности уровня, в котором заключена система городских коммуникаций и служб. Пора было проникать в те, что еще лишь ждали своих исследователей. Но, пока мы искали их, познакомились с подземными водными артериями, и они нам полюбились,

пожалуй, больше всего остального. Там, внизу, — масса рек, мы узнали, что под городом их более 150. Прекрасны старые реки... Их русла частично из гранита, частично из белого камня, кирпича. Мы стали интересоваться кладками. Находили отметины мастеров на кирпичах и примерно датировали некоторые водостоки.

В конце концов мы определились с тем, что изучаем социальные, исторические, экологические аспекты московской подземки. Так и появилось наше движение.

— Почему вы назвали себя «Диггерами планеты Андеграунд»? Из-за такой эксцентричности названия у вас, мы слышали, уже возникли проблемы. Минюст отказывается вас регистрировать.

— Название наше появилось пять лет назад. Мы уже тогда решили, что не ограничимся Москвой и Россией — будем изучать подземелья других стран. Нам нужна была международная символика. Потому и заглянули в словарь: диггер — копатель... Это нам подошло.

ЛИБЕРЕЯ ЦАРЯ ИОАННА

— Ваше движение началось с мальчишеских романтических походов, ребячьих неумных фантазий. А сейчас, интересно, есть у диггеров мечта?

— Найти библиотеку Ивана Грозного — так называемую либерекю. Многие убеждены, что это невозможно, но нас это не останавливает. Известно, что Софья Палеолог подарила Грозному библиотеку византийского императора. Известно и то, что у русского царя к тому времени было уже много книг. Он собирал их всю жизнь: что-то покупал, что-то изымал, а где и кровью его раритеты полить. Но

сгнула та библиотека в веках. Во все времена находились разные охотники отыскать ее. Дьякон Макарий, к примеру, искал по приказу Петра Первого. Утверждали, что Наполеон обнаружил либерку Грозного и вывез ее через подземный ход из горящей Москвы. Гршили и на коммунистов, которые якобы продали ее за рубеж. Но нет достоверных сведений, что она была обнаружена. Случись такое на самом деле — непременно стало бы известно. Ведь там были неизвестные сочинения Тацита, Полибия, откровения Иисуса Христа, записи Апулея!.. Эта библиотека обогатила бы культурный опыт человечества...

Нам кажется, что она еще где-то в московском подземелье. Скорее всего в камере, сооруженной на манер египетских. И найти ее можно, как и те несметные богатства, награбленные в Казани, что скрыл Грозный в земле. Библиотека ждет своего часа. Хотя... История ее загадочна и полна мистики. Мало из тех, кто в древние времена читал из нее книги, выживал. Либо царь их убивал, либо не доезжали они по какой-то причине до дома, таинственным образом пропадали... Есть во всем этом тайна, безумно интересно ее раскрыть.

ПОДЗЕМНАЯ КРИМИНАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

— Философия диггеров утверждает: подземка — зеркальное отражение в глубь того, что происходит на поверхности. Безумное наше время отражается, проникает в глубь города?

— Отражается... И если в городе гремят взрывы, происходит стрельба, то рано или поздно то же самое проникает в подземелье. Собственно, криминализация под-

земки нами замечена еще три-четыре года назад, когда там появилось множество бомжей и мы стали наткаться на первые криминальные трупы. Чаще всего эти факты не попадают в прессу. Почему? Вот пример: мы находим труп явно убитого человека. Он находится в коллекторе под определенным районом города. Приезжает милиция и умоляет нас не говорить ничего и никому. Дескать, дело — полная безнадега, никогда такое не раскрыть. Труп-то уже полуразложившийся. Обычный бомж, по всему видно — убитый, видимо, в криминальной разборке. Что делать милиции? Они тайно приходят, вытаскивают на поверхность в мешках. И все! Они не проверяют дальше этот коллектор, не опрашивают свидетелей, — нет трупа, нет проблемы.

То же и с расчлененными телами, такие «находки» тоже случаются. Видимо, насмотревшись западных фильмов, наши отечественные убийцы решают теперь, что гораздо проще засунуть труп в любой водосток или ливневый сброс, предварительно привязав к нему какой-нибудь груз. Когда еще откачают воду из того колодца!.. Если раньше коллекторная служба департамента инженерного обеспечения Москвы контролировала эти свои объекты, то сейчас инженеры (а это чаще всего женщины) просто боятся спускаться вниз: слишком много появилось в подземелье посторонних лиц.

ЛЮДИ В КАМУФЛЯЖНОЙ ФОРМЕ

Первый раз столкнулись с такими в коллекторе под Центробанком. Поначалу мы приняли их за работников телевидения. Уж больно мощное, профессиональное у них оказалось освещение — галогенные фонари. Не дошли до лю-

дей в камуфляжной форме метров десять. Когда они поняли, что мы их заметили, погасили фонари. Они у них, как оказалось, были оснащены целевидной «маской», как проектор на танках. Эти странные люди в темных пятнистых костюмах ушли, а мы и не собирались их преследовать. Когда же встретили таких во второй раз, то просто легли на пол. Подумали: береженого Бог бережет — вдруг стрелять станут...

Что там эти странные люди делают? Хотелось бы знать самим. Встреча под Центробанком произошла в октябре, о чем мы и сообщили руководству банка тогда же. Нас потом туда вызвали. Мы пришли и сказали, что в ЦБР плохо знают подземные подходы к банку. Однако ни одна их служба так и не решилась спуститься в коллектор.

Был единственный случай, когда нашу информацию восприняли. Нам позвонил один наш информатор, заметивший некий отряд под Ленинградским проспектом. Я сразу же сообщил про это в мэрию и в 63 отделение милиции. Сначала никто не хотел ехать, но с помощью ГУВД все-таки выделили нам двух сотрудников. Они спустились в коллектор и, хотя весь коллектор мы не прошли, обнаружили зону свежих подкопов... Эта система коллекторов тянется от метро «Аэропорт» и выходит на Тверскую. Но копали неизвестные именно здесь; куда хотели попасть? Кто знает... Когда пришла милиция, они бесшумно снялись. А автоматчики дальше не полезли — встретились с заболоченным местом и вернулись... В Центробанке же сначала заинтересовались своей подземной безопасностью, потом почему-то «остыли».

Кто эти люди в камуфляжной форме? Не знаю. Судя по всему, не знают и люди из компетентных органов. Я считаю, что как исследо-

ватели мы в подземной Москве работаем одни. Но если какая-то группа или организация тоже изучает городскую подземную территорию — а судя по некоторым признакам, так оно и есть, — то уж, во всяком случае, это не «силовики». Все госслужбы безопасности заявили, что никто из них не спускался вниз.

Правда, как-то раз ко мне приезжали люди из охраны президента. Их интересовали подходы к Кремлю. Я им показал некоторые наши карты, и они согласились, что их объекты и подходы к ним указаны на них очень точно. А если предположить, что подобные карты мог составить и кто-то помимо нас?..

— *Насколько серьезна угроза терроризма «из-под земли»?*

— Процентом на девяносто реальнее мелких попыток взрывов в надземной Москве. Внизу можно устроить серьезный теракт с очень мощным эффектом. Мы составили записку, в которой указали более 50 точек подходов к режимным объектам и написали, какие комбинированные действия можно произвести, чтобы добиться практически стопроцентной гибели всех находящихся в подземном и надземном пространствах: от распределительных залов метрополитена до надстанционных позиций в домах и перегонах метро. Направили эту записку в управление ФСБ по Москве, Лужкову. Дали информацию журналистам. В итоге нам устроили «промывку мозгов».

— *Кто?*

— Спецслужбы города. Дескать, мы дали слишком расплывчатую оценку ситуации под землей в прессе, не доложив о том предварительно им. Я их спросил: «А как вам доложить? Звонить? Ответ всегда один: «А-а-а, диггеры... Да ну вас, нам некогда». Однако, прочитав ту нашу записку, руководите-

ли органов городской безопасности согласились, что сотрудничать с нами надо.

— А какие-то меры безопасности наши спецслужбы все же принимают под землей?

— Только те, которые несложно предпринять. Например, когда появилась «яма истории» на Манежной площади и когда археологи закончили в ней свои изыскания, позволили покопаться там и нам. Мы обнаружили многие подземные ходы в сторону Кремля. Естественно, они были засыпаны землей, но, по существу, открыты. Через трое суток их заложили. Лужков нам выразил благодарность за обнаружение этих ходов, ранее никому не известных.

— Жители подземелья, кто они?

— Много разных... Например, бывшие эски, приехавшие в Москву или пропившие выданный им паспорт. Они устраиваются в подвалах с хорошей системой вентиляции и двумя-тремя выходами. Сколачивают некую группу, живущую по знакомым им «зэковским» законам. Живут в подzemке и целые семьи — с радио, с телевизорами, чуть ли не с холодильниками. Их даже время от времени, случается, посещает участковый.

— А эти откуда?

— Да мало ли сейчас разборок из-за продаж квартир? Я знаю около двадцати мест, где живут семьи, лишившиеся жилья. Есть и «престижные» закрытые системы, своего рода номера «люкс». Это бойлерные, куда время от времени приходят слесари проверить воду. Они получают с жильцов-бомжей какие-то деньги. Бомж ведь бомжу рознь, среди них есть и весьма небедные люди.

— А как они попадают в бойлерную-люкс?

— Приходят через одну из ре-

шеток теплофикации, заглушки, что открыты где-нибудь в кустах, и проходят в этот подвал через какой-нибудь мусоросборник.

Опаснее всего ситуация летом, когда происходит «миграция бомжей». В этот период может произойти все что угодно: процветают наркомания, пьянки, приводят вокзальных проституток.

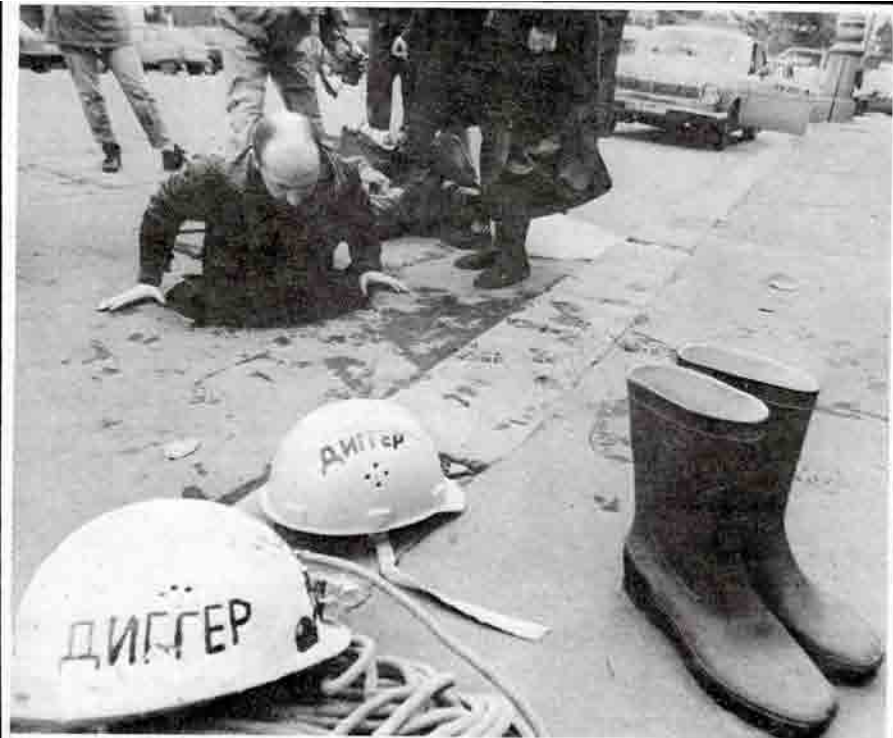
Конечно, есть люди, которые не подпадают под категорию тех, кого надо сдавать в спецприемники. Ну, жизнь не задалась, несчастье случилось... Мы таких, бывает, подкармливаем, а они нам душу изливают. Социально опасны бывают те из них, кто за свою беду-обиду держит зло на всех и вся. Такие в запале могут развинтить какую-нибудь трубу, поджечь подвал — все что угодно сотворить...

Есть еще среди «граждан подземелья» бродяги «по жизни». Им такой образ жизни просто в кайф. Они могут в любой момент вернуться наверх, устроиться на работу, но им здесь нравится. Я знавал одного профессора, который на почве такого своего «сдвига» жил в подвале с бомжами. Они его уважали, а он в этом их гипертрофированном уважении просто купался.

Что нас очень беспокоит — так это дети, подростки. Совсем юные ребята и девчонки, которые лазают там внизу и называют себя диггерами. Я даже одну такую группу взял под свой контроль. Весьма сомнительный, впрочем, поскольку они нам не всегда говорят, куда спускаются. Упаси Бог, если что-то случится! Мы чувствуем ответственность и хотим создать нечто вроде клуба. Инструкторов-то среди нас достаточно...

— Гиляровский, дядя Гиляй, написал о человеческих костях в Неглинке.

— Да, когда мы исследовали Неглинку, там часто находили че-

репа. Дело простое. Хозяин какой-нибудь дореволюционной фатеры, шалмана или притона велел мужикам прямо из подвала сделать штольню. И одну такую штольню мы нашли. Штольня обкладывается кирпичом, и по ней сустав в сустав прокладывается труба; ее дорывают до клоаки, потихоньку пробивают отверстие в своде и вставляют в него трубу. Убив человека, удобно не нести его, как писал Гиляровский, чтобы сбросить в решетку, а спустить труп через трубу. После того как Гиляй рассказал про эти тайные стоки, их заделали кирпичом. Разобрав такую клоаку, мы как-то нашли серебряное кольцо; находили и проломленные черепа. Что там в этих закупоренных стоках, кто остался там лежать, никто не скажет. Иногда мы находим старое оружие, например, кистень. Археологи определили его назначение: им раньше убивали в притонах.

А вообще всякого рода черепа и кости в подземке не редкость. Помните, как там у Гиляровского, прошедшего по Неглинке: «А ведь по костям ходим, барин!» Можно найти следы сталинских расстрелов — московское подземелье хранит и эту тайну. На Солянке есть мощнейшие коммуникации — сеть подземных коридоров, по которым в свое время рокеры умудрялись даже на мотоциклах проехать, так там плотно засыпанные проходы, за которыми могут открыться массовые захоронения. Только кому нужно искать? Это и по сию пору дело политическое. Вообще в подземелье много тайн: второе кольцо метро, опутывающая город сеть коммуникаций, лаборатории совершенно необъяснимого назначения... Глобальные постройки, например, под храмом Христа Спасителя — зал на три тысячи мест. Нам, кстати, так и не дали спуститься туда, хотя настоятель

строящегося храма просил убрать «антикапсулу» — контейнер с коммунистическими воззваниями. Люди из охраны Кремля авторитетно заключили: все, что находится под строящимся храмом, не угрожает безопасности постройки, и перекрыли доступ...

ГИБЛЫЕ МЕСТА

— Есть гиблые места под землей?

— Есть. Например, то, что называется геопатогенными зонами, — зимой в них больше тумана, подпирания. Фотоаппараты там отзывают и галлюциногенные явления (причем у каждого свои) начинаются, и крутит тебя... Такие места — под «Белорусской-радиальной», в водостоке Филевского парка, у Боткинской больницы. Очень странное место под больницей Склифосовского. В одном из подвальных помещений мы нашли мощные печи неизвестно какого назначения. Я открыл одну из печей и обнаружил свежий букет гвоздик. Просто оторопь взяла — откуда он там: судя по помещению, туда давно никто не спускался. Под Большой Пироговской мы нашли подземную лабораторию неизвестного назначения. Там стоял старый телефон, висели старые костюмы химзащиты, противогазы. Все выглядело так, как будто кто-то спешно покинул это помещение. В смежных «комнатах» нашли громадные колбы. Одна была разбита, и на полу валялись какие-то кристаллы. Мы испугались — это ведь вполне могла быть какая-нибудь биологическая лаборатория, мало ли какую заразу можно подхватить. Кстати, под «Склифом» мы там впервые увидели призрака. Я шел первым, как вдруг заметил, что из потолка появились прозрачные ноги. Спу-

стился призрак женщины с распостертыми руками. От неожиданно я дернулся и ударился о какой-то штырь головой. Все, кто был со мной, видели этот призрак. До этого мы испытывали какие-то галлюцинации в некоторых местах, но каждый свои. А тут было что-то совсем другое. Мы бежали так, что один из нас сломал ногу. И попали в приемную «Склифа», под которой только что ходили. Я не знаю, как это объяснить, но говорю то, что видел.

САТАНИНСКИЕ ЗАКОУЛКИ

Но есть в подземной Москве удивительные места. В одном из подземных залов нашли мощную корневую систему — с потолка свисали огромные корни. На одном из них я просто мог висеть. Там такая энергетика — тебя будто что-то промывает, очищает. После этого несколько дней себя чувствуешь совершенно по-особенному. Мы проводили в этом зале обряд посвящения в диггеры. Владимир Молчанов снял там одну из передач «До и после полуночи». Когда мы пришли туда последний раз — корни были вырваны, не спилены — вырваны! Чтобы это сделать, нужна невероятная сила. У нас был траур — кому это понадобилось?! В тот же день мы натолкнулись на людей; в одном из проходов вдруг услышали мерное пение. В подземном зале ходили люди в черных балахонах, прямо как у монахов, с капюшонами. В руках у них — факелы; это было так неожиданно, что поначалу показалось: глюк. Я закричал что-то вроде: «Стоять всем! Руки к стене!» Неизвестные поспешили ретироваться. В зале была кладка — нечто вроде камина, и в ней оказался выложенный из современной плитки алтарь, там находились странные предметы; среди

них горшок с веществом, похожим на кровь. Мы справились потом у знающих людей, говорят, что это какое-то смешение сатанинских культов...

Сухаревской башней занялись, начитавшись Гиляровского. Место, надо сказать, таинственное. Его и в древности обходили стороной: всяческие видения там происходили, после которых мор шел по Москве. И колдун Брюс там выпаривал свое золото; по преданию, спрятана под Сухаревской книга мертвых — «Некрономник». Таких, говорят, в мире несколько штук... Изложены в этой книге тайны Вселенной. Легенды, вероятно, но опыт Шлимана, откопавшего Трою, доказал, что легендам стоит доверять. Мы поверили и верим до сих пор, что под Сухаревской башней есть алхимическая лаборатория, а может, и знаменитая книга. Но не только мы этим интересуемся... Сухаревская башня не в одну ночь была снесена, ее долго разбирали по кирпичику. И все это время бродили вокруг поисковики из сатанинских сект. Постоянно искали ход, да не там искали! Вход в подземелье башни возможен через систему сухаревских подвалов. Мы пытались пройти, но необходимо было делать размуровки, и я отказался — без ведома инженерных служб это дело незаконное. Поисками нашими, однако, заинтересовались. Последние полтора года я все чаще слышу о Сухаревской башне. На меня выходят какие-то люди и просят «хорошим ребятам сатанистам» поспособствовать в поиске книги мертвых. Я не соглашаюсь. Но в подземелье все же не теряют интереса к ней...

КРЫСЫ

— Почти неделю прошлым летом шумела пресса о том, что вы

обнаружили чуть ли не метровых крыс. Ученые авторитетно заявили, что такого размера даже при мутации крысы достигнуть не могут. Что это было — ваши собственные глюки?

— Для кого-то, может быть, и глюки, а нам пришлось от тех «глюков» удирать. Нашли этих животных случайно в одном коллекторе. Они появились неожиданно, их было несколько, и среди них выделялась какая-то белая тварь, — мы так ее определили, потому что на крысу она была мало похожа — что-то вроде альбиноса, но, кажется, слепая. Метр — сильно сказано, но сантиметров семьдесят в длину и сорок в высоту... До того момента нам такие особи не попадались. После мы пришли туда с омовцами, крыс не было. Но не будут же они сидеть и ждать нас?! Остались только следы от мощных когтей. Впрочем, менее впечатляющих крыс в московской подземке и сейчас более чем достаточно...

— Вадим, ты часто бываешь откровенен; рассказываешь о том, что происходит в подземной Москве. А там, судя по всему, у кого-то появились свои интересы. Тебе, я слышал, уже угрожали. Крысы крысами, а вот люди в черном камуфляже — это уже серьезно.

— Угрожали, и не раз, но пока, слава Богу, дальше угроз не пошло... Удивляет другое: когда я рассказал об этих угрозах «где надо», мне не помогли. Лишь посоветовали «быть осторожнее». Но ведь там, под землей, целый город; причем ненамного меньше, а по площади, может, и больше, чем город здесь. И тот, кто этот город будет контролировать внизу, тот сможет контролировать и то, что наверху. Представьте, сколько государственных тайн «зарыто в землю»: связь, режимные объекты

разного назначения, пункты управления. А возможность выходить в любую точку города и проникать во многие здания?! Рано или поздно кто-нибудь этой возможностью может воспользоваться. Тут, на мой взгляд, есть о чем подумать... Впрочем, проблемой безопасности мы озаботились недавно. Для нас куда как интересней исследовать исторические загадки Москвы, которую так мало знают и, увы, порой даже не желают знать. Там, внизу, немало удивительно красивых мест — можно было бы сделать прекрасные маршруты...

**Беседу вели
ИГОРЬ ЦЫКУНОВ
и ЭДУАРД ОСИПОВ.**

**Фото
АРТЕМА ЗАДИКЯНА
и МИХАИЛА КЛИМЕНТЬЕВА**

Может быть, душа жива...
 Помнит томные постели,
 где тонули кружева,
 что сто лет назад истлели.
 Может быть, светла, легка,
 цепь событий не нарушив,
 заплутавшая в веках,
 ищет родственные души.
 Быть — не быть... — вот в чем вопрос.
 Как трагично и нелепо
 рвется сеть седых волос,
 рассытающихся в пепел.

Я вернусь из жизни той
 в мир разобранных постелей,
 где кисейные метели
 вьются призрачной фатой,
 где стальной холодный день
 спрятан в полы длинной ночи,
 где моя слепая тень
 без меня блуждает молча...
 Я войду без суеты
 незатейливою мессой...
 Будут ласки — как цветы
 отпеваемой невесте.

Стоят на окне азалии,
 роняя свой алый цвет.
 Вы много не досказали мне
 в сумятице спешных лет.
 Ах! Ночи мои бессонные... —
 себя мне не побороть.
 Душа моя невесомая,
 не покидай мою плоть.
 Я буду любить и каяться
 всем неудачам назло.
 Но вас это не касается —
 со мной вам не повезло.
 Не вам тягаться с неравною —
 мой час еще впереди...
 Вся жизнь моя рваной раной,
 с горящею пулей в груди.

По-хозяйски взгляну на звезды —
 разорву жемчужную нить...

И пойму, что под вечер — поздно
мне и каяться и любить.
Может быть, от страха немея,
я увижу, не знаю, как...
свет, искомый в конце туннеля,
как ниспосланный мне маяк.
Отцвету, как сирень, по весне я,
задержусь, заблужусь в пути,
но до времени не посмею
в запредельный тот мир войти.
Снятся белые покрывала
и нездешние города.
Может, я уже там бывала,
но не помню, с кем и когда.

Как гейша, ласково мудра
чарующая ночь...
А я как гостья со двора
бежать пытаюсь прочь.
И на устах сомнений яд —
нагаданы года...
Но сброшен суетный наряд —
ликует нагота.
...Господь нам грех земной простит.
Но все же, чуть дыша,
в нас падем ангелом грустит
заблудшая душа.

После празднеств,
крещенских морозов
наступила иная пора...
Старый дворник, усатый и грозный,
мишуру выметал со двора.
Раздражала заносчивость стула
и капризная блажь февралей,
и пронзительная сутулость
старожилов Москвы — фонарей.
В вихре встреч, сквозящих простудой,
может, в чем-то и я не права...
Как серебрянники Иуды —
отзвенели пустые слова.

Жаль, что не будет в Ялте фиесты.
Ночью мне снилась Испания:
волны крутые, как манифесты,
синее небо в испарине...
Так ли люблю?

*Может, слишком прилежно?
Вечно спешу приходиться с опозданием...
Чувствую, как и в меня первозданная
по рукоятку вливается нежность.*

ЛЮБОВЬ

*Ты — третья моя ипостась,
а прочие две — истлели.
Я только боюсь опоздать,
как все, кто спешил в менестрели.
Но в холод кладбищенских ям
без страха шагнуть — было б ложью...
Крест-накрест нам руки сложат,
О, смерти стариннейший ямб!
Но зодчий пока еще зряч,
и мрамор зудит под кожей,
такими стихами плачь,
чтоб кто-то воскликнул:
«Боже!»*

*Становились дни веками,
и еще — содавали нервы
рядом с леденящим Каем
в царстве Снежной королевы.
Лишь блистали, как бокалы,
перламутровые льдинки,
и шатался ветер шальей
в белой шапке-невидимке.
На пол падали заколки...
После праздника — в метели...
Страшно выброшенной елкой
замерзать в пустой постели.*

*Скрипкой трепетной ты лежала —
и загадочна, и стройна,
лишь душа во плоти дрожала,
как натянутая струна.
Эта высшая из стихий
по наитью бунтует в теле.
За блаженнейшие грехи
распинали тебя в постели.
А потом — кровоточили раны,
свыше слышались голоса...
И вздымались холсты на подрамниках,
как крылатые паруса...
И рука, что была легка,
низвергая платья и шали,
возлюбя тебя, на века
обнаженную воскрешала.*

СЕРГЕЙ ЛИТВИНОВ

01

ПРАВДА

*Отравиться можно
не только цикутой,
мышьяком, стрихнином,
цианистым калием,
но и сосиской,
пирожным,
салатом «Оливье»...*

Устрицы для Майкла

Когда я начал готовить статью о пищевых отравлениях, и в Госкомсанэпиднадзоре мне дали сводки, где учитываются наиболее тяжелые случаи, они показали мне сообщениями с мест стихийных бедствий.

Липецкая область: 144 человека попали в больницу, один погиб.

Город Кыштым, Челябинская область: 56 пострадавших, один скончался.

Москва: болезнь поразила госпиталь для ветеранов войны, 53 человека в тяжелом состоянии.

Череповец, Вологодская область: пострадали 23 человека.

В первом случае причиной «стихийного бедствия» оказались грибы (к слову, бледная поганка — это «убийца номер один»: именно этот, с позволения сказать, продукт дер-

жит первенство среди тех, что вызывают отравления.) В Кыштыме виновником оказалось химическое вещество под названием «нитрат натрия», очень похожее на соль: им по ошибке приправили пищу в рабочей столовой. В Москве отравление вызвал омлет с колбасным фаршем. В Череповце — макароны по-флотски.

Когда готовилась эта статья, санитарные врачи еще не подвели окончательно печальные итоги прошлого года, но уже было известно, что за одиннадцать месяцев в России от пищевых отравлений погибли 83 человека. Пострадало около полутора тысяч. Но статистика учитывает лишь тех, кто оказался в больнице, а сколько обошлось без помощи медиков — неизвестно.

Не надо думать, что отравления — это порождение нашего времени, когда все кому не лень торгуют на базарах и вокзалах пирожками, мясом или сметаной. Пять или десять лет назад пострадавших было не меньше.

И не только в России мучаются от пищевых отравлений. В благополучных Соединенных Штатах по этой причине гибнет пятьсот — девятьсот человек ежегодно. В чопорной Англии — примерно сто. Американцы дотошно подсчитали, что нация теряет от болезней, вызванных некачественной пищей, от 8 до 23 миллиардов долларов ежегодно. Статистика у них поставлена иначе, чем наша, и они насчитывают от 6,5 до 8,1 миллиона пищевых отравлений ежегодно. (Даже такой супербогатый и чрезвычайно заботящийся о себе человек, как Майкл Джексон, пострадал: в 1993 году он отравился — правда, не вульгарными консервами, а блюдом, достойным миллионера: устрицами.)

Санитарные врачи, конечно, стоят на страже нашего здоровья. Но

не могут же они проверить каждый пакет молока или батон колбасы! В среднем, по статистике, исследуется один процент пищи, поступающей на столы россиян. И примерно каждая десятая проба бракуется: то свинца слишком много, то кадмия, то нитрозоаминов, то кишечная палочка присутствует... Стало быть, нам надо иметь в виду: каждый тысячный продукт из тех, что мы съедаем, может оказаться отравленным.

Как же нам от отравы уберечься? Может, вовсе есть перестать?

Убийца № 1

— А это вех ядовитый, — сказал профессор, указывая на растеньице, похожее на петрушку, — достаточно небольшого кусочка, чтобы отравиться. Пострадавшего обычно даже не успевают довести до больницы.

И тут один из студентов-практикантов сорвал растение и укусил корешок. Что это было — глупость? Молодечество?.. Студент уже никогда не расскажет. Лицо его мертвенно побледнело, он упал, по телу пошла судорога... Печально закончилась полевая практика первокурсников биофака. Парня спасти не удалось.

Ядовитый вех растет в наших лесах, и десятки людей, попробовав его, оказываются в больнице. (Двое в прошлом году погибли.) Обычно это дети: у кого из ребят нет привычки жевать в лесу листик или травинку? А часто ли мы, родители или учителя, рассказываем им о ядовитых растениях или грибах?

Испортить желудок можно и сыром, и паштетом, но насмерть чаще всего убивают грибы (в прошлом году, отравившись ими, погибли 58 человек).

— Белые мутируют и становят-

ся поганками? Вырабатывают ядовитые токсины? — удивился Сергей Хотимченко, кандидат биологических наук, руководитель лаборатории пищевой токсикологии Института питания РАМН. — Все эти разговоры — е-рун-да! Ни одного подобного случая не было да и быть не может. Люди гибнут не из-за зловредности природы, а благодаря собственной беспечности. Вы посмотрите, где больше всего пострадавших — в Липецкой области, Орловской, Воронежской... Но это не потому, что там живут самые легкомысленные. Дело в том, что туда часто приезжают на «тихую охоту» жители Москвы, Петербурга, других городов, расположенных севернее... Те же москвичи не знают бледную поганку. В подмосковных лесах она практически не растет. Основной ареал ее обитания — южнее. Грибники с севера, приехав куда-нибудь в леса под Липецк, путают бледную поганку с сыроежкой: они чрезвычайно похожи. А порой просто складывают все грибы в одну корзину: «Отсортируем потом!» Но даже маленького кусочка поганки, раскрошившейся на ходу и попавшей в жарку, бывает довольно, чтобы отправить на тот свет всю семью. Обиднее всего, что страдают дети. Грибы вообще очень тяжелая пища, я бы детям не давал ее... Яд действует тем сильнее, чем меньше человек весит. Был случай, когда от отравления грибами умер двухлетний ребенок...

Хлеб да «соль»

Самое массовое в истории России отравление произошло в начале прошлого года в Тюменской области.

С одной из птицефабрик украли девять бочек масляного концентрата витамина Д-3. Концент-

рат в микроскопических дозах добавляют в корм несушкам, чтобы укрепить кости. В больших дозах это яд. Д-3 способствует тому, чтобы на стенках сосудов откладывался кальций. Он затрудняет ток крови. Развивается острая почечная недостаточность.

На беду, концентрат и по вкусу, и по запаху похож на растительное масло. Свыше полутора тонн убийственного витамина, украденного с птицефабрики, привезли в магазины. Там у воров не спросили ни сертификатов, ни сопроводительных документов — главное, что «масло» было дешевым. Его быстро раскупили: до того, как хватились милиция и санитарные врачи, люди успели съесть уже около 500 килограммов.

Свыше тысячи человек поступили в тюменскую больницу, пришлось ставить сотни дополнительных коек. Многие были в тяжелом состоянии. К счастью, никто не погиб, но десятки, видимо, приобрели хронические заболевания почек.

Раньше по ошибке отраву только пили. Теперь и едят. Еще лет пять назад никому не приходило в голову тащить с мясокомбината соль. Нынче это сплошь и рядом. Но трагедия в том, что в мясной промышленности применяется нитрат натрия, один к одному на соль похожий. Его добавляют в крошечных дозах в колбасу, чтобы она стала симпатично-розовой (без него она была бы серой, как ливерная).

А в больших количествах этот нитрат — яд. Он переводит гемоглобин в другую форму, которая не может связывать кислород. Развивается тканевая гипоксия (недостаток кислорода). Даже если медики ставят правильный диагноз, спасти человека не всегда удается.

В этом году нитратом натрия отравились 100 человек; 8 из них

умерли. Случаи похожи, как близнецы. С мясокомбината утаскивают «соль». Яд лежит у запасливой хозяйки — на черный день. Но однажды к плите становится не она, а дочь, сестра, племянница. Находит яд в кухонном шкафчике... Таким вот образом только в Туле отравились 8 человек.

Случай в Кыштыме выбивается из общего ряда: нитратом солили блюда в рабочей столовой! Свыше полусотни человек попали в тяжелом состоянии в больницу. Один умер. Как попал яд в общепит? На этот вопрос пытается ответить прокуратура. А мне не дает покоя вот что: если нитрат натрия хранится на мясокомбинатах так, что его можно украсть, то кто даст гарантию, что пригоршню-другую яда не всыпят когда-нибудь в колбасу?

Итальянский горошек

В декабре прошлого года все санитарные врачи Москвы были поставлены «под ружье». Искали итальянский горошек... Приблизился Новый год, хозяйки расхватывали зеленый горошек, а где-то в столице могли продаваться банки, зараженные ботулизмом.

Для тех, кто не знает: ботулизм (от латинского слова *botulus* — колбаса) — сильнейший яд, который может вырабатываться в консервах, рыбе, сале, колбасе... Это второй после грибов виновник «пищевых смертей» в стране. В прошлом году ботулизмом заразилось около 600 человек, 26 умерли.

Кроме слабости, рвоты, характерных для всех отравлений, ботулизм имеет и другие симптомы: сухость в горле, двоение в глазах, головную боль, затрудненную речь. Болезнь протекает тяжело, умирает каждый десятый. Врачи спасают больного (есть специальная противоботулическая сыворотка), но

только если он вовремя обратился к медикам. Того, кто два-три дня промедлил, вылечить бывает трудно.

Ботулизм по виду консервной банки не распознаешь: она не вздувается, содержимое не плесневеет. Даже по вкусу отравленный продукт ничем не отличается от хорошего. Ботулизму не страшна высокая температура — яд не погибает при нагревании.

— Слава Богу, — говорит Лидия Терешкова, начальник отдела гигиены питания Госкомсанэпиднадзора России, — что ботулизм очень редко встречается при промышленном консервировании. На 99 процентов он — домашнего происхождения. Если бы в массовом производстве допускали ботулизм, смерти исчислялись бы сотнями.

До сих пор в России лишь однажды находили ботулизм в промышленных консервах. Это произошло в прошлом году — в банке итальянской тушенки «Монтана». Пять человек, целая московская семья, заболели. Ребенок умер.

Санитарные врачи отыскивали, изъяли всю партию этой тушенки. Оказалось, что больше ни в одной банке ботулизма нет.

И вот теперь горошек...

Началась эта история в Туле. Женщина почувствовала себя плохо, обратилась к врачу. Поставили диагноз: острая сердечная недостаточность. Сделали укол, дали таблетки. Вскоре ей стало легче. Она вернулась из больницы домой, полистала медицинские справочники (женщина работала врачом), и ей пришло в голову: а может, это ботулизм? Все симптомы совпали; незадолго до болезни она ела зеленый горошек. В холодильнике еще оставалась недоеденная банка. Она понесла ее в санэпидстанцию. Сделали анализ.

Опасения женщины подтверди-

лись: горошек был заражен. Быстро нашли продавцов. Торговали они на рынке, и горошка успели продать всего ящик. В Туле стали искать тех, кто купил. К счастью, никто не успел отравиться.

Но откуда горошек попал в город? Продавцы рассказали: купили в Москве на оптовом рынке. На каком? «Не помним, мы Москву плохо знаем — то ли в Медведково, то ли в Орехово».

Тут же дали знать в Москву. Отправили в столицу этикетку от банки.

Недели напряженных поисков так и не дали результатов. Итальянский горошек словно растворился в бескрайних российских просторах...

Возможно, его найдут, будем надеяться на лучшее. Будем надеяться, что, как и в случае с тушенкой, была заражена всего одна банка. Но, как говорится, на Бога надейся, а сам не плошай. Как уберечься от ботулизма?

— Когда мы расследуем случаи тяжелых заболеваний, — отвечает Лидия Терешкова, — обычно оказывается, что отравились консервами домашнего приготовления, причем не своими собственными, а купленными где-то. Категорически не рекомендую приобретать где бы то ни было самодельные консервы. Ни в коем случае не советую покупать на диких рынках сало или вяленую рыбу. А когда вы сами консервируете фрукты, овощи, грибы, тщательно их сортируйте, чтобы не было подгнивших, мятых, замороженных. Продукты, особенно грибы, обязательно промывайте проточной водой, а не полощите их в кастрюле. И еще. Когда закатываете, тщательно выдерживайте температурный режим. Так называемые «пятиминутки» делать не рекомендую. И не советую закрывать жареные или соленые грибы и овощи не герметичной, а пластмас-

совой крышкой или пергаментной бумагой.

Сарделька замедленного действия

Мой знакомый не устоял — возвращался с работы, купил с рук у метро сардельки. Дома сварил, поужинал. Ночью ему стало плохо. Промаялся два дня. Потом отпустило. Сарделька забылась, но спустя пару месяцев ни с того ни с сего опять заболел желудок.

Пошел к врачу, думал: может, язва. Доктор поставил диагноз: колит (желудочная инфекция). А причиной, сказал врач, вполне могла быть та самая сарделька. Инфекция, попавшая вместе с ней в желудок, дремала, и достаточно было жирной или острой пищи (или просто усталости), как она вспыхнула с новой силой.

Чаще всего, конечно, люди страдают не от смертельных ботулизма или поганок, а от обыденных инфекций, попадающих в пищу: стафилококка, кишечной палочки, сальмонеллы. Такие случаи специалисты называют пищевыми интоксикациями, или «мягкими отравлениями».

Статистика учитывает только случаи «массового отравления». Читаешь сообщения и понимаешь, почему народная молва не рекомендует есть в общепите рубленое мясо, пирожные, салаты. Случай в поселке Кировском (Калмыкия): 12 человек отравились салатом «Оливье». В поселке Чкаловском (Оренбургская область) в детском саду заболели 20 ребят и двое взрослых — поели торт, приготовленный местными кондитерами.

Раньше, утверждают санитарные врачи, чаще всего пищевые интоксикации вызывали столовские макароны по-флотски. Теперь — повсеместно популярный салат «Оливье», он же «Столичный». Это

легко объяснить. Когда пища перемешивается — салат, винегрет, крем, фарш для котлет — один небольшой зараженный участок может испортить все блюдо. Кондитерские кремы вдобавок не нагреваются, поэтому у микробов больше шансов уцелеть.

Несколько мер предосторожности рекомендуют санитарные врачи. Меры — элементарней некуда, но голод не тетка, и мы нет-нет, да соблазнимся ароматным шашлычком, что предлагает у вокзала румяный джигит, или сметанкой вполцены, которую расставила прямо на земле бойкая хохлушка.

Не поддавайтесь искушению! — криком кричат врачи. В Москве было немало случаев, когда для шашлыков использовали, как изящно сказано в официальной бумаге, «мясо домашних животных». После этого шашлычников в столице прихлопнули, но они перебрались на обочины автострад и в более тихие города. А у приезжих из Украины и Белоруссии вы легко можете купить за те же деньги вместе с салом, сыром и простоквашей если не ботулизм, то кишечную палочку, стафилококк или сальмонеллез.

Та же кишечная палочка есть в любом наисвежайшем продукте, но не в больших количествах. Когда сардельку везут, задохнувшуюся на багажной полке, через две таможи, палочка размножается стремительно, как таракан. А потом с удовольствием селится в вашем желудке. Стало быть, не покупайте провизию с рук, обходите сомнительный общепит и смотрите на срок годности товара, — советуют врачи.

На упрек: «А что же вы допускаете на улицы городов всех этих торговцев съестным?» — в Госкомсанэпиднадзоре резонно отвечают: «Не может санитарный врач разгонять торговков. Нет у него ни вла-

сти, ни сил для этого. Городские руководители должны запрещать торговлю с рук, а милиция — следить, чтобы этот запрет исполнялся».

Но если вы купили (или вырастили сами) только проверенные, доброкачественные продукты, значит ли, что от отравлений вы уберетесь на сто процентов? Нет, только на 99. Инфекция может попасть в пищу из ранки на вашей руке. Или, извините, изо рта, если вы блюдо попробовали, а потом той же ложкой снова стали помешивать...

— Предосторожности всем известны, но это не значит, что все их исполняют, — говорит Лидия Терешкова. — Продукты и руки моет, надеюсь, перед готовкой, каждый. Но бывает, что, порезав мясо, не моют тщательно доску, а потом на ней же режут хлеб. Сырое мясо или курица не должны касаться других продуктов или лежать на верхней полке в холодильнике. Мясо не стоит есть, когда оно полусырое, с кровью, а котлеты лучше минут десять перед подачей на стол потушить в духовке. А если у вас на пальце ранка, перед готовкой заклейте ее пластырем или наденьте напалечник.

Норма для «корма»

Радиации мы боимся не только потому, что она всепроникающа и смертельна, а потому, что незаметна. Ты ничего не чувствуешь, не замечаешь, как в тебя проникают смертоносные рентгены.

Может, самые опасные не те блюда, от которых заболеваешь немедленно, а те, что содержат убийственные добавки без вкуса и запаха?

В продукты попадают вредные вещества: свинец, кадмий, ртуть, нитраты, пестициды, нитрозоамины, антибиотики. Попадают из воз-

духа — их усваивают растения (не стоит, кстати, ничего выращивать или же собирать грибы близ дорог: содержание свинца в такой флоре в сотни раз выше, чем в тихом месте); попадают в корм животным, в воду, которую они пьют. Изначальные виновники — электростанции, автомобили, заводы, удобрения...

Если не хотим снова ездить на лошадях и коротать вечера при лунине, придется примириться с таблицей Менделеева в наших продуктах. Тут весь вопрос (как в случае с нитратом натрия или витамином Д-3) — в дозах. Сколько того же свинца можно допустить в продуктах? А если будет «перебор», к чему это приведет? Как повредит здоровью?

Ученые изучают эти вопросы (ответить на них исчерпывающе весьма сложно) десятилетиями. И разрешают пищевикам такое содержание вредных веществ в продуктах, чтобы человек за всю свою жизнь не набрал опасной дозы. Японцы, например, хлеба едят мало, а риса — много. Поэтому у них допустимое содержание вредных веществ в хлебе выше, чем у нас, а в рисе — ниже.

Недавно ученые установили, что повышенное содержание свинца в крови человека резко снижает его интеллектуальный уровень. Врачи еще в два раза ужесточили санитарные нормы по этому элементу. (Но, может, все мы объелись свинца раньше?..)

Неприятнее всего, что ни на взгляд, ни на вкус не определишь, сколько «химии» в продукте, который ты ставишь на стол. Никаких рекомендаций, как уберечься от кадмия или антибиотиков, дать невозможно. Нам остается только полагаться на санэпидслужбы, на их дотошность и порядочность.

Может быть, лучше вовсе не задумываться об этих нитрозоаминах и тяжелых металлах? Меньше зна-

ешь — крепче спишь? Кому как. Для тех же, кто предпочитает смотреть опасности в лицо, кого беспокоят и радиация, и нитраты, сообщу несколько прелюбопытных цифр.

В 1993 году службы Госсанэпиднадзора взяли по всей России пробы на тяжелые металлы и ртуть общим числом 208 961. Из них 1,58 процента не отвечали гигиеническим нормативам. А в Тюменской области этот показатель составил 12,45 процента.

На радиоактивность взяли во всей России 186 270 проб. Забраковали меньше одного процента (0,83). Но в Брянской области «фонило» почти 11 процентов исследованной пищи!

По нитратам нормативы превышены в 3,89 процента случаев. Но в Курганской области и на Чукотке этот показатель почему-то больше в пять раз.

E121, E123, E330...

— Я покупаю только наши! — воскликнула Вера Михайловна Писарева в ответ на вопрос, как она сама определяет, какие импортные продукты стоит брать, а какие нет.

Надо думать, Вера Михайловна знает, что делает, потому что она руководит фирмой «Тест» (подразделение В/О «Союзэкспертиза» Торгово-промышленной палаты России), которая сертифицирует импортные продукты.

Запад сваливает нам свои самые негодные товары — это мнение недалеко от истины. Только, поправляет Писарева, логическая цепочка должна быть иной: россияне в большинстве своем не могут покупать дорогие продукты — поэтому наши коммерсанты приобретают на Западе самые что ни на есть дешевые, накидывают к цене свою изрядную долю прибыли и продают нам. «Красную датскую

колбасу, — говорит Писарева, — на Западе едят безработные, бродяги; в нее добавляют красители, чтобы глаз привлекала, ароматизаторы, чтобы пахла, как копченая...»

Около двух тысяч тонн импортных продуктов забраковано за 9 месяцев прошлого года. Но Писарева считает, что проблема отравления западной пищей — не самая актуальная. Дешевый продукт — не обязательно ядовитый продукт. А соблюдать осторожность следует вот в чем: наши коммерсанты в погоне за длинным рублем порой покупают съестное в странах «третьего мира». Там нормативы по части содержания вредных добавок куда вольготнее, чем в развитых государствах. Так что если санэпиднадзор не уловит негодный товар, вы рискуете съесть «не то».

И еще: предприниматели зачастую покупают на Западе съестное со сроком годности, который вот-вот истечет (такие продукты там раз в пять, а то и в десять дешевле, чем свежие). Пока этот товар доберется до России (а потом еще, бывает, его перепродадут пару раз) — срок годности истекает. Таким вот продуктом и отравиться недолго. Так что не считите за труд — перед покупкой посмотрите на цифры, что проставлены на упаковке. Кстати, если срок годности или дата выработки на продукте отсутствуют, специалисты советуют его вовсе не покупать — скорее всего он «произведен» где-нибудь в стамбульском подвале.

Время от времени вспыхивают разговоры, что чай (жвачка, колбаса) той или иной фирмы радиоактивны или канцерогенны. Специалисты считают сие досужими вымыслами, а скорее всего провокацией, которую запускают конкуренты якобы «радиоактивного» товара. Или вдруг откуда ни возьмись появляются сообщения: добавка E330 (подобными индексами на За-

паде обозначают пищевые добавки) — на самом деле радиоактивна. А она чуть не в каждом втором импортном товаре присутствует. Пищевики, ученые и практики просто руками разводят: откуда что берется? E330 — ни больше ни меньше — концентрат лимонной кислоты. Какая радиоактивность?! А вот добавки под индексами E123 (пищевой краситель — амарант), E121 (пищевой краситель «цитрусовый красный № 2») и E240 (консервант — формальдегид) в нашей стране запрещены. Так что если вдруг увидите эти цифры на какой-нибудь упаковке, покупать этот продукт не стоит.

Самая важная проблема в отношении западных яств, считает Вера Михайловна Писарева, это подделки. Всем известен, например, коньяк «Солнечный берег» — тот, что в бутылках, как граната. На самом деле никакой это не коньяк, не бренди, а просто разведенный спирт, куда подмешаны красители и ароматизаторы. Итальянское шампанское, продающееся в ларьках, тоже, как правило, не шампанское вовсе, а газированный раствор спирта. Индусы вообще побили все рекорды: один и тот же раствор спирта присылали то под этикеткой «виски», то «бренди», то «джин», а то «ликер»!

Спиртное среди импортных товаров фальсифицируют чаще всего. На втором месте — кофе.

Писарева советует обходить стороной растворимый кофе, сделанный в США, в двухсотграммовых картонных коробках с бумажной этикеткой. Как правило, в них кофе вовсе нет!

А что же там? Смесь растительного происхождения, куда добавлен кофеин. Эти коробки подделываются под известные марки: COFEE PELE BRAZIL (с чудной надписью — Product of Brazil, Made in U.S.A.) и NESS-COFEE (не путать

с NESCAFE, самый лучший, как полагают спецы, из растворимых — особенно хорош тот, что сделан в Индии).

Часто подделывают мясные изделия. Если на консервной банке стоит meat in own juice («мясо в собственном соку») — как правило, это никакое не мясо, не тушенка, а что-то вроде колбасного фарша. Конечно, не заболеете, не умрете, но настроение себе испортите — ведь вас обманули!

Вера Писарева не покупает «заморское» не потому, что отравиться боится, а потому, что наши продукты, убеждена она, лучше. И конфеты лучше закордонных, и колбаса, и тем более водка — наша «кристалловская» ничем не уступает «Абсолюту», водкам «Смирнофф» и «Финляндия», а стоит в пять раз дешевле.

А если учесть, что спиртное порой оберегает от пищевых отравлений, — самое время пропустить рюмочку-другую, если только бутылку вы не в коммерческом киоске купили...

Ну, будем здоровы?

КЛИВЛЕНД

ЛОУРЕНС БЛОК

МОИХ СНАХ

- **И**так, — начал Лебнер, — вы по-прежнему видите этот сон.

— Каждую ночь.

— И всегда одно и то же? Может, вы еще раз перескажете мне ваш сон?

— О Господи, — выдохнул Хэкетт. — Сон тот же самый. Мне звонят, говорят, что я должен ехать на машине в Кливленд. Я еду, потом возвращаюсь. Конец сна. Какой смысл в том, что, приходя к вам, я всякий раз повторяю одно и то же? Или вы сразу забываете мой сон?

— Любопытная мысль, — отметил Лебнер. — Почему вы предположили, что я забываю ваш сон?

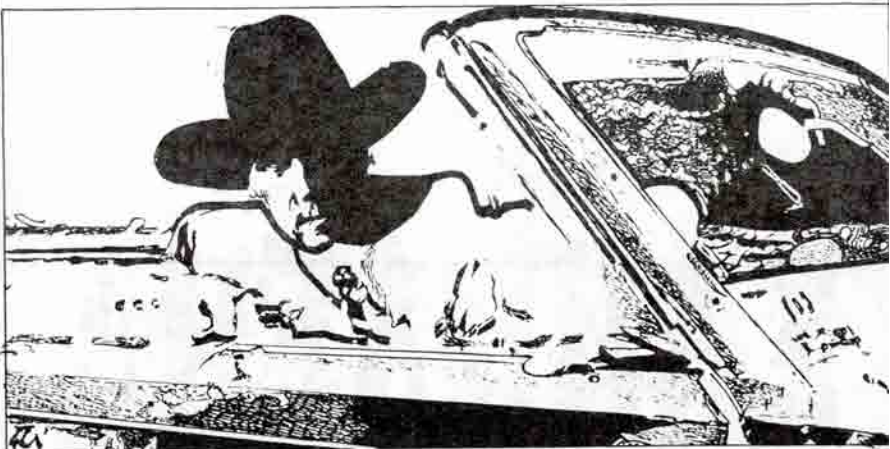
Хэкетт застонал. Этих мерзавцев в угол не загонишь. Всегда найдутся с вопросом. Уж этому-то их в школе психоаналитиков научили.

— Разумеется, я помню ваш сон, — продолжал Лебнер. — Но важны не мои воспоминания, а ваше восприятие этого сна. Если вы еще раз перескажете его во всех подробностях, возможно, всплывет что-то новое.

Да что там могло всплыть! На удивление занудный сон. И таким он был с первого раза, когда приснился Хэкетту несколько месяцев тому назад. И еще, ночное повторение не отличалось разнообразием. И все-таки Хэкетт надеялся, что беседа с психоаналитиком принесет какую-то пользу. Если пролежать молча на его кушетке все пятьдесят минут, того гляди, и заснешь.

Чтобы увидеть тот самый сон.

— Сон один и тот же и всегда начинается одинаково. Я лежу в

кровати. Звонит телефон. Я снимаю трубку. Голос приказывает мне немедленно ехать в Кливленд.

— Вы узнаете голос?

— Я слышал его в других снах. Голос тот же самый. Но ни у кого из моих знакомых такого голоса нет.

— Интересно, — покивал Лебнер.

Для вас, подумал Хэкетт.

— Я встаю, одеваюсь. Не бреюсь. Слишком тороплюсь. Я должен уехать в Кливленд как можно быстрее. Иду в гараж, открываю дверцу автомобиля. На переднем сиденье лежит брифкейс. Я должен отвезти его в Кливленд и передать по известному мне адресу.

Я сажусь в автомобиль, выезжаю из гаража. Еду по автостраде 1—71. Это самый короткий путь, примерно двести пятьдесят миль. Еду я быстро, шоссе в это время пусто. Но все равно на дорогу уходит около четырех часов.

— Адрес назвал вам голос в телефонной трубке?

— Нет, я почему-то знаю, куда надо отвезти брифкейс. Может, в первый раз адрес мне и назвали, сейчас не вспомнить, но теперь я знаю маршрут и пункт назначения. Я заезжаю на подъездную дорожку, нажимаю на кнопку звонка, дверь открывается, женщина берет у меня брифкейс, благодарит...

— Женщина берет у вас брифкейс? — переспросил Лебнер.

— Да.

— Как она выглядит?

— Точно сказать не могу. Просто выглядывает из двери, берет брифкейс, благодарит меня. Я не уверен, что всякий раз это одна и та же женщина.

— Но всегда женщина?

— Да.

— Как по-вашему, почему?

— Не знаю. Может, мужа нет дома, может, он работает по ночам.

— Она замужем, эта женщина?

— Не знаю. Я ничего о ней не знаю. Она открывает дверь, берет брифкейс, благодарит меня, и я иду к моему автомобилю.

— Вы никогда не входите в дом? Она не предлагает вам чашечку кофе?

— Я очень тороплюсь. Мне надо вернуться домой. Я выезжаю с подъездной дорожки и мчусь обратно. До дома двести пятьдесят миль, а я уже смертельно устал. Через четыре часа я вновь дома. Тут же ложусь в кровать.

— И что потом?

— Едва я успеваю заснуть, как звонит будильник. Пора вставать. Я никак не могу выспаться. Накапливается усталость, работа валится из рук, иной раз прямо за столом возникают галлюцинации. Я не могу этого выносить. Не могу!

— Понятно, — кивнул Лебнер. — Я вижу, что ваш час подошел к концу.

— Теперь давайте поговорим о брифкейсе, — предложил Лебнер при их следующей встрече. — Вы не пытались его открыть?

— Он заперт.
— Ага. А ключа у вас нет?
— Замок наборный. Открывается комбинацией из трех цифр.
— Комбинацию вы не знаете?
— Естественно, нет. И потом, я не должен открывать брифкейс. Мне надо его только передать.
— И что, по-вашему, в брифкейсе?
— Не знаю.
— Но что там может быть?
— Понятия не имею.
— Может, государственные секреты? Наркотики? Наличные?
— Там может быть и грязное белье, — ответил Хэкетт. — От меня требуют одного — отвезти брифкейс в Кливленд.

— Вы всегда следуете одним маршрутом? — полюбопытствовал Лебнер в следующий раз.

— Конечно. В Кливленд другого пути и нет. По автостраде 1—71.

— А у вас не возникало желания изменить маршрут?

— Один раз я поехал другим путем, — вспомнил Хэкетт.

— Каким же?

— По 1—71 я доехал до Дэйтона, потом по 1—70 до Колумбуса, после чего вновь выехал на 1—71. Хотелось как-то разнообразить маршрут, а чего я добился? Удлинил себе путь на тридцать пять миль, дорога заняла на полчаса больше, так что будильник зазвонил, едва я улегся в кровать.

— Понятно.

— Больше не экспериментировал. Поверьте мне, куда проще ехать во сне по одной автостраде.

Лебнер умер.

Звонок секретаря доктора потряс Хэкетта. Из месяца в месяц он каждую неделю приходил к Лебнеру, пересказывал свой сон в надежде вспомнить какую-то мелочь, которая навсегда освободит его от дальних поездок в Кливленд. И когда он уже почти смирился с тем, что мелочи этой ему не вспомнить, Лебнер покинул его.

Он заставил себя позвонить секретарю, спросил, от чего умер Лебнер.

— Сердечный приступ, — ответила женщина. — Он умер во сне. Заснул и не проснулся.

Потом Хэкетт вообразил, что теперь его сон снится Лебнеру. Психоаналитик каждую ночь будет подниматься из могилы, чтобы отвезти этот чертов брифкейс в Кливленд, а он, Хэкетт, — почивать без сновидений.

Мысль эта согрела его душу, и в ту ночь он улегся в постель, не сомневаясь, что так оно и будет. Но, едва его сморил сон, зазвонил телефон, и голос на другом конце провода сказал, что ему надо делать.

— Я не собирался обращаться к другому психоаналитику, — объяснял Хэкетт, — потому что чувствовал, что с Лебнером мы

ничего не добились. Но и сам не могу выбраться из этого тупика. Каждую ночь снится этот чертов сон. Я пришел к вам, потому что не знаю, как мне быть.

— Здоровое решение, — кивнул его новый психоаналитик Крулл. — Именно поэтому люди к нам и приходят.

— Полагаю, вы хотите, чтобы я рассказал вам свой сон.

— Особого желания не испытываю.

— Не испытываете?

— По своему опыту я знаю, что нет ничего зануднее чужого сна. Но, возможно, начинать лучше именно с этого, так что давайте вас послушаем.

Пока Хэкетт пересказывал сон, сидя на жестком стуле, а не лежа на кушетке, Крулл нетерпеливо ерзал в кресле. Возрастom новый психоаналитик был не старше Хэкетта, в брюках и рубашке с коротким рукавом цвета хаки, на нагрудном кармане темнел вышитый крокодильчик. Чисто выбрит, аккуратно подстрижен и в отличие от Лебнера абсолютно не соответствовал общепринятому образу психоаналитика.

— Что вы теперь намерены мне предложить? — спросил Хэкетт, закончив рассказ. — Я сам должен постараться осознать, что означает этот сон, или вы скажете, что он может означать?

— Кого это волнует?

Хэкетт вытаращился на психоаналитика.

— Вам ведь наплевать, что означает этот сон, не правда ли?

— Ну, я...

— Я хочу сказать: в чем суть проблемы? — оборвал его Крулл. — Не в том, что вы влюблены в свое пальто, так? И нет у вас тайного желания поучаствовать в съемках порнографического фильма. Вас волнует одно: вы не можете выспаться. Я прав?

— Да, — кивнул Хэкетт. — Правы.

— Этот неудобоваримый сон донимает вас каждую ночь?

— Каждую. Если только я не принимаю таблетку снотворного.

Раз шесть я пил эти таблетки. Просыпался разбитый, весь день ходил с большой головой, как после крепкой выпивки. Да и вообще, не жалуя я лекарства.

— М-м-м-м. — Крулл заложил руки за голову, откинулся на спинку кресла. — Давайте разбираться. Сон вас пугает? Он наполнен ужасом?

— Нет.

— Вы испытываете боль? Страдания?

— Нет.

— Значит, единственная проблема — усталость?

— Да.

— Вполне естественно, что вы испытываете усталость. Каждую ночь отмахивать за рулем по пятьсот миль вместо того, чтобы спать. Неудивительно, что днем вы не в своей тарелке. Вы со мной согласны?

— Да.

— Другого ответа я и не ждал. Вы не можете каждую ночь проезжать по пятьсот миль и днем быть как огурчик. Но, — Крулл наклонился вперед, — готов спорить, половина дистанции вам по силам, так?

— Что вы хотите этим сказать?

— Я хочу сказать, что разрешить вашу проблему легко.— Крулл что-то записал в блокноте, вырвал лист и протянул его Хэкетту.— Вот мой домашний телефон. Когда этот парень позвонит и скажет, что вам надо ехать в Кливленд, я хочу, чтобы вы перезвонили мне.

— Подождите, подождите, — замахал руками Хэкетт.— Это же происходит во сне. Как я смогу перезвонить вам?

— Вы перезвоните мне во сне. Я приеду к вам, сяду в ваш автомобиль, и мы вместе поедem в Кливленд. Отдав брифкейс, вы уляжетесь на заднее сиденье, и я отвезу вас домой. То есть на обратном пути вы сможете поспать четыре часа.

Хэкетт тряхнул головой.

— Давайте разберемся. Значит, мне звонят, потом я звоню вам, и мы вдвоем едем в Кливленд. Я веду автомобиль туда, а вы — обратно, а я в это время сплю на заднем сиденье.

— Все правильно.

— Вы думаете, это поможет?

— Почему нет?

— Вред какой-то, но давайте попробуем.

На следующее утро Хэкетт позвонил Круллу.

— Не знаю, как и отблагодарить вас.

— Сработало?

— Как часы. Мне позвонили, я позвонил вам, вы приехали, и мы вместе отправились в Кливленд. Я сидел за рулем по пути туда, вы вели автомобиль обратно, я проспал на заднем сиденье три с половиной часа, и у меня такое ощущение, будто я заново родился. Я и представить себе не мог, что такое возможно, но ваша идея сработала.

— Я предполагал, что так оно и будет. Просто не забывайте звонить мне всякий раз, когда вам приснится этот сон. А через неделю позвоните мне наяву и расскажите, как идут дела.

Через неделю Хэкетт позвонил.

— Все складывается как нельзя лучше. Я уже с нетерпением жду телефонного звонка, потому что знаю, что в Кливленд поеду в хорошей компании. Поговорить с вами — одно удовольствие, а на обратном пути я сплю. Я так вам благодарен!

— Искренне рад за вас, — ответил Крулл.— Жаль, что не со всеми пациентами удается так быстро добиться желаемого результата.

Действительно, лучшего желать и не приходилось. Каждую ночь Хэкетту снился все тот же сон, каждую ночь он ехал в Кливленд, а на обратном пути за руль садился психоаналитик. О чем они только не говорили по пути в Кливленд: женщины, бейсбол, императив Канта, даже о том, когда пора менять бритвенный станок. Иногда речь заходила о личной жизни Хэкетта, и он чувствовал, что разговоры эти помогают ему понять себя. Он даже задался вопросом, а не следует ли оплачивать услуги Крулла, о чем следующей ночью и спросил психоаналитика. Крулл успокоил его: «В конце концов вы же платите за бензин».

Здоровье Хэкетта быстро шло на поправку. Он куда лучше справлялся с работой. Появился интерес к женщинам, пропавший начисто после того, как начались поездки в Кливленд. Он словно родился вновь, ему открылись радости жизни.

А потом Хэкетт случайно встретил Феверелла.

— Господи! Майк Феверелл.

— Привет, Джордж!

— Как поживаешь, Майк? Сколько же лет я тебя не видел?

Выглядишь ты...

— Выгляжу ужасно, — прервал его Феверелл. — Не так ли?

— Ну, не скажи.

— Спорить тут не о чем, потому что это правда. Выгляжу я ужасно и знаю, почему.

— Как твоё здоровье, Майк?

— Здоровье? В этом-то все и дело. Со здоровьем у меня полный порядок. Не знаю, сколько я еще протяну, чтобы не свалиться замертво, но пока грех жаловаться на здоровье.

— А что не так?

— Стыдно сказать.

— Да ты не стесняйся.

— Повторяющийся сон, — признался Феверелл. — Я вижу его каждую ночь, и он сводит меня с ума.

Хэкетт взял приятеля за руку.

— Давай-ка выпьем пива, и ты мне все расскажешь.

— Глупость какая-то. Юношеская фантазия. Мне стыдно об этом говорить, но я ничего не могу с этим поделать.

— Рассказывай, рассказывай, — улыбнулся Хэкетт.

— Каждую ночь одно и то же. Я ложусь спать, и тут же раздаётся звонок в дверь. Я встаю, надеваю халат, открываю дверь. На пороге три молодых женщины. Они хотят войти и немного поразвлечься.

— Поразвлечься?

— Они хотят, чтобы я их трахнул.

— И?

— А что мне остается?

— По-моему, роскошный сон. — У Хэкетта зажглись глаза. —

Мне кажется, за такой сон многие согласились бы заплатить.

— Ты полагаешь?

— А в чем, собственно, проблема?

— Проблема в том, что для меня это перебор. Ублажив их всех, я напоминаю выжатый лимон, кулем падаю на кровать, но, как только моя голова касается подушки, звонит будильник. Пора вставать и идти на работу. Я слишком стар для трех женщин в одну ночь, а эти малышки хотят, чтобы я отработал с ними по полной программе. Вся ночь уходит на то, чтобы удовлетворить их, а на день у меня просто не остается сил.

— Любопытно. — В голосе Хэкетта послышались интонации безвременно почившего доктора Лебнера. — Скажи-ка, женщины всегда одни и те же?

Феверелл покачал головой.

— Если бы! Каждую ночь приходят новые женщины, и роднит их только одно: все они красавицы. Высокие, низенькие, блондинки, брюнетки, русые. Как-то пришла лысая.

— Как интересно!

— Кому интересно, а кому кость в горле. Я не могу устоять, не могу отказать им, но, скажу честно, вздрагиваю при каждом звонке в дверь. — Он вздохнул. — Вероятно, причину надо искать в том, что год тому назад я развелся и еще не привык жить один. Или она зарыта глубже?

— Кого это волнует?

Феверелл вытаращился на него.

— Подумай сам, какая разница, в чем причина твоего сна? Проблема в самом сне, не так ли?

— Пожалуй, да. Но...

— Дело в том, — уверенно продолжал Хэккетт, — что проблема и не в самом сне. Проблема в том, что женщин слишком много.

— Ну...

— Если б приходила одна женщина, ты бы не возражал?

— Скорее всего нет... но каждый раз приходят три, а я, хоть и хочу, не могу сказать двоим, что они свободны.

— Допустим, тебе пришлось бы ублажать только одну. Ты бы с этим справился?

— Несомненно, но...

— И успел бы выспаться после ее ухода?

— Да, конечно, но...

— И утром чувствовал бы себя очень бодрым. Просыпаться после такого сна одно удовольствие, не так ли?

— К чему ты клонишь, Джордж?

— Все просто. Просто, как апельсин.

Хэккетт достал визитку, что-то написал на ней.

— Номер моего телефона. — Он протянул визитку Февереллу. — Бери.

— И что мне с ним делать?

— Запомни его. А когда тебе позвонят в дверь, перезвони мне.

— Что ты хочешь этим сказать? Я должен проснуться и позвонить тебе? А что потом? Как с «Анонимными алкоголиками»? Ты придешь, напоишь меня кофе и будешь отговаривать от сна?

Хэккетт покачал головой.

— Просыпаться не нужно. Позвони мне во сне. Сначала позвони, а потом открывай дверь девицам.

— А зачем?

— Затем, что у меня есть приятель, кстати, психоаналитик, обаятельнейший человек. Ты позвонишь мне, я — ему, и мы вдвоем приедем к тебе.

— Ты собираешься ночью завалиться ко мне с психоаналитиком?

— Все это будет во сне, — напомнил ему Хэккетт. — Мы придем, ты выберешь себе одну женщину, вторую возьму я, третью — мой приятель. После того как твоя женщина получит все, что хотела, ты сможешь выспаться и утром будешь в полном порядке. И так будет каждую ночь, когда тебе приснится этот сон. Всего-то делов — позвонить мне. Мы придем и поможем тебе.

Феверелл смотрел на него во все глаза.

— Если только это работает.

— Обязательно работает. Позвони мне. И все будет хорошо.

На следующее утро, направляясь на работу, Хэкетт пребывал в прекрасном расположении духа. Он отдал долг Круллу. Доктор помог ему, он — другому страждущему. За добро отплатил добром. Все утро он ждал звонка Феверелла.

Тот не позвонил. Ни тем утром, ни следующим, ни через неделю. И Хэкетт не мог заставить себя позвонить Февереллу.

Вновь они встретились случайно. Выглядел Феверелл чудовищно: круги под глазами, серая кожа, дрожащие руки.

— Майк! — воскликнул Хэкетт. — Майк, с тобой все в порядке?

— А по мне не видно?

— Выглядишь ты ужасно, — признал Хэкетт.

— А чувствую себя еще хуже.

— Майк, что случилось?

— Что случилось? Ты знаешь, что случилось. Я же тебе все рассказал. Или ты забыл?

Хэкетт вздохнул.

— Все тот же сон?

— Естественно, все тот же чертов сон!

— Майк, помнишь, я просил тебя позвонить мне до того, как откроешь дверь?

— Разумеется, помню.

— И что?

— Каждую ночь я тебе звонил, только толку от этого никакого.

— Звонил?

— Звонил, звонил, каждую чертову ночь.

— И я к тебе приходил? Вместе с приятелем?

— Да, да, со знаменитым психоаналитиком. С которым я должен был познакомиться, но не познакомился, потому что ко мне не приходили ни он, ни ты. Каждую ночь я тебе звоню, и каждую ночь ты бросаешь трубку.

— Я бросаю трубку? — изумился Хэкетт. — Да быть такого не может! Зачем?

— Откуда мне знать. Не имею ни малейшего понятия. Но всякий раз, когда я тебе звоню, ты не даешь мне сказать ни слова. «Извините, — слышу я, — но сейчас я не могу с вами говорить. Я еду в Кливленд». Это же надо, в Кливленд! И ты бросаешь трубку.

Перевод с английского ВИКТОРА ВЕБЕРА.

"МИР

ИВАН ЗЮЗЮКИН

ДЛЯ НАС

Драмы великих сердец

Однажды, придя в восторг от нового стихотворения входившего в литературу Лермонтова, В. Г. Белинский с радостью возвестил: «Появился третий великий поэт!..» От кого же критик вел счет? Ответ один и другого быть не может: первым великим поэтом на Руси стал Жуковский. Тропу русской поэзии, проторенную Ломоносовым и Державиным, он превратил в столбовую дорогу. По ней пошли остальные русские поэты, в том числе и вознесшийся над всеми гениальный Пушкин. К его стихам, вынесенным в эпитафию, добавим также его благодарные слова: «Я не следствие, а точно ученик его... Никто не имел и не будет иметь слога, равного в могуществе и разнообразии слогу его».

Талант Жуковского многогранен. Он блистательно писал исторические баллады, эпические поэмы, романтическую прозу и

СНЯЛ

*Его стихов пленительная сладость
Пройдет веков завистливую даль,
И внемля им, вздохнет о славе младость,
Утешится безмолвная печаль
И резвая задумается радость.*

(Пушкин. К портрету Жуковского)

ВЕСНОЮ..."

сказки для детей. И все же, думается, в поэтическом венце Жуковского самыми яркими и чистыми алмазами были и останутся стихи о любви. Его Любви — великой и бессмертной, как его имя. И о ней — наш рассказ...

Но сначала несколько слов о происхождении Жуковского. Оно, мы увидим, сыграет в его судьбе существенную, а подчас роковую роль.

Василий Андреевич Жуковский был внебрачным сыном русского дворянина Афанасия Бунина и пленной турчанки Сальхи. Отчество и фамилию он получил, как водилось в то время, от своего крестного отца — обедневшего помещика Жуковского, соседа Буниных... Справедливости ради надо отметить: в семье

Буниных внебрачного Василия не обижали, кормили и воспитывали наравне с законнорожденными детьми. А жена Бунина, сумев подавить чувство ревности, просто души в нем не чаяла, а мать его любила как сестру... Когда глава семьи умер, Василию из наследства было выделено десять тысяч рублей. Деньги такие, что, став взрослым, он сумел на них купить себе деревеньку...

Вне всякого сомнения, добро и внимание, какими Жуковский был окружен в детстве, помогли ему выработать такие душевные качества, за которые многие близко знавшие его люди не сговариваясь называли его ангелом. При этом все они имели в виду прежде всего его редкое добродушие, мягкий нрав и щедрость, прямо-таки не знающую границ. Кажется, для В. А. не было ничего такого, чего бы он не сделал для дорогих ему людей. Так, когда одной из его родственниц понадобились деньги, он не задумываясь продал свою деревеньку, а сам остался ни с чем. В страшном 1826 году, когда шли суды и расправы с декабристами, он, рискуя навлечь на себя необузданный гнев вспылчивого и подозрительного Николая I, всеми силами стремился облегчить участь осужденных на ссылку в Сибирь. А скольким молодым талантам В. А. дал, как сказали бы сейчас, путевку в литературу, поддержал морально и материально!.. И в то же время Жуковский не принадлежал ни к одной из существовавших тогда партий. Он не был ни революционером, ни реакционером. Он был Жуковским — замечательным поэтом, образованнейшим человеком своего времени, который всегда поступал по совести. Его любили, с ним дружили Пушкин, Вяземский, Гнедич, Гоголь, Карамзин, Чаадаев... Ему же, когда придет время, Николай I доверит воспитание наследника престола...

Любовь Жуковского зародилась в ту пору, когда он почти безвыездно жил в Белеве, что на Оке, — в этом городке у него был дом, он любил в нем работать. В Белеве же жила младшая дочь Бунина, рано овдовевшая Екатерина Афанасьевна, в замужестве Протасова. И вот однажды, чтобы не тратиться на воспитание и обучение двух своих дочерей, она попросила молодого поэта стать их домашним учителем. Не способный никому отказать, В. А. соглашается и с присущей ему во всем добросовестностью и трудолюбием почти четыре года занимается с двумя прелестными девушками — Машей и Сашей. Затем он, сочтя свою миссию законченной, все чаще уезжает из Белева по своим делам. И вот тогда-то ловит себя на мысли, что всеми его чувствами и воображением безраздельно владеет старшая, Маша! К тому времени она уже была красивой, полной юного обаяния девушкой. Жуковский без нее не находит места. В очередной раз вернувшись в Белев, он вне себя от счастья узнает, что Маша тоже его любит!..

*Взором взор, душа душою
Распалались — все цело!
Мир снял для нас весною,
Все нам радость в дар несло!..*

Не осмелившись сказать об этом устно, поэт пишет из Москвы письмо госпоже Протасовой и просит у нее руки ее старшей дочери. И получает в ответ категорический отказ. На том основании, что Маша и он — близкие родственники. В. А. пытается

убедить, что это не совсем так: ведь Екатерина Афанасьевна не является его сестрой в полном смысле — у них разные, причем разных кровей матери, — следовательно, и Маша не в полном смысле его племянница. Все напрасно! Сестрица (а в дальнейшем почему-то именно так хочется именовать Ек. Аф.) клянется, что браку В. А. и Маши не бывать!..

Жуковский враз почувствовал себя глубоко несчастным... Но он был еще в том возрасте, когда человек все несчастья переносит, как дети корь — тяжело, но с быстрым выздоровлением. Главным для него было, что он любит Машу и любим ею. И это само по себе становится могучим источником вдохновения. Язык поэзии Жуковского отныне становится таким, что, читая его стихи, посвященные Маше, временами думаешь, что их написал Пушкин. Но их написал Жуковский! (Кстати, «гений чистой красоты», выражение, ставшее хрестоматийным, принадлежит перу В. А.) Любовь, пусть и несчастная, помогала Жуковскому создавать настоящие шедевры, словно она была не просто великим и прекрасным чувством, а еще и неким природным счетно-решающим устройством, способным из всех имевшихся в русском языке слов отбирать самые точные, самые звучные, самые чистые...

==
*Мой друг, хранитель — ангел мой,
О ты, с которым нет сравненья,
Люблю тебя, дышу тобой;
Но где для страсти выраженья?*

==
*С тобой, один, вблизи, вдали.
Тебя любить — одна мне радость;
Ты мне все блага на земли;
Ты сердцу жизнь, ты жизни сладость.*

==
*Приятный звук твоих речей
Со мной во сне не растается;
Проснусь — и ты в душе моей
Скорей, чем день очам коснется...*

Маша Протасова в жизни Жуковского значила то же самое, что для Данте — Беатриче, для Петрарки — Лаура, «смуглая леди сонетов» — для Шекспира. Пусть и невольно, она помогла ему в русской любовной лирике совершить самую настоящую революцию. Его стихи становятся произведениями поэзии и музыки одновременно. Порой так и кажется, что они что-то вроде нотной записи. Поставь их на пюпитр — и играй с листа! Недаром один из современников Жуковского так сказал о неповторимости его поэзии: он играет на арфе... Точнее не скажешь!

*О будь же грусть заменой упованья!
Отрада нам — о счастье слезы лить!
Мне умереть с тоски воспоминанья!
Но можно ль жить, — увы! и позабыть?..*

Шли годы, а положение оставалось прежним: сестрица и слышать не хотела о женитьбе Жуковского на Маше. На Екатерину Афанасьевну пытаются воздействовать все, кто любил и сочувствовал молодым людям. К примеру, это можно сказать про Машину подружку Дуняшу (в замужестве — Авдотья Петровна Киреевская, затем — А. П. Елагина)... Нет, сестрица по-прежнему тверда как камень. (Но это ей совсем не мешает постоянно просить о чем-нибудь В. А.: похлопотать за нее в Москве, приехать в ее имение Муратово и сделать то, другое, третье, и он все безропотно выполняет.) С началом войны 1812 года он немедленно записывается в добровольцы, участвует в Бородинском сражении. Поэма «Певец во стане русских воинов», посвященная подвигу русского народа в войне с Наполеоном, сделала его самым знаменитым поэтом России. Шутка ли, сама императрица Мария Федоровна, мать царя, захотела иметь экземпляр этой поэмы, написанный рукою автора!.. Жуковскому приходит в голову мысль попросить царскую семью высочайше воздействовать на неуступчивую Ек. Аф... Но, совестливый человек, он в конце концов отказывается применять «силу» в таком деликатном деле. У него еще жива надежда, что все уладится и они с Машей обретут счастье...

Что касается остального в жизни В. А., то оно складывается как нельзя лучше. Читающая Россия рукоплещет его стихам и балладам. Выходят в свет его книги. Великие князья, министры, светские красавицы — все считают за честь принимать его у себя. Но...

*Что пользы в платье золотое
Себя рядить?
Богатство на земле прямое
Одно: любить...*

В 1814 году семья Протасовых переезжает в Дерпт (ныне — Тарту). И если прежде Жуковский, чтобы хоть иногда видеться с Машей, разрывается между Москвой и Белевым, то теперь Меккой его любви становится Дерпт. Бывают годы, когда живет он в этом городе дольше, чем в Москве или Петербурге. И на это он идет, конечно же, ради того, чтобы быть рядом с Машей, видеть ее, слышать ее...

*Ах, я люблюсь в ясный день,
Нет сил и глаз отвести,
А ночью... ночью плакать мне,
Покуда слезы есть...*

Между тем сестрица все чаще ранит душу Жуковского. То чуть ли не составляет график, когда ему приезжать в Дерпт, когда оставаться в Петербурге. То разговаривает с ним, точно с провинившимся мальчишкой, ревнует его к Маше («Совсем меня разлучил с ней!»)... На чем было замешено такое ее отношение к единокровному брату — один Бог ведает. Но, так или иначе, она добила своего: Жуковский теряет надежду, что они когда-нибудь с Машей станут мужем и женой...

Но что же ему оставалось делать? Ради чего тогда стоило жить?

В. А. находит — ради чего. «Милая Маша,— так начинает он одно из своих писем ей,— нам надобно объясниться. Как прежде от тебя одной я требовал и утешения и твердости, так и теперь требую твердости в добре... Дело идет не о том только, чтобы быть вместе, но и о том, чтобы этого стоить... Чего я желал? Быть счастливым с тобою! Из этого теперь должен выбросить только одно слово, чтобы все заменить. Пусть буду счастлив тобою! Право, для меня все равно твое счастье или наше счастье... Моя привязанность к тебе теперь точно без примеси собственного, и от этого она живее и лучше. Думай беззаботно о себе, все делай для себя — чего для меня более? Я буду знать, что я участник в этом милом счастье!..»

Положение В. А. стало еще тяжелее, когда в семье Протасовых появилось новое лицо — А. Воейков, за которого сестрица поспешила выдать младшую Сашу. Отменный зять достался госпоже Протасовой! Пьяница, скандалист, интриган. Он становится тираном этой семьи, измывается как хочет над женой, тещей, свояченицей. От Маши он то требует расписки, что она никогда не выйдет замуж, то сватает к ней какого-то генерала, то запрещает ей переписку с Жуковским. Получив сообщение об очередной выходке Воейкова, Жуковский бросает на полуслове начатую поэму, отменяет важные встречи и на всех перекладных мчит в Дерпт восстанавливать мир в этой несчастной семье. И так продолжается не один год...

*Падут железные затворы —
Детей, супругу, небеса,
Родимый край, холмы, леса
Опять мои увидят взоры...
Но что?.. я цепью загремел;
Сокрылся призрак-обольститель...
Вспорхнул эфирный посетитель...
Постой!.. но он уж улетел...*

В делах этой семьи много лет принимает живое участие упоминавшаяся выше Авдотья Петровна, женщина, по отзывам современников, светлого ума и добрейшей души. (К слову сказать, она мать двух выдающихся людей России — братьев И. и П. Киреевских.) Пожалуй, она, как никто, старалась устроить счастье для Жуковского и Маши: и много раз по этому поводу приезжала в Муратово и в Дерпт, и тьму писем с этой целью написала госпоже Протасовой. Дело однажды дошло до того, что она дала ей зарок: если Машу выдадут за Жуковского, самого прекрасного, по ее мнению, человека на этом свете, то она, Авдотья Петровна, уйдет в монастырь! «Дуныша, милый друг, ты меня ужасаешь: что это за предложение ты мне делаешь? — вне себя от возмущения, отвечает ей Ек. Аф. — Ты забыла все: Бога, детей, Машу, твои должности, о себе уж я не говорю; ты ни о чем не думаешь, кроме страсти Василия Андреевича, и для удовлетворения ее ты все бросаешь...» Был случай: надеясь с глазу на глаз уговорить несговорчивую женщину, сделавшую несчастными свою дочь и смиренного Жуковского, Авдотья Петровна отправилась в Дерпт глубокой зимой. Но по дороге ее карета провалилась под лед, она заболела — пришлось поворачивать назад...

Наверное, читателю небезынтересно знать, почему Авдотья Петровна с такой страстью билась за счастье В. А. В ее лице мы имеем еще одно великое сердце. Она, как и Маша, с детских лет была влюблена в Жуковского. И продолжала любить его, когда вышла замуж, родила одного сына, потом другого. О ее чувствах к Жуковскому догадывались, кажется, все... кроме Жуковского. Иногда встречаясь с ней, ведя с ней годами переписку, он только и делал, что говорил, как горячо любит ее подругу Машу. А Авдотья Петровна слушала его, утешала словами и старалась чем-то помочь...

В том и дело, что Маша Протасова, сама того не желая, застила ему весь белый свет. Чтобы представить, что любовь сделала с Жуковским, есть смысл внимательно вчитаться в следующие строки его стихотворения — в них есть все признаки «высокой степени безумства»:

*Тобою и для одной тебя
Живу и жизнью наслаждаюсь;
Тобою чувствую себя;
В тебе природе удивляюсь...*

На своем жизненном пути В. А. встречал немало красивых умных женщин. Иными он увлекался, но недолго. Всякие далеко идущие отношения с ними он сам рассматривал как измену Маше... Драма однолюба — можно было бы сказать по этому поводу. Но представим на минуту, что Жуковский, спасаясь от своей любви как от наваждения, стал бы записным столичным повесой, одержал много побед над красавицами света и в завершение всего женился бы на помещице с десятками тысяч крепостных душ. Конечно, он все равно был бы Жуковским. Но — другим Жуковским, другим поэтом, а его стихи не теми, которыми «утешится безмолвная печаль» и над которыми «резвая задумается радость»...

В 1817 году (Жуковскому идет тридцать четвертый год) свершается то, чего он смертельно боялся: Маша выходит замуж. Буря противоречивых чувств бушует в нем. С одной стороны, он как будто бы уже убедил себя, что счастьем Маши будет счастлив и он. Ей и всем близким он не раз говорил: его вполне устроит роль ее старшего брата. С другой стороны, что сердцу ни говори — его не обманешь. Оно никак не может смириться с крушением всех надежд. «Машина свадьба! Боже мой, что такое человек! — пишет В. А. в дневнике, словно бы удивляясь, почему он еще жив. — Машина свадьба! Боже мой! Я говорю об этом так спокойно...»

Машин жених — дерптский профессор медицины немец Мойер. Он слывет честным, безобидным человеком. Но сватовство Мойера (так и хочется сказать: сватовство майора!), приготовления к свадьбе наполняют душу Жуковского тоскливым страхом за будущую жизнь любимой. Он просит Машу еще и еще раз подумать, прежде чем пойти под венец. «Что несчастнее супружества против воли, с тайным чувством к другому, с необходимостью скрываться?» — спрашивает он ее. А когда венчание становится фактом, он пишет ей — словно кричит от невыносимой

боли: «Маша, откликнись! Открой мне глаза! Кажется, я все потерял...»

Казалось бы, при всем благородстве своей души Жуковский должен был — живой же он человек! — возненавидеть Мойера. Как-никак тот перешел ему дорогу. Правда, беря Машу в жены, немец всех уверяет, что откажется от своего счастья, если увидит, что не все трое — он, Маша и В. А. — будут счастливы. Но при этом он, наверное, и сам понимает, что счастье на «троих» возможно лишь в теории. Жуковский не принимает всерьез уверения счастливого соперника, но... изо всех сил выказывает Мойеру свое расположение (лишь бы Машу ничем не расстраивать) и даже посвящает ему одно стихотворение («К Мойеру»), чем как бы сохраняет имя дерптского лекаря для истории:

*Счастливец! ею ты любим,
Но будет ли она любима так тобою,
Как сердцем искренним моим,
Как пламенной моей душою!..*

В жизни Жуковского наступила самая черная полоса. «Старое все миновалось, а новое никуда не годится, душа как будто одеревенела, — пишет он другу, находясь, видимо, в состоянии мрачного оцепенения. — Что у меня будет, не знаю. А часто, часто хотелось бы и совсем не быть. Поэзия молчит. Для нее у меня нет жизни...» Это опасные мысли. Опасные для жизни. Обычно человек принимает роковое для себя решение, когда, как выразился однажды философ Шопенгауэр, «ужасы жизни перевешивают ужасы смерти»...

К счастью, Жуковский выдержал и этот удар судьбы. И муза его не молчит. Она плачет, но не молчит.

*Минувших дней очарованье,
Зачем опять воскресло ты?
Кто разбудил воспоминанье
И замолчавшие мечты?
Шепнул душе привет бывалый;
Душе блеснул знакомый взор;
И зримо ей в минуту стало
Незримое с давнишних пор...*

Это строки из стихотворения, которое Жуковский, способный чувствовать чужое горе как свое, написал по поводу смерти жены своего друга. Но, читая его, невольно думаешь, что оно — реквием по убитой надежде поэта на счастье в этом мире. И инструмент поэзии Жуковского в эти годы — уже не арфа. В его стихах слышится величественный скорбный рокот органа...

Наши литературоведы не больно-то жаловали Жуковского своим вниманием. Им, например, не нравилось, что в его стихах, кроме грусти, звучали и нотки мистицизма. Да, он был искренне верующим человеком. «Бог и душа — вот два существа, — сделал он однажды такую запись в своем дневнике, — все прочее — печатное объявление, приклеенное на минуту». Во многих стихах и балладах поэт силой своего воображения пытается приподнять завесу, отделяющую бытие человека от небытия, и заглянуть, что его ожидает там.

*О милое воспоминанье о том,
Чего уж в мире нет!
О дума сердца — упованье
На лучший, неизменный свет!
Блажен, кто вас среди губящего
Волненья жизни сохранил
И с вами низость настоящего
И пренебрег, и позабыл...*

Нет, ни это, ни другие стихотворения-реквиемы Жуковского не нуждаются в наших оправданиях. Поэт трезво понимает, что он понес невосполнимую утрату. Но чем должно теперь жить его сердце? Да вот этим: надеждой на встречу с Машей в ином мире. Так Жуковский свои земные страдания переplавляет в золото своей высокой чистой поэзии.

*Даль озарялась и светлела,
Туда, туда моя душа летела,
Казалось сердцу и очам:
Все там!*

Возможно, кто-то из читателей в порыве искреннего сочувствия несчастному в любви Жуковскому уже задает себе вопросы: а было ли поэту из-за чего так долго и мучительно страдать? Стоила ли Маша Протасова любви этого великого, чудных душевных качеств человека?.. На все подобные вопросы есть один ответ: поэт любил ее — и этим все сказано!

44 На карандашном портрете руки Жуковского она не выглядит писаной красавицей. Большие выразительные глаза, вьющиеся волосы, вздернутый нос. И загадочная, как у Моны Лизы, мечтательная улыбка... Впрочем, есть еще один ее портрет — словесный. Его сделал один из ее современников, человек умный, наблюдательный и далеко не сентиментальный. Он пишет: «...во всем существе ее, во взгляде было нечто неизъяснимо-обворожительное... С большим умом и сведениями соединяла она необыкновенную скромность и смирение. Начиная с ее имени все было в ней просто, естественно и в то же время восхитительно. Других женщин, которые нравятся, кажется, взял бы да и расцеловал, а находясь с такими, как она, все хочется пасть к их ногам. Ну точно она была как будто не от мира сего... И это совершенство сделалось добычей дюжего немца, правда, доброго, честного и ученого, который всемерно старался сделать ее счастливой; но успевал ли? В этом позволю я себе сомневаться. Смотреть на сей неравный союз было мне нестерпимо; эту кантату, эту элегию никак не умел я приладить к холодной диссертации».

В первые месяцы замужества Маша всех (включая и Жуковского) уверяет, что она счастлива. Но говорит и пишет об этом так часто и стольким людям — словно себя хочет убедить в том, во что сама не верит. А может быть, пока рядом был искрометно талантливый, щедрый на улыбку и доброе слово Жуковский, и замкнутый неразговорчивый Мойер тоже смотрелся? Но вот В. А., которому из них троих досталась лишь платоническая любовь, уезжает из Дерпта. В доме Мойеров потянулась череда дней размеренной семейной жизни, началась работа по дому, ожидание первого ребенка. И вот тогда Маша ужаснулась, осознав, что она,

пусть под нажимом деспотичной матери, наделала, кого она в лице Жуковского раз и навсегда потеряла. Это сейчас просто: подала заявление в загс — и через месяц-другой ты свободна. А тогда почти никто не решался переступить через клятву в день венчания, через страх перед Богом. И Маша не решилась. Но у нее появился еще один страх, неведомый ей прежде, — что В. А. ее разлюбит. В ее письмах к нему все отчетливее звучат нотки ревности, все чаще высказываются просьбы приехать в Дерпт. Но и не видеть, и видеть любимого человека ей было одинаково тяжело! Бедная, запутавшаяся Маша однажды, встречая приехавшего Жуковского у порога, с сияющей улыбкой протягивает ему своего первого ребенка — словно не Мойер, а он, Жуковский, был его отцом. И все это происходит на глазах ее мужа, матери, сестры... «У меня есть два светлые сокровища: мой младенец и мое прошедшее, — шлет она Жуковскому, уехавшему в Петербург, письмо вдогонку. — С этими двумя спутниками можно прожить добродетельно и не такую жизнь, как моя». Словно забыв, что она уже не Маша Протасова, а Мария Андреевна Мойер, в другой раз предлагает Жуковскому помечтать: «...Вообрази, как бы мы стали поживать; я бы хозяйничала за тебя. Напиши одно слово — и я уберу комнаты, как игрушку, — право, оживу опять...» (И Жуковский, несмотря ни на что, тоже мечтает:

*Садилось солнце; тихо по водам
Суда, сияя, плыли, и за ними
Серебряный тянулся след; вблизи
В кустах светился домик; на пороге
Его дверей хозяйка молодая
С младенцем спящим на руках стояла...
И то была моя жена с моею
Малюткой дочерью...)*

Честный Мойер видит, что Маша страдает, мечется. Чтобы отвлечь ее от грустных мыслей, он вовлекает ее в благотворительную деятельность, в — смешно сказать! — выращивание картофеля, в копчение колбас. Это помогает, но ненадолго. Маша все чаще думает и все сильнее тоскует о Жуковском. В одном из писем своей подруге Дуняше (тоже, может, ни о чем не догадываясь) она признается: «Ах, люблю его без памяти и в минуту свидания чувствовала всю силу любви этой святой...»

В. А. как и чем только может поддерживает ее дух. Однако год за годом — это видели все родные и близкие люди — Маша сдавала. Об этих ее днях Майя Бессараб в своей отлично написанной книге о Жуковском пишет: «Близкие начали замечать, что Мария Андреевна все чаще и чаще стремится остаться одна в своей комнате. Это были лучшие часы ее жизни: она писала дневник или письма Жуковскому или читала его стихи, лучшие из которых были посвящены ей. Иногда она ловила себя на том, что разговаривает с ним...»

В бумагах Жуковского было найдено ее прощальное письмо. Право, оно стоит того, чтобы привести его лишь с небольшими сокращениями.

«Друг мой! Это письмо получишь ты тогда, когда меня подле вас не будет, но когда я еще буду к вам душою. Тебе обязана я

самым живейшим счастьем, которое только ощущала!.. Не огорчайтесь, что меня потеряли. Я с вами! Жизнь моя была наисчастливейшая — включая два, три дурные воспоминания, я не имею причины жаловаться на нее, и все, что ни было хорошего, — все было твоя работа. Ангел мой! Одна мысль, которая меня беспокоит, есть та, что я не довольна была полезна на сем свете, не исполнила цели, для которой создана была; но это чрезмерное желание, которое во всю жизнь меня не покидало — делать что-нибудь полезное, — неужели оно ни во что не причтется?..

Теперь прощай. Я отдаю назад все, что мне было драгоценно. Перечитывая эти тетрадки, в которых заключается цель моей жизни, ты утетишься мыслию, что, имея твою душу в руках, моя жизнь была завидна! Будь счастлив! — думай обо мне с совершенным спокойствием, потому что последнее мое чувство будет благодарность. Будь отец второй моей малютки и сын моей матери. Друзья, не жалеете обо мне, я уверена в милосерд...

Почему-то ее прощальное письмо оборвано на полуслове. И рано, на тридцатом году жизни, оборвалась ее жизнь. Почему-то...

В. А. не довелось участвовать в ее похоронах. Но за неделю до смерти Маши он видел ее. И уже тогда все понял:

*Ты предо мною
Стояла тихо.
Твой взор унылый
Был полон чувства.
Он мне напомнил
О милом прошлом...
Он был последний
На здешнем свете...*

После кончины Маши (в 1823 году) жизнь В. А. подвергнется новым испытаниям. Многие дорогие ему люди окажутся в Сибири. Царь некоторое время подозревает в причастности к заговору Пушкина. И сам Жуковский подвергнется унижительной цензуре. Он по-прежнему холост. По-прежнему высок его авторитет в образованном обществе. Но пишет он все реже.

*Как вам, счастливым,
То понять, что понял
Я тоскою?*

Спасаясь от этой «понимающей» тоски, он много путешествует. Особенно часто и долго бывает в Германии — ее язык он знает в совершенстве. В этой стране живет его близкий друг — художник Герхард Рейтерн. Он бывает у него в гостях с перерывами в несколько лет. И вот однажды, в очередной приезд, В. А. с изумлением узнает, что Лиза, дочь друга, которую он знал еще маленькой, влюблена в него. Правда, теперь она не малышка, а рослая, статная, красивая девушка. Она много думала о Жуковском, много знала о нем, в том числе про его несчастную любовь к Маше Протасовой... В. А. в замешательстве. Ведь ему идет пятьдесят восьмой, а ей... Но, не устояв перед обаянием молодости и красоты девушки, он женится на ней — с полного согласия родителей. Когда-то он писал: «...всякое участие во мне казалось мне милостию». А тут не милость, а любовь — юная, безоглядная! Наконец-то В. А., кажется, счастлив вполне. У них вскоре рождается дочь,

затем — сын... Нет, видимо, Жуковскому на роду было написано не иметь счастливой семейной жизни: его молодая жена тяжело заболевает, чуть ли не при смерти. И Жуковский — ему к этому не привыкать — весь погружается в заботы о дорогом существе. Ему не до поэзии. Он хочет, но не может вернуться в Россию...

Странно, но совсем незадолго до кончины поэт как бы обретает второе дыхание. Больной, уже полуослепший, он вновь работает, как в молодости, вставая в пять утра, пишет новую поэму. И все готовится к отъезду в Россию. Даже день отъезда известен...

Но этому не суждено было сбыться. Жуковский умирает в 1852 году в Баден-Бадене. По желанию вдовы великого поэта его прах перевозят в Петербург. Это намного ближе, чем если бы Жуковский остался в Германии, к Тарту, где вечным сном спит его немеркнущая любовь — Маша Протасова. Спит под надгробным камнем (поставленным когда-то Жуковским) со словами: «Да не смущается сердце ваше»...

*О милых спутниках, которые наш свет
Своим сопутствием животворили,
Не говори с тоской: их нет,
Но с благодарностью: были...*

Провинциальные

От Ярославля до того места, где почти пять столетий назад по лицу одного из князей Мстиславских пробежала полевая мышь, — чуть более девяноста верст. Если ехать в северном направлении, то дорога, устремившись через Большое Село, затем через Новое Село, минуя несколько деревушек и пройдя напоследок сквозь сосново-березовый лес, упрется в Волгу. Точнее, в дебаркадер паромной переправы, представляющий собой старую, переоборудованную баржу-«песочницу». С ее широкой палубы открывается вид на город Мышкин, находящийся на противоположном, левом волжском берегу.

Легенда гласит: князь, возвращаясь жарким летним днем с охоты в свою вотчину, прилег отдохнуть под раскидистым деревом, у устья Студеного ручья, откуда открывалась панорама протянувшейся из-

ВАЛЕРИЙ МАЙОРОВ

Фото **ВЛАДИМИРА ЧЕЙШВИЛИ**

КАРТА

Заметки

лучины Волги. На мыш, которая его разбудила, князь попервости осерчал. Но тут же понял: не проснись он — в следующий момент быть ему укушенным подкрадывавшейся змеей. И повелел тогда князь на месте своего короткого почивания, чуть было не ставшим смертным одром, срубить сторожку с часовенкой, дав им имя случайной спасительницы — Мышино.

Трудно сказать, какую конкретную роль сыграл описанный случай, но уже в 1605 году село Мышино впервые упомянуто в официальном документе — жалованной грамоте. А в августе 1777 года своим указом Екатерина II дает ему статус уездного города Ярославского наместничества. На следующий год императрица утвердила представленный герольдмейстером фон Энденом герб города: в верхней части геральдического щита медведь с секирой (в чем нашел отражение древний культ

Ярославщины), а в нижней — легендарная мышь...

Высокий, сияющий золотом купол — Успенский собор недавно возвращен православной общине, но еще не полностью отреставрирован. Верхняя часть города скрыта за кронами деревьев. Но видны расположенные ближе к берегу особняки светлой или краснокирпичной кладки. Угадывается улица, спускающаяся со взгорья к берегу, — на нее попадаешь, переправившись паромом... Старое название этой улицы — Ярославская. Новое — Ленина. Или наоборот — так, пожалуй, точнее.

Две одинаково стандартные таблички укреплены рядышком одна над другой.

— Улицам возвращаются исторические имена, — говорит Владимир Гречухин, член городского художественного совета, действующего при администрации района. —

Тут есть и сторонники, и противники. Нельзя сказать, что непримиримые. Но все же. А что копыа ломать? Пусть висят оба указателя. В конце концов и то, и другое — наша история.

Упомянутый совет играет своеобразную и весьма существенную роль в системе городского управления: он определяет облик, лицо города в процессе его развития. К примеру, никто, включая самого главу администрации города, не может поставить гараж для личной машины без одобрения художественного совета.

На первой полосе свежего номера мышкинской газеты «Волжские зори» увидел сообщение, в котором говорилось о том, что Федор Григорьевич Титов, житель дома № 7 по улице Комсомольской, украсил свои хозяйственные постройки светелками с резьбой, отчего весь двор сразу ожил, преобразился...

Такие вот заметки складываются в любопытную (и прямо скажем, весьма нехарактерную для нынешней нашей прессы) хронику, внешне непритязательную, но весьма красноречиво свидетельствующую, что именно сегодня приоритетно в жизни Мышкина и мышкинцев (мышкарей — как зовут они себя...), что помогло городу, сохранившему значительную часть старой застройки, не утратить житейской теплоты, остаться городом «классической русской провинции», как назвал его кто-то из исследователей-урбанистов.

Сойдя с парома на улицу Ярославскую — Ленина и едва пройдя по ней метров пятьдесят, я увидел за невысоким штакетником установленные на специальных подставках буксирный катер и старую рыбацкую фелюгу. За речными судами вздымалась допотопная труба локомотива. Рядом, под навесом, стоял трактор с железными зубча-

тыми колесами и другие ставшие диковинными машины — шнековый снегоуборщик, прицепная косилка, прославленный в Великую Отечественную «ЗИС-5» с деревянной кабиной и лобовым стеклом, которое можно приоткрыть наподобие фрамуги.

Это мышкинский народный музей. Он возник и начал складываться тридцать лет назад.

И тут необходимо более подробно и близко познакомить читателей с уже упомянутым Владимиром Гречухиным. Вряд ли найдется в городе человек, который бы не знал его или не слышал о нем. В такой же степени невозможно представить, чтобы кто-то в Мышкине — будь то начальство, «новые русские» или, что называется, простые люди — проигнорировал его мнения, замечания, советы...

Гречухин рассказывал мне:

— Получив институтский диплом, я было устроился в Ярославле. И все шло нормально, во всяком случае, жизненные перспективы строились не на песке. Но душа требовала гармонии, завершенности. И однажды я понял, что не создан для больших городов. Что мой счастливый удел только в Мышкине...

И Гречухин вернулся — раз и навсегда. Обретя в Мышкине семью. Стал работать в районной газете заведующим отделом писем (на этой должности находится и сейчас).

В первой половине шестидесятых годов в Мышкине заговорили о «банде Гречухина». В словах этих было больше юмора, чем испуга. Ибо «банда», хотя и собрала большинство городских хулиганистых «трудных» подростков, занималась довольно-таки странным делом. А именно: перелопачивала песок прибрежной полосы. Летом, когда из Москвы или Ярославля приез-

жали археологи, «банда» становилась их добровольным помощником. Находки, случалось, приносили ведрами. Множество монет — петровской и даже более ранней эпох. Знаки, медали, женские украшения, предметы быта и церковного обихода. Видать, в годы революции все это пряталось владельцами в случайные тайники; кто предполагал тогда, что спустя недолгое время возникнет Рыбинское водохранилище, которое изменит гидрологический режим великой реки... Волга, размывая берега, выносила на свет божий людские сокровища. В 1966 году под экспозицию была выделена закрытая еще в тридцатые годы кладбищенская церковь Всех Скорбящих. Через шесть лет музей переехал в старые купеческие хозяйственные постройки, в которых долгое время размещались гараж и мастерские.

— Тут уж мы, — улыбается Гречухин, — зацепившись на «плацдарме», стали отвоёвывать прилегающую территорию вплоть до Студеного ручья... Сюда-то, где, по преданию, родилось имя города, стали «переселяться» из сел и деревень района старинные, не используемые для жилья и крестьянских нужд постройки: амбар, житница, хлев, кузница, банька. Маленькая квадратная избенка бобыля (жившего в прошлом веке в деревне Мошники) о двух крошечных оконцах; привратная часовня из деревни Рудина слободка; чуть поменьше этой — памятная часовенка с простеньким крестом из деревни Юрьевская; колхозная рига 40-х годов...

Есть в музее солидная коллекция кованых сундуков, прялок и других орудий домашней работы. Старые пчелиные ульи и колоды. Фрагменты ворот, калиток, оград и заборов, необычайной красоты наличники... В отдельном закрытом закутке предстали взору требую-

щие ремонта и восстановления пакоконная коляска с высоким облучком и старинная карета.

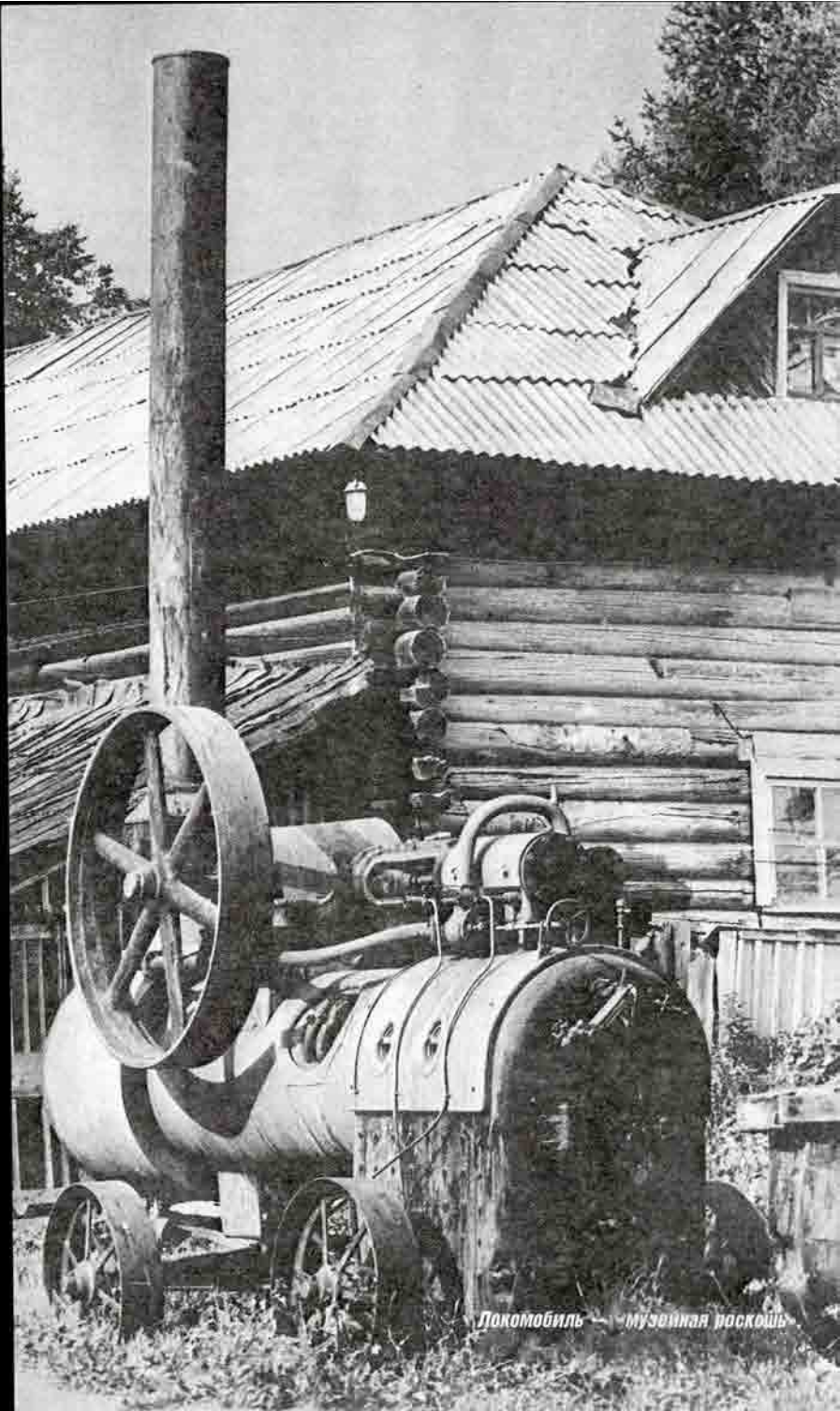
— Мы не придерживаемся строгих принципов, принятых для государственных музеев, — рассказывает один из членов совета народного музея Олег Корсаков. — Нет четкой градации в размещении экспонатов и тем более в сборе их. Для нас интересно все, что когда-то было сделано человеческими руками и служило людям. Нам помогает весь район — не было, например, случая, чтобы кто-то отказал в предоставлении крана или грузовой машины, если надо откуда-то перевезти неподъемную вещь... Впрочем, музей нынче стал не просто одним из культурных центров города, но и своего рода центром градообразующим, определяющим его. Средств нам, правда, не хватает... Да где их взять?

Администрация города оплачивает траты музея на электроэнергию; недавно установила две ставки ночных сторожей и уборщицы. А то ведь Гречухину самому приходилось мыть здесь полы.

Спрашиваю у него:

— А что люди из делового мира? Меценатов среди них нет?

— О меценатстве таком, каким оно было в прежнюю эпоху, говорить пока рановато. Хотя богатые люди в Мышкине появились. И уже предлагали финансовую помощь. Но мы отказались. Тут ведь вот какое дело... Сейчас не разберешь: то ли от чистого сердца, то ли вслед деньгам пойдут просьбы ко мне как к члену художественного совета. Например, о содействии в получении разрешения поставить торговую точку в том или ином выгодном месте... На компромисс идти не могу. Надеяться на авось — тем более... Другое дело — целевая, истинно меценатская помощь. От такой мы не отка-

Локомотив — музейная роскошь

Мъшкинские узоры..

зывается — дорога, как говорится, каждая копейка.

Недавно музею предложил сотрудничество фонд Смирнова — того самого знаменитого русского «водочного короля», чье имя носит одна из самых именитых и популярных в мире водок. (Сам Петр Арсентьевич родом из этих мест...) На музейной территории появился небольшой павильон, построенный на средства фонда. Тут разместится музей русской водки или что-то вроде того. Окончательный вариант названия пока не выбран. А что получится он интересным, сближающим прошедшее и нынешнее время, с долей юмора в построении экспозиции — в этом я не сомневаюсь. Особенно после того, как осмотрел «музей мыши», входящий в состав Мышкинского народного музея.

Музей этот, единственный в мире, размещается на верхнем этаже дома, когда-то принадлежавшего купцам Литвиновым и Серебряковым. Здесь собрано все то, для чего любимый в сказках, но не любимый в быту зверек послужил прообразом художникам и дизайнерам.

Тайваньская копилка в виде мыши. Набор миниатюрных мышиных керамических фигурок (из Японии). Российская свеча — стеариновая мышка в своей норке, что сделана опять-таки в стеариновом сыре... Подобных предметов — и чисто прагматического, и декоративно-прикладного свойства — множество. Есть игрушечные мыши, изготовленные руками детей, — они приходили по почте из самых разных уголков России, бывшего Союза. Музей имеет всемирную известность.

Гречухин — автор четырех книг, изданных в Ярославле и Москве, — одной документально-художественной (о той самой «банде») и

трех историко-краеведческих. Еще несколько готовых рукописей лежат в столе.

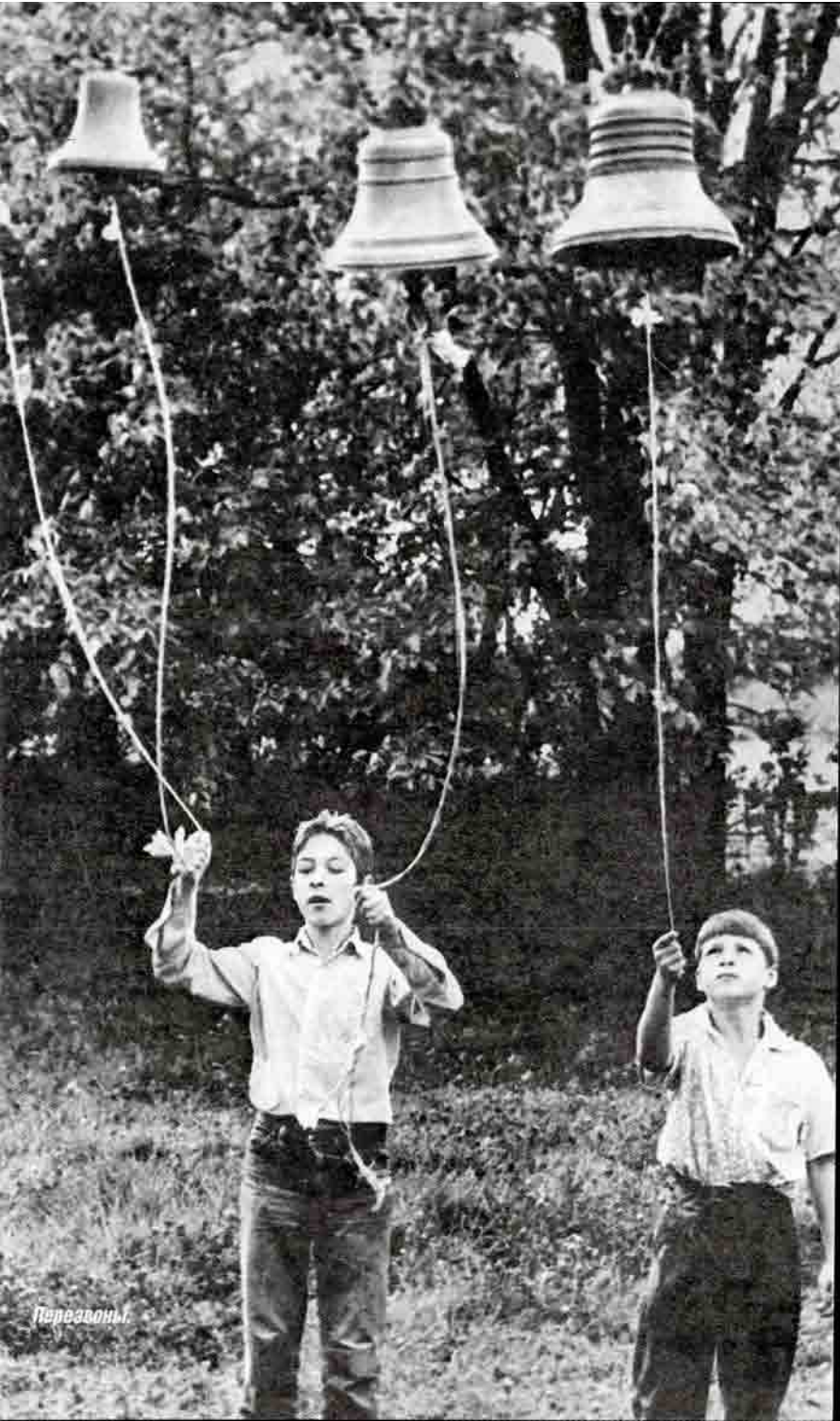
Свой день он начинает с того, что объезжает на велосипеде полгорода.

— В Мышкине люди строят для себя; стараются все сделать лучше, красивее. И удивительная вещь: те же наемные каменщики, которые еще вчера работали абы как, сейчас трудятся так, что любо посмотреть.

Гречухин и сам строить умеет и любит. Добротный кирпичный дом, в котором живет семья, сработан его руками. Ни разу никто не занимался и для ремонта музейных помещений — все сделано Гречухиным и его помощниками, членами совета народного музея. Прежде всего Олегом Корсаковым.

В семидесятые годы Олег занимался в археологическом кружке, которым руководил Гречухин. Он работает машинистом газомпрессорной станции Мышкинского линейно-производственного управления магистральных газопроводов (это единственное промышленное предприятие города), но по части полевого археологического опыта и знаний ни в чем не уступает иным профессионалам-историкам. Корсаков знаток культовых камней здешних мест, истории и орнаментов синицынского горшечного промысла, что процветал на рубеже прошлого и нынешнего веков. Его перу принадлежит увлекательный историко-краеведческий и градостроительный очерк о Мышкине, который накануне прошлого года Дня города, отмечаемого в июле, вышел отдельной брошюрой. Эту работу автор посвятил памяти своей бабушки Галины Яковлевны Мильковой — коренной жительницы города Мышкина (что акцентировано в тексте).

— Бабушка умерла недавно, прожив более восьмидесяти лет, —

Пелозоны.

рассказывал Олег, — и сейчас, уже как бы со стороны, я со всей очевидностью понимаю, что она, обычная, ничем не выдающаяся, была носителем той городской бытовой культуры, которая еще в давнюю пору сложилась здесь... Однажды, я был еще школьником, принес домой то ли ковш, то ли черпак, найденный не помню уж где. Стал фантазировать: в семье какого городского сословия он мог бы находиться. А бабушка посмотрела и говорит: это вещь не городская. И указала мне на еле уловимые отличительные признаки.

— Качество хуже?

— Нет... У нас и в городе, и на селе умеют все делать на совесть, основательно и талантливо. Но стилистикой вещи все же отличаются...

А вот еще одна яркая личность Мышкина. Густая черная борода. Простецкая куртка, подпоясанная широким ремнем. Брюки заправлены в начищенные сапоги с высокими голенищами. Будто из народного сказа явился...

Николай Грачев. Фельдъегерь. Вряд ли такой сыщется еще во всей немалой фельдъегерской службе России.

— Однажды иду лесом, — рассказывал Гречухин, — слышу, кто-то топориком «тук-тук». Я на звук выхожу. Смотрю, Грачев мостки через ручей правит. Ручей невелик, перешагнуть можно. Я с вопросом к Николаю. А он отвечает: да вот, понимаешь, захотел мостик сделать. И сделал его таким, что любо-дорого посмотреть.

Кстати, стела, о которой я упоминал, — тоже работа Грачева. И эмблема музея, что прикреплена над входом в комплекс: медведь с секирой, к верхушке которой через кольцо подвешена маленькая железная мышка, колеблющаяся на ветру, опять же грачевское творение. С десяток его картин экспони-

ровались в городской библиотеке; видел я и его иллюстрации в книжках.

По проектам и разработкам Грачева построено в Мышкине с десяток новых частных домов: приходят к нему застройщики, просят сделать рисунок будущего дома — чтоб был не хуже, чем у других. И он делает рисунок с чертежом. И — ни копейки с заказчика. Все труды — единственно в удовольствии себе...

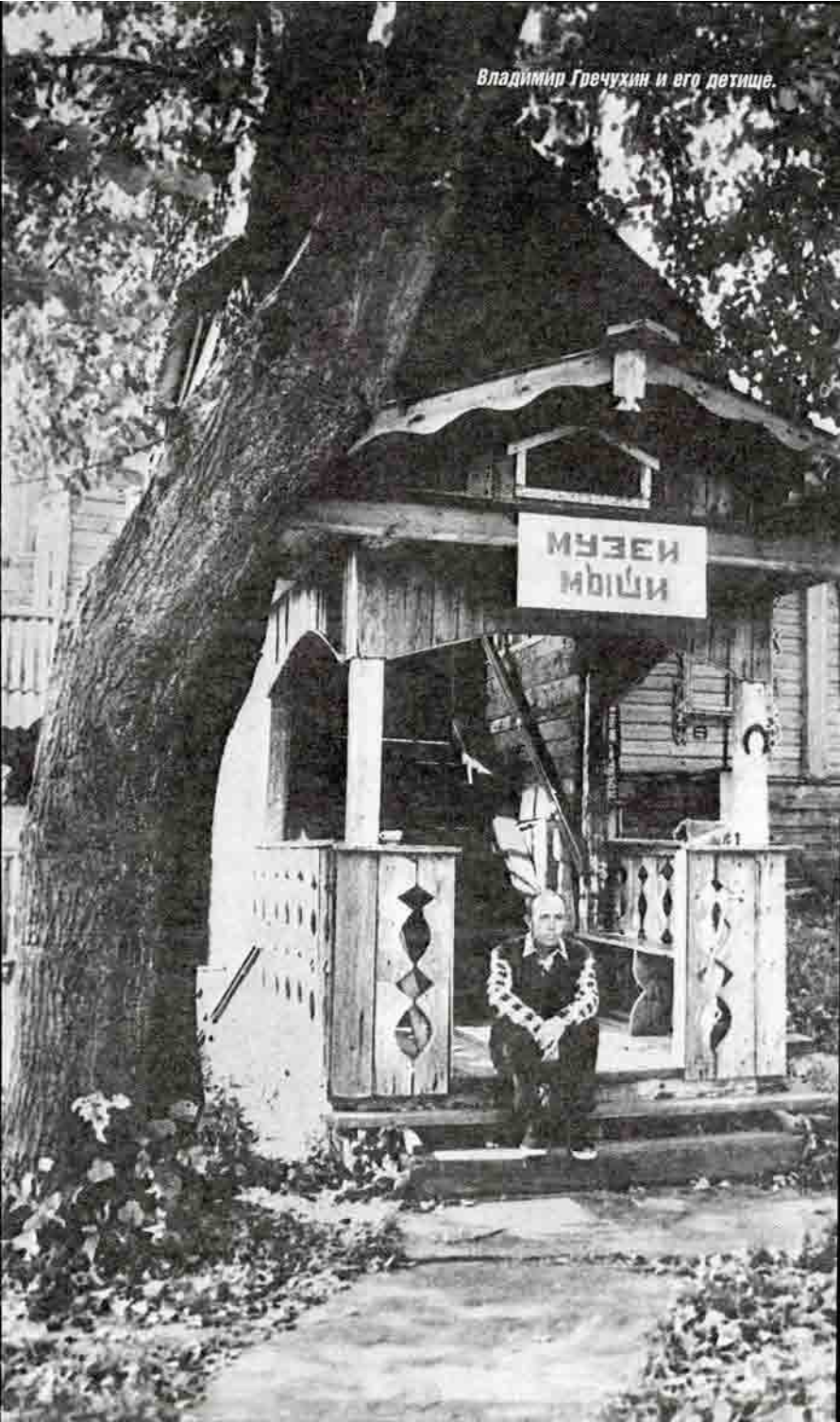
В один из дней познакомился я у Гречухина с отцом Александром, настоятелем Успенского собора. В музей он зашел на минутку, перед тем как отправиться в Углич по благочинным делам. Но разговор затянулся почти на час.

Приход отца Александра отнюдь не велик. И он не строит иллюзий насчет того, что число верующих быстро вырастет.

— Но в Мышкине даже убежденные атеисты относятся к церкви с пониманием и уважением, — сказал настоятель. — Взять хотя бы главу администрации, который был прежде и председателем колхоза, и работником райкома, и председателем райисполкома... Не было случая, чтоб он отказал мне в приеме, постарался избежать встречи. А подобное, увы, не редкость в других, известных мне приходах... И я доподлинно чувствую — это у него не от должности. Это от души. Вот что важно...

Еще отец Александр говорил о том, что, сообразуясь с численностью православной общины, сейчас нет смысла ставить вопрос о возвращении ей Никольского собора. Да и никаких средств не наберется на его реставрацию. Дай Бог закончить работы по восстановлению Успенского, и хотя он летний, а зимой все службы приходится отправлять в кладбищенской церкви Всех Скорбящих (той, в которой в свое время размещался Народный

Владимір Гречухин и его детище.

Из сельской церкви. Скульптура XIX века.

музей, а несколько лет назад отреставрированной и заново освященной), положение вполне терпимо.

— Уж коли так случилось, пусть храм приносит пока пользу как кинотеатр, — улыбнулся священник.

С недавних пор, кстати, в Успенском соборе и церкви Всех Скорбящих поет хор учеников средней и музыкальной школ. Видно, бывший Дворец пионеров как был, так и остался притягательным для юных мышкинцев.

Вот что сказано о Мышкине в одной старой книжке, увидевшей свет в 1907 году: «Как примечательность города отметим находящуюся здесь земскую публичную библиотеку, составившуюся из пожертвованной крупной библиотеки местного помещика Ф. К. Опочинина и других более мелких частных библиотек уезда... Библиотека эта могла бы сделать честь любому губернскому городу».

Помещик сей был личностью замечательной. И по своему происхождению, и по масштабу того, что ему удалось сделать за свою недолгую жизнь. (Он, родившийся в 1846 году, скончался в возрасте 36 лет.)

Его дед, Федор Петрович, был обергофмейстером, президентом гофинтендантской конторы, членом Государственного Совета, близким другом цесаревича Константина. Отец, Константин Федорович, одно время служил вместе с Лермонтовым, был с ним дружен и, как предполагают исследователи, был для поэта одним из прототипов Печорина. Мать, Дарья Михайловна, — младшая дочь Михаила Илларионовича Кутузова.

Федор Константинович Опочинин всю жизнь был увлечен библиографией и археологией. Учился в Петербургской Мариинской гимназии. Слушал курс лекций на юридическом факультете универ-

ситета. Служил сначала в государственной канцелярии, а затем в Мышкинском земстве, став вскоре после переезда в этот город предводителем его дворянства. Был членом географического и секретарем археологического и российских обществ. Сотрудничал с Санкт-Петербургской газетой «Биржевые новости», где печатались его корреспонденции из Ярославской губернии. Издал несколько ценнейших работ архивного характера: переписку своего деда с цесаревичем, архив Голенищева-Кутузова, воспоминание о городе Чернышове и, наконец, беспрецедентный по тем временам «Сборник снимков с автографов русских деятелей, 1801—1825 (письма, стихотворения, заметки и подписи)».

Библиотекарь Ольга Новикова показала мне среди других библиографических рукописей и «Каталог книг Опочининской публичной библиотеки при Мышкинском земстве», который был издан в 1903 году. Согласно описи, в библиотеке находилось тогда более двенадцати тысяч томов. Цифра для земской библиотеки весьма впечатляющая. Но еще более привлек мое внимание тот факт, что каталог был издан в самом Мышкине, в типографии Петра Анисимова.

От Ольги Новиковой услышал:

— Вскоре после открытия библиотеки (а случилось это в 1875 году) в городе при поддержке того же Опочинина возник кружок знатоков и любителей книги. В нем и родилась идея заняться издательской деятельностью. И в 1891 году в Мышкине вышел первый из пяти томов «Древней российской библиофики» — полного собрания русских летописей и документов по отечественной истории. Разные книги выходили в Мышкине вплоть до революции.

В конце восьмидесятых (нынешнего столетия), подобно прошлове-

ковому кружку интеллигенции, мышкинский народный музей и Опочининская библиотека стали инициаторами местного книгоиздательского дела. Технические возможности для этого были, прямо скажем, послабее, чем сто лет назад. Но тем не менее уже издано четыре историко-краеведческих и литературно-публицистических сборника, семь коллективных и персональных поэтических книжек, авторы которых мышкинцы — Юрий Жуков, Николай Смирнов, Николай Агафончиков, Валентина Румянцева. Первым в этом ряду по праву вышел в свет «Изразец» Алексея Рогова, человека, прожившего 98 лет и за всю свою жизнь не сумевшего напечатать ни одной своей поэтической строчки.

О Яковлеве мне сказали: самый старый речной капитан в нашем городе. На следующее утро мы встретились. Несмотря на свои семьдесят лет, Анатолий Васильевич (подкативший, кстати, на велосипеде) выглядит молодцевато в своем темно-синем кителе старого покроя, сработанном из сукна, которому сноса нет.

Примостившись у рубки баржи, сидим, разговариваем.

Баржа перевозила когда-то строительный песок. Потом, судя по остаткам срезанных автогеном перегородочных шпалер, была приспособлена для транспортировки скота. А теперь, подобно той, что привязана канатами к противоположному берегу, поставлена дожидать свой век в качестве дебаркадера.

К его корме причален катер «Мутабор» — на нем как раз капитанствует Яковлев, являясь одновременно и судовым механиком, и матросом.

В шестнадцать лет, когда началась война, он хотел идти на фронт добровольцем. Призван был на

службу спустя год. И направлен под Саратов для обучения на механика по обслуживанию бомбардировщиков Ил-2. Перед самым выпуском из курсантов отобрали сорок человек и отправили переучиваться на воздушных стрелков.

На третьем боевом вылете в районе Запорожья его самолет был подбит. Пилот чудом дотянул и посадил на аэродром поврежденную машину. Раненого стрелка, наскоро перевязав, отправили в госпиталь.

...Второе ранение Яковлев получил 30 апреля сорок пятого на тридцать третьем боевом вылете. Уже под Берлином, когда их авиаполк наносил штурмовые удары по частям, оборонявшим германскую столицу. Выполнив боевое задание, штурмовик возвращался на базу, но попал в зону плотного зенитного огня.

— Прыгай! — услышал Анатолий в наушниках приказ пилота.

Он раскрыл люк стрелковой турели, дернул парашютное кольцо — и словно провалился в небытие. Пришел в сознание через несколько дней на госпитальной койке, весь запеленутый в бинты и гипсовые шины. Врачи сказали, что везучий. Самолет разбился, остальные члены экипажа погибли.

В речники не думал подаваться — куда уж ему, израненному-перебитому. Отучившись на специальных курсах, работал в местном «Коопхозе» шерстоведам и сырьевщиком — это по части заготовления шерсти и кож. Но к началу шестидесятих заготовлять уже было нечего. И Яковлев пошел в речную контору.

Сначала был шкипером парома. Потом, после учебы в Угличе, получил капитанский диплом. Более десяти лет работал на переправе. Последние тринадцать — на «Мутаборе», принадлежащем дирекции газокompрессорной станции.

Юный мышкарь.

Вскоре покинет и этот катер. Из управления газопровода пришла бумага, в которой всем работающим на предприятии пенсионерам предложено или продолжать работу, но при этом лишиться некоторых, весьма существенных льгот, либо сохранить их за собой, но расстаться с работой. Обидно Анатолию Васильевичу, но он воспринимает это как нечто, логично увязанное со всеми грустными переменами, происходившими на его глазах в речном волжском деле.

— Тут ведь еще три года назад на месте дебаркадера хорошая пристань была, — рассказывал мне Яковлев, — с буфетом, залом ожидания, даже с каютой-гостиницей. Курсировали пассажирские суда. Сейчас к Мышкину даже из Углича рекой не добраться. Пристань сняли и увели. Городскую речную контору закрыли...

В одной из витрин народного музея я видел билет на пароход, следующую курсом как раз из Углича в Мышкин, но приходилось это на начало двадцатого века. Поверху проездного документа значилось — «Коммерческо-крестьянское пароходство».

Обратился я к всезнающему Гречухину: оказывается, не одно, а три пароходства — кроме указанного, еще «Тверское» и знаменитое волжское пароходство «Самолет» — имели здесь свои пристани.

В Мышкине жил, построив дом на набережной, пароходчик Сонинский, который выбился в люди тем, что собирал по берегам камень-булыжник, пригодный для того, чтобы мостить улицы и дороги, и возил его на продажу в Рыбинск. С этого камня и купил он пароход, что вместе со множеством других ходил по матушке-Волге.

Другой расцвет пароходного дела в этих местах пришелся на тридцатые годы, когда было построено Рыбинское водохранили-

ще. Беспрерывным потоком с самых низин Волги шли в Москву пароходы и баржи, груженные продовольственными товарами, фруктами, овощами.

Уменьшение, истончение этого потока происходило буквально на глазах Яковлева.

— Неужто так все окончательно и зачахнет? — сокрушается нынче он.

В общем, Мышкин хлебнул всех бед, выпавших на долю нашего отечества. Сполна и даже сверх того. И хлебнет еще, наверное, — пока не воцарятся у нас разумные законы и порядки.

А пока он живет, как приноравливаясь жить, — тужась, но не отчаиваясь. Полагаясь на свои силы, на собственный талант и умение.

Помня о том, что нынешний год, по восточному календарю, — год Красной крысы бин-цзы, также числящийся на тринадцатой позиции шестидесятилетнего круга как Год мыши, я спросил у Гречухина, как отразится это обстоятельство на музее.

— Грешно, конечно, не воспользоваться таким поводом, — улыбнулся он.

Позже я узнал: летом в Мышкине пройдет международный фестиваль, на который приедут гости из российских городов и сел, из стран ближнего и дальнего зарубежья — артисты кукольных театров, художники и дизайнеры, «игрушечных дел» мастера... В частности, будут представители музея Кота из Литвы. Будут и театральные шествия, и представления, большой карнавал на берегу Волги. Пройдет смотр поделок, воссоздающих понятно чей образ. Награды победителям — золотая, серебряная и бронзовая мышь.

Другая, не менее значительная, сторона события: во время фестиваля подведут итоги конкурса проектов нового здания музея Мыши.

Решение о его будущем новоселье, несмотря на финансовые трудности, приняла администрация области во главе с недавно избранным губернатором Анатолием Лисицыным.

Наконец, следует сказать и о том, что музей Мыши получил при-

глашение участвовать в осеннем фестивале Диснейленда. Для уточнения деталей заместитель губернатора Виктор Жариков даже слетал в США. Будем считать, что ему выпала честь проторить дорогу мышkinsкой мыши из ее колыбели в большой мир...

Московский Центр
Социально-Психологической Помощи
Подросткам

„ЧЕТВЕРТЫЙ МИР“

организует для подростков и родителей

- индивидуальные консультации психолога, сексолога, конфликтолога, детского адвоката, семейного социального работника;
- индивидуальные занятия и групповые тренинги, социальный патронаж с целью улучшения взаимоотношений в семье;
- профильные психотренинговые лагеря по программе психолого-педагогической коррекции отклоняющегося поведения подростков.

ПОДРОСТКАМ ВСЕ УСЛУГИ БЕСПЛАТНО.

Адрес: 127543, Москва, ул. Корнейчука, д.24, офис 1.

Тел. 407-10-04; 407-54-49.

ВЯЧЕСЛАВ ЗАГОРСКИЙ

Задание на завтра

Школа государственная, частная, лицей, колледж, реальное училище, специкола... Куда отдать любимого ребенка — голова кругом!

Чтобы он и образованным вырос, и воспитанным, и спортивным, и музыкальным. Словом, самым-самым! Сколько стоит сегодня «бесплатное» обучение, а сколько платное? Что значит — хороший учитель и не очень? А какой вуз выбрать и как туда «устроить» сына, дочь? Вопросов — тьма. Но все они так или иначе касаются главного: мы хотим, чтобы дети наши стали людьми знающими, достойными и, в хорошем смысле, приспособленными к реалиям жизни.

Осуществимо ли это сегодня?

Вячеслав Загорский — один из тех, кто может ответить на этот вопрос — он много лет работой и душой связан с ребятами. Кандидат химических наук, старший научный сотрудник химфака Московского университета, он еще и учителем в интернате имени А. И. Колмогорова при МГУ.

Ему слово...

Пять общих советов

Самый частый вопрос, который задают мне многие знакомые, — куда отдать ребенка учиться? Ведь что получается — мы столько боролись за право выбора для наших детей школы, учителя, а теперь мучаемся: право выбора обернулось для нас проблемой выбора.

Еще лет десять назад альтернатива была проста: либо районная школа по месту прописки, либо — если как следует «походить» в РОНО — попытка пробиться в одну из немногих «спец» — так называли тогда школы с углубленным изучением иностранных языков или еще более редкие физико-математические.

Сегодня же в одной только Москве, например, на 1250 государственных школ, работающих по стандартным программам, приходится более ста пятидесяти «независимых» разной ориентации и принадлежности. Есть от чего растеряться папам и мамам. Проблема выбора тем более трудна, что большинство из них понимают: сегодня, как никогда раньше, от качества образования ребенка зависит его судьба, жизненный успех, карьера. Однако далеко не все родители при этом сознают, что между качеством и престижностью образования разница гораздо больше, чем между качеством и престижностью, скажем, марки автомобиля или фирмы бытовой электронной техники.

Могу в связи с этим предложить для начала несколько общих советов из собственного родительского и учительского опыта...

Ни наимоднейшее название школы, ни высокая плата за обучение не являются гарантией качественного образования. Главное — конкретные учителя, опытный и дружный педагогический коллектив.

Если ваша работа связана с возможными переездами всей семьи, выбирайте для своих детей наиболее стандартную школу, лучше всего государственную.

Если выбранная вами школа не является государственной, убедитесь, что у нее есть государственная лицензия на образовательную деятельность. Предпочтительнее же всех школа, уже имеющая государственную аккредитацию, то есть право на выдачу аттестата о среднем образовании. Это право негосударственные школы могут получить только через три года после получения лицензии. Если такой аккредитации у школы нет, ее выпускники сдают экзамены за курс девятилетней (основной) и одиннадцатилетней (средней) школы экстерном в специально определенных для этого государственных школах.

Не спешите отдавать своего ребенка в школу, работающую по «лучшим зарубежным программам и учебникам», например, американским. Помните, что традиционная советская система среднего образования, особенно по математике и естественным наукам, до сих пор признается зарубежными специалистами одной из лучших в мире.

Если среди учеников «независимой» школы много детей ее преподавателей — школа создавалась прежде всего ради них. Если ваш сын или дочь — ровесник «учительских детей» или на год-два старше, можно надеяться, что школа просуществует до того, как они ее закончат.

Любой творческий неформальный педагогический коллектив, состоящий из ярких личностей, имеет, увы, ограниченное время жизни. Гарантированное же время высококачественной работы вновь созданной «независимой» школы вряд ли превысит 5–7 лет. Поэтому, отдавая ребенка в интересную

и «необычную» школу, исходите из его возраста, помня о таком «гарантийном сроке».

Раз ступенька, два ступенька...

Как же быстро они подрастают, наши дети! Кажется, еще вчера вы покупали для своего малыша памперсы, а сегодня уже стоите у прилавка и придирчиво дергаете лямки яркого школьного ранца, проверяя их на прочность. Начало школьного обучения с шести лет стало практически обязательным, хотя, сказать по правде, многие дети не готовы быть школьниками в этом возрасте. Вам повезло, если при детском саде, куда ходят ваши Ванечка или Леночка, создан нулевой класс: такие намного облегчают ребятишкам сложный переход от безмятежного детсадовского возраста к школьному отрочеству. Сейчас имеется довольно много и негосударственных образовательных комплексов «детский сад — начальная школа», и если ваше материальное положение позволяет, конечно, такой комплекс может стать наиболее «мягким» и беспроblemным началом ученической жизни для малыша.

Ну а если никаких «полудетсадовских» вариантов нет и не предвидится, как выбрать для ребенка начальную школу?

Приступайте к выбору примерно за год до поступления. И поскольку в начальной школе с детьми работает в основном один учитель, делать родительскую ставку надо в первую очередь именно на педагога. Не поленились зайти в ближайšie к дому школы во второй половине дня, когда родители забирают из них детей младших классов. Особым объектом вашей «разведывательности» должны стать четвертые классы: именно к их учите-

лям придут в сентябре ваши дети. Разговоры с родителями четвероклашек дадут много полезной информации. Если к тому же выбегающие к папам и мамам дети не торопятся расстаться с классом и радостно делятся с родителями свежими новостями за день, эта школа, этот учитель — именно то, что вам надо!

Всегда хочется знать, как происходит общение педагога с вашим ребенком. «Увидеть» сынишку или дочку и их учителя на уроке можно очень просто: предложите своему малышу поиграть «в школу» или «в садик» (прогимназию и т. д.) либо со своими игрушками, либо с вами, причем в роли старшего (учителя) должен быть ребенок. Уже через 15—20 минут игры вы можете узнать все «любимые» интонации и выражения педагога, его методические приемы обучения и стиль воспитания. Находясь в роли ученика, можно узнать, как поступает учитель вашего ребенка в различных выбранных и «спровоцированных» вами ситуациях. Подавляющее большинство детей очень точно изображает своего школьного наставника. Если же ваш малыш категорически отказывается от такой игры, не исключено, что она вызывает у него неприятные воспоминания, и скорее всего у вас есть основания для тревоги. Для выяснения «подробностей» у собственного ребенка в такой ситуации потребуются большой такт и аккуратность. Посоветуйтесь с родителями других детей вашего класса. Если вы все больше убеждаетесь, что тревога ваша не напрасна, что в силу каких-то причин отношения с учителями или одноклассниками у вашего малыша не задалась и он на уроках и переменках чувствует себя дискомфортно, подумайте всерьез о том, чтобы сменить для него класс (учителя) или даже учебное заведение; уж

слишком велика бывает зависимость всех последующих лет учебы ребенка от самого первого школьного года.

Основные проблемы «основной» школы

Девятилетняя школа называется сейчас в России «основной». Это действительно справедливо: основной объем научных знаний об окружающем мире, тех знаний, которые остаются с человеком на всю жизнь, он получает в возрасте 10—14 лет, то есть с пятого по девятый класс. Переход от единственного учителя в начальных классах к «комплекту» преподавателей-предметников усиливает дифференциацию школьников по успеваемости. Начинают проявляться природные склонности к естественным либо гуманитарным предметам. Появляются и первые признаки ожидаемого многими родителями со страхом «переходно-го» возраста.

В это время для любого мальчишки или девчонки обычно гораздо важнее, как складываются у них отношения со сверстниками, чем с учителями. В возрасте 9—12 лет переживается, на мой взгляд, пик «стихийного коллективизма». Недаром раньше принимали в пионеры в десять лет — стремление к созданию своих групп, «обществ», «организаций» в этом возрасте очень сильно. Такое вполне естественное явление может стать источником психологических проблем для вашего ребенка.

Поэтому если приходится менять для него школу, то лучше это сделать сразу после окончания начальных классов — обычно в пятом классе происходит некоторая перетасовка, и новички входят в коллектив достаточно легко. Позже сменить школу и даже класс бу-

дет уже сложнее — «новенькому» надо разбираться в уже сложившихся до его прихода и достаточно запутанных взаимоотношениях микрогрупп внутри класса, осваивать местные «правила игры».

Если вы устроили ребенка в престижную школу с ранней специализацией, будьте готовы к возникновению психологических проблем. В начальных классах дети не так сильно обращают внимание на разницу в финансовом положении своих родителей, хотя она уже проявляется в одежде, «учебном снаряжении», приносимых с собой или покупаемых в школьном буфете фруктах и сладостях. Эти же различия в более старших классах воспринимаются, особенно девочками, гораздо острее. Даже не как профессиональный педагог, а как отец двух дочерей (разница в их возрасте четыре года) и член родительских комитетов их классов в языковой школе могу судить об этом достаточно компетентно. Если финансовые возможности вашей семьи существенно ниже, чем большинства семей класса, ребенку предстоит преодолевать сильнейшее искушение зависти к красивым вещам и одежде одноклассников. Преодолеть в подростковом возрасте это искушение, выливающееся позже в комплексы собственной неполноценности, очень трудно. Мне кажется, есть два способа «возвышения» ребенка над материальными проблемами. Если школьник может стать неформальным лидером класса или одной из его внутренних микрогрупп, его самооценка будет высокой и без родительских денег. Однако надо помнить: не каждый подросток — прирожденный лидер. Второй способ противоположен — ребенок, воспитанный религиозной семьей в духе смирения, также может возвыситься над «мирскими соблазнами».

Все другие пути выравнивания ситуации — голодное существование родителей ради престижной одежды и вещей ребенка, самостоятельные заработки школьника — лишь отодвигают время проявления зависти и озлобленности по поводу «красивой жизни» детей «новых русских» и вашей собственной родительской «неспособности». Вывод — выбирайте школу не только по размерам официальной платы за обучение, но и по вашим возможностям содержать в ней ребенка на сложившемся там уровне...

Для того, чтобы помочь сделать домашнее задание ученику начальной школы, требуются, как правило, лишь элементарная грамотность и терпение родителей. Гораздо труднее родителям-неспециалистам с ходу ответить на вопрос семи- или восьмиклассника по математике, физике, химии или биологии. Однако не спешите искать репетитора в случае отставания по одному-двум предметам: оценки могут быть связаны не только с нежеланием постигать науку, кажущуюся неинтересной, но и с явной либо подсознательной неприязнью к учителю. Проверить это не очень сложно. Нужно предложить школьнику дополнительную литературу по «нелюбимому» предмету. Если такая литература воспринимается с интересом, но оценки не улучшаются, скорее всего дело в учителе. Не торопитесь тем не менее в школу с «разборками». Попробуйте понять ситуацию — уж вам-то лучше других должно быть известно, что ваше чадо далеко не всегда бывает ангелом.

Сейчас в самых младших классах начальной школы отметки обычно не ставят. И это, по моему, правильно — на первом этапе нужно, чтобы ребенок поверил в свои силы. Но позже, когда возникает и растет потребность подростка в са-

мооценке, справедливые отметки очень важны для него. Любое отклонение от объективности при выставлении отметок — их явное завышение или занижение — дает, несомненно, вредные, хотя иногда и отдаленные последствия. Очень хотелось бы, чтобы это понимали и родители, и учителя, да и сами школьники.

А что же делать, если в треугольнике ученик — учитель — родители все в порядке, а предмет «не идет»? Тогда в первую очередь нужно искренне захотеть помочь своему ребенку. Часто случается, что причиной неуспеваемости по какому-либо предмету стал пропущенный или вовремя не понятый учебный материал, что приводит к «снежному кому» непонимания. Придется тогда вместе с ребенком вернуться к началу. Возможно, ради этого вам нужно будет долго вникать в давно забытый школьный предмет, нередко удивляясь сухой псевдонаучной запутанности многих современных учебников. Более конкретных советов я здесь дать не могу, поскольку почти по всем предметам даже в «стандартных» школах могут использоваться разные комплекты учебников, а конкретные программы заметно отличаются друг от друга.

Деньги для учебы

Образование детей даже в государственной и «совсем бесплатной» школе обходится родителям весьма недешево. По данным Московской федерации профсоюзов, на июль 1995 года прожиточный минимум детей от семи до шестнадцати лет в Москве составлял 749 622 рубля в месяц. Из них на питание требовалось 550 222 рубля, на непродовольственные товары — 148 425 рублей и на оплату образовательных и прочих немате-

риальных услуг — 50 975 рублей. Более свежие фактические данные — из сообщения «Российских вестей» от 13 ноября того же года: в среднем по России реальные затраты на питание одного члена семьи (набор из 19 важнейших продуктов) составляли в октябре 1995 года 219 тысяч рублей, однако заработная плата тридцати семи миллионов работающих россиян была ниже прожиточного минимума. Очень смешно выглядит на этом фоне величина государственной дотации на ребенка школьного возраста — 40 425 рублей в прошлом октябре. Показатель же «оплата услуг» для московских школьников, приведенный мною чуть выше, по-моему, сильно занижен. Ведь самые дешевые кружки стоят сейчас 50 тысяч рублей в месяц; такова и минимальная оплата любых дополнительных занятий в родной «бесплатной» школе.

В некоторых негосударственных (их сегодня также называют частными) школах плата за обучение достигает сотен долларов в месяц. Если учесть, что в них, как правило, на каждого школьника приходится по одному взрослому школьному работнику (включая техперсонал), а еще руководству учебного заведения надо немало платить и за аренду, питание, транспорт и прочее, выходит, такая школа вовсе не является, как это часто кажется многим неосведомленным людям, источником сверхдоходов. Наоборот, ежемесячная плата в несколько сотен тысяч рублей за обучение вашего ребенка в негосударственной школе, включающая хотя бы стоимость завтраков, предполагает практически бесплатную работу ее учителей, если только это учебное заведение не имеет «крепких» спонсоров. Поэтому, выбирая лицей или гимназию для ребенка из числа платных (это могут быть, например, и «коммер-

ческие» классы в обычной школе), поинтересуйтесь заработной платой педагогов. Если их суммарная зарплата меньше, чем полмиллиона рублей (данные по Москве, осень 1995 года), то основной мотив работы здешних учителей — их собственный энтузиазм. С одной стороны, это, конечно, хорошо. С другой — не слишком надежно: очередное повышение арендной платы может привести к закрытию учебного заведения, поскольку снизить зарплату педагогов ради сохранения школы уже невозможно.

Хотя названные суммы кажутся некоторым родителям чрезмерными — это сегодняшние реалии. К сожалению, высокая плата за обучение далеко не всегда гарантирует его качество. Самый надежный способ бесплатного или почти бесплатного обучения своего ребенка в качественной негосударственной школе — пойти в эту школу работать, если ваша собственная специальность вам позволяет.

Не все золото, что блестит

Товарищ по научной работе уезжает на стажировку в США с сыном-семиклассником и по совету бывалых коллег-стажеров запасается отечественными школьными учебниками. Заехав через полгода ненадолго в родную лабораторию, рассказывает, что сын в тамашней школе в основном отдыхает и занимается спортом, а учатся они с ним дома...

Демократизация образования в западных странах, наиболее ярко проявившаяся в школах США, обеспечивает ребятам почти идеальный психологический комфорт и свободу. Старшеклассники там могут свободно выбирать предметы и даже отдельные части учеб-

ных курсов, наиболее интересные им в данный момент. Ученики интерната имени А. Н. Колмогорова регулярно участвовали в обменах группами американских школьников из аналогичной специализированной школы с высоким уровнем преподавания. Обязательным предметом в школе Чоут Розмари Холл (штат Коннектикут) был только... спорт. Кроме него, в семестре полагалось изучить 4—5 курсов по выбору. Наши ребята особо морщились, отмечая очень медленный темп подачи американскими учителями учебной информации, ее «разжеванность» и «совсем смешные по объему» домашние задания. Зато всем запомнились и полюбили регулярные уроки по истории того или иного школьного предмета, знакомящие не только с научными открытиями в этом разделе науки, но и с личностями выдающихся ученых. В одной из обменных поездок наш не самый выдающийся ученик (впрочем, отличники — большая редкость в Колмогоровской школе) победил на местных олимпиадах по математике, физике, химии и... английскому языку. Последнее особенно огорчило принимающую сторону.

Бывший советский генетик-диссидент, а ныне профессор американского университета В. Сойфер рассказывал, что в массовых американских школах положение гораздо хуже, чем в элитарных, об одной из которых я только что и говорил. Школьники в США хорошо знают свои права. Возможно, на наш «непросвещенный подлинной демократией взгляд» даже чересчур «хорошо»: к примеру, устный опрос, который может быть «предвзятым» и вообще является «покушением на свободу личности», в школах Америки не практикуется — его заменяют достаточно простые тесты. Свободный же выбор учебных курсов приводит к выпу-

ску чрезвычайно узко образованных личностей. В стране с развитыми информационными сетями и сервисом это, наверное, не так страшно, но у нас, в Колмогоровской школе, химик, не знающий основ электротехники, слесарного и стеклодувного дела, полноценно работать в лаборатории не сможет. Главная же проблема даже не в технических навыках: сверхузкие специалисты, замкнувшиеся в рамках своей науки, опасны для общества. Жесткое функциональное деление на «технарей» и «гуманитариев» отрывает науку от культуры и нравственности. А «простые рабочие» с узким кругозором становятся бездуховными «государственными винтиками» в гораздо большей степени, чем граждане тоталитарного советского государства.

Конечно, есть в США небольшое количество элитарных частных школ и гимназий с высокими учебными требованиями, примерно десятка из 1964 тамошних университетов являются действительными одними из лучших в мире. Но основной объем творческой научной работы в них сейчас выполняют специалисты из бывшего СССР и азиатских стран.

Все это я рассказываю, читатель, чтобы вы, выбирая для ребенка школу, не заблуждались относительно красочных зазывных реклам всевозможных негосударственных лицеев и гимназий, сулящих своим ученикам «прекрасное образование по лучшим зарубежным программам», — не все то золото, что блестит.

И чтобы в пароксизме родительской любви и жалости вы не посыпали понапрасну свою голову пеплом печали оттого, что не в состоянии послать наследника «образовываться» за рубеж, — не все то, что «западно», означает качество. Говорю это отнюдь не с пози-

ций квасного патриотизма, а как педагог, хорошо знающий нашу родную отечественную систему образования. И достаточно высоко ее оценивающий.

Добавлю, что и переводные импортные учебники не всегда являются «лучшими». Обычно они прекрасно иллюстрированы и содержат мало текста, но в то же время потребностей заинтересовавшегося учебным предметом школьника удовлетворить не могут. Например, мои дочери предпочли отечественный комплект детских энциклопедий издательства «Аванта-плюс» более ярким, но малосодержательным переводным книжкам аналогичных серий, издаваемым «РОС-МЭНом». А рассылаемый сейчас Соровским учителям (получившим гранты от фонда Сороса российским преподавателям) фондом IS-SEP американский учебник «Химия и общество» являет собой прекрасный пример идеально гуманного и простого, содержательного, но... совершенно бессистемного подхода к изучению химии.

Студенческий балл

Уровень и качественная стабильность образования ребенка и, значит, во многом его дальнейшая жизненная карьера определяются в большой степени двумя последними школьными годами — в российских школах соответственно десятым и одиннадцатым классами. Жизненные пути тех, кто закончил только основную (девятилетнюю) и кто получил аттестат об окончании средней (одиннадцатилетней) школы, конечно, значительно различаются.

Ряд профессий доступен и после девяти классов, поэтому не стоит заставлять ребенка учиться еще два года, если он уже нашел привлекающую его специальность. Не

забывайте про изменения, происходящие в стране, про растущую безработицу. В наше время любая строительная, например, профессия гораздо более надежна и денежна, чем внешне престижная работа. И даже чем деятельность торговца-«челнока».

Однако многие родители не мыслят своего чада без высшего образования. Начинать готовиться к получению вузовского диплома надо сразу после девятого класса, а можно и раньше.

Прежде всего убедитесь, что будущая специальность подходит вашему ребенку и его (а не ваш) выбор серьезно им осознан.

Когда вы и ваш ребенок остановили свой выбор на конкретном вузе, снова, как девять лет назад, ищите ему соответствующую школу. Вполне возможно, что в старших классах и своей родной школы будущий абитуриент получит необходимую для сдачи вступительных экзаменов подготовку. Но если вы хотите действовать почти наверняка, последние два года вашему завтрашнему абитуриенту лучше учиться в школе при вузе. Такие с разной степенью «подшефности» имеются при большинстве институтов и университетов.

При крупных вузах и университетах есть обычно заочные школы и подготовительные курсы. Из очных школ лучше те, в которых основные предметы в старших классах ведут преподаватели шефствующего вуза. В некоторых таких школах-спутниках выпускные экзамены могут быть зачтены как вступительные. Чтобы в этом надежно убедиться (к рекламе относитесь с осторожностью!), справьтесь у ректора или в деканате вуза. Как правило, на «модные» нынче экономические и юридические специальности такое положение не распространяется. А конкурс на естественнонаучные и технические

специальности в большинстве вузов сейчас так мал, что можно заниматься в выпускных классах без перенапряжения и не разоряться на репетиторов...

Если вы живете далеко от университетских городов, а ребенок явно имеет склонности к естественным наукам и уровень родной школы недостаточен, вам могут помочь учебные центры-интернаты. В России имеется четыре специализированных учебно-научных центра (СУНЦ) с интернатами — при Московском, Санкт-Петербургском, Новосибирском и Екатеринбургском университетах. В этих интернатах можно учиться в десятом и одиннадцатом классах либо только в одиннадцатом. Родительская плата (обучение и проживание) — до трех минимальных зарплат в месяц. Выпускные экзамены являются вступительными в соответствующий университет (на естественно-научные и математические факультеты). За более точными сведениями обращайтесь в соответствующий СУНЦ.

Помогая своему ребенку справиться с трудностями учебы, помните: высокие оценки и баллы все же не являются залогом его счастья в будущем. Напротив, среди отличников бывает больше разочаровавшихся и в жизни, и в себе самих, чем среди «середнячков».

Готовьте ребенка к жизни, в которой он сможет проявить свои лучшие человеческие качества. И значит — стать счастливым!

Дорогие читатели!

Пришло время подписки на второе полугодие. Для нас, тех, кто причастен к производству журнала, это время тревоги и волнений — только будущий тираж покажет, по-прежнему ли вам интересна "Смена".

С июля прошлого года, несмотря на рост цен на все и вся, стоимость нашего журнала оставалась неизменной — мы считали и считаем, что "Смена" должна быть доступной и для людей со скромными доходами. Но ваши и наши надежды на финансовую стабилизацию так и остались надеждами. Транспортные тарифы, стоимость бумаги и полиграфических услуг за этот год возрастали неоднократно, и мы подошли к порогу, когда без увеличения цены сам выпуск "Смены" может оказаться проблематичным.

Нам бы очень хотелось надеяться, что во втором полугодии 1996 года вы не расстанетесь со своим любимым журналом. Принцип "Смены" остается неизменным: в каждом номере — остросюжетный роман или повесть (причем целиком!) лучших отечественных и зарубежных авторов, в каждом номере — статья о шедеврах русской и мировой культуры, занимательный очерк о малоизвестных эпизодах отечественной истории, размышления талантливых публицистов, ученых, писателей о сегодняшних проблемах, волнующих нас всех. В ближайших номерах мы предполагаем опубликовать романы Буало-Нарсежака "Дурной возраст", Николая Леонова "Бросок Кобры", Грегори Макдональда "Сын Флетча", Фрэнка Фелитты "Похоронный мари марионеток". И это лишь малая часть того увлекательного, что вы не сможете прочесть, не подписавшись на "Смену".

Москвичей и жителей Подмосковья, желающих и впредь читать наш журнал, но не имеющих возможности платить немалые деньги почте за доставку или киоскерам, продающим "Смену" с большой наценкой, мы призываем: приезжайте к нам в редакцию, и мы подпишем вас с любого месяца по цене, указанной в каталоге "Роспечати".

Более подробную информацию об условиях подписки мы даем по телефонам:

212-15-07, 250-49-98.

„Дарование — есть поручение“

74

Владимир Качан — ведущий артист театра «Школа современной пьесы». Один из пяти (М. Миронова, Л. Полищук, М. Глузский, А. Филозов), кто состоит там в штате. До этого работал еще в трех московских театрах, в том числе у самого Эфроса, по личному приглашению мэтра. В 70-е годы пел в оркестре другого мэтра — уже отечественной эстрады — Леонида Осиповича Утесова, который всерьез прочил Володю в свои преемники на эстраде. Это он в фильме «Звезда пленительного счастья» впервые озвучил песню, которая и по сей день на слуху у многих: «Не обещайте деве юной любви вечной на земле...» Первый компакт-диск — песни на стихи Леонида Филатова — вышел в декабре 1994 года. А недавно — кассетные альбомы «Прогулка с другом» и «Диалог — 30 лет», где Владимир — автор музыки и исполнитель. В планах выпуск другого диска: «Соседи по городу». В 1995 году побывал с театром на гастролях в Германии, Америке, в Прибалтике.

— Володя, суперобложка вашей жизни яркая. А что за ней? Мы знакомы больше 20 лет, и я знаю, что в вашей жизни были не только апплодисменты...

— Конечно. Жизнь, как жизнь, со взлетами и срывами, бесшабашная, грешная. И повергающая в уныние, и яркая, как фестиваль. Все, как у всех, но важно другое — суметь исполнить поручение.

— Вы о чем?

— Помните, у Баратынского: «Дарование — есть поручение, и его должно исполнить, несмотря ни на какие препятствия». У каждого свое поручение.

— Ваше — стать звездой?

— Терпеть не могу эту помпезную формулировку успеха. Вечно мы перенимаем у американцев не

лучшее... Настоящие звезды, астрономические, светят, понятия не имея, что они звезды. Виктора Астафьева как-то спросили: как он относится к тому, что его называют великим русским писателем? Приятно, говорит, но вдруг посмотришь на книжные полки, а там Пушкин, Гоголь, Чехов... и как-то успокаиваешься. Здорово сказано. Именно успокаиваешься.

Успех, популярность — все относительно, а применительно к нашим дням иногда и предосудительно. К примеру, в прошлом году самым популярным был Леня Голубков... Что же до меня, то я, как говорится, широко известен в узком кругу. Тех, в ком и в условиях рыночных отношений не исчезла потребность в романтике. А свои удачи оцениваю как еще одно продвижение по

Фото ИГОРЯ ЯКОВЛЕВА

витку спирали, с которой я все как-то соскакивал многие годы.

— Имеете в виду то время, когда, хлопнув дверью, ушли из театра на Малой Бронной, а потом из театра Станиславского?

— Да. Я ведь семь лет был вне театра, до того момента, как стал работать в «Школе современной пьесы»...

— Но почему уходили? У вас, насколько помню, были хорошие роли, сильные партнеры: Лия Ахеджакова, Ольга Яковлева, Лев Дуров...

— С благодарностью вспоминаю то время и людей, с которыми работал. Но так уж я устроен: как только почувствую, что на каком-то этапе исчерпал себя, — все! Ничего не хочу! Надрел! Веду себя так, будто бросаю вызов всем, всему и себе тоже.

— Уходили в никуда. Чисто славянская черта — рвануть рубаху на груди. А дальше что?

— А дальше — тяжелейшие депрессии, когда само физическое существование виделось ошибкой. Но, зная, все не зря в этой жизни. Выкарабкивался. Где сам, где с помощью друзей. Выручали хорошие стихи, музыка, песни. Работал... Все-таки я никогда не ощущал себя только артистом. Скажу больше: вся актерская жизнь прежних лет не стоила той минуты, когда впервые услышал записанными на студии свои песни на стихи Леши Дидурова в сопровождении виолончели и двух гитар. Вот тогда-то спираль моей жизни и начала раскручиваться вверх.

— Могли бы выбрать путь и полегче. Писали бы музыку на стихи известных поэтов, пели где надо.

— Ну да. Результативна также (в смысле быстрого продвижения в искусстве для масс и обретения материальных благ) работа на

«попсу» — «яблоки на снегу, ты им еще поможешь, я уже не могу». В том-то и дело, что нельзя молиться одновременно и Богу, и Маммоне. Я сделал свой выбор. Никогда не пишу музыку на тексты, только на стихи. Настоящее искусство — это проповедь добра, сострадания, красоты и любви. Не скучное и назидательное нравоучение, а именно проповедь. От сердца к сердцу. Очень интимно. Не важно, кто ты: артист, поэт, композитор или певец — мы всего лишь средство доставки от Бога к Человеку. Когда это так — есть искусство.

— *Володя, ваш театр недавно вернулся с гастролем по Прибалтике. Удалось ли вам побывать в Риге — городе вашего детства?*

— Удалось. Покружил возле дома, где жил, школы, где мы вместе с Мишей Задорновым играли в одном драмкружке. Грустно и светло.

— *Как вы оказались в Москве?*

— Все началось с приезда в Ригу Вахтанговского театра. С того, что я, по совету своей преподавательницы, отправился за кулисы к Владимиру Григорьевичу Шлезингеру. Почитал ему. Узнал, что у меня есть данные. Вскоре приехал в Москву поступать в Щукинское и... срезался на этюдах. Вернулся домой, сдал на «отлично» экзамены в университет, на филфак, а через три месяца телеграмма из Москвы — в Щукинском объявлялся дополнительный набор, и меня туда звали... Опять приехал. А в училище конкурс 300 человек на место. Взяли троих: Нину Русланову, Александра Кайдановского и меня.

— *Вы ведь с Филатовым учились на одном курсе...*

— Да. Только он и еще наш общий друг, Борис Галкин, поступали в основном наборе. Жили в общестии в одной комнате, потом сни-

мали квартиру. Леня писал стихи, я сочинял музыку — ошеломляющий успех у сокурсников. Все начиналось с баловства вроде бы. Кто мог подумать, что песни наши с Леонидом я буду петь у самого Утесова, что появятся кассеты, компакт-диски.

— *До всего этого по Москве уже гуляли любительские записи, сделанные на квартирах друзей...*

— Как же, помню. Одна из таких квартир была ваша.

— *Но у меня была своя корысть — вы и из моих стихов делали песни, теперь я этим хвастаюсь. Скажите, а вы сами не писали стихов?*

— Никогда. Но пристрастен к писательской работе.

— *Имеете в виду эссе об Эфросе и статьи или есть что-нибудь еще?*

— С 90-го года в столе лежит недописанная повесть про артистов, про театральную жизнь, про любовь. Все некогда довести до ума.

— *Работа в новом театре отнимает много времени?*

— Не столько отнимает времени, сколько всего меня. Я снова, как когда-то у Эфросы, работаю в театре с удовольствием. То есть интересен сам процесс создания спектакля, а конечный результат, когда уже зритель, когда премьера, как бы и не важен.

— *Как вы оказались в этом театре? Когда?*

— Пять лет назад. В самый разгар моей работы над повестью — звонок художественного руководителя театра Иосифа Райхельгауза: «Предлагаю принять участие в спектакле «А чой-то ты во фраке?». В компании с Гурченко и Виторганом. На сцене, где поет Булат Окуджава, работает Сергей Юрский... Мог ли я отказаться? Конеч-

но, дал согласие. У этого спектакля была большая пресса — хвалили...

— Не страшно было выходить на сцену после стольких лет и с такими партнерами?

— Сразу — нет. А вот потом... Как в анекдоте про космонавта — летал, летал в космосе, а на Земле взглянул на небо и упал в обморок.

— Понимаю. Но спектакль получился действительно очень хороший. Драматические артисты поют оперными голосами, танцуют балет, замирая в эффектных статуарных позах, — по-настоящему уморительная пародия. Правда, я смотрела спектакль в другом составе. Там, где вы играете с Филозовым и Полищук. В зале хохот стоял просто гомерический... Новый сезон — новая премьера: «Миссис Лев»...

— Хоть и называется постановка Бориса Морозова трагикомедией, но показана в ней настоящая трагедия двух замечательных людей: великого Толстого и его жены. Я играю в спектакле Черткова — рокового для семьи Толстых человека. Мои партнеры по спектаклю — Валентина Талызина и Лев Дуров, с которым через столько лет опять встретились на сцене. Очень ценю его не только как актера, но и человека. Вот уж кто умеет не нагружать окружающих своим плохим настроением...

— Буквально новый спектакль о жизни Толстого. А если взять шире?

— О любви. Помните, в заключительном монологе Толстого — «Мы живем хорошо и радостно, когда любим...»? В жизни нет ничего важнее, чем любовь...

— Вы любите?

— Конечно. И не только работу, хотя по натуре я великий лентяй. Люблю жену. Люда очень красивый человек. И не только внешне.

Она — настоящий клад терпения и талантов. Умеет любить и сопереживать. Она так трогательно плачет над фильмами, особенно если в них все хорошо кончается. В такие минуты я испытываю особую нежность к ней... Люблю сына Глеба. Во многом похож на меня — на него тоже нельзя давить. Артистом быть не хочет. Пусть заканчивает школу, а там видно будет. Люблю читать детективы, из занятий спортом — плавание. В общем, люблю. А значит, живу — хорошо и радостно.

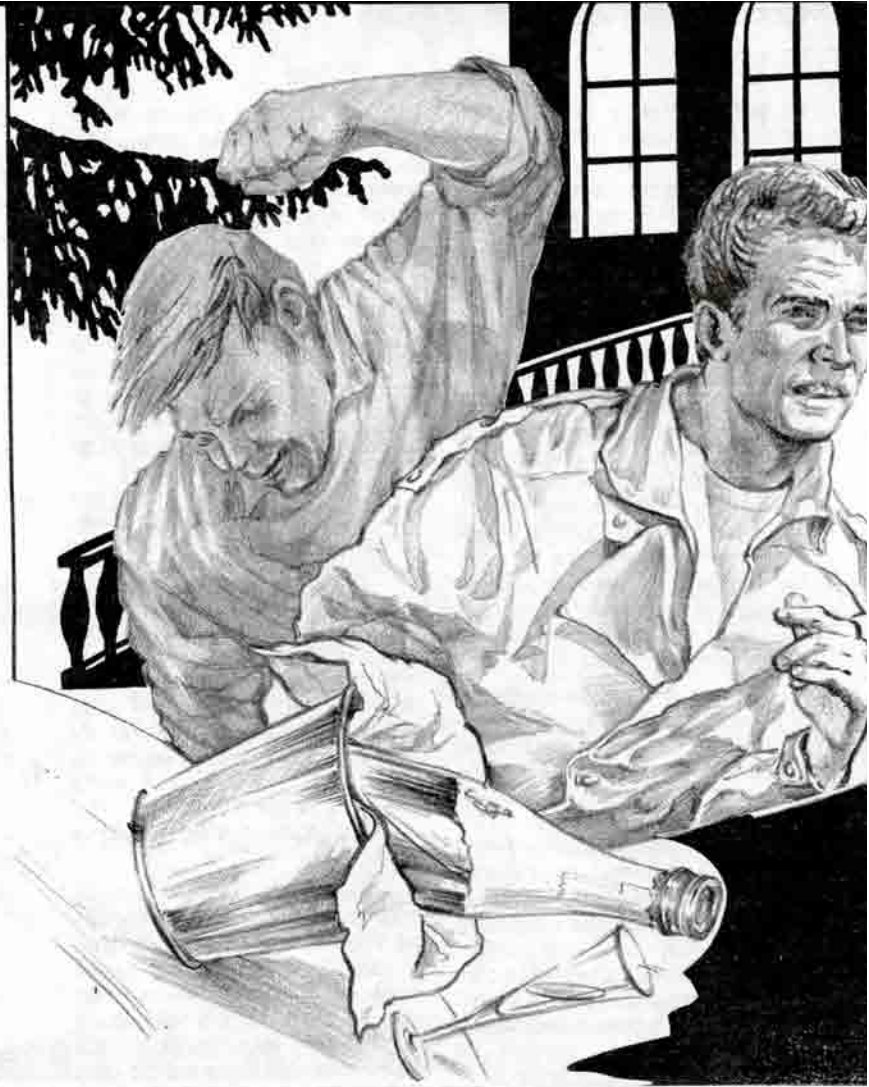
— Вы по жизни часто ходили в отличниках, и в школе, и после нее. Но за что бы вы поставили себе двойку? И за что пятерку?

— Есть в жизни такая наука — терпение. Ее я никак не могу постичь. Нетерпелив. И это обстоятельство не раз создавало мне неудобства в жизни. А пятерку — за то, что я никогда, ни при каких обстоятельствах старался не терять своего лица. Не заискивал перед сильными, не суетился...

— Что больше всего цените в людях?

— Талант. В широком смысле этого слова: любить, дружить, детей воспитывать... Талант политика. Большой дефицит в нашей стране, хотя политиками считают себя многие. Это про них сказал еще Герцен в прошлом веке: «Когда бы люди захотели вместо того, чтобы спасти мир, спасти себя, вместо того, чтобы спасти человечество, себя освободить, как много они сделали бы для спасения мира и человечества...»

**Беседу вела
ИРАИДА ПОТЕХИНА.**

НИКОЛАЙ ЛЕОНОВ

ПРЕЗУМПЦИЯ

НЕВИНОВНОСТИ

Рисунок МАРИНЫ АВСЮКЕВИЧ

Сентябрь. Погода начала ломаться. То стояли пригожие, теплые дни, то внезапно небо заволакивали тяжелые тучи и моросил мелкий холодный дождь.

В этом сентябре в Москве происходил какой-то обвал разбойных нападений на инкассаторов. Грабили целенаправленно, в основном охотились за валютой. Налетчики явно имели информацию, когда, куда и сколько долларов собираются перевозить. Налеты совершались дерзко, жестоко. Инкассаторов и охрану расстреливали из автоматов и пистолетов. Свидетелей не оставляли.

— Ты опер-важняк, агентурист или мальчик на посылках? — спрашивал у Гурова его друг, начальник Главка генерал Орлов. — Разбойники ведь живут не на полюсе и не в Сахаре...

Гуров с полковником Крячко уголовную среду прослушивали внимательнее, чем опытный врач прослушивает миллионера.

Наконец Гурову удалось пробить агентурный подход в окружении налетчиков, и сыщик получил информацию, когда и где конкретно готовится очередное нападение.

Орлов создал группу захвата, но Гурову не разрешил участвовать в операции, сухо напомнив полковнику, что тому уже пятый десяток, стало быть, хватать и стрелять должны молодые.

Гуров рассердился, но дружба дружбой, а генерал — начальник, ему решать.

Специально подготовленные ребята отправились на задержание и вернулись ни с чем. Налет не состоялся. На Гурова смотрели сочувственно, некоторые насмешливо.

Через несколько дней история повторилась. Тогда Гуров явился к Орлову и заявил: полученная им информация абсолютно достоверная, а то, что «пацаны» засвечиваются, означает, что налетчики засекают засаду, потому все и срывается.

— Хорошо, — согласился Орлов, — следующую операцию будешь готовить и проводить сам, лично.

Глава первая В ПОИСКАХ АГЕНТУРНОГО ПОДХОДА

— Они заранее знают, что вы их ждете. Смеются, — сказал агент. — Я один раз вякнул, мол, кончайте веселиться, потеряете бдительность — сгорите.

— Ты не лезь, отойди в сторону. У тебя есть через кого получать информацию. Общаться с ними напрямую категорически запрещаю, слишком опасно. — Гуров увидел, что в кабинет вошел Крячко, кивнул ему и продолжал: — И вообще это не телефонный разговор...

— Да я с автомата, с Центрального телеграфа, меня тут никто не слышит.

— Давай сегодня, часиков в восемь, подсакивай на наше место.

— О'кей, командир.

Гуров положил трубку, вздохнул:

— Цены парню нет, однако авантюрист. По самому краю ходит, в разведчика играет. Его любимый фильм «Мертвый сезон».

— Может, он и с тобой «Подвиг разведчика» разыгрывает, а мы уродуемся, словно бобики?

— Обижаешь, полковник. — Гуров присел на край стола, закурил. — Я работаю с ним второй год, десятки его сообщений, сам знаешь, подтвердились. Да и отношения у нас не такие, чтобы лепить горбатого. Я его не принуждаю, решил бы со мной завязать, так бы и сказал.

— Ты же говоришь, что он авантюрист и фантазер. Об убийствах и ограблениях газеты и телевидение сообщают неоднократно. Так, может, твой парень и решил придать себе веса, значимости. Откуда у него подходы к жестким мальчикам?

— У него родная сестра — фотомодель. Красотка. Один из бандитов за ней ухлестывает, кажется, влюбился всерьез. Ну, она, естественно, девочка избалованная... «Да и нет не говорите... Черно-бело не берите», — водит за нос дурня. Как-то он у нее был в гостях. Поддал и выложил на стол несколько пачек стодолларовых с предложением, не смотаться ли в Париж на недельку. Мой же пацан-головастик заявил: эти пачки фальшивые, фуфло. Ну, тот взъярился и брякнул, что фальшивки в банке не держат. А накануне инкассаторов «взяли». Да ты помнишь, в конце августа, на Профсоюзной.

— Так чего ты молчал?

— Выжидал и работал. Установил сестрицыного шикарного гостя. Некто Семен Вестник, но... оказался кругом положительный. Наружка за ним неделю ходила. Ничего. Молодой инженер, холост, живет один, девочки, случается, заглядывают. Выпивает умеренно, в расходах не шикает, ничего дорогого не покупает. Ездит на стареньких «Жигулях», работает во французской фирме, получает в валюте. Я решил тогда, что у парня при себе были деньги фирмы и он спьяну пыль в глаза пускал.

— Правдоподобно решил, — согласился Крячко.

— А две недели назад, когда серия налетов началась, Семен Вестник сделал моему парню предложение. Ничего определенного. Нужен водитель, всего на пару часов, и десять валютных кусков в кармане. Мой — не дурак, ответил: за десять тысяч долларов дадут десять лет, невыгодно. Вообще-то он мастер спорта по мотогонкам, водит классно. Вот Вестник и прилип, уговаривает. Однако знакомить с друзьями не спешит, разговоры ведет.

— Так какого черта решил, что он из банды? — вспыллил Крячко. — Петр знает, какую ты лапшу развешиваешь? Людей задергал, спецподразделение поднял на ноги!

— Потому и молчал, что предвидел реакцию, — устало ответил Гуров. — Если ты, работая со мной второй десяток лет, зная меня, как свою ладонь, плюешься, то что мне ждать от других?

— Пойдем к Петру, посоветуемся.

— Советоваться — значит делить ответственность. А я за свои решения сам отвечаю. Чую, это они! Группа необычная, так? По выбору цели, манере поведения. Чувствуется, что работают про-

фессионалы, спокойные, уверенные, хорошо знающие Москву.

Гурова прервал телефонный звонок. Сыщик снял трубку, услышал недовольный голос Орлова:

— Зайдите оба.

— Слушаемся, — в тон генералу ответил Гуров. Положив трубку, кивнул Крячко: — Пошли на ковер.

— Да мы, кажется, всю жизнь на ковре проводим, — насмешливо ответил Крячко. — Не хватает рыжего парика, носа бульбочкой и штиблет пятьдесят пятого размера.

Орлов, как обычно, сидел, грузно навалившись на стол. Покашливал, последние дни ходил с легкой простудой.

— Присаживайтесь, сейчас подойдут господа сыщики, обсудим вопрос, как жить дальше.

— Дружно, — хмыкнул Крячко и занял свой персональный стул.

Гуров молча прошел к окну, присел на подоконник. Здесь было его любимое место, так как в любой момент он мог подняться и пройтись по скромному кабинету начальника Главка.

Вскоре в кабинет вошли три полковника управления, опытные сыщики, старые знакомые еще по работе в МУРе.

— Прошу всех садиться. — Орлов пересел за небольшой стол для совещаний, многозначительно взглянул в сторону Гурова. Тот послушно сполз со своего подоконника.

— Ну-с, господа офицеры, цвет российского сыска, каковы наши дела? — риторически спросил генерал, так как ответа не ожидал, и, вздохнув, продолжил: — Интересно знать, коли мы такие многоопытные, то почему забрались в дерьмо по самую макушку?

— Господин генерал, следует отвечать или достаточно молча согласиться? — поинтересовался Крячко.

— Заткнись, Станислав. Лишаю тебя слова до того момента, пока я лично к тебе не обращусь.

— Понял. — Крячко кивнул и закрыл глаза.

— Что же получается, господа, сегодня банда с автоматами нападает в центре Москвы на инкассаторов, убивает людей, а мы словно слепые котятка... Позор! Павел Петрович, расскажи коллегам, что тебе удалось раскопать.

Полковник Усов, полноватый, лет сорока пяти, с заурядным, незапоминающимся лицом, взглянул почему-то на Гурова и сказал:

— Мы, кажется, получили агентурный подход к банде. По моим данным, их пятеро, работают на двух машинах — «вольво» и «Жигули», — номера не установлены. Известны три имени, две клички, по нашей картотеке не проходят. Возраст около тридцати, образованные, связи с уголовниками, видимо, не имеют. Можно предположить, что у налетчиков есть информатор в банковской системе, так как они нападают не вслепую, а точно знают, когда везут валюту и солидную сумму. Сейчас они готовятся к очередному налету, но место нападения нам пока не известно. Да, вот еще. Определив объект, они выезжают на место часа за три до нападения, изучают обстановку, возможное присутствие спецслужбы. В общем, бандиты — люди грамотные, не гопстоп-

ники. Сейчас надо ждать. Надеюсь, мой канал не заглохнет и не оборвется.

— Молодец, Паша! — сказал Гуров. — Ты большой молодец! Я аплодирую! Когда освободимся, заглянем ко мне. Я дам тебе, что имею, а ты назовешь мне имена и клички. Договорились?

Полковник Усов кивнул.

— Итак, господа сыщики, будем ждать и готовиться. В случае поступления информации Гуров возглавляет группу захвата. Все свободны...

— Петр Николаевич. — Гуров негромко постучал пальцем по столу.

— Минуточку, — остановил Орлов поднявшихся офицеров. — Есть все основания полагать, что бандиты в милиции имеют информатора.

— Среди нас предатель? — удивился полковник Меншов и раздраженно посмотрел на Гурова. — Это версия явно полковника Гурова. Надо же ему как-то оправдать три проваленные операции. Ведь группы захвата выходили по данным, полученным от самого Гурова.

— Простите, Александр Иванович, я могу продолжить? — спросил Орлов. — Убежден, среди нас нет предателя. Однако бандиты о нашей работе информацию получают. Это факт. Видимо, течет из группы захвата. Мы побеспокоимся, чтобы дырку залудили. Однако вы должны учитывать, утечка существует. Всем спасибо. Гуров, задержитесь.

Когда все вышли, Орлов взорвался:

— Лева, ты охамел или недоумком прикидываешься? Ты как со старшими разговариваешь?

— Это Паша Усов старший? — Гуров взглянул недоуменно. — Когда в МУРе я имел отдел, то Пашу с ладошки оперативными мудростями кормил.

— Что было, то забудь. Сейчас Усов — начальник отдела, а ты, опер, хвалишь его таким тоном, словно учитель двоечника, случайно решившего сложную задачу. Лева, тебе пятый десяток, пойми наконец, люди ранимы и обидчивы. А ты их раздражаешь.

— Петр Николаевич...

— Молчи. Думаешь, этим офицерам приятно узнать, что я назначил старшим группы тебя, а не полковника Усова? А ведь агентурные данные получил именно Усов. Каково сейчас Паше? Не задумался? Все твоя гордость!

Орлов поморщился и, неожиданно резко сменив тон, произнес:

— Лева, будь настоящим другом, прими отдел. Я тебя через полгода своим замом сделаю.

— Да не хочу я быть начальником. Пойми, я кот, который гуляет сам по себе. Больше всего на свете ценю свободу.

— Ладно, кот, иди гуляй. Я тебя понимаю, завидую. В свое время у меня на это сил не хватило, надел штаны с лампасами. Удачи.

— Не горюй, дружище, я и Станислав всегда с тобой.

Гуров зашел к себе в кабинет, но полковника Усова, с которым сыщик договорился обменяться информацией, не застал.

— Ушли очень сердитые, — объяснил Крячко.

Гуров усмехнулся, позвонил Усову:

— Господин полковник, извините, меня генерал задержал. Разрешите зайти?

Кабинет начальника отдела полковника Усова не многим уступал кабинету генерала Орлова. Гуров вошел, огляделся и удовлетворенно кивнул — все так и должно быть.

— Присаживайся, — сказал Усов. — А ты знаешь, что ты в моем кабинете впервые? А знаешь, как часто старший опер заходит к начальнику отдела? — Усов потер полноватые щеки, словно проверяя, чисто ли выбрит. — По несколько раз на дню. Но ты из генеральского не вылезает, тебе начальник отдела без надобности.

— Окстись, Паша. Я живу тихо, никого не трогаю. Чем сегодня тебя обидел?

— Ты сегодня был такой же, как всегда. Гуров обыкновенный. Хам, который считает, что он сыщик, остальные лишь прохожие. Знаешь случай, чтобы опер снисходительно похвалил начальника?

— Я искренне, от всей души. Ты действительно большой молодец.

— А твой тон? Разговариваешь, как мэтр, как звезда экрана с поклонниками.

— Давай закончим обсуждать мою персону и перейдем к делу. У меня есть человек, я его не оформлял, держу накоротке.

— Твоя манера известна, потому по показателям чуть ли не худший в управлении.

— Может, когда-нибудь у нас начнут судить о работе человека не по галочкам да папочкам отчетов, а по конкретным результатам.

— Не доживешь.

— Возможно. Так вот, у моего человека имеется сестра. Фото-модель. В нее влюблен некий парнишка, по имени Семен Вестник. Шикарный парень, при баксах. Я убежден, он налетчик. Проверь по своему каналу, кто из членов банды ухлестывает за фотомodelью. Таким образом мы выясним, об одной группе идет речь или о разных.

Усов посмотрел настороженно, после паузы сказал:

— Если выяснится, что об одной, получится, ты вышел на бандитов раньше меня.

— Не получится, — успокоил Гуров. — По моим сообщениям устраивали засады трижды. Я мажу в молоко, если твоя информация подтвердится, тебя наградой не обойдут. Предлагаю готовить задержание и проводить его вместе. Ты как?

— У тебя есть соображения?

— Необходимо поставить людей из группы захвата в условия, при которых предатель не сможет предупредить бандитов.

— Что ж, я согласен. Работать вместе с самим Гуровым большая честь.

— Паша, ты комплексуешь. Занимаешь генеральскую должность, а лампасов не дают, верно?

— Твой дружок, Орлов, держит. Мне в кадрах сказали, как

начальник управления представит, так мы — не мешкая.

— Петр — мужик с норовом, тут я бессилён помочь... Днями загляну в группу захвата, познакомлюсь с людьми. Ты со мной поедешь?

— А отдел? — Усов хлопнул ладонью по столу. — Нет уж, я не опер, уехать на целый день не могу.

— Хорошо. — Гуров пытался говорить как можно мягче. — Я съезжу один, позже расскажу, каково впечатление.

В спортивном зале тренировались ребята в возрасте двадцати пяти — тридцати лет.

Милиционерам надоело одалживаться, обращаясь в «Альфу» и в другие спецподразделения в случаях, когда возникала необходимость задерживать вооруженную группу. Заместитель министра распорядился, чтобы начальники управлений выделили из числа оперативников молодых, физически крепких офицеров. Среди присланных провели отбор, оставили в основном недавних спортсменов. Пригласили из «Динамо» тренеров по рукопашному бою и стрельбе, подготовили свою группу захвата.

На тренировку такой группы и приехал Гуров, заранее созволившись с тренером, чтобы его визит не был неожиданностью. В тренировочном костюме, кроссовках, он вошел в покрытый зеленым паласом зал. Присев в сторонке на шведскую скамейку, принялся наблюдать за тренировкой.

Сыщик мгновенно определил, что тренируются люди сильные, ловкие, уже хорошо подготовленные. Но на горьком опыте Гуров давно убедился, что прекрасная подготовка в спортзале порой мало помогает в боевых условиях. Спортивные парни, недавние чемпионы, гибли от ножа наркомана, который не только ни одного приема не знал, а и на ногах-то стоял плоховато.

К Гурову подсел Юлий Бочаров, тренер, в прошлом призер мировых чемпионатов по дзюдо.

— Как вам наши мальчики? — поинтересовался он.

— Как они нам, жизнь покажет, — ответил Гуров. — Сегодня меня интересует: как они вам?

— Мне что? — Бочаров пожал плечами. — Парни крепкие, азы усвоили, для уличной публики вполне достаточно.

— Полагаете, на улице легче, чем в зале?

— Я по улицам хожу, случается, меня шпана достать пытается. Недавно попался здоровенный амбал, килограммов на полтора, так он, падая, чуть асфальт не проломил.

— Случается, — согласился Гуров. — Выделите парочку ребят, хочу размяться. Контакт — боевой, до поражения.

— Извините, господин полковник, вам сколько лет? Отдаете отчет в своих действиях?

— Вполне. — Гуров поднялся. — Готовь врача.

Насмешливо взглянув на него, Бочаров захлопал в ладоши.

— Ребята, минуту внимания. — Он повернулся к Гурову. — К нам приехал старший оперативный уполномоченный по особо важным делам полковник Гуров Лев Иванович.

— Он действительно лев или это только имя? — спросил кто-то.

Гуров отреагировал мгновенно:

— Хотя вы сейчас и в спортивном зале, но, насколько мне известно, младшие офицеры, так что извольте соответствовать.

— Извините, господин полковник. — Бочаров строго взглянул на учеников. — Говорунов лично отлучю. Лев Иванович желает, — сдерживая улыбку, продолжил он, — провести с одним из вас схватку, полный боевой контакт. Есть добровольцы? Вес примерно восемьдесят.

— Восемьдесят пять, — уточнил Гуров.

— Лейтенант Фатеев. — Один из парней вышел вперед. — Разрешите вопрос?

— Валяйте, — кивнул Гуров.

— При боевом контакте возможны травмы. Что будет лейтенанту, ежели он покалечит господина полковника?

— Потом узнаешь...

Бочаров развел руками, мол, я за последствия не отвечаю, отошел в сторону. Полковник и лейтенант встали друг против друга.

— Бой! — скомандовал Бочаров.

Гуров сделал шаг в сторону, посмотрел лейтенанту за спину, спросил:

— Что еще?

Фатеев непроизвольно оглянулся. Гуров ногой нанес резкий удар по голени лейтенанта. Когда тот вскрикнул и, согнувшись, начал опускаться на пол, сыщик ударил его чуть ниже уха. Лейтенант отключился полностью.

— Помогите бойцу, — равнодушно бросил Гуров. — Кто следующий?

Шок прошел, в зале зашумели, раздались возмущенные выкрики: «Нечестно!», «Это подлянка!», «Дайте, я ему врежу!».

Лейтенанту помогли подняться, вывели из зала. Гуров насмешливо предложил:

— Кто желает врезать, может выйти.

— Старший лейтенант Медовой.

К Гурову подошел оперативник лет тридцати, роста одного с ним, но массивнее и тяжелее килограммов на десять.

— Лев Иванович, — вмешался Бочаров, — Медовой не вашей весовой категории.

— У нас не соревнования. — Гуров отстранил тренера. — Бандиты не интересуются весовыми категориями. — Он повернулся к противнику, поднял руку.

Медовой мягко переступал с ноги на ногу.

— Старлей, слушайте меня внимательно, — сказал Гуров. — Бой прекращается, только если я скажу слово «конец». Вы поняли?

— Хватит, полковник, я за Бориску сейчас тебе выдам!

— И все же прошу ответить, понятны вам условия схватки?

— Мне все понятно!

— Отлично. — Гуров повернулся к Бочарову. — Командуйте.

— Бой! — выкрикнул тренер.

Мягко пружиня, Медовой двинулся на Гурова. Тот легким боксерским шагом пошел по кругу.

Если бы в зале появилась муха, все бы услышали, как она потирает лапки.

Гуров пошел на сближение, сделал ложный выпад, отскочил, тяжелая рука старлея схватила воздух. Гуров начал двигаться быстрее, лицо заблестело от пота. Сделав несколько ложных выпадов, начал задыхаться, махнул рукой и с трудом произнес:

— Нет, не по годам. Сдаюсь!

Медовой сплюнул под ноги, процедил:

— Жаль, еще пару минут, и я бы до тебя добрался, начальник.

— Наверняка, — ответил Гуров и протянул руки.

Когда Медовой собрался их пожать, Гуров ударил противника в солнечное сплетение. Старлей всхлипнул, согнулся, Гуров ударил его ногой в голову. Медовой рухнул на ковер.

— Спокойно, — без всякой одышки произнес Гуров. — Вы все слышали, как человек отчетливо сказал, что условия боя понял. Слышали? Так чего это у вас морды, словно у цепных псов, которых подразнили колбасой, а кусок не дали?

Когда старшего лейтенанта увели, Гуров продолжил:

— Всем сесть и молчать. Попытайтесь понять меня. Вы что же, оперативнички, полагали, что полковник, старший опер-важняк, приехал к вам выяснять, кто выше на стенку писает? Вы знаете, сколько убили ментов, которые купились на поднятые руки и возглас «Сдаюсь!»?

Вы, господа хорошие, тренируетесь, но на улице, в боевой обстановке, все эти подсечки да глупости со стрельбой по летящим консервным банкам у вас из головы вылетят.

Захват вооруженного преступника, которого вышка ждет, — дело нервное. В момент огневого контакта вам одновременно следует учесть... Что следует учесть? — Гуров указал на оперативника, стоявшего напротив.

— Ну... — Парень замаялся. — Стрелять надо по ногам, убьешь — не отпишешься... Сначала предупредительный в воздух...

— Понятно, — махнул рукой Гуров. — В какой Хацепетовке вас разыскали, господа? Так вот, перед началом огневого контакта вы должны учесть, не находятся ли за вашей спиной посторонние. Никакое задержание не стоит человеческой жизни. Вы обязаны исключить риск полностью, вплоть до того, что не отвечать на выстрелы, если рядом находятся люди. В тот же момент вы должны решить, как себя обезопасить. И быстро сообразить, в зависимости от дистанции и вашего мастерства, будете ли вести огонь на поражение или на обесточивание вооруженной руки преступника. В основном все. — Гуров сел на пол и жестом предложил оперативникам сесть рядом. — Вопросы?

— Господин полковник, вы считаете, что сегодня, расправившись с нашими товарищами, поступили правильно? Было в этом что-то нечестное, жестокое.

— Да, согласен, — ответил Гуров. — Однако считаю себя абсолютно правым. Вскоре я вас поведу на захват банды, не хочу оказаться с несколькими трупами. И дело не в том, что за каждого из вас я отвечаю... Жаль вашу жизнь. Убежден, словами человеку мало что можно объяснить. Конечно, мог бы начать с этого разго-

вора, а не избивать, используя свой опыт и навыки, ваших товарищей. Но успокойтесь. Серьезных увечий я не причинил, боль и кровоподтеки у них пройдут, а вот память о сегодняшнем дне останется, возможно, спасет кому-то жизнь.

Гуров замолчал, взгляделся в лица сидевших вокруг молодых оперативников. Увидев на некоторых сомнение, тяжело вздохнул:

— Лейтенант Фатеев просто мальчишка. Старлей Медовой — человек опасный, в первую очередь опасный для самого себя. Тип самоуверенный, самовлюбленный и глупый. Я поговорю в Управлении кадров, Медовому следует, пока он жив, с оперативной работы уходить. А из вашей группы его отчислят завтра. Думаете, удар ногой по лбу его чему-нибудь научил? Ничуть! Разберем ситуацию. Тебя как зовут? — Гуров положил руку на плечо сидевшего рядом белобрысого парня.

— Женя... Евгений.

— Скажи, Онегин, ты с наперсточником станешь играть?

— Я не припадочный.

— Отлично. Продолжим. Вам представляют меня. Старший опер-важняк, полковник. Он предлагает контактную схватку. Ваши первые мысли: мужику за сорок, значит, больше двадцати в сыске. Опер-важняк — значит, не дурак. И значит, от такого человека никаких предложений принимать нельзя. Все равно проиграешь. Но нет, мальчишка Фатеев бросается на амбразуру. Готов! Скажете, он попал на домашнюю заготовку? И будете абсолютно правы. Пойдем дальше. Чертов полкаш предлагает продолжить. Следовательно? У него не одна домашняя заготовка. Эх вы, оперативнички! Группа захвата! Вы себя за одно место ухватили. Сначала таблицу умножения выучите, а уж потом в университет ступайте.

Послышались смешки.

— Старлей Медовой не мальчик, опер со стажем, а урок с Фатеевым пропустил. Ему просто необходимо было самоутвердиться. А ведь уголовники с ним соревноваться не будут, тихо подойдут сзади и перережут горло.

— Хороший оперативник не допустит, чтобы к нему подошли сзади, — сказал кто-то.

— Верно. Но даже хорошему оперативнику, я не говорю про Медового, сделать это порой бывает крайне трудно.

Познакомившись с группой захвата, Гуров понял, что в случае стычки с налетчиками рассчитывать на их помощь неразумно. Эти парни могут застрелить человека или погибнуть сами, но захватить серьезного преступника они не способны. Нужно несколько машин, и в каждой должен находиться настоящий сыщик. «Одну поведу я, затем Станислав, Усов, нужны еще двое. Устроим «карусель». Никакая наружка нас не засечет».

Приехав в контору, он поднялся на свой этаж. Выйдя из лифта, услышал:

— Лев Иванович, приветствую! — К Гурову, протягивая руку, подошел вечно улыбающийся полковник Акулов, старший опер Главка. Акулов нравился Гурову, только постоянная улыбка раздражала. Не может нормальный человек постоянно находиться в

хорошем настроении, рассуждал он, значит, Акулов или фальшивый, или что-то изображает из себя.

— Привет, Костя! — Гуров пожал товарищу руку. — Как дела, ничего?

— У нас делишки. — Акулов взял сыщика под руку, отвел в сторону. — Как смотрятся наши боевики?

— Как боевики и смотрятся. Дерутся, стреляют, не более того. А от кого ты узнал, где я был?

— Обижаешь, старина, — Акулов развел руками, — сыщик не разглашает свои источники информации.

— Костя, жизнерадостный ты мой. — Гуров вышел на лестничную площадку и закурил. — Мы служим в организации, где в основном имеют дело с секретной информацией, а течем, как дырявое ведро.

— Лев Иванович, так я кому сказал? Тебе. — Акулов привычно улыбнулся.

— А какое-то трепло сказала тебе, значит, может сказать и другому. У меня трижды в засаду налетчики не пришли. Так и работаем. Треплемся на каждом углу, преступников предупреждаем. А когда дело срывается, грешим на источники информации.

Акулов с трудом погасил улыбку:

— Ты прав, считай, я ничего не говорил.

— Ладно. Слушай, Константин, я готовлю операцию по захвату группы, что грабит и убивает инкассаторов. Придумал один номер, позже объясню, а сыщиков мне не хватает. Боевики, которых я сегодня видел, могут только хватать и стрелять, мне же нужны живые преступники. В каждом экипаже должен быть ас. У меня имеются Крячко, Усов, ну, я сам. Еще бы двоих. Не хочешь принять участие?

— Ты за старшего? — улыбнулся Акулов. — С удовольствием, давненько мы вместе не работали.

Гуров вздохнул, покачал головой.

— Налетчики — люди грамотные, знают, что их статья предусматривает и высшую меру. А у них «калашниковы». Какое, к черту, удовольствие? У тебя вроде семья?

— Семья. — Акулов кивнул. — Но у меня еще и ты, и другие коллеги. Так почему они должны лезть, а я нет?

— Ты прав. — Гуров хлопнул сыщика по плечу. — Договорились. Скажу о тебе генералу, когда раздастся звонок, свистну.

— Жду, можешь рассчитывать.

Наступил октябрь. Дожди прекратились. Дни стали теплые, солнечные. Московские бульвары засияли в золотом осеннем наряде.

Сыщикам уголовного розыска подобные радости бабьего лета были чужды. Они выжидали, когда затаившаяся банда продолжит свое кровавое дело.

Полковник Усов сообщил Гурову, что действительно в банде есть парень, который ухлестывает за красоткой, чьи фотографии можно увидеть в журналах. Недавно девчонку показывали по телевизору, она рекламировала мыло или шампунь. Гуров об

этом уже знал. Но он также знал, что роман фотомодели с налетчиком дал трещину, и сыщик потерял свой источник информации. Теперь все зависело от агента полковника Усова.

Как часто случается, звонок, которого напряженно ждали, раздался неожиданно: «Московский городской банк на улице Щепкина. Валюту повезут куда-то на Щелковское шоссе. Налетчики собираются в полдень, точное время нападения и в каком месте оно произойдет — неизвестно».

Ну, ежели известны день и место, да откуда пойдет машина с валютой, вполне достаточно. Остальное — дело техники. Получив сообщение, Гуров собрал коллег. Присутствовали полковники Крячко, Усов, Акулов и начальник группы захвата, тоже полковник, Мирский.

— Завтра каждый из нас возглавит экипаж из трех боевиков, людей отберет полковник Мирский, — начал совещание Гуров. — Официальная версия — готовится захват бандгруппы в районе Звенигорода. Много говорить об этом не следует. Тот, кто нами интересуется, все равно узнает.

Гуров разложил на столе карту Москвы с уже помеченными улицей Щепкина и Щелковским шоссе и проложенным путем следования машины с валютой.

— Прежде чем экипажи сядут в машины, предупредите, чтобы люди заглянули в туалет, так как до конца операции никто из машины выпущен не будет. — Гуров оглядел собравшихся. Отметил, никто не улыбается, все серьезные, спокойные, как и положено профессионалам. — Банда собирается в двенадцать, мы в этот час должны следовать на улицу Щепкина. Там, по нашим сведениям, уже будут находиться соглядатаи налетчиков. Видимо, у них есть договоренность об опознавательном знаке, который открывает дорогу.

У нас двадцать человек в пяти машинах. У них пятеро в двух. На нашей стороне опыт и выдержка, на их — выбор времени и места, внезапность нападения. Еще мы должны думать о тех людях, которые окажутся на месте схватки, чтобы они не попали под шальной огонь.

Через каждые пятнадцать минут мы останавливаемся, меняем номера. Проезжаем мимо банка, едем со скоростью общего потока, с интервалом в тридцать — сорок секунд. Таким образом, визуальной связи между нами не будет, переговариваемся только в случае крайней необходимости. Двигаемся по кольцу, сохраняя равные интервалы прохождения машин мимо банка, но таким образом, чтобы один из нас постоянно наблюдал за входом в банк и в случае нападения мгновенно оказался на месте. — Гуров на карте пометил улицы и переулки, по которым проследуют машины оперативников. — Вступая в бой, дается сигнал тревоги. Мы не знаем, подъезжают бандиты на машине или оставляют ее за ближайшим углом. Также не знаем, готовится нападение непосредственно у банка, в пути следования или в месте назначения. Но в случае, если придется провожать инкассаторов до места назначения, идем следом, меняя головную машину каждые две минуты. Вопросы.

— Лев Иванович, а ты не мудришь? — спросил Усов. — Почему

не попросить директора банка предупредить нас за десять минут до отправления денег?

— Павел Петрович, ты этого директора знаешь? Я — нет. Даже не предполагаем, кто у них осведомитель.

— А нельзя заменить одного из охранников? — подал голос Акулов.

— Считаю, нельзя, — ответил Гуров. — Коллеги, мы не можем рисковать. Если преступников вновь предупредят о засаде, они могут осесть на дно и начать выяснять, от кого мы получаем информацию. Вашего человека, Павел Петрович, либо убьют, либо уберут из окружения. Мы ослепнем и будем вновь ждать, когда, где и скольких человек убьют.

— Лев Иванович прав, — произнес Крячко. — Ничего, помучаемся часик-другой, не первый год замужем.

— У тебя, Станислав, известно, Гуров всегда прав, — усмехнулся Усов.

— Только мы, а не молодые парни с автоматами, решим исход операции, — вновь заговорил Гуров. — Бандиты нужны живыми, чтобы выявить предателя и пресечь утечку информации. Невозможно работать, зная, что тебя продают. Если мы ликвидируем банду и оставим здесь эту суку, то завтра другие налетчики в других местах начнут убивать и грабить. Мы же вновь начнем дергаться, словно мартышки во время родов.

— Ты принимал роды у мартышек? — простодушно поинтересовался Крячко.

— Есть же у меня фантазия...

— Согласен, фантазии у тебя в избытке. — Усов поднялся. — Я могу быть свободен, — сказал он начальственным тоном и вышел из кабинета.

Полковника Усова можно было понять. Он, начальник отдела, добыл агентурные данные о готовящемся налете, а пришлось сидеть на равных с оперативниками и выслушивать наставления самовлюбленного Гурова.

— Баба с возу, — заметил Крячко.

— Да брось ты, Станислав. Он неплохой парень, хороший сыщик, а что честолобив, так кто без греха? — Но с уходом Усова Гуров тоже почувствовал некоторое облегчение. — Последнее, что хочу сказать. Передайте своему экипажу, если кто-нибудь из них выстрелит прежде, чем выстрелите вы, завтра же останется без погон. На улице и без выходного пособия.

На следующий день, в двенадцать часов, мимо банка на улице Щепкина прокатилась серая «Волга», через тридцать секунд задрипаный «Москвич», следом еще «Волга», затем «Жигули», снова «Москвич». Через две минуты кольцо замкнулось.

«Карусель» вертелась, пока не отъехала машина с валютой. Оперативные машины змеей скользнули следом, меняясь местами, проследовали на Щелковское шоссе.

Валюту доставили по назначению. Оперативные машины развернулись в обратную сторону, и только тогда по внутренней связи раздалась матерная ругань.

В кабинете генерала Орлова все было, как обычно. Хозяин

кабинета, сидя за столом, ладонями подпирал тяжелую голову. Крячко вздыхал рядом на стуле, Гуров на подоконнике курил и пускал дым в форточку. Молчали плотно, тяжело.

Наконец Гуров подошел к столу генерала, раздавил в пепельнице окурки, достал из кармана лист, положил его перед начальником и другом:

— Здесь девять человек, один из них предатель, даю голову на отсечение.

Орлов взглянул на листок и внезапно осевшим голосом произнес:

— Ты сошел с ума?

— К сожалению, я абсолютно здоров.

Глава вторая В ПОИСКАХ ИУДЫ

Бабье лето закончилось. И небо вновь задождило. Москвичи натянули плащи, прикрылись зонтами, окончательно смирились с осенью.

Старший следователь по особо важным делам Игорь Федорович Гойда пребывал в скверном настроении. На сидевшего напротив убийцу поглядывал без злобы, скорее с отвращением. После долгой паузы сказал:

— Не понимаю вас. Серьезный человек, все законы вам известны. А отказываетесь давать показания, подписывать протоколы, хотя взяты с поличным на месте преступления. Конкин, вы не первый раз арестованы, даже не второй... Вам прекрасно известно, что своим поведением лишь осложняете собственную жизнь, задерживаете следствие, продлеваете свое пребывание в тюрьме.

Конкин, человек неопределенного возраста, равнодушно ответил:

— Я никуда не тороплюсь. Менты с Петровки, сопляки, лепят мне чужое. На дурацкие вопросы отвечать не буду.

— Давайте разберемся, что ваше, что чужое, — безнадежно произнес следователь.

— Я не попугай, в деле имеется мое объяснение. Убил, да. Но никакого умысла не было. К наркоте я никаким краем.

— Но имеются ваши пальцевые отпечатки, — возразил Гойда.

— Я объяснял, что ты имеешь. — Конкин указал на лежавшее на столе дело. — Мне чужого не надо, своего хватает. Я просил этих молокососов позвать полковника Гурова. Они, видите ли, такого не знают. Гуров начальник отдела, сыщик, брал меня... Недавно.

— Неправда. Гуров давно на Петровке не работает.

— Давно? — Конкин наморщил лоб. — Так, я отсидел, на воле три года, да уж лет восемь минуло. Время течет. — Он вздохнул. — А вы Гурова знаете?

— Допустим.

— Устройте мне с ним встречу, я с Гуровым переговорю, начну давать показания.

— Вы сотрудничали?

— Никогда на ментовку не работал! — Конкин обернулся на конвойного, стоявшего у дверей. — Все менты сволочи, но Гуров — человек.

Крячко подвинул к себе тонкую папочку, открыл ее.

— Начнем от печки. Ты назвал девять человек. Я в твои расчеты и интуицию верю. Мы провели поверхностную проверку. Установили, пятеро из девяти живут на ментовскую зарплату, еле сводят концы с концами. Дураку ясно, располагая деньгами, такой цирк в быту не устроишь. Остаются четверо, у которых деньги проглядываются. Но ведь это ничего не доказывает. Деньги могут поступать от родителей, родственников, побочных заработков.

— Уймись, с тобой никто не спорит, — сказал Гуров. — Я лишь продолжаю утверждать, что Иуда — один из этой четверки. Мы должны его выявить, арестовать и судить.

— Должны-должны, — согласился Крячко. — Люблю это слово, я с ним родился, с ним меня похоронят. Как выявить? Допустим, ты сумеешь. Но как доказать? Что нести в прокуратуру и в суд?

Зазвонил телефон. Гуров снял трубку.

— Слушаю.

— Лев Иванович? Здравствуйте, Гойда из прокуратуры...

— Приветствую, Игорь Федорович, легок на помине, только что здесь произнесли слово «прокуратура».

— Надеюсь, доброжелательно?

— Пес с котом всегда любили друг друга. Игорь, выкладывай, зачем менты понадобились?

— Сидит напротив меня гражданин. Взяли его твои коллеги с Петровки с поличным. А гражданин давать показания отказывается. Уперся рогом, твердит: пока с полковником Гуровым не увижусь, слова не скажу.

— Кто такой?

— Конкин Михаил Сергеевич...

— Какой масти, когда я его брал?.. Конкин... Конкин...

— В настоящее время он человека убил. А в прошлом...

— Подожди, узнай, не «Жук» ли его кликуха? — Гуров, ожидая ответа, усмехнулся: — Крестник вызывает на помощь.

— Лев Иванович, — отозвался Гойда, — вы угадали, тот самый.

— Я не угадал, а вспомнил, — буркнул Гуров. — Чего ты хочешь? Чтобы я подъехал?

— Буду крайне признателен.

— Хорошо, ждите. — Гуров положил трубку. — Правы люди, ни одно доброе дело не остается безнаказанным.

— Любят тебя уголовники, — заметил Крячко.

— Я душевный, а уголовник — человек ранимый, чувствительный. Не то что менты! — Гуров вышел, хлопнув дверью.

Когда он вошел в кабинет следователя, Конкин встал:

— Здравия желаю, господин полковник! Узнаете?

Гуров пожал Гойде руку, присел на диван, посмотрев на преступника внимательно, вздохнул:

— Ты у меня не единственный.

— Разбой, в Сокольниках! — сообщил Конкин так радостно, словно напоминал о счастливом событии.

— Дело-то я помню, фамилию и кличку, а при встрече вряд ли узнал бы.

— Наговариваете на себя, Лев Иванович, — льстиво сказал Конкин.

— Ну, вы тут беседуйте, вспоминайте молодость, а я схожу в буфет. — Гойда поднялся из-за стола.

Гуров занял место следователя:

— Ну, ты звал меня. Выкладывай.

— Лев Иванович, скажите, что за пацаны в МУРе обосновались? — Конкин возмущенно всплеснул руками.

— Без эмоций. Излагай факты.

— Третьего дня, в понедельник, — начал Конкин, — я зашел к знакомому, ныне покойному, вору. Мир его праху. — Он перекрестился. — Ну, сидим, выпили. Я и не знал, что Муха, кликуха его, ширяется, наркоман то есть.

— Можешь не переводить, я понимаю, — усмехнулся Гуров.

— Вам бы не понять! Вы все понимаете, Лев Иванович. Но время-то, время, я поначалу не заметил, а сейчас вижу — виски-то у вас того, словно инеем дернуло.

— Это от безделья. Продолжай.

— Так вот... Выпили бутылку на двоих, я принес. Как пузырек кончился, говорю ему: двигай в палатку. А он, подлюга, отвечает, что обойдемся, так закайфуем. Достает пакетик с белым порошком, шприц. Ну, я не вчера родился, говорю, мол, не ширяюсь и тебе не советую. Он меня послал, приготовил дозу, ширнулся... — Конкин замолчал.

— Двигай дальше. — Гуров закурил, дал сигарету Конкину. — Давай, давай, мне деньги платят за то, что я вас задерживаю, а не исповеди выслушиваю.

— Сижу, не знаю почему. Муха захорошел, давай прошлое вспоминать. У нас были дела... Одно вспомнил, он тогда пятерик схлопотал, и на меня попер, мол, я заложил. Муха мужик здоровый, схватил бутылку, я нож со стола, стыкнулись... Я ему аккурат в сердце угодил. Что точно в сердце, мне позже на Петровке сказали. Когда Муха завалился, я схватил нож и почему-то пакет с наркотой, говорят, с героином, хотел в ванную пройти, нож вымыть, наркоту в толчок спустить. Только шагнул, дверь выбили, ворвались, меня в железо и на Петровку. Чего вам объяснить? Теперь вяжут торговлю наркотиками, ведь на пакете мои пальцы. И умышленное убийство. Якобы доходы не поделили.

— Чего ты от меня хочешь? Почему эту историю следователю не расскажешь?

— А чего ему рассказывать, когда он в бумажки МУРОВские смотрит, мою биографию изучает. Доверие к человеку должно быть. Дай человеку, что положено, ему мало не покажется. Зачем навешивать?

— Ну, а я-то здесь при чем? — Гуров погасил сигарету, поднялся, открыл форточку.

— Слушай, сыщик, ты человек с понятием. Сделай, что можешь, а я тебе наперед интересную вещь скажу. Сумеешь отблагодарить — сделаешь, не сумеешь — Бог тебе судья.

— Не торопись, — сказал Гуров. — Ты наперед, и я наперед. В должника ходить не привык. Я следователя твоего знаю, вместе одно крупное дело разматывали. Так вот, он человек тоже с понятием, считай, повезло. Скажу ему, что я тебя помню, твои показания в прошлом подтвердились. Я тебя выслушал и верю. А уж как следователь решит, за это не в ответе. Годится?

— Годится, господин полковник!

— Тогда говори.

— Значит, такие дела, — повеселел Конкин. — В Москве готовится большая разборка среди авторитетов. Договорились они собрать своих представителей, ну, вроде министров иностранных дел, чтобы те потолковали спокойно, мирно, без крови. А потом этот договор представили своим боссам на утверждение...

— Ратифицировали, — подсказал Гуров.

— Вот-вот. Разговор у людей намечается непростой, потому встреча будет не накоротке. Поселятся за городом основательно.

— Когда, где, кто?

— Чего не знаю, того не знаю. Каждый из авторитетов решит, кого посылать. Но одну сволочь и паскудника заложу с удовольствием, он чужими руками гребет, в лимузинах раскатывает с красотками, людскими жизнями распоряжается. Эта падла на том совещании наверняка будет. Если вы его сумеете прихватить, все узнаете.

Гуров слушал с интересом. Конкин это мгновенно засек, потому с именем тянул. Зажег потухшую сигарету, сильно затянулся, ждал, может, мент чего пообещает. Гуров усмехнулся:

— Что обещал, то сделаю, ни больше ни меньше. Информация твоя, не буду кривить душой, интересная. Сумеем мы ее использовать, не знаю. Хочешь назвать имя, говори, не хочешь — молчи, ничего для тебя не изменится.

— За это тебя, Лев Иванович, люди и уважают. Обычно менты золотые горы обещают, вместо срока чуть ли не премию сулят. Только расколись. Человек рот открыл, менты записали, подпись получили, все забыли, сигаретой не угостят.

— Случается, — согласился Гуров. — Менты, как все люди, разные.

В кабинет вернулся Гойда, сыщик поднялся из-за стола, освобождая ему место.

— Харитонов Борис Михайлович, кличка «Барин», живет в высотке на Котельнической.

— Лады, — сказал Гуров. — Изложи господину следователю свою версию. Он попытается тебя понять.

Борис Михайлович Харитонов, сорока двух лет от роду, со школы любил доставлять окружающим неприятности, но не сам, так как был трусоват, а подбивал других, организовывал гадости.

С годами творимые Харитоновым неприятности переросли в преступление. А привычка не рисковать и не пачкать рук стала устойчивым жизненным принципом.

Харитонов никогда не работал, однако хлеб с маслом, штаны и ботинки всегда имел, даже на девочек оставалось. Борис Михайлович занимал в уголовном мире достаточно прочные позиции. Была в моде спекуляция — он консультировал и организовывал спекулянтов. Появилось нелегальное производство ширпотреба — Харитонов тут как тут. Ну, а когда объявили гласность, выяснили, что с социализмом вышла промашка, Харитонов поднялся в полный рост. Заметив, как поднимается волна преступности, беспощадной, но неорганизованной, познакомился с бандой рэкетиров. И умело начал подсказывать, с кого следует брать меньше, с кого больше, а с кем вообще связываться не стоит.

Через год в районе, где Харитонов жил, главари мелких банд его уже знали, приглашали в кабаки. Одни просили совета, другие — замирить с соседом. Круг влияния расширялся.

Прошлой весной, в один из вечеров, который Борис Михайлович коротал в частном ресторане в обществе двух милых девиц и крутого парня, державшего за горло всю округу, за соседний стол подсел молодой мужчина.

Крутой парень, взглянув на нового соседа, наступил Харитонову на ногу и, чуть шевеля губами, прошептал:

— Выйдем. — И направился в туалет.

— Пардон, девочки, — любезно сказал Харитонов проституткам, с другими женщинами он не встречался, и последовал за приятелем.

Крутой мыл руки, увидев Харитонova, спросил:

— Ты знаешь, кто сел рядом?

— Не заметил.

— Сам Лялек, у него группа стволов в сто. Не могу понять, почему он один. Видно, «быки» пасут вход на улице. Наверняка у него здесь назначена встреча. Я рассчитываюсь за стол, ты бери девок и уматывай. Нам здесь ловить нечего.

— Хорошо, — быстро согласился Харитонов.

Когда они вернулись к столу и Харитонов, не присаживаясь, собрался пригласить девочек в машину, он услышал негромкий голос:

— Борис Михайлович, присядьте за мой стол. — И после паузы: — На минуточку.

Забыв извиниться перед дамами, Харитонов сел на предложенный стул. Подняв глаза, взглянул на соседа. На вид ничего особенного, лет тридцати, заурядная физиономия, заурядный костюм, взглядом не за что зацепиться. Вот только бриллиант на безымянном пальце правой руки чересчур великоват и улыбка... С улыбкой у мужчины был какой-то непорядок. Становилось ябько, слабели ноги и хотелось куда-нибудь спрятаться.

Всю эту гамму чувств и мыслей Борис Михайлович пережил за несколько секунд. С трудом оторвав взгляд от тонких губ незнакомца, он заставил себя сказать:

— Добрый вечер. Мы, кажется, незнакомы. Чем могу быть полезен?

— Решим, Борис Михайлович. Я пришел сюда, чтобы встретиться с вами, предложить работу. Консультантом. — Мужчина говорил тихо, очень четко выговаривая слова.

— Консультантом по какому профилю? — глупо заулыбался Харитонов.

Крутой паренек, приятель Бориса Михайловича, подхватив проститутку, направился к выходу. Не будь Харитонов таким трусом, не испугайся до коллик в животе, догадался бы, что его элементарно подставили. И сделал это его крутой приятель, «ходивший» под авторитетом Ямщиковым Яковом Семеновичем, известным в уголовной среде под ласковой кличкой Лялек. Сооб-разил все Харитонов позже, а в тот вечер потел от страха, беспомощно шептал:

— Какой консультант, у меня ни диплома, ни специальности.

Лялек, прекрасно осведомленный о хитрости Харитонova, о его умении предвидеть последствия тех или иных действий, скривил тонкие губы:

— Я тебя покупаю без диплома и специальности. Днями за тобой придет машина, привезет ко мне в офис. Ты с этого момента принадлежишь мне. Ни с кем дел не иметь, никаких консультаций не давать. Если будут доставать, скажи, что Лялек не велел. — Он поднялся и ушел.

В тот вечер Харитонов изрядно напился, хотя в принципе спиртное почти не употреблял.

Харитонов исправно ездил на «службу», располагал иномаркой, молчаливым охранником, занимал роскошный кабинет в помеще-нии некоей торговой фирмы.

За прошедший год под умелым и осторожным руководством Харитонova Лялек снизил взимаемый «налог» с частных пред-приятий, зато проглотил двух конкурентов, более чем вдвое уве-личил количество стволow и расширил границы своей импе-рии.

Задумывались операции Харитоновым таким образом, чтобы проводились они без стрельбы, практически без крови. Лялек понимал, «начальник штаба» прав, но спокойная, размеренная жизнь порой надоедала, и он устраивал кровавые разборки просто для устрашения, чтобы криминальная Москва не забывала его имени.

Авторитет Харитонova настолько возрос, что он порой делал выговоры шефу. Тот молча их выслушивал и на время свою кровавую натуру усмирал. Борис Михайлович считал, что необхо-димо иметь своих осведомителей на Петровке и в Министерстве внутренних дел. Убедил шефа выделить на вербовку значитель-ную сумму, проинструктировал агентуру на поиски кандидатов, объяснив, какими качествами они должны обладать.

Харитонов никогда не встречался с завербованными ментами, получал от них информацию через третьи руки. Он и шефу объяс-нил, что лучше иметь половину возможной информации, но пря-мых контактов не поддерживать. Многовековая история агентур-ной работы неопровержимо доказывает, втолковывал он Ляльку, что любой самый хитро законспирированный агент в конце кон-цов проваливается. Спасая свою жизнь, он сжигает все свои связи, потому он нас с тобой, не ленился повторять Харитонов, знать не должен. Ты, шеф, не торопись, дальше уедешь, целее будешь.

Завербовав первых ментов из МУРа, Харитонов нацелил их на

поиски подходящей кандидатуры среди сотрудников министерства. Через пару месяцев такую кандидатуру назвали. Харитонов организовал ментам небольшой банкет, приурочив его к какому-то юбилею. Пришел на него и сам с умопомрачительной красотой. Девушка познакомилась с кандидатом, потанцевала с ним, естественно, пококотничала, взглядом чего-то пообещала, а затем представила своему боссу, который якобы занимается шоу-бизнесом.

Подвыпивший полковник, очарованный красавицей, минут двадцать пил и трепался с ее шефом. И хотя прекрасно понимал, что бизнесмен с красоткой спит, данный факт полковника не волновал, так как жениться он не собирался. В тот вечер ему и в голову не приходило, что его готовят к вербовке. Через пару дней он позвонил красавице, еще через день ужинал с ней, через неделю спал и блаженствовал. Бурный роман требовал денег. Красавица уломала щепетильного любовника, заставив взять у нее «взаимы» до лучших времен. Внезапно девушка попала в автокатастрофу. На самом деле ее попросту убили, инсценировав обстоятельства смерти. Полковник узнал о смерти своей любви уже после ее кремации. Через некоторое время, когда боль потери начала затухать, с ним познакомился интеллигентный тихий человек. Чуть позже, Харитонов никогда не торопился, новый знакомый полковника передал ему плотный конверт, предложив ознакомиться с содержимым на досуге.

Даже не вскрывая конверт, полковник понял, что схвачен. Опытный опер, он достаточно повидал в своей жизни. Поначалу мелькнула мысль отнести конверт в особый отдел, вскрыть вместе с его начальником, вместе познакомиться с содержимым, вместе принять решение. Но идею отменил как излишне поспешную и категоричную. Двое суток конверт не вскрывал. В воскресенье, когда семья уехала к родственникам, полковник достал припасенную бутылку коньяка и вскрыл пакет. В нем находились небольшой конверт и видеокассета. Полковник выпил рюмку, закрыл глаза и, вспомнив события последних месяцев, ясно представил себе, что ждет его в конверте, а что на экране телевизора. Только не мог определить окрас отправителя. Иностранец, сотрудник спецслужбы, возможно, крупный авторитет уголовного мира.

Выпив еще рюмку, вскрыл конверт. Как и ожидал, в конверте лежали его расписка в получении от любовницы денег, конечно, фотокопия, и короткая, напечатанная на машинке записка: «Просьба позвонить по телефону... Назвать лишь свое звание, но не имя». Полковник не дрогнул, он уже понял, что его ждет. Взял кассету, прошел в гостиную к телевизору.

На экране полковник увидел знакомую спальню, себя, естественно, раздетого, обнаженную красавицу. Ну и все остальное, что обычно происходит между любовниками.

Что делать? Сдаться? Но кому, своим, в конторе? Позор, увольнение, потеря семьи, возможно, арест и суд. Сдаться победителю? В конце то же самое, однако с отсрочкой, и необязательно с таким мрачным финалом. В случае его разоблачения новый хозяин данных материалов не выдаст. И даже если делом будет заниматься Гуров, то получить против него, многоопытного сыщика, доказа-

тельства будет ой как сложно. Он подвинул телефон, набрал указанный в записке номер. Ответил девичий голос:

— Слушаю.

— Говорит полковник.

— Минуточку, включаю записанное для вас сообщение.— Через непродолжительное время раздался уверенный мужской голос: — Здравствуйте, я рад, что у вас хватило благоразумия позвонить, а не нагрянуть в помещение, где стоит данный магнитофон. Девочка, которая здесь работает, ничего не знает. Я расцениваю ваш звонок как согласие начать переговоры. Хочу предупредить, если вы внезапно передумаете и захватите человека, который придет на встречу с вами, то последствия будут плачевные. Он тоже ничего не знает, а вам придется заплатить по всем счетам. Ждите нашего звонка. До свидания.

Заиграла веселая музыка, для полковника она прозвучала как похоронный марш.

Как Харитонов ни убеждал шефа, что стрелять в Москве бессмысленно и опасно, но летом несколько стычек все же произошло. Пять человек погибло. Потерь было бы значительно больше, но удалось уберечься благодаря предупреждению из МУРа и звонку полковника из министерства. После этого Харитонов настоял, чтобы авторитеты встретились и мирно переговорили. Сам ехать отказался.

В конце сентября произошло несколько налетов на инкассаторов со стрельбой и убийствами. Лялек приказал разобраться. Самостоятельных бандитов привести пред светлы очи руководства либо ликвидировать.

— Без моего ведома «мочить» кассиров, брать деньги непозволительно, — закончил свои указания Лялек.

— Выйдите, обождите в приемной, — приказал страже Харитонов, случайно присутствовавший в кабинете шефа.

«Контрразведчики» удивленно взглянули на незнакомого мужика. Лялек недовольно сказал:

— Подождите за дверью. — Когда бойцы вышли, шеф повернулся к начальнику штаба: — Что еще? Ты, христианин, советуешь не трогать рабов Божьих, которые нарушают заповедь «Не убий»?

— Неразумно резать курицу, которая может нести золотые яйца. Я изучил эти налеты, пришел к выводу, что действуют люди образованные, умные. Группа недавно сформировалась, у нее нет контактов с нами, потому они не знают установленных порядков. Но они сильные ребята, зачем же их убивать? Нужно создать самостоятельное подразделение, присоединить к твоей «империи».

— А если они не захотят платить?

— Крестный отец Корлеоне говорил: «Сделай ему предложение, на которое нельзя ответить отказом». Ты установи новичков, дай мне их координаты, остальное — не твоя забота. Сколько они должны платить?

— Двадцать процентов.

— Будут платить двадцать пять, — уверенно сказал Харито-

нов. — Но то, что они уже взяли, облагать налогом не будем.

— Пробуй, если удастся, я повышу твой оклад.

Через неделю Харитонов получил данные одного из молодых налетчиков. Вечером позвонил ему.

— Добрый вечер, молодой человек.

— Добрый. Кто говорит и кто вам нужен?

— В нашем деле имена только вносят путаницу, ведь настоящее никто не назовет. Я вам позвонил, значит, я вас знаю.

— Может, вы ошиблись и не туда попали?

— Вы интересуетесь валютой? Переводите государственную валюту на личные счета?

— Допустим.

— Значит, я соединился правильно. Слушайте, молодой человек. Вы залезли в чужую песочницу, лепите в ней свои куличики. Так дело не пойдет. Каждый четвертый куличик следует отдавать хозяину песочницы.

— Четверть? Дядя, ты не подавишься?

— Молодежь! Сколько у вас лопаточек? Три? Четыре? Пять? У хозяина песочницы их более двухсот. Лопаточки у вас отнимут и сильно отшлепают. Я ясно выражаюсь?

— Ясно, только я не убежден, что вы говорите правду, а не шантажируете на пустой кулак.

— Фу, какие выражения! Ведь песочницу охраняет не только хозяин, но и участковый. У нас с ним неплохие отношения, мы знаем, что он заинтересовался вашими проказами. Если вы не примете наше предложение, мы вас не тронем, но и не предупредим, когда участковый будет вас у песочницы ждать.

— А вы можете предупредить?

— Конечно, иначе бы я не звонил.

— Хорошо, я посоветуюсь, перезвоните завтра в это же время.

Назавтра Харитонов вновь набрал номер:

— Посоветовались?

— Естественно. Мы решили не платить вслепую, нам требуется подтверждение ваших полномочий.

— Разумно. Подтверждение получите. Но в таком случае уплатите четверть не с того, что добудете, а со всей суммы, которую уже захватили.

— Время покажет.

Через неделю Харитонов позвонил вновь.

— Здравствуйте, вы готовите налет на Бакунинской. Не ходите туда, вас ждут.

— Откуда я знаю...

— Сопляк! Не веришь — сходи и выясни!

Еще через несколько дней Харитонов снова позвонил:

— Ты хочешь взять инкассатора на Солянке, не делай этого.

— Сдаюсь, когда и где я могу с вами встретиться?

— Тебе позвонят, назначат встречу. Ты молча отдашь четверть добытого, договоришься с человеком о связи. Оглянись вокруг себя, тебя закладывают ментовке.

Таким образом, группа молодых налетчиков вошла в группировку Лялька.

Через посредников Лялек уломал конкурентов, встреча состоялась.

Съехались за городом ночью. Согласно договоренности каждый приехал лишь на одной машине, вышел на шоссе один, без охраны. Договориться ни о чем не сумели, как звери, столкнувшись на одной тропе, порычали, оскалившись, и разбежались.

Тогда по предложению старого, разменявшего второй полтинник, авторитета решили устроить совещание доверенных лиц. «Политруки» должны собраться в уединенном доме отдыха без охраны и оружия, пожить вместе, сколько потребуется, договориться и вернуться к хозяевам на утверждение договора. После этого авторитеты вновь встречаются, но уже не ночью на шоссе, а, как нормальные люди, днем в ресторане обедают, вносят в договор свои предложения и поправки. Не приславший своего представителя на совещание или не явившийся на обед на утверждение договора объявляется в Москве вне воровского закона со всеми вытекающими последствиями.

Узнав о такой договоренности, Харитонов обрадовался. Он уже видел себя начальником объединенного штаба, человеком, власть которого не многим уступает власти мэра Москвы, а в чем-то ее и превосходит.

Начались переговоры. Решали, обсуждали систему связи, но вперед продвигались очень медленно. Все затрудняла перестраховка. Каждый знал, что бы газеты ни писали, уголовный розыск еще жив и не спит, агентура действует. Поэтому никто на личные контакты не шел, договаривались через посредников.

В середине октября, когда осень взяла свое, и темные тучи поливали город ежедневно, Харитонов обедал в небольшом частном ресторанчике. Барин был один, без женщины, так как собирался созвониться с нужным человеком, договориться о встрече. Неожиданно к столу подошла молодая женщина, не профессионалка, это он определил сразу. Она сказала:

— Здравствуйте, Борис Михайлович, извините, я буквально на минуточку. — И села за стол.

— Здравствуйте, слушаю. — Он бросил взгляд на дверь, за которой должен был находиться телохранитель.

— Не беспокойтесь, Борис Михайлович, я мирная, несчастная женщина. Меня зовут Ирина Петровна. Я имела неосторожность поспорить с Яковом Семеновичем Ямщиковым...

— Какой Яков Семенович? — вполне искренне спросил Харитонов. Имя шефа на секунду выпало из памяти. Невзрачная дамочка никак не вязалась с убийцей Ляльком. Придя в себя, Борис Михайлович сказал: — Продолжайте, Ирина Петровна, я весь внимание.

Женщина вынула из сумочки плотный конверт, приоткрыла, показав пачку долларов.

— Здесь двадцать тысяч. Для Якова Семеновича мелочевка, но у меня больше нет, клянусь. Прошу вас, передайте конверт Ямщикову. И, пожалуйста, скажите, что Ирина приносит свои извинения.

— Мне не трудно. — Харитонов потянулся к конверту.

В это время проходивший мимо их столика пьяный качнулся,

упал на спину Харитонову. Тот резко повернулся, пьяница сполз на пол, что-то бормоча. Подбежали официанты, подняли пьянчугу, начали извиняться.

— Ладно, случается, — благосклонно произнес Харитонов. Он взял со стола конверт, положил во внутренний карман пиджака. — Уважаемая Ирина Петровна, не сомневайтесь, все сделаю в лучшем виде.

— Спасибо, Борис Михайлович. — Женщина встала и пошла к выходу.

Не успел смолкнуть стук ее каблуков, как сидевший за соседним столом мужчина переместился за стол Харитонova и положил перед ним удостоверение в красной обложке.

— Полковник Крячко, Министерство внутренних дел. Борис Михайлович, не дергайтесь. Одно лишнее движение — и я защелкну на вас наручники. О'кей?

Они вышли из ресторана под руку, словно старые приятели. Харитонов оглянулся, охранника, естественно, не было. «Мерседес» сиротливо стоял в стороне, но без водителя.

— Поедем на вашей, — предложил полковник. — Сейчас опасно оставлять машину без присмотра.

Из другой стоявшей неподалеку машины вышел мужчина, достал из кармана ключи, сел за руль «мерседеса» Харитонova.

Полковник жестко усадил Харитонova на заднее сиденье, сам разместился рядом.

— Господин полковник, что произошло? Вы, случайно, не ошиблись? — спокойно поинтересовался Борис Михайлович. Не зная за собой никаких доказуемых грехов, он еще не успел испугаться, хотя в нижней части живота уже знакомо покалывало.

— Тут поблизости отделение милиции, заедем, разберемся. Если ошибся, принесу извинения.

В отделении их явно ждали. Ничего не спрашивая, провели в кабинет начальника. Харитонов не понимал, за что его прихватили, но видел, что попал серьезно. За столом начальника сидел майор, как оказалось, следователь. На стульях в сторонке мужчина и женщина читали журналы. Понятые, догадался Харитонов и безвольно опустил на ближайший стул.

— Рано присаживаетесь, Борис Михайлович, — сказал Крячко. — Подойдите к столу, выньте все, что находится в ваших карманах. Понятые, прошу вас тоже подойти.

Харитонов успокоился, его явно с кем-то спутали. Он вынул из карманов пиджака записную книжку, авторучку, бумажник, конверт с долларами, связку ключей.

Майор открыл лежавшую перед ним папку, что-то написал на бланке и спросил:

— Гражданин Харитонов, что находится в белом конверте?

— Двадцать тысяч долларов, — ответил Борис Михайлович. — Времена, когда за хранение валюты людей сажали, слава Богу, прошли.

Лицо майора было бесстрастно. Полковник, который задержал Харитонova, куда-то исчез. Этот человек больше всего волновал Бориса Михайловича. Он отлично понимал, что полковники Главка не шатаются по кабакам просто так и не задерживают по

подозрению. Охранника и водителя сняли заранее. Тут явно что-то не так. Единственное объяснение — произошла ошибка.

— Понятые, будьте любезны, откройте белый конверт, ознакомьтесь с содержимым, — сказал майор.

Мужчина заглянул в конверт.

— Здесь еще один, — проговорил он.

— Вскройте, только осторожно. — Майор протянул понятому нож для резки бумаги.

У Харитонова внезапно ослабли ноги, он попытался встать, но чья-то тяжелая рука легла ему на плечо. Борис Михайлович понял: это конец, собравшись с силами, забормотал:

— Это не мое, я объясню.

— Обязательно, — сказал стоявший за спиной Харитонова, — обязательно объясните, только чуть позже.

Понятой разрезал второй конверт, на пальцы мужчины высыпался белый порошок.

— Я такой по телеку видел! — воскликнул он. — Полицейские обычно слизывают его с пальца, пробуют на вкус.

— Эксперты разберутся. Вас, граждане, попрошу расписаться на данных конвертах. Садитесь. Скоро сможете идти домой.

Понятые расписались, заняли свои места.

— Что это за порошок, Борис Михайлович? — Следователь начал что-то писать.

— Понятия не имею. Подсунули! — Харитонов пытался говорить уверенно.

— Вы не знаете, что находится в конверте, который достали из своего кармана в присутствии понятых, — продолжал писать следователь. — Откуда у вас данный конверт с белым порошком? Кто и когда вам его передал?

Харитонов рассказал все, как было, опустив лишь имя Лялька. Переданные женщиной доллары предназначались его, Харитонова, знакомому, человеку высокого ранга. Имя его он назвать не может. Так как вместо долларов в конверте оказался неизвестный порошок, то и имя адресата следователю ни к чему.

Майор закончил писать.

— Сколько с наркотой задерживаю, ответ один: подсунули. Распишитесь. И придумайте что-нибудь пооригинальнее.

Харитонов расписался в протоколе, взглянул на улыбающегося полковника:

— Теперь куда? Неужели запрете меня в камеру?

— Возможно, и в камеру. Сейчас мы проедем в МВД, с вами желает побеседовать очень большой начальник, — ответил полковник.

— Какое министерство, ночь на дворе!

В полночь Борис Михайлович Харитонов рассказывал Гурову свою печальную историю.

Сыщик подкупил Барина тем, что при знакомстве пожал руку, придвинул стул, а полковника, раздражавшего его своими улыбочками, выпроводил, сказав:

— Спасибо, Станислав, спокойной ночи.

— Да не за что, господин полковник, счастливо оставаться. — Крячко хитро улыбнулся и ушел.

— Вы, Борис Михайлович, на него не обижайтесь, он всегда такой улыбочивый. Садитесь и рассказывайте, как влипли в такую грязную историю.

Харитонов с первой минуты проникся доверием к серьезному, спокойному полковнику с седыми висками и голубыми глазами. Свою историю повторил подробно, стараясь не опускать ни одной мелочи.

— Очень похоже на правду,— сказал Гуров.— Только зачем Якова Семеновича Ямщикова, по кличке Лялек, обзывать крупным чиновником?

— Так, значит, вы все и подстроили? — возмутился Харитонов.

— Обижаете, Борис Михайлович. Старший опер по особо важным, полковник, подобными делами не занимается. Естественно, я использую агентурные сведения. Получил сообщение, что некий интересующий меня Харитонов будет находиться вечером в таком-то ресторанчике, имея при себе наркотики. Признаюсь, удивился. По моим сведениям, Барин наркотиками не занимается. Но так как вы меня крайне интересуете, пришлось послать своего друга проверить сигнал. Сейчас мы имеем то, что имеем.— Гуров погладил лежавшую перед ним тонкую папочку.

— Какая же сволочь сварганила мне такую подлянку? — вскипел Харитонов.

— Покопайтесь в своем окружении, вспомните друзей, которым перешли дорогу, врагов, боящихся расправиться собственноручно. Времени у вас будет предостаточно, года три минимум.

— Но вы же знаете, что все это липа! Дамочка показала мне доллары... Значит, когда ее напарник свалился мне на плечи, она, сучка, подменила конверт.

— Обязательно. Убежден, все так и было. Однако между тем, что я знаю и что имею на руках, как говорят в Одессе, две большие разницы. Вас задержали с солидной партией наркотика, предположительно героина. По закону я обязан вас задержать и передать в руки следствия.

— Вы же знаете, что все подстроено.

— Предположим.

— Так надо действовать по совести, а не по дурацкому закону.

— Давайте по совести,— быстро согласился Гуров.

— Только так!

— Попробуем. Я знаю, что Борис Михайлович Харитонов, по кличке Барин, является серьезным преступником. Он правая рука некоего Ямщикова Якова Семеновича, кличка Лялек. Харитонов — вдохновитель и организатор многочисленных краж и ограблений, повлекших за собой перестрелки, убийства. И по совести я должен Харитонову предъявить обвинение по всем перечисленным преступлениям. Но доказательств у меня нет, стало быть, арестовать его не могу, так как закон не позволяет. Ну что, будем вести дело по совести или по закону?

Гуров закурил, откинулся на спинку кресла, насмешливо посмотрел на Харитонova. Тот, ошарашенный, долго молчал. Гуров тоже молчал, никуда не торопился. Кастрюлю с огня надо снимать только тогда, когда похлебка сварится.

Наконец Харитонов сдался:

— Нет уж, лучше по закону.

— Следовательно, следствие, суд, зона, — констатировал Гуров, после небольшой паузы продолжил: — Я сыщик, а не следователь прокуратуры. Соблюдаю закон, но могу выбрать дорогу, которая ведет к полезному для людей разрешению ситуации. Пока документы в моих руках, у нас есть возможность выбора. Вы меня поняли?

— Вербуете?

— Обязательно. Результат зависит от вас, время до утра. Вас отправить в камеру или примете решение здесь, в кабинете?

Харитонов вытер носовым платком потное лицо, проглотил застрявший в горле комок, прошептал:

— Мне написать согласие на сотрудничество?

— Написать. — Гуров указал на стул Крячко, положил на стол бумагу и ручку. — Но не расписку, я не вербую таких людей, как вы. Садитесь, я вам продиктую.

Харитонов сел за стол, Гуров начал диктовать:

— В прокуратуру города Москвы от такого-то, проживающего по адресу... Заявление. Я, Харитонов Борис Михайлович, хочу сообщить, что с такого-то года состою в преступной группировке Ямщикова Якова Семеновича по кличке Лялек.

Харитонов бросил ручку, закричал:

— Добровольное признание! Вместо трех лет я получу пятнадцать.

Гуров встал из-за стола, прошелся по кабинету.

— Если вам не понравится написанное, можете листок уничтожить. Теперь по сути вопроса. Если я эту бумагу передам в прокуратуру, то вы можете заявить, что написали заявление под давлением милиции, и через двое суток вас освободят. С юридической точки зрения это всего лишь бумажка. Ясно? Пишите.

Харитонов покорно взял ручку.

Гуров диктовал:

— Ямщиков-Лялек стоит во главе преступной группировки, которая на территории Москвы совершает грабежи, разбойные нападения, убийства, занимается рэкетом. Абзац.

Если мне будет дана гарантия, что лично я не буду судим либо мне вынесут условный приговор, то я готов дать официальные показания.

Число, подпись. Решайте. Или отдаете бумагу мне, либо отправитесь в камеру. Затем в суд и дальше по этапу.

— Что вы сделаете с этим заявлением?

— Официального хода не дам. Бумага будет лежать у меня в кармане.

— Не понимаю. — Пожав плечами, Харитонов протянул листок Гурову.

Полковник прочитал написанное, запер бумагу в сейф.

— Вы мне будете служить верой и правдой. Но так как я вам не верю, предупреждаю... — Гуров сделал многозначительную паузу: — Если вы начнете темнить, попытаетесь скрыться, то ваше сочинение тут же окажется в руках Ямщикова. Конечно, он

не Спиноза, но сличить ваш почерк догадается. Последствия понятны.

Лицо Харитоновы стало таким мокрым, словно он только что умылся.

— Что за совещание вы готовитесь провести? Когда? Где? Кто будет присутствовать?

— Вы и это знаете? — обреченно выдохнул Харитонов. — Собираются заместители авторитетов Москвы. Мы должны мирно разрешить ряд спорных вопросов. — Он криво улыбнулся. — Когда и где — еще не решили, ведем переговоры.

— Так. — Гуров прошелся по кабинету, подошел к своему столу, записал на листке номера телефонов. — Это мой рабочий и домашний. Выучить наизусть, листок уничтожить. Узнать, где собираются, когда. Кто конкретно будет присутствовать. Доложить мне немедленно.

— Ясно, господин полковник! — Харитонов сложил листок, убрал в карман.

— Вашего охранника и водителя мы взяли. Немедленно сообщите об этом Ямщикову. Им предъявят обвинение за ношение оружия, но вы, естественно, ничего этого не знаете. Вас, как владельца «мерседеса», оперативники забрали из ресторана, мурыжили в отделении до глубокой ночи. Все.

Переходим к следующему вопросу. Мне известно, что вами завербован один из старших офицеров нашего Главка. Вы называете фамилию, а я сжигаю на ваших глазах все бумаги о задержании с наркотиком.

Харитонов мгновенно сообразил: если он сдаст завербованного мента, того арестуют. И сопоставив, что провал ценнейшего агента произошел сразу после ареста водителя, охранника, задержания Харитонova и его быстрого освобождения, — босс разберется, что к чему.

— Слышал об этом. Ко мне обращались за консультацией. Я составил схему, как подойти к офицеру милиции высокого ранга, на чем его можно прихватить. Позже узнал, вербовка прошла удачно, полковник дает информацию.

— Вы начали врать, — сказал Гуров. — Что ж, придется задержать вас на несколько суток, подождать, пока в вашей голове просветлеет.

У Харитонova задрожали руки, он убрал их со стола, что, конечно, не ускользнуло от внимания Гурова. И сыщик допустил роковой просчет, чем очень усложнил свою жизнь в дальнейшем. Он посчитал, что ложь незначительная и ее разоблачение не стоит того, чтобы, задержав Харитонova, поставить его под угрозу разоблачения. Сыщик отнес волнение Харитонova только на счет его трусости.

— Хорошо, не буду вас задерживать. Езжайте домой... Кто и когда консультировался с вами по вопросу вербовки сотрудника милиции?

Харитонов сумел взять себя в руки, якобы вспоминая, поморщился:

— Когда? В прошлом году, кажется, летом. Мне позвонил Лялек, сказал, что ко мне обратятся за консультацией. Через день

приехал неприметный человек, лет сорока, себя не назвал. Сопровождали его два «быка».

Вербовка в основном проводится на использовании человеческих слабостей. Деньги. Женщина. Тщеславие. Вино. Самое лучшее начинать с женщины. Если объект увлечется вашей приманкой, вы будете иметь постоянный контакт. Потом следует задействовать деньги. Кандидата на вербовку следует с женщиной сфотографировать, лучше снять на видео. Затем женщину ликвидировать...

— Хорошо, хорошо, — перебил Гуров, которому надоело слушать прописные истины. — Кстати, я вас завербовал, не используя ваши методы.

— Вы вербовали не снизу вверх, а сверху вниз. Наши силы и возможности неравнозначны. Вы считаете меня наивным? Полагаете, я поверил, что меня так профессионально подставил кто-то из соперников? Это ваша работа...

— Думайте, что хотите. Идите, уже четвертый час.

Глава третья ПОДГОТОВКА К БРОСКУ

Утром Гуров доложил генералу Орлову результаты за прошедший день. Крячко молча сидел на своем месте, шутить в такой момент он не рисковал.

— Ну что, господа сыщики? — довольно сказал Орлов. — Поздравлять вас рано, хвалить — только портить. Сработали на уровне, профессионально, как и должны.

— Спасибочки, господин генерал. — Крячко привстал. — Я всегда Льву Ивановичу говорю, что Петр Николаевич к нам как отец родной. Если б подобную вербовку провернул не Гуров, а кто-нибудь иной, так вы бы обняли паршивца да в приказе — благодарность.

Орлов хмыкнул:

— Паршивца следует обнимать и поощрять. Полковник Гуров — сыщик особого калибра и не нуждается в твоей или моей похвале. Он сам себя судит и оценивает. Спроси!

— Чего спрашивать, я и так знаю.

— Все, перекур закончен. К делу. Лев Иванович, а ты не считаешь, что Харитонов что-то утаил? Самое главное? — спросил Орлов.

— Наверняка утаил. Главное вряд ли.

— Согласен. Наши клиенты не занимаются вербовкой. Если, конечно, не считать бутылку, поставленную постовому, ящик коньяка участковому... Вообще-то расценки мне не известны. Но вербовщик из такой среды — случай неординарный. Тем более вербовка полковника Главка просто ни в какие ворота не лезет. — Орлов замолчал, взъерошил волосы. — Ты рисуешь Харитонова как человека трусливого, не умного, но хитрого и образованного. Я среди налетчиков такого и не припомню.

— Что-то с памятью моей стало...

— Станислав! — Орлов грозно взглянул на Крячко, но, увидев

обиженное его лицо, вздохнул.— Видно, горбатого могила исправит.

— Конечно, старший младшего завсегда может в угол поставить. Коллеги, что по коридору ходят, завидуют, что мы с генералом дружны. Знали бы они, как мне терпеть приходится.

— Пойди к Верочке, выпей кофейку, ты мне мешаешь.— Орлов подождал, пока обиженный Крячко выйдет, и продолжил: — Харитонов для данной среды явление редкое. Нечего делать интеллектуалу в подобной группировке. За такие деньги он может найти в криминальной среде работу почище, а главное, безопаснее.

Гуров упорно молчал.

— Я к чему веду. Харитонов — исключение из правил. Вербовку полковника проводил человек неординарный. Рассказ Харитонova об инструктаже мне видится чистым вымыслом. Ты утверждаешь, что, перечисляя методы вербовки, ну там, женщина, деньги, видеосъемка, даже ликвидация девицы, он говорил плавно, размеренно, без запинок. Так не бывает. Подобная манера речи свойственна человеку, когда он рассказывает о чем-то хорошо знакомом.

Гуров насторожился:

— Значит, я промахнулся?

— Как сказать! Ты можешь взять Харитонova в любой день и вынуть из него все до доньшка. Выждем, что он скажет о сходке. Даже если назовет имя Иуды, мы не получим основания для ареста.

— Зато будем искать доказательства. Иуду ты отошлешь в командировку на Камчатку месяца на два. Мы перережем канал утечки информации и разыщем доказательства. Когда он будет в этом кабинете,— Гуров в бешенстве топнул ногой по ковру,— докладывать итоги своей инспекционной поездки, я защелкну на нем наручники.

— Мысль верная,— согласился Орлов.— Нужна командировка в дальний край. Взглянем, кто у меня просит помощи.— Он выдвинул верхний ящик стола, достал папку.— Так, Тверь, Екатеринбург, Омск, Иркутск, Красноярск, Владивосток...

— Любой из городов годится. Важно, не сколько часов лететь, а сколько он там пробудет.

— Сколько прикажу, столько и пробудет.

— Кого же посылать?

— Кто сказал, что надо посылать одного? Ты оставил под подозрением четверых, я пошлю в командировку двоих. Парой, в один город. Иуда окажется связанным, лишнего звонка не сделает.

— Отлично, генерал. Пара уедет, пара останется. Если Усов получит донесение, что бандиты готовят налет, мы вновь устроим «карусель». Налет состоится, и мы бандитов возьмем, значит, Иуда — один из командированных. Ежели налетчики вновь не придут, значит, Иуда один из двух оставшихся. Готовь приказ.

Через три дня Гуров позвонил Харитонову:

— Борис Михайлович, рад слышать ваш бодрый голос, свидетельствующий, что вас не прирезали.

— Вы, как всегда, остроумны. Собирался вам звонить, нужно встретиться.

— В какое время вам удобнее? — И, не ожидая ответа, Гуров сказал: — Значит, в четырнадцать, — и продиктовал адрес конспиративной квартиры.

Харитонов, услышав частые гудки, положил трубку и задумался. Завербованный полковник силен, но Гуров сильнее, рано или поздно сыщик моего человека достанет. И что тогда? Агент обо мне не знает ничего. С этой стороны бояться нечего. Но где-то в животе болезненно тренькало, Харитонов, как всегда, трусил.

В полдень Гуров вышел из кабинета. Сыщик любил приезжать на явочную квартиру заранее. Сначала гулял у дома, затем поднимался, брал тряпку, вытирал пыль, кипятил для чая воду. Агент должен чувствовать себя уютно, а не сидеть, как на вокзале в ожидании поезда.

Но до встречи было еще слишком рано, и Гуров зашел к Орлову.

— У Петра Николаевича полковник Усов, — предупредила Верочка.

Гуров остановился у массивных дверей. За последнее время взаимоотношения с Пашей Усовым у Гурова улучшились. По агентурным данным полковник задержал несколько уголовников, находящихся в розыске много лет. Гуров, человек независтливый, уважающий хорошую работу, изменил свое отношение к Усову. Его взаимоотношения с полковником из чисто служебных переросли в товарищеские.

Узнав, что Паша разговаривает с Орловым, Гуров остановился. Случаются разговоры, при которых присутствие третьего человека, каким бы своим он ни был, мешает.

— Верочка, доложи генералу, что я уезжаю на встречу, хочу попрощаться.

Девушка нажала кнопку селектора, предупредила, кто сейчас войдет. Гуров открыл тяжелую дверь:

— Здравия желаю, господин генерал. — Затем протянул руку Усову: — Приветствую, полковник.

— Здравствуй, Лев Иванович. — Усов ответил крепким рукопожатием. — Что случилось, не врываешься без стука, обращаешься через секретаря, деликатным стал? Или приболел?

— Все течет, все изменяется, Павел Петрович. — Гуров подмигнул Орлову, с улыбкой наблюдавшему за пикировкой полковников.

— Присядь, Лев Иванович. — Орлов указал на стул. — Павел Петрович устроил мне сцену у фонтана, возмущен, что я посылаю Миньшова и Сулькина в Красноярск. Якобы раздеваю его отдел.

Усов не знал ни о проводимой операции, ни о недавней вербовке Харитонова. Генерал и Гуров договорились, что о данном деле вообще никто ничего не должен знать. Исключение, конечно, составлял Станислав Крячко, без услуг которого все равно обойтись невозможно.

— Полковник прав. — Гуров пожал плечами. — Какой начальник отдела обрадуется, когда у него забирают двух старших офицеров?

— Вот Петр Николаевич говорит, что в Красноярске неблагополучно, и посылает туда двух асов. Можно подумать, во Владивостоке благополучно!

— Посылаю двоих только потому, что практика показала, офицер центра, прибыв в область, одинок. Людей знает плохо, коррупция разрастается, ему и посоветоваться не с кем. Двое уже сила. Меньшов и Сулькин поработают в Красноярске, затем перелетят во Владивосток.

— Хорошо.— Усов встал.— Желаю здравствовать, господа.

— Ну, что скажешь? — спросил Орлов, когда они остались одни.

— Я позвонил Харитонову, он попросил о встрече. В разговоре мне интересоваться только Иудой?

— Мимоходом, без нажима,— посоветовал Орлов.— Он ценный агент, может многое. За выдачу Иуды мы вынуждены будем заплатить, снять строгий ошейник. А без удавки на шее Харитонов тут же уйдет, словно сорвавшаяся с тройника щука.

— Обязательно,— согласился Гуров.

К приходу Харитонova конспиративная квартира была готова. Гуров, сидя в гостиной, просматривал газеты, курил, пил кофе.

Агент вошел в комнату, огляделся, сел в кресло. Чувствовалось, он находится в спокойном, уверенном состоянии.

— Вижу, объяснение с шефом прошло успешно,— заметил Гуров.

— Никакого объяснения не было.— Харитонов принял от Гурова чашку с кофе.— Я рассказал о происшедшем. Лялек уже знал, что ребят замели за пушки. У вас, господин полковник, течет.

— Течет,— согласился Гуров.— Но в конкретном случае ваших людей умышленно держали в отделении вместе с временно задержанными. Так что информация уехала поутру, когда мелких хулиганов выпустили.

— Вы обо мне заботитесь?

— Еще бы. Перейдем к делу. У вас нет новостей по поводу завербованного мента?

— К сожалению. Но имеется очень интересная информация о готовящейся сходке.

— Говорите.

Словно великий актер, Харитонов выдержал паузу, потом заговорил:

— Сходка назначена на двадцатое. Съезд в двенадцать дня, место назовут лишь в девять утра.

Гуров молча кивнул. Харитонов, несколько разочарованный сдержанной реакцией сыщика, продолжал:

— Условия следующие. Каждый авторитет присылает своего представителя. Иметь подлинные документы запрещено. Ни водителей, ни иного сопровождения. Сам за рулем и точка. Телефонной связи не будет.

— Все верно. А с телефоном дураки,— обронил Гуров.— При сегодняшнем техническом уровне каждый будет иметь связь и

поведет переговоры по своему каналу. Вся информация минует контроль. Вы, Борис Михайлович, принимали участие в составлении программы?

— Лишь частично.

— Врете. — Гуров допил кофе. — Запомните на будущее. Меня обмануть трудно, а лично вам — невозможно.

— Откуда такая уверенность?

— Профессия. Продолжайте. Вы, естественно, принимаете участие в составлении программы.

— Конечно.

— Информация интересная. Вернетесь, расскажете, как прошло совещание на высшем уровне. Больше ничего?

— Все, господин полковник.

— Тогда с Богом! Желаю удачи!

Когда Харитонов ушел, Гуров еще долго сидел за столом, курил, разглядывал стоявший у стены сервант с посудой.

Вечером в кабинете Орлова, кроме самого генерала, находились Крячко и Гуров. Молчали. Первым не выдержал Орлов:

— Значит, ты хочешь заменить Харитонova и сам взглянуть на собравшихся, выслушать их, так сказать, лично.

— Обязательно.

— Считаешь, полученная информация заслуживает того, чтобы рисковать твоей жизнью?

Крячко не сдержался:

— После конца съезда, на выезде, мы их всех задержим. Установим личности, сфотографируем, фальшивые документы отберем. Еще за решеткой продержим, пока прокурор не охрипнет.

— Лева, как полагаешь? — спросил Орлов.

— Используя мое присутствие среди авторитетов, можно установить, в Москве Иуда или в командировке.

Орлов и Крячко переглянулись.

— Поясни, — приказал генерал.

— Завтра ты, Петр, издаешь приказ о командировании Гурова в Омск, Томск, Челябинск. Я уезжаю двадцатого, а в двенадцать, этого же дня, приезжаю на съезд. Утром генерал Орлов в присутствии одного из подозреваемых «проговаривается», что сыщик Гуров находится не в Мухоморанске, а на слете авторитетов.

По установленному каналу связи Станислав сообщает мне, что «выстрел» сделан. Я слежу за реакцией окружающих. Если один из авторитетов узнает, что среди них сыщик, то обязательно проявится. И я данный факт, конечно, засеку, сяду в автомобиль и уеду. Если день пройдет у меня тихо и спокойно, то генерал в присутствии второго подозреваемого к вечеру вновь проговаривается. Я же буду следить за реакцией окружающих. Если до конца съезда ничего не произойдет, значит, Иуда в командировке.

— У тебя все? — Орлов подпер голову ладонями, обратился к Крячко: — Станислав!

— Могу возразить. Но скажу одно. Десять против одного, предупреждение, что на съезде присутствует мент, передадут отсутствующему Харитонову.

— Возражаю. Сообщение передадут другому участнику съезда, — возмутился Гуров.

— Поясни. — Орлов взглянул на друга.

— Вы все валите в одну кучу. Я сказал, что предупреждение пойдет другому, значит, так оно и будет. — Гуров вскочил, пробежался по кабинету.

— Мы с тобой, Станислав, не доросли до гения, — сказал Орлов. — Хорошо, допустим, произойдет все, как ты утверждаешь. Ты среди уголовников, предупреждение приходит на первые или вторые сутки. Авторитет получает твой словесный портрет: рост, вес, возраст. Он ждет прибития бойцов, встречает, указывает на тебя пальцем. Я высокого мнения о твоих боевых качествах. Но и Сталлоне и Шварценеггер бессильны против нескольких автоматчиков.

— У вас все? — поинтересовался Гуров.

— Тебе показалось мало?

— Вы меня разочаровали. — Гуров закурил. — Я проанализировал ситуацию. А вы считаете, что за несколько минут разберетесь в позиции, над которой Гуров размышлял несколько часов. Обидно, господа, черт побери! Я что, идиот?

— Ну, извини, — развел руками Крячко.

— Давай, Лева, учи нас, недоумков, — запыхтел Орлов.

— Чего вас учить? Скажу, что, если Иуда в Москве, его предупреждение передадут не Харитонову, а другому авторитету. Конечно, он вызовет ликвидаторов, но пальцем на меня не укажет. Начнет разбираться, кто есть кто, я же его беспокойство засеку. А сделаю я все это следующим образом...

Утром Гуров пришел на службу позже обычного. В Управлении уже все знали, что полковника Гурова командируют в Пермь с инспекторской проверкой. Удивлению не было конца. Офицеры обсуждали новость. Сыщиков подобного калибра не используют на инспекторской работе. Обычно такие поручения дают службистам, серым, посредственным розыскникам.

Не успел Гуров выйти из лифта, как его остановил малознакомый опер. Сочувственно улыбнувшись, он сказал:

— Лев Иванович, поздравляю, вас назначили проверяющим.

— Не говори глупостей! — Гуров отстранил нахала, но тут же столкнулся с начальником отдела, полковником Усовым. Тот взял Гурова под руку, вывел на лестничную площадку.

— Лев Иванович, что у тебя вчера произошло с генералом?

— Как обычно. — Гуров пожал плечами. — Мы поспорили по одному принципиальному вопросу.

— Он не сказал, что посылает тебя в Пермь с проверкой?

— Брось, Паша, что за шутки... — Гуров достал сигареты.

— А ты зайди в канцелярию, ознакомься с приказом. Завтра вылетаешь.

Гуров швырнул незажженную сигарету в урну и направился в канцелярию.

Когда вошел, в комнате, где находились несколько человек, стало тихо.

— Людочка, прелесть моя, — обратился он к одной из девушек,

сидевших за деревянным барьером. — Мне что-нибудь есть?

— Да, Лев Иванович, — тихо ответила девушка и, потупившись, протянула листок с приказом.

Гуров прочитал приказ, нахмурился:

— Генерал на месте?

— Не знаю.

Гуров резко повернулся к двери.

Войдя в приемную генерала, он кивнул Верочке, затем на дверь генеральского кабинета.

— У себя?

— Да, но у него...

Гуров не дослушал, распахнул тяжелую дверь. В кабинете находился полковник Сутеев, которого Гуров считал подозреваемым номер один.

— Господин генерал, что за приказ? Какая командировка? Какая Пермь? Вы же отлично знаете, я занят важнейшей разработкой... — резко заговорил Гуров.

— Не горячитесь, полковник, — перебил Орлов. — Из Перми поступил тревожный сигнал. У них большие неприятности с агентурой. А данное направление работы проверяем мы, а не штатные инспектора. Учитывая ваш опыт...

— Благодарю за доверие, генерал! — Не дослушав, Гуров направился к выходу.

— Воспитал на свою голову, — пробормотал Орлов, нервно перекидывая лежавшие на столе бумаги. Затем взглянул на притихшего полковника: — Николай Михайлович, на чем мы остановились?

Гуров расхаживал по кухне и пикировался с Крячко, который хозяйничал у плиты.

— Почему картошку должен чистить я? — возмущался Станислав. — Ты эгоист, Лев Иванович.

— Ты зачем приехал? Чтобы успокоить друга, с которым общались несправедливо. Значит, должен друга накормить и налить ему стакан.

— Ты дал зарок! А мужчина обязан держать свое слово.

— Обязательно! В принципе! — Гуров подошел к холодильнику. — Но зарок и слова дают специально, чтобы было что нарушать. — Он наполнил две стопки. — Иначе жизнь становится пресной и скучной, как стареющая девственница. Твое здоровье, Станислав!

— За такой гост грех не выпить. — Крячко скорбно улыбнулся. Зазвонил телефон. Гуров снял трубку.

— Лев Иванович? — спросил молодой мужской голос.

— Допустим.

— Мне ваш телефон дал телевизионный комментатор... Турин. Он сказал, что вам требуется опытный режиссер...

— Молодой человек, — сказал Гуров, — представьтесь, пожалуйста.

— Извините. Козлов Игорь... Можно без отчества.

— Игорь, — Гуров вздохнул, посмотрел на Крячко, — а кроме вас, кто-нибудь знает, что вы режиссер?

— Турин... В Москве меня знают только в узком кругу профессионалов. Но на Каннском фестивале я получил приз за лучшую режиссуру. — Голос звенел, обретая уверенность.

— Было бы лучше, если б вы получили Оскара. А впрочем, и Каннского приза достаточно. Как у вас со временем?

— Я снимаю некоммерческое кино, сейчас в простое. Лев Иванович, у меня времени предостаточно, девать некуда.

— Тогда приезжайте в гости. Запишите адрес.

Положив трубку, Гуров завздыхал:

— Старые мы, Станислав, стали. Для нас кто моложе тридцати, тот пацан.

— Пройдет несколько лет, и для нас человек моложе сорока будет тоже пацаном, — философски изрек Крячко, — если раньше не уьют.

— Спасибо на добром слове. Когда парень прибудет, закройся на кухне. Можешь слушать, но не показывайся, а то мальчик начнет стесняться.

— Могу и уйти.

— Не стоит, ты мне нужен.

Режиссер Игорь Козлов оказался высоким, худым, довольно лохматым парнем с огромными черными глазами. Джинсовый затертый костюм болтался на нем, как на вешалке, видно, нужного размера раздобыть не удалось. Здороваясь, он взглянул вызывающе, так, как смотрят люди стеснительные, неуверенные в себе.

— Проходите, Игорь, располагайтесь, — провел его Гуров в гостиную.

На столике стояли чашки, кофейник, бутылка коньяка, рюмки и пепельница.

Гуров уселся в кресло.

— Вы Сашу Турина давно знаете?

— Не очень, года два.

Гуров разлил по чашкам кофе, наполнил рюмки.

— Со знакомством, за здоровье. Саша говорил, кто я, какова моя профессия?

— Сказал только, что вы мент, розыскник. — Молодой режиссер явно лукавил, наверняка у него с Туринным состоялся обстоятельный разговор, который скорее всего закончился предупреждением комментатора, что сыщик не любит болтунов.

— У вас потрясающая внешность, — увлеченно заговорил режиссер. — Вы обаятельны, одновременно излучаете силу и угрозу. Я с удовольствием снял бы вас в главной роли.

— Исключено. У меня нет времени, и я боюсь камеры, каменю.

— Пустяки, вас надо просто увлечь... Но мне не дают денег, так что разговор пустой. Я вас слушаю, чем могу быть полезен?

— Игорь, вынужден вас предупредить, наш разговор коснется совершенно секретных дел. Ни Саше Турину, ни любимой девушке...

Режиссер напряженно смотрел Гурову прямо в глаза.

— От вашей сдержанности будет зависеть моя жизнь. Может, звучит высокопарно, но говорю, как есть.

— Я понимаю, — кивнул режиссер.

— Значит, ситуация такая. Я вскоре буду присутствовать на собрании крупных воровских авторитетов. Они в лицо меня не знают, однако слышали описание моей внешности. Одного из них предупредят, что сыщик пробрался в святая святых. Людей будет немного, кроме меня, четверо. Если меня вычислят сразу, то и убьют сразу. Надо мою внешность изменить так, чтобы меня не опознали по описанию.

— Сложно, — после долгой паузы произнес режиссер. — Ведь надо еще сделать так, чтобы на вас вообще не обратили внимания.

— Ну уж постарайтесь.

— Лев Иванович, встаньте, пройдитесь по комнате.

Гуров поднялся, начал разгуливать по гостиной.

— В первую очередь убрать выправку. Вы держитесь, как гусар на плацу. Представьте, что возвращаетесь домой после тяжелого дня и в каждой руке у вас сумка с картошкой.

Гуров слегка ссутулился, безвольно опустил руки и почему-то подогнул ноги.

— Прекратите, садитесь. — Режиссер махнул рукой. — Вы как плохой провинциальный актер.

— Благодарю, но у меня другая профессия.

— Молчите! Здесь говорю я! — Игорь обжег Гурова взглядом. — Я подумаю и с вашей выправкой справлюсь. Какова среда обитания, что за люди будут вас окружать?

— Точно не знаю, могу лишь предположить. Они умны и очень богаты. Культурный уровень средний, двое моего роста, примерно моего возраста.

— Не много же вы знаете.

— Если б знал много, не лез бы в пекло.

— Понимаю, — кивнул режиссер. — В обыденной жизни грим не годится. Вы можете оказаться небритым?

— Отпадает. Думаю, что белая рубашка обязательна.

— Но ведь галстук можно повязать и плохо?

— Невозможно.

— Нечищенные туфли?

— Это вряд ли.

— Нужен серый твидовый костюм.

— У меня нет, а в министерстве нет костюмерной.

— Дорогая куртка, кожаная, лучше лайковая, имеется?

— Я вам покажу, что у меня имеется, а вы отберете. — Гуров прошел в спальную комнату, раздвинул шкаф.

Режиссер внимательно осмотрел костюмы, куртки, наконец закрыл шкаф, вернулся в гостиную.

— Ваш гардероб не годится. Одежда паршивого интеллигента. Костюм, туфли, галстук я вам достану. — Режиссер принюхался. — Одеколон надо сменить. Дадите денег, я куплю. С внешностью мы справимся, но что делать с речью? Сколько у нас времени?

— Два дня.

— У вас есть знакомый авторитет?

— Имеется и, к сожалению, не один. — Гуров улыбнулся.

— К завтрашнему дню составьте перечень его любимых слов и выражений. Я приеду завтра и отберу, что годится. Еще мне нужна машина с водителем.

Гуров поднялся, открыл дверь на кухню:

— Станислав, выходи. Знакомься — режиссер, Игорь Козлов. Полковник Станислав Крячко.

Режиссер взглянул на Крячко с восхищением:

— А может, Станислава и послать? Господин полковник значительно лучше вас.

Крячко довольно хохотнул, налил себе рюмку коньяка, но Гуров ее тут же отобрал.

— Станислав, ты поступаешь в распоряжение господина Козлова, садишься за руль своего «мерса».

— Воля ваша. — Крячко с тоской взглянул, как Гуров выпил его коньяк. — Подчиненный, он всегда готов. Я понял, это мы поедем на «Мосфильм» выбирать одежонку. Всегда тебе, Лев Иванович, говорил, одеваешься ты кое-как, солидным людям твой вкус не понять.

Режиссер подвинул телефон.

— Позвоню на «Мосфильм», закажу пропуска.

— Не стоит, мы и так пробьемся, — сказал Крячко. — Лучше позвоните в съемочную группу, чтобы они нам дали своего костюмера.

Игорь смутился:

— Видите ли, я не Михалков и не Рязанов, по телефону мне такого вопроса не решить. Надо побродить по коридорам, разыскать знакомых.

— Поехали, розыск моя профессия. — Крячко направился к выходу. — Если хорошего актера тебе не дают, будешь мучиться с Гуровым.

Глава четвертая

СЫЩИКИ И АВТОРИТЕТЫ

Утром двадцатого октября лужи замерзли, ветер гонял по обледенелым тротуарам и мостовым первые снежинки, обертки «Сникерса», обрывки газет и прочий мусор.

Борис Михайлович Харитонов поднялся затемно, около семи. Прошлепал босиком в ванную, долго стоял под душем, пуская попеременно холодную и горячую воду. Удовольствия никакого, одна жуть, но, говорят, полезно. И действительно, когда вылез из-под душа и начал бриться, то почувствовал себя превосходно.

В начале десятого зазвонил телефон. Харитонов снял трубку.

— Вы заказывали номер в пансионате? — раздался спокойный невыразительный голос. — Платить наличными, кредитные карточки не принимаются, паспорт обязателен, регистрация заканчивается в двенадцать тридцать. Всего хорошего.

В одиннадцать часов Борис Михайлович вышел из дома, вывел

машину из гаража. В развалочку, не торопясь, к нему подошел гаишник, стукнул по окну железом:

- Хозяин, подвези сменщика.
- Охотно, командир, если по дороге.
- Ему по дороге, — заверил гаишник.

Харитонов открыл правую дверцу, мельком взглянул на штатского.

— Опять вы, полковник? — воскликнул он.

— Спокойно, Борис Михайлович. Меня прислал полковник Гуров. Он решил ехать на сходку вместо вас. Место встречи и пароль. — Крячко протянул руку. — Давайте, давайте бумажку с адресом.

— А откуда я знаю...

— Слушай, козел! Я не Гуров, интеллигентностью не болею. Еще один вопрос, миг заткну твою паршивую глотку. Усвоил?

— Раз так решили. — Харитонов вынул из кармана листок с адресом.

— Молодец, будешь слушаться, все будет о'кей! — Крячко достал из-под куртки телефонную трубку с антенной. Продиктовал адрес и пароль. Затем хлопнул Харитонova по плечу: — Двигай.

— Куда?

— Пока на Тверскую, дальше зависит от тебя. Договоримся — поедem на конспиративную квартиру, там поживешь, пока ваш съезд не закончится. Не договоримся — двигай напрямик в тюрьму.

— Простите, но Лев Иванович...

— Ты меня слушай, вякать опосля будешь. Гуров, конечно, ас, слов нет, но его фигли-мигли с вашим братом не всем нравятся. У тебя когда первый выход на связь с Ляльком?

— В двенадцать тридцать.

— Вот и ладушки, правь в сторону этого пансионата. Не доезжая двух километров, остановишься. В двенадцать тридцать доложишься шефу, а в конце завопишь, что машина отказывает, присылать никого не надо... На связь больше не выйдешь, вернешься и доложишь.

— Зачем рисковать? — Харитонов понял, как Гуров рискует. Конечно, агенту на жизнь мента наплевать, но теперь его жизнь намертво скована с жизнью полковника. Гуров провалится, Харитонova зарежут, хоть на воле, хоть в камере.

— Лялек — человек неуправляемый. Потеряв со мною связь, он что угодно может выкинуть. Заявится в пансионат с автоматчиками. У меня с ним связь в двенадцать тридцать, затем в двадцать три или в ноль часов. Пусть Гуров сочинит сообщение, вы его примите, тогда подъедем к пансионату и я сообщение передам.

— Не хочешь в камере сидеть, чую, не хочешь. Ладно, раз ты такой умный и покладистый, будешь жить как человек. Даже лучше, тебя будут надежно охранять.

Пансионат «У озера», двухэтажный особняк, построенный в начале века, некогда принадлежал русскому купцу Петру Мамо-

нову. Когда пришли большевики, дорогую обстановку дома растащили, сожгли, мраморную лестницу побили, паркет изуродовали и заселили в некогда роскошный особняк семьи красноармейцев и активистов из соседних деревень. Во что превратилась барская усадьба — описать невозможно. Но когда власть встала прочно и партия натянула вожжи, в особняке разместился райком.

Демократы, придя к власти, партийных функционеров разогнали, а особняк продали на аукционе буквально за копейки. Наконец ему повезло. Пришел Хозяин. Он оценил качество постройки, вложил в реконструкцию миллионы долларов, назвал особняк пансионатом «У озера» и начал сдавать его за валюту всем, кто деньги лопатой гребет.

Около полудня на стоянку у особняка подкатил первый «мерседес-300». В течение пятнадцати минут, сверкая лакированными телами, подкатили еще четыре иномарки. Водители вышли из машин, приблизились друг к другу.

- Здравствуйте, господа.
- Здравствуйте, отличная погода.
- Здравствуйте, рад знакомству.
- Здравствуйте, надеюсь, все в порядке?
- Здравствуйте, спасибо, не жалуюсь.

Когда коллективный пароль был собран, приехавшие представители прошли в особняк.

Здесь их ждали. Молодой, лет тридцати, мужчина в элегантной тройке, с идеально выведенным пробором и фальшивой улыбкой, поклонившись, заворковал:

— Здравствуйте, господа. Благодарю за честь, которую вы оказали своим прибытием, надеюсь, останетесь довольны. Имеется бар, где вы можете заказать напитки и еду. Небольшая формальность... Хотя особняк и находится в частном владении, прошу сдать паспорта. Увы, мы находимся в России, такие порядки... Власть о нас не забывают, порой заглядывают.

Господа отдали свои паспорта, после чего их развели по апартаментам.

Встречавший гостей директор, Рубен Юрьевич Воронов, внимательно изучил документы. Делал это он по укоренившейся привычке, так как догадывался, что они липовые.

Албынин Юрий Семенович, прописан в Москве, сорок пять лет, холост.

Басов Игорь Николаевич, москвич, сорок лет, холост.

Кольцов Валентин Сергеевич, москвич, сорок два года, холост.

Чертов Николай Андреевич, москвич, тридцать восемь лет, холост.

Файт Александр Александрович, москвич, сорок один год, холост.

Рубен Юрьевич запер паспорта в сейф и подумал, что собравшиеся друг друга не знают, каждый выписывал себе паспорт индивидуально, потому и оказались все уроженцами Москвы и холостые. Хороший опер, если посмотрит все пять паспортов вместе, сразу поймет, что липа. Пять мужиков в возрасте, и все холостые. Так не бывает.

Крячко остановил свой «мерседес» у въезда в заповедник, повернулся к сидевшему рядом Харитонову:

— Что ни говори, а деньги — сила. Неплохое местечко выбрали авторитеты. Мне пора выходить на связь. — Крячко взглянул на часы, вынул из кармана рацию: — Привет, коллега.

Гуров ответил сразу:

— Привет, Станислав. Какой же роскошный особняк! Построен в начале века, оборудование современное. Станислав, в помещении с такими высокими потолками я в жизни не жил...

— Хватит ерунду пороть, командир. Ты знакомых не встретишь?

— Это вряд ли. Будь здоров. Сейчас приму душ, выпью рюмку и направлюсь обедать.

— Удачи. — Крячко отключился. — Слышал? Связывайся со своим убудком, докладывай.

Обедали в баре за большим, персон на двенадцать, столом. В центре его стояли напитки, в основном импортного производства. Пепси-кола, кока-кола, тоник, сухие вина из Франции, Италии, Грузии, виски, джин. В хрустальных ладьях сверкала икра — красная, черная, зернистая, паюсная, балык, осетрина горячего копчения и заливная, грибочки маринованные и... Что говорить, накрыто богато, со вкусом.

В сторонке стояли три девушки: блондинка, брюнетка и рыженькая. Все хорошенькие, в меру подкрашенные, все улыбались, молча кланялись, встречая легким поклоном и тихим приветствием:

— Здравствуйте... Добро пожаловать... Милости просим.

Когда все расселись за столом, первым заговорил Басов:

— Господа, предлагаю выпить за нашу встречу. Сегодня о делах не говорить. Вначале познакомимся поближе, пообвыкнем. А завтра утром решим, когда и где сядем за круглый стол. Забыл представить, — он слегка наклонил голову, — Басов Игорь Николаевич.

Выпили по первой, не торопясь, принялись закусывать.

— Господа, недавние товарищи, — сказал один из сотрапезников, голубоглазый, с приятным лицом, — считаю, негоже нарушать порядок, при котором мы родились и выросли. — Он налил себе виски. — Выпьем за нас, людей свободных, отбросивших условности, переступивших через мещанский закон. Меня зовут Юрий Семенович Албынин. — Он привстал и поклонился.

— Браво, Юрий!

— Вы в свободное время не пишете?

— Сегодня нет, — улыбнулся Албынин. — Но десять лет назад писал приветственные речи для товарищей из ЦК. Однажды один из абзацев моих творений даже включили в выступление Леонида Ильича.

— Коллеги, меня зовут Валентин Сергеевич Кольцов. — Говоривший был грузен, лет пятидесяти, полнота придавала ему солидности. — Господа, дайте возможность выпить и закусить, а то, слушая вас, забываешь о главном.

Все рассмеялись. Зазвенели бокалы, от стоявших поодаль деву-

шек отделилась высокая полногрудая брюнетка, подошла к столу.

— Приятного аппетита. Могу предложить солянку из осетрины, борщ украинский, куриную лапшу.— Она кокетливо улыбнулась.

— А можно из куриной лапши отлить чашку бульона? — окая, спросил бритоголовый русак.— Меня зовут Александр Александрович.

— С превеликим удовольствием, Александр Александрович.— Брюнетка сделала книксен и убежала.

— Интересно, она обслуживает только за столом? — произнес Кольцов, сытно хохотнув.

— Я единственный, кто не представился,— тихо произнес мужчина лет сорока, но совершенно седой. Он поправил массивные очки.— Чертов Николай Андреевич.

— Ваше здоровье, Николай Андреевич,— сказал Александр Александрович, оглаживая бритую голову.— Моя фамилия Файт. Я на одну шестьдесят четвертую еврей. В школе меня жидом обзывали, я поклялся фамилию сменить. Когда повзрослел, задумался. Дед не сменил, отец не сменил, чего ради я стану менять?

Все снова выпили. Албынин белоснежной салфеткой прикоснулся к уголкам губ.

— Делить людей по национальности может только кретин. Люди бывают умные и глупые, честные и подонки, а не черные и белые.— Он вновь наполнил рюмку.— Но принимать на работу, не учитывая национальность, тоже глупо. Я очень настороженно приближаю к себе кавказцев. Сторонюсь их.

— Разделяю.— Басов выпил.— Мы, русские, интернациональны, нас много, землю никто не мерил. У маленьких народов, чьи предки разбросаны по нашему шару, большая тяга друг к другу.

Обедали долго. Расходились по-английски и по одному.

Крячко поселил Харитонову на конспиративной квартире, оставил двух оперативников:

— На улицу не отпускать, глаз не сводить, в уборную сопровождать, ночью попеременно дежурить,— и уехал к Орлову.

Генерал откинулся в кресле, сложил руки на животе и равнодушным тоном произнес:

— Рассказывай.

Напускная сдержанность Орлова не смогла обмануть Крячко. Он коротко доложил о происшедшем и в заключение, чтобы хоть как-то успокоить генерала, сказал:

— Голос у Льва Ивановича ровный и спокойный.

— У него всегда один и тот же голос. Однажды, когда очередной министр громыхал кулаком по столу и кричал, что отдаст Гурова под суд, Лева ответил — суд будет позже, а графин с водой упадет сейчас.

— Да, Лев Иванович может,— согласился Крячко.

— Ты знаешь, где тонко? Лева не знает ни границ территории, которую курирует группировка, ни споров с соседями.

— Так следовало с Харитоновым обсудить.

— Говорил Леве, воспротивился. И он по-своему прав. Вопрос о территории и спорах с соседями возник после того, как объявили, что съезд назначен на двадцатое. Оставалось всего два дня. Начни Гуров обсуждать с Харитоновым, что да как, хитрый авторитет мог догадаться о действиях полковника. Возможно, предупредил бы шефа, что менты собираются на съезд проникнуть.

— Надо было его задержать... — Крячко замолчал, сообразив, что говорит глупость.

— Задерживать нельзя, а ехать, не имея информации, такой риск.

— Да, налево пойдешь — плохо, направо — тоже нехорошо. — Крячко почесал за ухом. — Если за круглым столом начнется выяснение спорных вопросов, Гуров окажется на сковородке.

— Все. Закрыли вопрос. Сейчас найди полковника Сутеева, скажи, генерал просит заглянуть. Но без нажима, между прочим.

Николай Михайлович Сутеев, полковник и старший оперуполномоченный, сидел напротив Орлова и взволнованно говорил:

— Петр Николаевич, может, я ошибся, а может, нет...

Орлов жестом остановил Сутеева и снял трубку звякнувшего телефона.

— Генерал Орлов слушает. — Он поморщился, жестом остановил пытавшегося выйти Сутеева. — Слушаю, господин генерал-полковник... — Орлов отстранил трубку, слушал крик на расстоянии: — Разрешите заметить, я полковника Гурова ни в какую командировку не посылал. Он выполняет специальное задание под Москвой, через день вернется. — И бросил трубку на рычаг. — Так и работаем, все думают, что генералам жить вольготно. — Он помолчал, взглянул на Сутеева испытующе, словно прикидывал что-то, и сказал: — Николай Михайлович, вы данного разговора не слышали. Полковник Гуров находится в командировке.

— Так точно, господин генерал!

— Всего доброго, свободны.

Когда Сутеев вышел, Орлов снял трубку, крутанул диск:

— Зайди!

Гуров расхаживал по роскошным апартаментам — прихожая, гостиная, огромная ванная комната, оборудованная гидромассажем. Сыщик ею пока не пользовался, да и не знал, как такая штука включается. Он вздохнул и ушел в гостиную. Заперев входную дверь, достал «Вальтер», опустился в низкое кресло и закурил. Вспомнил обед, всех присутствующих, кто и что говорил. Информации не хватало. Сыщик не сумел разобраться, кто опасен, но был уверен, в рукопашной одолеет любого. Придя к такому выводу, он вновь прошелся по апартаментам, проверил запоры на всех окнах, двери, вернулся в кресло. Положив руку с «Вальтером» на живот, задремал.

Вечером Гуров спустился в бар, занял маленький столик в углу. Когда ему подали кофе и рюмку коньяка, в баре появился Николай Андреевич Чертов, увидев Гурова, подошел.

— Разрешите?

— Прошу.

Чертов сел напротив, заказал виски с содовой:

— Насколько я помню, коллега, мы соседи. Я представляю группировку Смольного.

— Рад знакомству. — Гуров кивнул, пригубил кофе.

— Считаю, нам ни к чему при всех выяснять отношения. — Чертов замолчал, выждал, пока официантка поставит перед ним заказанную выпивку и отойдет. — Столкновения происходят в основном из-за рынка. Полагаю, вопрос, кому принадлежит рынок, следует решить четко и бесповоротно. Уступившая сторона компенсирует потерю. Каковы ваши предложения?

Гуров задумался. Он понятия не имел, о каком рынке идет речь. Какова его цена, что конкретно можно предложить за право владения и что разумно принять в качестве отступного. Сыщик решил идти по проторенному пути политиков, потому ответил так:

— Вопрос решить можно и должно, главное, чтобы не было войны.

— Приветствую такую позицию. Слышал: вы последовательно придерживаетесь принципов мирного урегулирования. Мы и собрались, чтобы разрешить наболевшие вопросы. Необходимо от слов перейти к делу.

— Абсолютно согласен. Ваши предложения?

— Вы старший, вам первое слово.

— Николай Андреевич, вам бы следовало знать, что в армии Кутузова... или Наполеона, точно не помню, на совещаниях младшие всегда высказывались первыми.

— Чтобы лейтенант не имел возможности поддакнуть генералу? — Чертов рассмеялся. — Они были очень умны, наши предки! — Веселость исчезла с его лица. — Но, раз вы не помните точно, кто ввел подобный порядок, нам не обязательно следовать по их пути. Я слушаю ваши предложения, коллега.

— Видите ли, уважаемый Николай Андреевич. — Гуров поставил рюмку, выдержал паузу. — Мы же договорились о делах сегодня помалкивать, отложить их на завтра. А вы тащите меня на борцовский ковер. Требуете, чтобы я сражался. Я не готов. Увольте.

— Да вы сто раз обсуждали с Ляльком вопросы рынка.

— Сообщите мне ваши условия, я проконсультируюсь! — Гуров незаметно отодвинулся от стола, освобождая место для маневра. — Скажите мне, чего вы хотите? Я подумаю, проконсультируюсь...

— Слушай, падла, интеллигент вонючий! — Чертов хотел подняться, но не успел.

Гуров опрокинул на него тяжелый стол. На грохот мгновенно подбежали два широкоплечих парня в униформе.

— Русскому человеку следует пить водку, а не эту сивуху — виски, — сказал Гуров и пересел за другой столик.

Когда поддерживаемый местными охранниками Чертов проковылял к выходу, Гуров мило улыбнулся взволнованной официантке:

— Я не допил кофе с коньяком, будьте любезны.

Покинув бар, Гуров поднялся к себе в номер, натянул теплую куртку и вышел на улицу. Стоял на крыльце, курил, привыкал к темноте. Освещены были лишь стоянка автомашин с будкой охранника и асфальтовая дорога, ведущая через бор к шоссе. Когда глаза стали различать ближайшие предметы, сыщик спустился по мраморным ступенькам и направился в лес. Возле огромной сосны достал радиотелефон, набрал номер.

Крячко ответил мгновенно:

— Слушаю вас, шеф.

— У меня новостей нет. Пристал было один тип с непонятными вопросами. Какой-то рынок поделить не может. Дело происходило в баре. Надоедливый мужика увели, а мне пришлось сесть за другой стол, прежний почему-то развалился.

— Ты кончишь паясничать? — вскипел Крячко, но тут же взял себя в руки. — Тридцать минут назад разговаривали с Ляльком. Он уже знает, что мент проник на съезд. Получил твоё описание.

— Интересно, — сказал Гуров. — Кому сообщили?

— Кольке Сутееву.

— Тоже хорошо. Я учту. Дай трубочку Харитонову.

— Добрый вечер, как устроились? — льстиво произнес Харитонов.

— Спасибо, вашими молитвами. Кто такой Смольный? Какой рынок вы не можете поделить? Каковы ваши условия? С кем еще соседствуете, что делите?

Харитонов объяснял. Гуров напряженно слушал, клял себя за лопухость. Такой опытный, битый, а магнитофон взять с собой не удосужился. Сейчас бы прижал магнитофон к трубке — и никаких забот.

— Достаточно, — прервал Гуров, когда понял, что больше запомнить не сможет. — Передайте трубку соседу.

— Харитонов не исключает возможность, что Лялек передаст полученную информацию другим авторитетам.

— С этого следовало начинать, Станислав, — сухо сказал Гуров и отключил аппарат.

В эфире велись переговоры:

— ...Сорок пять лет... Рост сто восемьдесят... подтянут, отлично сложен... Шатен, виски седые... Глаза голубые...

Глава пятая

СЫЩИКИ И АВТОРИТЕТЫ (окончание)

Утром участники съезда перезвонились, условились собраться в пятом номере в одиннадцать.

Завтракали все порознь. Никто ни к кому не подсел, здоровались сдержанно, казалось, температура в баре понизилась до нуля.

Гуров все понял. Переложил «Вальтер» в наружный карман пиджака вместе с зажигалкой. Прием старый, как мир, однако везде срабатывает.

Когда все собрались в пятом номере, хозяин его, Басов Игорь Николаевич, запер дверь, ключ положил на стол и сказал:

— По техническим причинам наше совещание прерывается. Как писал Николай Васильевич, у меня есть пренеприятнейшее известие. — Он оглядел собравшихся. — Среди нас мент.

— Я знаю, — сказал Чертов.

Наступила пауза, наконец кто-то произнес:

— Говорите, Игорь Николаевич.

— Сыщик высочайшего класса. Его настоящие фамилия, имя и отчество значения не имеют. Приметы: сорок пять лет, рост сто восемьдесят, фигура спортивная, шатен, глаза голубые.

Все молчали, приглядываясь друг к другу. Встал Валентин Сергеевич Кольцов, вышел на середину комнаты.

— Я тоже получил сообщение, что среди нас мент. Приметы те же. Я стою перед вами, вы имеете возможность приглядеться. Мой рост сто восемьдесят восемь. — Кольцов поднял ногу. — Каблуки отсутствуют. Насчет фигуры... — Он снял пиджак, обнажив вислые плечи и выпирающий животик. — Правда, глаза голубые. Можно сесть?

— Садитесь, Валентин Сергеевич, — сказал Басов, который руководил разборкой.

Басов сел, поднялся сидевший рядом с ним Юрий Семенович Албынин, вышел на середину, снял пиджак.

— Раз начали с голубоглазых, я тут.

Среднего роста, с намечающимся брюшком, он явно не годился на роль супермена. Затем поднялся Николай Андреевич Чертов. Маленький, широкоплечий, с короткими ножками... Ему и рта не дали открыть.

— Николай Андреевич, сядь, пожалуйста, — взмолился Басов.

— И глаза у меня карие, — гордо заключил Чертов.

Бритоголовому Файту так же не позволили демонстрировать прелести своей фигуры. При росте около ста семидесяти он весил примерно центнер.

— Игорь Николаевич, — сочным баритоном произнес Кольцов, — не считите за труд, выйдите.

Басов начал раздеваться. Снял пиджак, рубашку, обнажился по пояс.

— Во мне сто восемьдесят, глаза светлые, но не голубые. — Он напряг хилые мышцы. — Противно демонстрировать свои недостатки. Атлетом меня назвать трудно. — Басов начал одеваться. — Имеется еще особая примета. Мента однажды прострелили. У него сквозное ранение груди.

Гуров опустил руку в карман, достал зажигалку, начал крутить ее между пальцами.

— Игорь Николаевич. — Кольцов откашлялся. — При наличии подозрений продолжать совещание невозможно. Я хотел бы обратить внимание присутствующих на следующие моменты. — Он сделал паузу.

Авторитеты ожили, напряжение спало.

— Так вот. — Кольцов вздохнул. — Хотя сообщение и продублировали, но в Москву оно поступило из одного канала. Агент мог его и сочинить. Конечно, в том случае, если источник держат за

горло. Второе. Агент честен, он сам получил недоброкачественную информацию. И еще. Мента действительно послали к нам, но в последний момент послали не одного сотрудника, а другого.

— Хорошо излагаете,— съязвил Басов.— Словно на оперативном совещании в МУРе.

— Естественно. Ведь я проработал в розыске пятнадцать лет, уважаемый.— Кольцов привстал и поклонился.— Правда, не в Москве.

— Ну, раз у вас такой опыт, давайте ваши предложения,— сказал Албынин.

Кольцов повернулся к Басову:

— Игорь Николаевич, распорядитесь, чтобы нам принесли перекусить. Я пока подумаю. А вы, господа,— обратился он к остальным,— вернитесь в свои номера, соберитесь. Возвращайтесь с вещами. Из номеров позвоните сюда. Сотрудник угро может вырубить кого-нибудь из вас. Если разговор прервется, мы с Басовым начнем преследование.

— А если он вырубит нас в коридоре? — спросил тучный Файт.— При моей комплекции...

— Понял! — прервал Кольцов.— Басов будет стоять на пороге и проглядывать коридор. Я — сидеть у телефона и видеть Басова. Хозяин номера входит с сопровождающим, тот остается на пороге, видит и Басова, и что происходит в номере. Получается замкнутая цепь. Вы стрелки, конечно, аховые, но с пяти метров не промахнетесь. К тому же, уверен, опытный мент сейчас дергаться не станет.

— Нас всех надо послать на высшие ментовские курсы,— буркнул Чертов, направляясь к двери следом за Албыниным и Файтом.

Басов вынул из кармана пистолет, встал в дверях. Кольцов перенес кресло к столику с телефоном, чтобы, сидя, видеть Басова, вынул пистолет, отработанным движением передернул затвор.

Гуров собрал в ванной бритвенные принадлежности, зубную щетку, одеколон, уложил все в кейс, где лежали белая рубашка, галстук и носки. Захлопнул крышку, взглянул в зеркало, но не на свое отражение, а на маячившего за спиной авторитета.

Вырубить этого мозгляка — секундное дело. Дверь запереть и уйти через окно. Но делать этого сыщик не собирался. Грязная работа. К тому же горит Харитонов, а он еще пригодится. Да и бывший опер угро, сегодня скрывающийся под именем Валентина Сергеевича Кольцова, человек безусловно серьезный. Да и где гарантия, что, выскочив в окно, не попадет под автоматный огонь? Нет, следует играть до конца. А уйти он сумеет, если, конечно, жив останется.

Сыщик взял кейс и вышел из ванной.

Вновь собрались в номере Басова. Перекусили, выпили кофе.

— Валентин Сергеевич,— спросил Басов,— вы что-нибудь придумали? Или мы разъедемся по домам, словно ничего не произошло?

— Мы не разведемся, а поедем, — ответил Кольцов. — Поедем все вместе к своим хозяевам. Авторитетам. Каждый хозяин забирает своего «посла», а на его место посадит боевика. Таким образом, мент выпадает в осадок. Всем достать оружие, снять предохранитель. Хотя, я уверен, мент на полное поражение стрелять не будет. Он не может убить, так как существует прокуратура, а там в его агентурных комбинациях разбираться не станут. Менту конец, он это отлично понимает.

— Но лучше суд, чем смерть, — заметил Албынин. — Он может открыть огонь.

— Если начнет не с тебя, стреляй. Оставшиеся в живых подтвердят, ты оборонялся, — заверил Кольцов.

Пять стволов уперлись друг в друга.

— У кого «мерседес-300»? — спросил Кольцов.

— У меня, — ответил Басов.

— Едем на нем, остальные машины оставляем, позже заберем. — Кольцов попятился к двери, продолжая держать присутствующих под прицелом.

При выезде на шоссе стояла машина ГАИ. Одиноким инспектор поднял жезл.

— Не вздумайте стрелять, — произнес Кольцов. — Если это ГАИ, то нет проблем. Если розыск, нам все равно не отбиться, только срок намотаем. Кроме фальшивых паспортов и наличия оружия, нам предъявить нечего.

Сидевший за рулем Басов затормозил. Инспектор козырнул и представился.

— Обычная проверка. Приготовьте документы. Откройте капот и багажник, попрошу всех выйти из машины.

— Финита, — пробормотал Файт.

— Полагал, в розыске дураки работают. — Кольцов опустил пистолет в карман, открыл дверцу. — Из особняка другим путем тоже бы не ушли.

— Какой умный, следовало тебя еще там, на месте, пристрелить, — зашипел Чертов, выходя из машины.

Внезапно к «Жигулям» ГАИ подкатили четыре машины, из которых вышли мужчины в штатском, но гражданские костюмы не скрывали истинной сути этих людей. Один из них был в возрасте, полноватый, видимо, старший по званию.

— Господа, — сказал он, — я генерал милиции, начальник уголовного розыска. Знаю, кто вы. Сдайте ваши пистолеты.

Авторитеты сдали оружие, молчаливые оперативники провели формальные обыски. Басова усадили в его же «мерседес», но на заднее сиденье. Он опустил окно и крикнул:

— Мент, ты выиграл! Объявись! Дай взглянуть на тебя!

— Отъезжайте, — приказал генерал и почесал висок.

Через несколько секунд на перекрестке остались лишь машина генерала, сам Орлов, Крячко в форме инспектора ГАИ и... Албынин. Крячко собрался обнять друга, но сыщик его отстранил.

— Обожди. — Он сбросил плащ, пиджак, начал снимать брюки. — Теперь я знаю, что такое пытка.

Ноги Гурова были согнуты в коленях, кожаные крепления

прочно держали их в таком положении. Он расстегнул ремни, затем снял с себя пояс с набрюшником, расправил плечи, начал делать гимнастику.

Орлов и Крячко наблюдали за другом, негромко переговаривались.

— Значит, Колька Сутеев?

— Значит,— кивнул Орлов.— Интересно, как мы будем доказывать.

Полковник Гуров и Борис Михайлович Харитонов на конспиративной квартире пили чай. Сыщик сообщил агенту, что четверо авторитетов задержаны с оружием и поддельными паспортами.

— Возбудят уголовные дела, возьмут подписку о невыезде и освободят,— закончил Гуров.

— А меня убьют. В лучшем случае быстро...— мрачно заявил Харитонов.

— Это вряд ли. Я никогда не подставляю своих людей.

Побледневший Харитонов натянуто улыбнулся, вздохнул.

— Завтра позвоните своему шефу, сообщите, что задержаны вместе со всеми. А звоните вы из кабинета следователя, который любезно предоставил вам такую возможность. Вас скоро освободят, подробности при встрече.

— А дальше?

— Вы выйдете из этой квартиры в тот день и час, когда освободят ваших коллег. Отправитесь по месту службы, доложите, пошлете людей за вашей машиной.

— Через день-другой авторитеты установят, что на съезде от Лялька был не я, а другой человек. Меня вздернут на дыбу.— Харитонов зябко поежился.

Гуров осуждающе покачал головой.

— И с таким интеллектом вы руководите группировкой? Очень интересно.

— Я боюсь.

— Никто вас ни в чем уличить не сможет, даже пытаться не станет. Ваших коллег авторитеты как минимум вышвырнут на улицу. Людей, находившихся под следствием и освобожденных, ни один авторитет держать рядом с собой не станет.

— А если станет?

— Значит, больной. Ну, хорошо. Если кого и оставят в группировке, то он будет сидеть тихо, закапывая происшедшую историю, а не раскапывая ее, дабы не раздражать хозяина и не вытаскивать на свет Божий собственный гроб.

— Пожалуй,— подумав, согласился Харитонов.

— Да не пожалуй, черт вас подери! — не сдержался Гуров.— А обязательно!

— Конечно, конечно! — Харитонов съежился.

— Теперь рассказывайте! Кого? Когда? Каким образом вы завербовали старшего офицера МВД?

— А компроматериал? — прошептал Харитонов.— Ну, тот, когда меня задержали с наркотиками.

— Время торговли прошло, вы его упустили, Борис Михайлович. Захочу — уничтожу те бумаги, захочу — буду хранить в

сейфе. А вы, хотите или нет, сейчас все в деталях расскажете.

И Харитонов начал рассказывать. Гуров сидел с непроницаемым лицом, курил. Когда агент замолчал, сыщик сказал:

— Ваши слова совпадают с моей разработкой. — Он положил перед Харитоновым бумагу и ручку. — Пишите. Ваше сочинение будет храниться под грифом «Совершенно секретно». Ни один человек, кроме моего начальника, этой бумаги не увидит. Пишите, я пойду смотреть телевизор.

Сыщик прошел в соседнюю комнату, включил телевизор и устался на экран. Очнулся Гуров, когда скрипнула дверь. На пороге стоял Харитонов:

— Заснули, Лев Иванович? Понятное дело, такая работа, все на нервах.

Гуров просмотрел написанное Харитоновым:

— Значит, вы видели полковника лишь однажды? Вербовку только организовывали?

— Так точно. Вербовку осуществлял, встречался и платил деньги Меньшиков Евгений Тихонович.

— Значит, вы не свидетель.

— Так точно.

— Отдыхайте, я завтра приеду. Охрану с квартиры снимаю, можете выйти погулять.

— Нет уж, увольте!

— Как желаете, до завтра.

Для задержания Иуды требовались доказательства. За его вербовщиком и хозяином пустили наружку, их домашние телефоны прослушивались, разговоры записывались. За Иудой наблюдение не велось.

— Он опытный, битый оперативник, — сказал Гуров, — почувствует наблюдение, может скрыться.

— Скрываться он не станет, но связь порвет, — возразил Орлов. — Будем ждать.

И ждали, наблюдали, фотографировали, вели съемку, записывали телефонные разговоры. Капля за каплей, крупинка к крупинке, казалось, можно и супчик сварить.

Но Гуров упирался, возражал:

— Рано. Ничего не докажем. Прокуратура и суд оценят наши материалы по-своему. Это нам все ясно, а им такие доказательства недостаточны.

— Надавим, — уверял Крячко.

— На кого? На помощника прокурора Грача? Он слуга закона и против него не пойдет.

— Так что ты предлагаешь?

— Ждать, работать. Иуда в конце концов ошибется.

Сотрудники, ведущие наружное наблюдение за Меньшиковым, завербовавшим полковника МВД, взбунтовались, написали рапорта, что они занимаются пустым делом. Генерал, начальник службы наружного наблюдения, подал рапорт на имя заместителя министра.

Орлова вызвали на «ковер». Вернулся он злой, пригласил к себе Гурова.

— Все, Лев Иванович. Я получил приказ. Нам дают двое суток, затем наблюдение снимают. По-своему они правы, дел много, людей не хватает.

— Петр Николаевич, не каждый день удастся выявить коррумпированного полковника Министерства, — возразил Гуров.

— Я не девица, меня уговаривать бессмысленно.

— Понимаю. — Гуров помолчал. — Я разгадал систему связи между агентом и вербовщиком. Нами установлено, что вербовщик Меньшиков посещает пять адресов, по которым проживают люди, чьи биографии далеко не хрустальные.

— Не говори глупости. Хрустальных людей не бывает.

Гуров закурил, направился к окну.

— Сядь здесь. — Орлов указал на кресло.

Гуров вернулся, но в кресло не сел, продолжал стоять.

— Агент знает день и час, когда хозяин находится в той или иной квартире. Звонит туда из автомата, сообщает новости, получает задание. Вербовщик оставляет у доверенного лица деньги, через несколько дней агент заходит к связному и забирает свои тридцать сребреников. Если появляется что-то срочное, существует телефон связи, который используется втемную.

— Возможно, Лева, возможно, — ответил генерал. — Что предлагаешь? Телефоны всех установленных квартир поставить на контроль? Кто тебе разрешит?

— ФБР не получало бы разрешения.

— Работай в Америке.

— Петр, мы можем установить прослушивание без разрешения?

— Можем, но не будем. Лева, если начнем преступать закон, мы не сможем его охранять.

— Мы охраняем не закон, а человека.

Орлов навалился на стол:

— Я работаю в милиции немногим меньше, чем ты живешь. Меня можно похоронить, переделать поздно.

— Значит, будем брать без достаточных доказательств?

— Не хаами. — Орлов задумался. Затем резко сказал: — Значит, так. Сегодня же мы снимаем наблюдение за Меньшиковым. Переставляем людей к установленным адресам. Ждем, пока агент в данную квартиру придет, и на выходе Иуду берем. Возможно, при нем будет валюта. Одновременно берем Меньшикова. Ты с ним работаешь, раскалываешь, проводим очную ставку.

— Наличие валюты сегодня не доказательство.

— За неимением гербовой будем писать на простой.

— А на чем я буду раскалывать Меньшикова?

— Не прибуднейся, сообразишь.

— Допустим, на очной ставке один будет утверждать одно, второй — другое.

— Такова наша судьба. Выполняй.

В кабинете генерала Орлова собрались начальники отделов, несколько старших наиболее уважаемых оперов.

— Господа офицеры, добрый день, — угрюмо оглядел собрав-

шихся Орлов. — Хотя, как вы сейчас убедитесь, день сегодня совсем не добрый. Вы все знаете, в Москве за последнее время произошла серия налетов на инкассаторов, убито шесть человек. Многократно устраивались засады. Оперативники выходили по точным агентурным данным и ловили воздух. — Орлов замолчал, опустил тяжелую голову, собравшись с силами, продолжил: — Мы проанализировали ситуацию и пришли к выводу, что среди нас, старших офицеров Главка, предатель.

Заскрипели стулья, кто-то закашлялся.

— Была проверена оперативная разработка. — Орлов взглянул на полковника Сутеева. — Предателя установили, занялись сбором доказательств.

— По этому делу и командировали Гурова? То-то он так быстро обернулся, — сказал один из оперов.

Орлов не ответил, снял трубку, набрал номер.

— Зайди. — Он взглянул на офицеров. — Сейчас я вам представлю Иуду. Всем молчать, пока его не уведут.

Крячко поднялся, открыл двери. Через несколько секунд вошел Гуров, за ним, чуть замешкавшись, на пороге появился полковник Усов.

Начальник отдела был в наручниках, левая сторона лица запылавала кровоподтеком. Гуров взял его за плечи, развернул и толкнул за порог, где Усова подхватили конвойные.

— Этого не может быть! — раздался истерический возглас.

— Не может, — согласился Орлов. — Однако есть! Лев Иванович, скажи. Только коротко.

Гуров пожал плечами:

— Красивая женщина. Роман. Фотографии, видеосъемка. Деньги взаймы. Женщина погибает в автомобильной катастрофе. Петля. Вербовка.

— Спасибо, полковник, что не размазал по тарелке. — Орлов встал. — Все свободны. Работайте, господа офицеры, если сможете. У кого нет сил, отправляйтесь домой. Сегодня объявляется траурный день.

Выходили молча. Крячко и Гуров остались. Орлов вызвал секретаря. Когда Верочка вошла, генерал распорядился:

— Кофе, пожалуйста. — Повернулся к Гурову: — Зачем наручники? И что у него с лицом, неужели оказал сопротивление?

— Я в жизни не ударил человека в кабинете, — ответил Гуров. — Мы били на улице.

Задержанного Меньшикова содержали в изоляторе на Петровке. Гуров позвонил начальнику МУРа, договорился, чтобы выделили кабинет, предупредил, что работа займет дня два.

МУР встретил сыщика холодно. Оперативников, работавших в былые годы, почти не осталось, пошли на повышение, начальники — на пенсию. Бегающие по коридорам молодые опера смотрели на Гурова, как на чужака. Ничего удивительного, полковник Гуров не диктор телевидения.

Сыщик расположился в точно таком же кабинете, в каком работал многие годы. Два стола, два сейфа, несколько стульев, облезлый шкаф, вешалка, на стене плакат Аэрофлота.

Конвой привел Меньшикова.

— Вы свободны, — сказал Гуров. — У нас разговор долгий, я вас вызову. — Он расписался, что задержанный доставлен. Затем обратился к арестованному: — Присаживайтесь, Евгений Тихонович. — Сыщик указал на стул. — Я полковник Гуров, зовут Лев Иванович. — Он быстро заполнил бланк протокола, прочитал вслух, спросил: — Все правильно?

— Верно. — Меньшиков смотрел настороженно. — С каких это пор человека, задержанного за ношение пушки, допрашивает полковник? Или у вас серьезные дела повисли, и вы из меня вешалку хотите изготовить?

— Евгений Тихонович, говорите нормальным языком. Я знаю, вы окончили университет, владеете английским, немецким, не изображайте блатного.

— Да? — Выражение лица у Меньшикова изменилось, он взглянул озабоченно. — Извольте. Значит, меня задержали не случайно и держат здесь не за пистолет?

— Задержали не случайно, а держат за пистолет, — ответил Гуров. — Не буду вас пугать ни судом, ни зоной. Хотя колония общего режима — штука страшная. Беспредел. Ни воровских законов, ни иерархии, вам будет трудно. Короче, мы договариваемся, я вас освобождаю сегодня же под подписку о невыезде, пистолет мы «теряем», документы задержания уничтожаем.

— Тоже беспредел, — возмутился Меньшиков.

— Нет. Все в рамках закона. Наказание за ношение оружия зависит от личности задержанного. Личность оценивается на предварительном расследовании, то есть милицией.

— Лев Иванович, я все понимаю. Что вас интересует?

— Полковник Усов Павел Петрович.

— У меня таких знакомых не имеется.

— Евгений Тихонович! — Гуров покачал головой. — Давайте уважать друг друга. Мы просто разговариваем, не более того.

— Допустим, я знаю Павла Петровича. Что из этого следует? Когда, где и при каких обстоятельствах мы познакомились? Если вы знаете об этом, тогда мои показания ни к чему. Если нет — тогда я вам ничего не скажу.

— Усов арестован.

— Он будет молчать, человек опытный.

— Мы тоже не мальчики, на показания Усова не рассчитываем.

— Рассчитываете на мои. Потому и арестовали. Лев Иванович, вы обо мне знаете много. Но и о вас я тоже наслышан. Павел очень не любил полковника Гурова.

— Понимаю. — Гуров кивнул. — Вы сломали Пашу. Полагаете, когда его отношения с Верой Тополевой шагнули через порог, он интуитивно не чувствовал, куда его ведут?

— Думаете, чувствовал?

— Не сомневаюсь. Павел понимал, но не хотел в этом признаться даже самому себе. Молодая, красивая, с огромными деньгами. Зачем ей нужен Павел Петрович Усов? Мужу за сорок, ни роста, ни внешности, ни обаяния. Зачем?

— Действительно, я как-то об этом не думал. Значит, он знал, но лез?

— Не желал думать. Сейчас хорошо, а потом — будь что будет.

— Интересная психология... Говорите вы, Лев Иванович, убедительно, красиво, но прокуратура и суд — не худсовет. Нужны доказательства.

— С доказательствами сложнее. Но не будем торговаться, Евгений Тихонович.— Голос Гурова стал жестким.— Офицер Усов торговал секретными данными. Вы их принимали, оплачивали и передавали.

— Прямое соучастие.

— Соучастие в совершении преступления доказать сложно, а посадить за ношение оружия легко.

— Надо подумать.

— Разумно,— согласился Гуров.— Думать собираетесь здесь или в камере? Может, хотите там переночевать?

— Пока буду думать здесь. Потом решу.

— Вы пересядьте за стол напротив, там удобнее,— сказал Гуров и развернул газету.

Когда Меньшиков пересел, Гуров, просматривая газету, как бы между прочим спросил:

— Праздный вопрос, к делу не относится... Когда вы получили сообщение от Усова о том, что на совещание внедрен сыщик, вы передали его только Ляльку? Никому более?

— Ну...— Меньшиков замаялся.— Какое это имеет значение? Я не верил в оперативные способности Харитонов...

— И продублировали сообщение Смольному.

— Откуда вы знаете? — удивился Меньшиков.

— Догадался,— усмехнулся Гуров и продолжал: — Чтобы вам легче думалось, хочу предупредить, ваши связные выявлены и допрошены. Апрятин Павел Викторович, проживающий на Арбате. Глазман Израиль Цалевич, Тверской бульвар. Винокуров Александр Борисович, Плющиха. Каланбаев Арарат Актаевич, Бакунинская. Гаджиев Мамед Ибрагимович, Гнездииковский переулок.— Гуров выдержал паузу: — Они дали показания как под копірку. Вы приходили к ним в определенные дни. Вам звонили по телефону, вы слушали и записывали, затем оставляли конверт с долларами и уходили. Платили хозяевам исправно — сто долларов за визит. Позже в квартире появился мужчина...

— Они опознали Усова? — Меньшиков приподнялся в кресле.

Гуров отбросил газету.

— Надоело! Опознали? Они вас, Евгений Тихонович, все пятеро опознают. Пять очных ставок! Ваше молчание станет смешным. Когда дело поведет следователь, вот тогда встанет вопрос о вашем соучастии. И все выйдет из-под моего контроля.

— Я не хочу возвращаться в камеру.

Гуров протянул через стол стопочку бумаги и ручку.

— Пишите.— И, закурив, вновь принялся за газету.

Владельцы квартир, через которых передавались деньги, Усова не опознали. Он приходил в темных очках и берете, носил усы, в квартире находился менее минуты, брал конверт и уходил.

Дело сводилось к очной ставке между Усовым и Меньшиковым. Гурова и Крячко прокуратура не привлекала к расследованиям. Каждый должен заниматься своим делом.

Банду налетчиков наконец повязали, обошлось без стрельбы. Жизнь в Москве шла своим чередом.

ЭПИЛОГ

Наступил декабрь. Морозный, снежный. Порой налетала вьюга. А что стало с Иудой по фамилии Усов? Да ничего. Подержали в камере, выяснили, что оружия он в руки не брал, даже на месте преступления не присутствовал. Лишь руководил. Хотя и это еще требовалось доказать. Усова из-под стражи освободили за отсутствием в его действиях состава преступления.

Какая вода в ведре, такая она и в капле воды, взятой из этого ведра.

Все правильно, ибо, как говорится, закон или есть, или его нет. Третьего не дано! Верно, следует судить по Закону, а не по Совету, ибо судей много, и у каждого своя совесть. А Закон один и распространяется на всех.

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ НА УКРАИНЕ

Помимо местных отделений связи вы можете подписаться на «Смену» в ТОО «Киевская служба подписки». Подписка и доставка — курьером.

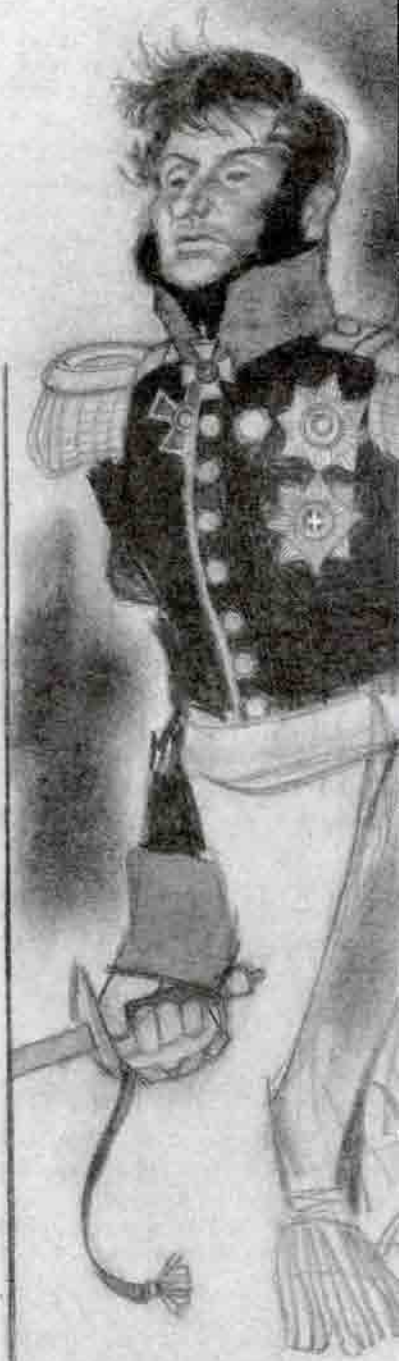
Подписной каталог — бесплатно.

Тел. (044) 245-26-96, факс 212-08-46.

ЛЮДМИЛА БЫЧЕНКОВА

ПАТРИОТЫ И НАСТАВНИКИ

Рисунок ГЕННАДИЯ НОВОЖИЛОВА

В

сущности, эта история могла дать жизнь роману Толстого или Дюма. Оба были на Бородинском поле, где и сейчас все полнится былью и легендами об игуменье Марии. Однако ж не написали, что странно: таких сюжетов во всей круто замешенной русской истории немного наберется.

Фамильные изумруды могли спорить (и спорили когда-то) с цветом ее глаз. Она продала драгоценности.

Ее белокурая коса до пят, мученье крепостного парикмахера, могла превратиться в дивную прическу. Она скрыла ее под клобуком.

Женщина была высока ростом и очень стройна — «урожденная Нарышкина» могла позволить себе под стать «царской» фамилии царского изыска и наряд. Но она облачилась в суровое одеяние монахини.

Ее пристанищем могли быть дворцы Петербурга, Парижа, Рима. Она выбрала глухое село в 110 верстах от первопрестольной — Бородино.

Маргарита родилась 2 января 1781 года. Появлялось на свет поколение, принявшее в свою судьбу «грозу двенадцатого года». Но разве тогда о том думалось? Семья подполковника Михаила Петровича Нарышкина жила в особняке у Пречистенки — на «пречистом пути» от Кремля к Новодевичьему монастырю.

Он и сейчас стоит — московский старожил у самых Кропоткинских ворот. Сквозь листву Гоголевского бульвара видны его благородная охра и белые колонны. Сегодня нам кажется, что, живя в

таких стенах, человек пребывал в безопасности от жизненных бурь, что бытие там шло по особо благополучному расписанию. А между тем старшая дочь Нарышкиных Маргарита познала здесь и рай, и ад. В детстве то, что дает теплый дом, где все тебя любят, где царствуют сердечность и искренность. Где книги в батюшкиной библиотеке, любимое фортепьяно. В этом доме старшую дочку звали «белый огонек»: за белокурую косу, непоседливый нрав, способность смеяться и плакать вперемежку. Здесь ей хорошо пелось. Голос у нее был такой, что гости, посещавшие милое семейство, смахивали слезу.

Если бы знали родители, что уготовили любимой дочке... В шестнадцать лет выдали они Маргариту замуж. Партия казалась безупречной. Из хорошо знакомой семьи, учтив, обходителен, кажется, так влюблен в Маргариту. Все выяснилось очень скоро. Молодой муж сказал, что не собирается порывать с давней любовницей и не советует Маргарите делать из того трагедию. В конце концов он не будет возражать, если она утешится с кем-нибудь из его друзей-офицеров.

Маргариту ожгло почти смертельно. Не разлюбили. А просто и не любили никогда. За родительскую ошибку и первую неосторожную влюбленность она предпочла расплачиваться сама. О своей трагедии матери не обмолвилась ни словом. Нервная, впечатлительная от природы, здесь она будто окаменела, решив, что для нее в этой жизни все кончено.

«Средь шумного бала, случайно»... Александр Тучков увидел Маргариту, и этого было достаточно, чтобы больше не замечать ничего. Словно какая-то неведомая сила швырнула их друг к другу. Нет, Маргарита не приглядывалась к офицеру, ненароком ей представленному. Такое впечатление, что она незримо вцепилась в протянутую им руку, как это делает погибающий человек.

Александр Тучков — один из пяти братьев — генералов русской армии, которые были ее опорой, совестью и славой, — генералы не для парадов, не для гостиных... В двадцать два года Александр, еще подростком зачисленный в артиллерию, был полковником. Естественно, взоры московских маменек и дочек с тайной надеждой обращались на красавца офицера, так много обещавшего. Но тщетны были их старания.

Маргарита призналась матери в своем семейном несчастье. Та, пораженная услышанным, быстро добилась развода, благо светские и родовые связи были высоки. Александр Тучков тотчас просил руки Маргариты. Но мать Маргариты категорически была против: «Развод... и свадьба? Ей о монастыре думать!» Обжегшись на молоке, Нарышкины дули на воду. Коль не задалась судьба дочери, стоит ли испытывать ее еще раз! Если бы знали они, что сокращают и без того короткое счастье двух предназначенных друг другу людей!

Тучкову быть рядом и не видеть любимую — невыносимо. Он уезжает во Францию.

В мае 1804 года Александр становится свидетелем провозглашения Наполеона французским императором. Наблюдая за маленьким белолицым человеком, наконец-то оседлавшим свою

фортуны, мог ли предположить Александр, что видит перед собой того, с кем сойдется в смертельной схватке, чьей волей оборвется его жизнь.

А в Москву, на Пречистенку, идут письма... Непослушные пальцы рвут конверт, строчки прыгают перед глазами: «Кто владеет моим сердцем и кто волнует его? Прекрасная Маргарита...» стихи написаны по-французски. «Прекрасная Маргарита» — этим все сказано.

Вернулся. Снова просил руки. И получил свою Маргариту. В 1806 году весной заливались их свадебные колокола. Маргарите исполнилось 25, Александру — 29. Теперь они оба Тучковы.

...Нищий старец останавливает коляску со счастливыми молодоженами. «Мать Мария! Возьми посох!» Новобрачная Маргарита Нарышкина, только что ставшая Тучковой, удивлена и взволнована: «Ты ошибся, отец. У меня совсем другое имя». Но незнакомец настаивает, и новобрачная принимает из его рук странный подарок.

Посох действительно был. Состарившись и ослабев, Маргарита Тучкова, монахиня Мария, ходила, опираясь на него. Это видели многие. После ее смерти вещей подарок незнакомого старца долго стоял в опустевшей келье. Никто не заметил, как он исчез.

Едва отошел медовый месяц, полковая труба позвала Александра. На полях Европы уже было неспокойно. Маленький белолицый человек показывал свой нрав. В 1806 году в Пруссии было суждено сойтись наполеоновским гвардейцам и русским, в который раз искупавшим своими жизнями бессилие союзников.

Матушка Елена Яковлевна перекрестила Александра на дороге. Хватились: где Маргарита? И вдруг обмлели, увидев ее на крыльце в мужском костюме. Увещевали, пугали, просили одуматься. И отступились. Словно знала молодая Тучкова нечто, неведомое им. Про свою жизнь, про краткость отпущенного ей счастья. И потому, никому ничего не объясняя, не желала поступиться и днем одним рядом с Александром. По обычаям русской армии женам высшего офицерского состава не возбранялось сопровождать мужей в походах. Однако история отнюдь не изобилует именами боевых подруг, пожелавших воспользоваться этой привилегией.

Маргарита то ехала рядом с мужем на коне, выполняя обязанности денщика, то тряслась в обозной кибитке, следовавшей за боевыми колоннами. Она привыкла засыпать на чужой постели в брошенном доме или на охапке соломы, укрытая шинелью мужа.

Когда разгоралась битва и на горизонте начинали подниматься белые пороховые облака, Маргарита бросалась на дрожавшую от артиллерийских разрывов землю и молилась. Потом, когда все утихло, не помня себя бежала на дорогу, высматривая знакомую фигуру всадника, скачущего впереди полка. Увидев, воскресала...

В 1807 году Александр, командовавший Таврическим гренадерским полком, участвовал в кровопролитном, трагически сложившемся для русских Фридрихсбургском сражении. Здесь он под ураганным огнем противника, отражая одну атаку за другой, в

течение трех часов стоял намертво, спасая тем самым наши отступающие части от уничтожения.

«Невзирая на ядра, картечи и пули, я совершенно здоров... — писал Тучков домой. — Счастье вывело меня невредимым из боя».

Он знал, о каком счастье пишет. И как зовут это счастье, отмаливающее его у Бога, — Маргарита.

Потом — шведская кампания, бросок через ледяную пустыню Ботнического залива. И Маргарита снова была вместе с Александром.

Но, деля с мужем походную судьбу, Маргарита не могла довольствоваться лишь ролью его неотступной тени. Ее натура требовала самостоятельных действий, и она нашла себе применение: она училась лечить и умирять боль.

Ей пришлось слышать последние слова и закрывать глаза умершим. В разоренных войной селениях Маргарита раздавала хлеб и деньги мирным жителям. Офицерская жена, она увидела войну с той и другой стороны, учась милосердию и состраданию к любому, кто в них нуждается... Оглядываясь назад, Маргарита Тучкова утверждала, что именно тогда они, молодожены, брошенные из богатой комфортной жизни в гущу событий кровавых и жестоких, поняли, какое это чудо — найти друг друга, быть вместе. «Казалось, что каждый год скреплял наши узы, которые становились нам все дороже», — вспоминала она.

В 1811 году у Тучковых родился сын. Назвали его в честь старшего, любимого брата Александра Николаем. «Твое рождение, — писала мать подрастающему сыну уже после гибели его отца, — было последним пределом нашего счастья... Как описать тебе нашу радость в минуту твоего рождения? Я забыла при твоём первом крике все страдания, все утомления, которые испытала, пока носила тебя. Чтоб не расставаться с твоим отцом, который должен был сопровождать свой полк, я подверглась трудности тяжких переходов и родила тебя дорогой».

Полк Тучкова был тогда расквартирован в Минской губернии. Матушка Маргариты пыталась прислать внуку кормилицу. Но по настоянию Александра — неслыханное по тем временам дело! — Маргарита выкармливала сына сама. (Это, впрочем, совпадало и с ее собственным желанием...) Маленький Коля достался ей тяжело. Слабенький, он то и дело болел. Видимо, трудные обстоятельства его появления на свет сказались, и Маргарита без мамок и нянек сидела возле его колыбели. Однажды уставшей от постоянной бессонницы Маргарите — у Николенки резались зубы — удалось задремать. И приснился ей странный сон...

Маргарита увидела себя в чужом городе, на стенах, окнах, вывесках которого проступало кровью написанное слово: «Бородино». И вот она в незнакомой комнате. Вдруг отворяется дверь и Маргарита слышит от вошедших: «Муж твой пал со шпагой в руках на полях Бородина».

Бородино. Совсем рядом с Москвой. Счастья оставалось Александру и Маргарите чуть-чуть.

Светлой июньской ночью 1812 года тремя потоками через наве-

денные над тихим Неманом мосты хлынула на российские земли армия Наполеона.

Тучковы понимали — война потребует от них жертв. Не сегодня-завтра войска вступят в бой, поэтому офицерские жены с детьми отправлялись в тыл! Маргарита уезжала к родителям в Москву. Тепло прощались солдаты с «матушкой Маргаритой Михайловной». Жена командира была для них человеком хорошо знакомым, простым и понятным.

...Готов к отправке возок. Уложены вещи. Александр еще раз заглядывает в дорожную колыбель, где спит Николенька. Обнимает Маргариту. Вот и все. В последний раз они вместе.

В последний...

20 августа 1812 года на Бородинском поле разыгралась одна из кровопролитнейших битв за всю историю человечества. Александр Тучков сражался возле деревни Семеновское. По словам очевидца, находившегося рядом с Тучковым, «ядра сыпались на Семеновское, избы разрушались, как декорации театральные, воздух был непрерывно, и земля дрожала». Сейчас уже ничто не напоминало в Тучкове человека, любящего «мечтать и задумываться»: «В пылу закипевшего боя он покидал свою европейскую образованность, свои тихие думы и шел наряду с колоннами, и был с ружьем в руках в эполетах русского генерала чистым русским солдатом», — писал Ф. Глинка. Видя, что его пехотинцы под облаком картечи смешались, дрогнули, Тучков подхватил знамя и крикнул: «Трусите, ребята? Ну, так я один пойду!» И рванулся вперед.

Тоскливый крик «А-лек-са-а-а-андр» в этом адском грохоте все-таки коснулся его слуха. Он узнал этот голос. Но то, что сейчас владело им, не разрешало остановиться. Тучков успел сделать еще несколько шагов, но этого хватило, чтобы увлечь солдат в необоримое движение вперед.

Существует несколько версий гибели Александра. По одной из них он был убит дважды. Простреленное тело любимого командира солдаты пытались вынести из боя. В этот миг у их ног разорвалось вражеское ядро...

На следующий день после битвы генерал П. П. Коновницын, под началом которого сражался Александр, отослал жене письмо: «Тучков Николай ранен в грудь. Тучков Александр убит. Тучков Павел прежде взят в плен». В нескольких строчках — трагедия, постигшая семью Тучковых.

От матери героев-генералов сколько могли скрывали их судьбу. Но долго это длиться не могло.

- Павел? — спрашивала несчастная Елена Яковлевна.
- В плену.
- Николай?
- Убит.
- Александр?
- Убит.

Мать опустила на колени: «Господи, твоя воля!» Когда ее подняли, она была уже слепа. Императрица, узнав, что потрясенная Елена Яковлевна лишилась зрения, решила прислать ей

своего врача. Тучкова отказалась: «Мне не на кого больше смотреть».

Итак, все свершилось, как предсказал сон. В день своих именин Маргарита узнала о гибели мужа. Она вспоминала о том дне так: «Я не помню, что случилось со мной при этом известии. Молю моего Спасителя простить мне мой бред; он доходил до того, что, когда мать говорила мне о райском блаженстве и о возмездии, обещанном тому, кто умеет нести крест, посланный Богом, я отвечала, что и сам рай мне не нужен без моего Александра».

Временами Маргарита словно теряла рассудок — она уверяла, что муж жив и идет к ней. Однажды ее хватились: комната была пуста, на зов она не откликалась. Стояла ночь. Ее начали искать в саду, на дороге, возле церкви. Словно по какому-то наитию направились к лесу и увидели там блуждающий огонек. Подошли ближе — это была Маргарита с фонарем в руках. Стоял уже октябрь, а она была в легком муслиновом платье, изодранном о голые ветви. На расспросы Маргарита отвечала, что ей послышался голос Александра, и она бросилась к нему навстречу через лес, чтоб быстрее, быстрее...

Была только одна сила, способная отвести Маргариту от бездны, куда погрузалось ее сознание. Маленький сын. Частица Александра, его продолжение. Эта мысль помогла справиться с безумием, но не с отчаянием. Именно оно толкнуло Маргариту на поступок, потрясший современников. Да и сегодня, вдумываясь в него, не находишь слов...

Спустя примерно два месяца после гибели Александра Маргарита отправилась на Бородинское поле искать труп мужа. Она должна была увидеть мертвого Александра, чтобы поверить, что его действительно больше нет... И вот она увидела огромное пространство, сколь хватало глаз устланное телами. Круг дантова ада, описанный в трагически великолепных тонах, едва ли может больше потясти воображение, чем самый скромный рассказ о поисках вдовы Тучковой среди трупов, лежащих грудками, вповалку, с уже потемневшими лицами и выклеванными глазами.

В руках у Маргариты был факел. Она, приехав в Бородино к вечеру, не хотела ждать утра и теперь освещала себе путь. Останавливалась, наклонялась, шла дальше. Вместе с ней был монах Лужецкого монастыря, расположенного неподалеку. Он взялся сопровождать нежданную гостью и теперь кропил святой водой павших и осенял их крестом. Наступил рассвет, потом день, потом снова ночь...

Сколько провела времени в Бородине за этими поисками наша героиня, неизвестно. Но Александра она не нашла. Да и не могла найти. Взбуровленная взрывом земля, осев, погребла тело. Но осталась легенда, пошедшая гулять по свету будто бы с легкой руки великого выдумщика Дюма: мол, на одном из укреплений подняла с земли вдова перстень мужа.

По весне из Петербурга пришло распоряжение привести поле в должный вид. Заплатили местным крестьянам. Те сгребли останки в груды и сожгли их на кострах. Неодолимая сила жизни брала свое. Вот и трава кое-где стала пробиваться сквозь землю, засыпанную металлом, обожженную, искромсанную.

С душой человеческой труднее — невероятная тоска не отпускала Маргариту. Она замечала: Бородинское поле словно притягивает, зовет ее. А может, это Александр подает знак? И вправду, Маргарите здесь, в месте бесконечно скорбном, становилось как будто легче. Она приезжала снова и снова. Надежда умерла в ней, теперь она понимала: эта земля приняла прах ее мужа.

Чтобы было где ночевать, поставила она себе небольшую сторожку рядом с тем укреплением, где погиб Александр. Одно ее смущало: помолиться бы здесь, свечу зажечь. Так пришла к Маргарите мысль о храме на месте «убиенного воина Александра». Она продала свои драгоценности и на вырученные средства выстроила небольшой по размерам храм с символическим надгробием внутри — храм Спаса Нерукотворного. «Бог близок к скорбящим». Долгие часы проводила в нем Маргарита и в безмолвии, и в страстной молитве. Молилась не только за Александра — за всех, кто принял здесь смерть, разделил с ее мужем горькую и доблестную судьбу.

Юного Тучкова Маргарита отдала учиться в пансион, но не могла быть с ним в разлуке, часто навещала его, всякий раз пытая себя сладкой мукой: Николенька поразительно был похож на Александра. Это было повторение отца во всех привычках, привязанностях, характере. Какое-то особое изящество души, сердечная мягкость, любовь к тихим сосредоточенным занятиям — во всем видела Маргарита, как она сама говорила, «все добродетели отца», вымоленную милость неба, пославшего ей утешение в юном Тучкове.

142

Еще совсем маленьким Маргарита привозила сына в Бородино. Мальчик лазил по заросшим травой укреплениям, приносил ей полную шапку пуль и осколков от снарядов. Их долгие разговоры имели своим предметом одно и то же — погибшего здесь отца. Рассказы матери были настолько живы и образны, что Коля, конечно, не помнивший его, горько плакал. Он научился понимать невозвратимость их общей потери и сострадал горю матери, стараясь со всей пылкостью мальчишеской души вознаградить ее своей любовью.

В Бородинском музее хранится небольшое письмо, написанное ореховыми чернилами. Старательно выведенные буквы рукой восьмилетнего Николеньки Тучкова: «Мамочка! Жизнь моей жизни! Если бы я мог Вам показать свое сердце, Вы увидели бы там Ваше имя».

...Осенью 1826 года пятнадцатилетний Николай Тучков от тяжелой сердечной болезни умер на руках у матери. Маргарита Михайловна похоронила сына в храме Спаса Нерукотворного. Рядом с Александром. Больше этих могил она не покидала: маленькая деревянная сторожка стала уже не временным пристанищем, а постоянным домом.

«По праву, Мария, ты держишь в руках твоих жезл настоятельства на поле Бородинском. Ты приобрела это поле мечом твоим: слезами. Возьми ими и небо».

Что могло остаться в этом сердце, кроме черной бесплодной пустоты? Возрождение из пепла — дело фениксов, но не живых

людей. Или все-таки не так? И если небо можно взять слезами, то грешная земля требует большего: дел, милосердия и любви ко всему несовершенному и даже недостойному, что на ней живет.

Через двадцать два года после смерти Тучковой один из бородинских дедов рассказывал: «Много лет прожил я на белом свете, а такой болезной души я еще не видывал. Когда она скончалась, что в обители, что в окруженных селах стон стоял, потому что она нам всем мать родная». Вера в святость Маргариты Михайловны была так сильна, что местные жители в горе или немощи шли служить панихиду на ее могилу. И верили, что она не оставит их своим заступничеством на небесах.

Конечно, о несчастьях, постигших Тучкову, знали. Но в стране, где, как ни горько это сознавать, «вдова убиенного воина» — дело слишком привычное, где матерей, хоронивших своих детей, было вдосталь, личные утраты бородинской отшельницы еще не могли в глазах окружающих сосудить ей нимб святости. В чем же тут дело?

«Блаженны милостливые...» Отшельничества не получалось. Весть о «доброй барыне», помогавшей нищей братии, очень скоро распространилась по округе. Тропинка к сторожке Тучковой делалась все протоптаннее и шире — Маргарита Михайловна не могла отвергнуть чужое страдание, доверчиво принесенное к ее порогу. Было ли это просто? Едва ли. В сущности, она соприкоснулась с миром, совершенно чужим урожденной Нарышкиной.

Ей предстоял еще подвиг преодоления самой себя...

Местный бедолага, придя к Тучковой, разворачивал грязную тряпицу, и она, подавляя спазмы, лечила его гноящуюся рану. Калеки, убогие, юродивые, мужики с их долгими разговорами и тулупами, пропахшими потом и дегтем, — и именно они, всегда кем-то или чем-то обиженные, делались постоянным окружением той, что привыкла к французской речи, просвещенности, разговорам об изящном.

На Маргариту Михайловну легли обязанности, о которых она раньше и не помышляла. «Все обращались к ней за советом, и все ее любили. Она воспользовалась своим влиянием и привлекла каждого к посильному труду... И дело спорилось всюду». Но при всей справедливости этих слов они все-таки не передают сложности нового жизненного этапа Тучковой, всю степень самоотречения, которая потребовалась от нее.

Где-то в Москве, Петербурге, в иных российских весях еще ждали Маргариту Михайловну родовые особняки и поместья. Ее положение вдовы генерал-героя, конечно же, избавляло от материальных затруднений: пенсия, «плата за кровь», как ее называла Тучкова, была весьма высока.

Но теперь чужие судьбы сделались главными в жизни Маргариты Михайловны. К 1833 году возле «бородинской отшельницы» было более сорока женщин. Где жить, чем питаться, где брать деньги на самое необходимое? Каждодневный труд женщин отнюдь не снимал тяжелых проблем. Да и не все могли трудиться. У Тучковой были и девочки-сироты, и девяностолетние старушки, и просто больные, за которыми требовался уход. Чтобы обеспечить жизнь общины, она продает свою недвижимость, отпускает

на волю крестьян в тульском имении (факт по тому времени исключительный) с условием, что за пользование землей они будут выплачивать общине определенную сумму. Вдовья пенсия Тучковой делилась на всех поровну.

Через пять лет община была преобразована в Спасо-Бородинский монастырь, а Маргарита Михайловна стала его первой настоятельницей. Не просто далось ей решение облечься в монашеское одеяние. Она продолжала быть женщиной из плоти и крови, с достоинствами и недостатками того характера, который нет-нет да и напоминал о молодой Маргарите, влюбленной в музыку, книги. Даже в своем «бородинском далеке» она то и дело наезжала в столицы к давним знакомым, поддерживала старые связи.

Достанет ли у нее силы подняться на еще более высокую духовную ступень? Как страшно бьется сердце от одной мысли, что монашество потребует распрощаться с именем, что так любил Александр. Она научилась сострадать. Но смирение, высший, труднейший для грешного человека идеал, — по силам ли он ей?

...Летом 1840 года в Троице-Сергиевой лавре вдова Александра приняла обет и трижды распростерлась крестом перед алтарем. Маргарита Тучкова исчезла для мира — появилась монахиня Мария.

«Мать Мария! Возьми посох!..» Помните?

144 После смерти игуменьи Марии несколько монахинь ушли из монастыря — с нею исчезло что-то истинно святое, а пришло слишком много земного. Когда ее отпевали, стоял такой плач и стон, в котором потонуло все. Пришлось прервать отпевание. Что же делало уход Маргариты Тучковой личной трагедией многих и очень разных людей? Что так безоглядно привлекало к ней, живой?

Странно и немного печально думать о том, что в нашем мире, при исполнении всяких чудес и редкостей, с обилием людей талантливых, выдающихся, достойных во всех отношениях, так мало, казалось бы, того, с чем человек должен рождаться — милосердия к другому.

Приходится думать, что и во времена Тучковой, которые сегодня всем нам, невольно прошедшим школу ожесточения и нетерпимости, кажутся идиллией, люди чувствовали дефицит истинной доброты. И тогда, наверное, искали носителей нравственного идеала, а найдя, уже не могли расстаться с ним или забыть его.

Что касается Маргариты Михайловны, то ее избранность отлично понимали и многие замечательные современники и предшественники императорской фамилии, чье покровительство Бородину и его монастырю определялось в немалой степени признанием нравственного авторитета Тучковой. Что же говорить о тех, с кем она жила бок о бок?

Как ни далеки мы от понимания таинств монастырской жизни с ее особым укладом, трудно отрешиться от мысли, что и там многое решают межчеловеческие отношения. Маргарита Михайловна подавала пример того, как должно относиться друг к другу. Церковное начальство не раз порицало ее за снисхождение к «сестрам», за то, что могла понять тягу к прежним привязанно-

стям, отпустить погостить к родным. Маргарита Михайловна не признавала розни «по происхождению»; никаких привилегий, как это водилось в других монастырях, для богатых и знатных насельниц в ее обители не было. Ровная и равная со всеми, она с легким сердцем прощала проступки; но прежняя Маргарита, страстная, нетерпеливая, начинала говорить в ней, когда она наталкивалась на высокомерие, грубость, желание первенствовать перед другими. Обежая прогнать из монастыря одну из послушниц за «злую дерзость», Маргарита Михайловна наставляла ее: «Говори себе — я хуже всех». И первая следовала этому правилу.

Известен любопытный эпизод, происшедший во время встречи игуменьи со своим церковным начальством, митрополитом Московским Филаретом.

Тот спросил у нее, довольна ли она сестрами?

— Слава Богу, владыка,— отвечала она.— Все они у меня такие славные, добрые! Жаловаться мне не на кого, только в том беда моя, что я-то грешная!

Митрополит, обратившись к образу, перекрестился и сказал:

— Благодарю, Господи, наконец-то в моей епархии нашлась грешная игуменья, а то, с кем ни поговори, все святые...

Человеку не дано полностью отрешиться от себя. Яркая личная индивидуальность Маргариты Михайловны, ее вкус и художественные пристрастия наложили отпечаток на все, что делалось в монастыре. Она завела хор, послушать который приезжали из Москвы. Специально приглашенный ею музыкант-профессионал преподавал монахиням нотную грамоту, проводил репетиции. И это, несмотря на явное недовольство митрополита, считавшего усилия Тучковой на этом поприще «не очень монастырским занятием». На монастырском дворе был разбит изумительный цветник, благоухавший с ранней весны до поздней осени. Здесь вышивали золотом, писали иконы и даже наладили производство обуви. Монастырь не был избалован щедрыми вкладами, поэтому вся надежда была на себя: пекли хлеб, заготавливали дрова, работали на скотном дворе и во фруктовом саду.

Поразительно, какую практическую сметку надо было обнаружить в себе «прекрасной Маргарите», чтобы управляться с огромным хозяйством и сводить концы с концами. Вся ее переписка монастырских лет — это сплошная забота о хлебе насущном, мечта сэкономить, купить подешевле, позаботиться, чтобы на долгую зиму всего хватило... Тем не менее выстроила для сестер три больших каменных корпуса. Возвела два храма, ограду, колокольню. В этом помог император Николай I, но и Маргарита Михайловна в очередной раз доказала многогранность своей натуры: для производства дешевого кирпича из своей же бородинской глины поставила на монастырских землях небольшой завод.

Она не знала ни минуты покоя. На старости лет выучилась отлично ткать. Апатия, леность в других была ей непонятна. «Трудитесь, пока ночь не настала,— внушала своим сестрам.— При конце жизни будем жалеть, что мало делали».

Нынешний красавец монастырь, стоящий в самой сердцевине Бородинского поля, приобрел свои основные очертания при Тучковой. Как старательно выбирала Маргарита Михайловна архи-

тектурный стиль для главного, Владимирского собора. Постройкой этого храма Тучкова хотела увековечить сам день 26 августа, когда прогремело Бородинское сражение.

Когда оборвалось ее счастье...

В 1839 году Николай I пригласил Маргариту Михайловну присутствовать на открытии главного монумента Бородинского поля. Она долго отнекивалась, боясь, что не выдержит нахлынувших чувств: придут в движение войска, земля задрожит от артиллерийской канонады, сизый дым поползет зловещими клочьями. Все будет как тогда... И все-таки в конце концов согласилась. Без кровинки в лице поднялась на возвышение перед новым памятником, где свита царя, иностранные гости и среди них — члены наполеоновской фамилии.

Поцеловав игуменье руку, Николай I обернулся к блестящей толпе и громко сказал: «Вот вдова храброго Тучкова. Она опередила меня...»

Что ж, император был прав. Красив и величествен главный монумент. Вслед за ним героям, павшим в наполеоновское лихолетье, встанут обелиски в России и Европе. Но навсегда самым первым памятником останется тот, что поставила вечная любовь и неутешная скорбь Маргариты Тучковой.

Никто не слышал от игуменьи Марии ни жалоб, ни сетований на свой жребий. Она, кажется, даже избегала воспоминаний о пережитом. Ее, не желавшую никого обременять своими думами, видели неизменно ровной и спокойной.

И порой только ночью, когда мгла и тишина плотно окутывали монастырь, из маленького храма над могилами Александра и Николая доносились глухие рыдания. «Я научилась покорности, но рана моя не заживала никогда, она свежа».

Она умерла весной 1852 года. Ей было уже за семьдесят.

Без малого полтора века минуло, а мы, нынешние, со светлой грустью вспоминаем то время: генералов, умевших плакать от любви и без слез стоять под ядрами; женщин, до гробовой доски хранивших венчалные платья. Что нам в них, давно и навсегда ушедших? Кто-то скажет, дескать, было и другое. Наверное.

Но прав русский писатель и дворянин Иван Бунин: «...от жизни человеческой, от веков, от поколений остается на земле только высокое, доброе, прекрасное, только это. Все злое, подлое и низкое, глупое в конце концов не оставляет следа: его нет, не видно. А что осталось, что есть? Предания о чести, о совести, о самопожертвовании, о благородных подвигах... Великие и святые могилы».

Разве не так?

Романтик из КОЛОМНЫ

Однажды профессор ГИТИСа Иосиф Шароев сказал о своем студенте: «Наконец-то на эстраду пришел поэт, романтик, интеллигент». Действительно, этот юноша возродил романтические традиции на эстраде, чем заворочил многих слушателей, порядком уставших от рока и металла.

— *Юлиан, вы так много выступаете, что, наверное, на личную жизнь и времени не остается?*

— Вы правы, дни расписаны по часам. Мне, провинциалу из подмосковной Коломны, не имеющему спонсоров или богатых родителей, приходится всего добиваться самому. Что же касается личной жизни... Мне нравятся «тургеневские девушки». Только где их теперь найдешь? Ради них я готов совершать безрассудные поступки. Когда мне было лет 10, моя первая возлюбленная потребовала от меня доказательств любви к ней: поцеловать водосточную трубу. И я сделал это, а дело было зимой. Губы так прилипли к железу, еле отодрал.

— *Этот случай не исцелил от романтики?*

— Представьте, нет. По-прежнему люблю красивых, в меру умных и не слишком деловых женщин. Меня привлекают искренность, естественность и доброжелательность. Не переносу прагматичных и алчных.

— *Юлиан, вы утверждаете, что всего достигли сами. Тем не менее поговаривают, что вы крепко встали на ноги не без помощи покровителей. Прежде всего таких, как Нонна Мордюкова, Гелена Великанова, Алла Баянова...*

— Те, кого вы назвали, — мои учителя, мои друзья. Я не стыжусь их помощи, искренней и отеческой. А всякие домыслы пусть остаются на совести тех, кто распускает слухи.

— *Сейчас много ночных клубов, баров, казино. Постоянные посетители подобных заведений не только «новые русские», но и артистическая публика. Вы бываете там?*

— В качестве кого, простите? Развлекающегося или развлекателя?

— *Да все равно...*

— Доводилось. Незабываемое впечатление осталось. Веселье там какое-то вымученное, натянутое, искусственное. Идет сплошной выпендрож и тех, кто за столиками, и тех, кто на «арене». Каждый из кожи вон лезет, старается показать, как ему весело и что он «круче» соседа.

Куда приятнее и интересней быть в своей компании, с людьми, которых хорошо знаешь, с кем можно по-настоящему расслабиться и поговорить по душам. А на тех сборищах и тусовках ни у кого нет ничего общего. Купе в поезде и то больше сближает. А в данном случае все летят в никуда...

Потом, если честно, я предпочитаю ночью спать. Так выматываешься на концертах, записях, съемках, что самым лучшим ночным клубом становится собственная постель.

— *В вашем репертуаре в основном классическая эстрадная песня...*

— Да. Но есть и философские: «Айседора», «Ах, ты ворон, черный ворон», «Остаюсь с обманутым народом», а также произведения на стихи Цветаевой, Ахматовой, Есенина.

Мне дороги песни недавних «застойных» лет, которые, несмотря ни на что, остались в духовной жизни народа: «Три года ты мне снилась», «Лебединая верность», «У беды глаза зеленые»...

Исполняю и веселье, заводные. А вот недавно, когда А. Пахмутова подарила мне «Русский вальс», я

засел в библиотеке и перечитал массу книг. Узнал, что от игривого венского наш русский вальс отличается сдержанностью, некоторой грустью, а главное — душевностью. Именно такой вальс и создала Пахмутова.

— *Вы такой элегантный, красивый. Не приходится в голову заняться «смежной» профессией? Например, стать фотомodelью. Тем более вас одевает Слава Зайцев. Многие ваши коллеги ведь успешно дебютировали на обложках и подиумах.*

— Это не моя стихия. Считаю, если уж выбрал дело, то и служи ему верой и правдой, а не старайся сидеть на двух стульях ради денег. Ни бизнесменом, ни манекенщиком быть не собираюсь.

— *Что вы больше любите — делать подарки или их получать?*

— И то и другое. Но доставлять людям маленькие радости все-таки приятнее. Сознание, что у кого-то останутся от тебя добрые воспоминания, всегда согревает.

— *Вы недавно побывали в круизе. Повидали немало разных стран. Не возникало желания остаться в одной из них?*

— Никогда. Напротив, хотелось поскорее возвратиться домой. Скучал по маме и сестренке. А за кордон лучше всего ездить на экскурсию. Там надо уметь жить, чему меня не учили. Я же предпочитаю петь для людей, которых люблю и которые откликаются на мои песни. Гастроли по нашей стране гораздо приятнее. Всюду видеть и слышать родное. Такие поездки приносят больше творческого и человеческого удовлетворения, а это гораздо важнее, чем заработок.

— *Где побывали в последнее время?*

— В Тюмени, Липецке, Ростове-на-Дону, Архангельске, Мурманске,

Таганроге, Владивостоке. Я люблю эти города. Бывал в них и раньше. Там легко дышится, легко поется. И люди там теплее, не похожие на столичный бомонд.

— А какой город вы выбрали бы для себя?

— Такой у меня есть. Я люблю свой «домик в Коломне». Ведь в Москве живу недавно.

— Ваши родные тоже переехали в Москву?

— Нет. Мама, папа и сестра Яна живут по-прежнему в Коломне. Мама работает в музыкальном училище. Отец — инженер. Яна еще учится в школе.

— Одна из ваших последних песен — «Бездорожье», от которой щемит сердце. Ведь слова: «Мы, воспетые дождем, все опять чего-то ждем. Только нет у нас пути, как проехать, как пройти...» да и другие строки: «Боже, как нам одиноко на российском бездорожье...» перекликаются с реальной жизнью.

— У Пахмутовой все связано с действительностью. Она не пишет «вообще» о любви, разлуке или радости. Ее произведения всегда привязаны к времени и месту. Я счастлив, что работаю с ней. Она — мои университеты.

— Юлиан — ваш псевдоним?

— Нет, это мое настоящее имя. А тому, что вышел с ним на эстраду, обязан Алле Баяновой. Она предложила ограничиться на сцене только им: это кратко и необычно.

— Вы озвучили московский гимн — знаменитую песню И. Дунаевского и М. Лисянского «Моя Москва». Сравнительно недавно выступали перед Президентом России и английской королевой, которую, говорят, покорили исполнением «Русского вальса»...

— Что ж, если покорять, так только королеву.

— Недавно вы гастролировали в США. Как вас там приняли?

— Мне повезло. Фирма, которая меня пригласила, организовала хорошую рекламу и предоставила весьма престижные залы в Нью-Йорке и Чикаго. Были аншлаги.

— Что же это за фирма такая?

— По производству кефира. Так что я напился там кефира на всю оставшуюся жизнь.

— Вы гурман?

— Да нет. Ем что придется. Правда, мама с сестренкой меня не забывают — часто навещают. Готовят, убирают. Хотя я и сам могу сварить щи, сделать салат. Очень люблю салат с крабами. Могу и пол подмести, и пыль стереть. Мама меня приучила к чистоте с детства.

— У вас много друзей?

— Мои настоящие друзья — мама, папа и Яна. Сейчас обзавелся новым другом — Вилли, французским бульдогом. Он — настоящий парижанин.

— У вас от поклонниц, видимо, отбоя нет?

— Да уж... Однажды на съемках телепередачи «Шире круг» ко мне во время исполнения довольно серьезной песни бросилась на шею одна девица. И повисла в экстазе. Я аж захрипел. Так и ушел со сцены, унося ее на своей шее. Зал стоял от хохота...

— Вам только 22 года, а вы уже poznали вкус известности. Чего бы вам еще хотелось от жизни?

— Я просто хочу петь.

**Беседу вела
ВАЛЕНТИНА ТЕРСКАЯ.
Фото
БОРИСА ВЕЛИЦЫНА**

ЭЛЬВИРА ПОПОВА

ВЕЧНАЯ РУСЬ

П. Д. Корин. 1933 год.

150

Когда мне предложили написать эту статью, сердце замерло — настолько нахлынуло воспоминаний, накопленных за 30 лет моего знакомства с большим художником. Предстал как наяву эпизод, когда впервые увидела его. Мы с друзьями сидели у высокого окна екатерининского времени в одной из московских коммуналок. Внезапно один из собеседников протянул руку к самому стеклу: «Смотрите, смотрите — живой классик, пожалуй, последний из настоящих художников! Павел Корин. Вот он идет с женой». И я увидела в тишине сероватого вечера, как по узкой нашей Погодинке вдоль железной ограды медленно шли две почти неразделимые фигуры — даже будто и в одинаковых пальто из габардина. Они направлялись к вечерне в Новодевичью церковь — бывшую монастырскую трапезную палату. Приятель сказал: «Мы обязательно пойдем к нему в мастерскую. Там так необычно».

О Корине теперь написано много, пространно, обстоятельно, его альбомы красочно и богато иллюстрированы. А тогда, в самом начале 60-х, он только вступал в свой новый и последний этап жизни. Создан и давно работает музей-квартира, когда-то заботами Горького перестроенная в прекрасную мастерскую из бывшей прачечной при 11-этажном доходном доме, много лет в округе так и звавшемся «одиннадцатизэтажкой». И сейчас он стоит такой же прочный, знаменитый тем, что здесь жил и творил Павел Дмитриевич Корин. Народный художник России.

Мы с приятелем стоим у входной двери с латунной пластинкой: «Павел Дмитриевич Корин». Дверь нам открывает немолодая

Митрополит Трифон. 1929.

женщина с простым русским лицом. Прасковья Тихоновна — жена художника. Когда-то ее, монахиню, Павел Дмитриевич «умыкнул» из Марфо-Марьянской обители, где он работал по одобрению Нестерова.

Уже в просторной передней начался этот особенный мир, в котором живет и творит Живописец. Проникший через стеклянную дверь мастерской солнечный луч скользнул по микеланджеловскому Давиду (гипсовой копии), брызнул светом в высокое зеркало. Засияли золоченые рамы картин, за стеклами стенных шкафов проступили оттиснутые золотом переплеты монографий, альбомов, папок с репродукциями старых мастеров. Засветилась бездонная лазурь южных далей на тончайших коринских акварелях.

Павел Дмитриевич встретил нас у двери мастерской.

Мы знали, что на днях ему исполняется 70 лет. Но в это не верилось. Зоркие голубые глаза. Легкая, худощавая фигура. Сильные руки.

Войдя в мастерскую, мы, ошеломленные, застыли на пороге. В огромной комнате вдоль стен были расставлены полотна с изображениями людей, одетых во все черное, выполненных в полный рост.

— Вот они... стоят. — И после небольшой паузы художник продолжил: — Смотрю на них часами и думаю, как лучше выставить... Скорее всего так, как они стоят здесь. Нельзя развешивать их на стене плоским рядом.

Юбилейная выставка Корина открылась осенью. И тогда впервые зрители увидели портреты, запрещенные к показу 30 лет. Вспоминается ленинское «гениально»-стратегическое: «Чем больше мы уничтожим представителей буржуазии и духовенства, тем лучше». Это о тысячелетнем, по крупницам копимом духовном богатстве Руси! Это и о Корине. Только чудом уцелели этюды и портреты к, может быть, главной его работе (так и не оконченной) «Уходящая Русь». Второе ее название — «Реквием». Тогда, в 60-е, мне казалось, и вполне искренне, что грандиозная картина не родилась потому, что прошлое, которому была она посвящена, рассыпалось в прах, и невозможно было достигнуть композиционной стройности, где в действительности остались лишь растерянность, подавленность, духовная слепота и исторические исчерпанность и ненужность. И только сейчас понимаю — такие вот формулы в разных ипостасях и породили сегодняшний всеобщий беспредел.

...Родился Павел Корин в знаменитом на всю Россию селе Палех, где работали иконописцы. Ценились их изделия дорого. Жили они зажиточно, но сдержанно, с внутренней чистотой и суровостью сердца, без остатка открытого Богу.

Окончив сельскую школу, по семейной традиции Паша поступил в иконописное училище — тер краски, писал фоны, околичности... Но чувствовал себя тесно: словно руки связали. В 16 лет подался в Москву в иконописную школу — мастерскую Донского монастыря. Там даже лики писал на фресках и вытянутые полотнища одежд святых угодников. В это время работал в новостроенной Марфо-Марьянской обители Нестеров, уже украсивший

живописью храм в Армении. Сюда же его пригласила сама игуменья Марфа — бывшая великая княгиня, вдова убитого террористами великого князя Сергея Александровича, брата государя.

Орнаменты монастыря в Марфо-Марьино по указанию Нестерова расписывал Корин. Мастер пришел поглядеть, все ли, как нужно. Юноша работал с интересом, старательно. А несколько дней спустя состоялся между ними важнейший разговор. После чего юноше захотелось вырваться из XVII века в современность. Нестеров определил Корина к художнику А. Е. Архипову готовиться к поступлению в Московское училище живописи, ваяния и зодчества. Началось с умения рисовать голову. Архипов заменил в коринской руке муштабель карандашом, показал, как начинать рисунок... Жил Павел на Бутырках, училище располагалось на Мясницкой, так что шагал пешком, ибо двадцать одной копейки хватало только на обед в народной столовой да на булку утром и вечером.

В 1912 году Корин выдержал конкурс на поступление в училище. Потянулись напряженные годы ученичества в мастерской К. А. Коровина и С. В. Малютина, по которой и закончил училище. В 1916 году ему поручили роспись подземной усыпальницы — первое произведение Корина после Палеха. Правда, до этого была одна самостоятельная работа — дипломная — «Франческа да Римини. Данте в аду». И хотя ему дали за нее звание художника, Константин Коровин сказал о ней, что картина неудачна. И тогда Корин уничтожил полотно, не понравившееся учителю. Ведь тот сказал о своем ученике: «Вам, Корин, дан дивный дар рисования». А как-то на занятиях, коснувшись плеча юноши, без иронии заметил: «Рисуй, рисуй, Рафаэлем будешь...»

Однажды Корин особенно любовно и старательно исполнил заказ — копию одной из работ Нестерова. Копия понравилась скупому на похвалы Нестерову. Но возник непредвиденный разговор:

— Что, Корин, вы очень сильно, верно, нуждаетесь?

Корин сказал правду. Тогда Михаил Васильевич предложил Павлу каждое первое число месяца приходить к его супруге. Екатерина Петровна будет выдавать ему 30 рублей, а когда Корин обзаведется заказами, то вернет эти деньги. Представив себе, как станет беспокоить такую красивую даму, юноша ответил, что обойдется своими силами...

Такая ли нужда предстояла впереди!.. В своей мастерской на Арбате Корин с женой приняли революцию — никак. Писали иконы, портреты. Так бы все и шло. Тихо и плавно. Изредка Корины из нужды писали лозунги для революционных празднеств. (За такой работой и изобразил их художник Терпсихоров в картине «В мастерской художника».) Совершенно равнодушно относились к бушевавшим в 20-е годы суете, «бузе», драке в искусстве. Корин писал пейзажи, с которыми «сердцем сросся»: «Палех», «Моя Родина», «Москва с Ленинских гор...».

Когда же в стране началось уничтожение духовенства, Корин словно проснулся. Молодой художник решил написать большое полотно, увековечивающее уходящую старую Русь. Один «добро-

Ныщій. 1933.

желательный» искусствовед писал: «Обозревая подготовительные этюды к «Уходящей Руси», ни в коей мере не следует смешивать или отождествлять автора всех этих произведений с его персонажами». А Павел Дмитриевич говорил: «За всю Церковь нашу переживал, за Русь, за русскую душу. Тут больше меня, чем всех этих людей; я старался их видеть просветленными и сам быть в приподнятом состоянии, поддерживал в них дух. Они уставали, а я им говорил, какую и зачем хочу написать картину. Для меня заключено нечто невероятно русское в понятии «уходящее»: когда все пройдет, то самое хорошее и главное — оно все останется».

Но вернемся вновь в 60-е, в мастерскую художника.

— Вот эта игуменья, — продолжал рассказывать Павел Дмитриевич, — княгиня Голицына Софья Михайловна, внучка того, «что ус крутил удалый»...

— Два монаха, старый схима-игумен — настоятель Донского монастыря, погиб в тюрьме. Рыжему юноше-монаху в застенке бороду по волоску выдергивали. Митрополит Ленинградский Пимен — на холсте предстает во всем величии — в тюрьме, не дрогнув на пытке. Да разве все расскажешь... Записей моих карандашных с грошик; в этом кровавом море, Лениным «запроектированным», так все потянуло, разве что сохранишь... Так вот только они у меня чудом уцелели.

— Этюды запродавал в 1936 году. Умер Горький — гроза! — попал я в опалу. Музей потребовал деньги обратно. 73 тысячи — по тем временам огромные деньги. Не то грозились *сжечь!*.. С того часа и начались перебои в ритме сердца. А не стар был!

— Мы с женой едва не без сна на реставрации икон работали. Выплатил. А из живописи выпал. Слишком долго только реставрацией занимался. Хорошо, что к кончине Горького холст был готов и установлен. Оттого и уцелел. Сколько часов провел я перед ним в думах, в горести великой. Тогда на меня вся эта шпана набросилась во главе с Сашкой Герасимовым... Ну да что о нем. Он пройденный этап — художник с ногой, память о нем будет маленькая.

— Живу здесь, точно во вражеском окружении, — бутылки бросают, сковородки. Все меня тут ненавидят: «Корин — мерзавец, церковник!» Слава Господу, оформился музей. Государственный. А государственное непросто тронуть... Еще об этих двух хочу рассказать. — Корин обратил наше внимание на полотно. — Я их — отца с сыном — дважды на Каменном мосту встретил. Идет на меня такой колоссальный человек, ноги вкривь, крепко поставлены. Залюбовался я! Подошел — решился! Оказалось, отец — разчик по дереву, сын — реставратор. Сразу согласились позировать, и так-то хорошо! Ярко дополнили бы они мою «Русь»...

Горький сыграл огромную роль в жизни Корина. Прослышав о талантливом художнике, Алексей Максимович решил лично увидеть работы Корина. Однажды поднялся на крутой арбатский чердак. Смотрел долго, внимательно. Потом сказал: «Чтобы одолеть такое полотно, вам надобно видеть произведения великих мастеров Запада. Отлично! Вы большой художник! Вам есть что сказать». Пожимая руку Корину, добавил: «У вас настоящее, здо-

ровое, кондовое искусство. Да, вам надо поехать в Италию».

— Сколько раз в своей небольшой той мастерской, напластывая лозунги, мечтал, мечтал, что, если дано мне будет однажды пройти, хотя скорым шагом, мимо творений Рафаэля, Микеланджело, Леонардо, Караваджо и других великих... я почел бы себя с того часа счастливым на всю жизнь.

18 октября 1931 года Корин вместе с Алексеем Максимовичем выехал за границу. Много для осуществления этой поездки сделал Михаил Васильевич Нестеров. Он составил для Корина записку-маршрут с указаниями, что и где нужно посмотреть. В Соренто Павел Корин написал первый свой официальный портрет — портрет Горького, поставил его фигуру высоко над холмистым пейзажем острова, как ставили своих героев мастера Возрождения, утверждая этим, что главное в мире — Человек. Записки Корина на листах альбомов — истинный гимн во славу искусства, во славу великих мастеров. Приведем здесь только одну, как нам кажется, емкую запись: «Величаво искусство Возрождения. Великие итальянцы XV века поразили меня тем, что персонажи в их картинах и скульптуре имеют особую осанку. Как они держат голову, какие жесты, как они драпируются в свои плащи!

Я люблю архитектуру, люблю ее рисовать. Во время путешествия я и изрисовал десятки альбомов. Рим Высокого Возрождения, Рим Браманте, Рафаэля, Микеланджело... Божественная гармония произведений Рафаэля в станцах Ватикана. Гордый, страстный гений Микеланджело создал в Сикстинне образы, силу которых можно сравнивать со стихийными силами природы. В Венеции я увидел грозную живопись Тинторетто, увидел Тициана и Веронезе — героическую роскошь живописи. Восхищен был реализмом Караваджо, его лаконизмом, суровым пафосом, могучей светотенью...» «Убеждение, что, изображая человека, в особенности человеческое тело, я должен знать архитектуру человека — его пропорции, костяк и мускулатуру, те неизбывные вечные законы его построения, тот абсолют его архитектуры, которые так хорошо знали великие мастера прошлого. И на основе этих знаний они в своем творчестве были свободны... Зная эти правила, они умели ими пользоваться и, когда нужно, великолепно их нарушали».

Второй заграничной поездкой Корина стал Париж — Мекка живописцев XIX—XX веков. Затем снова жил в Риме, Флоренции, Венеции.

Вернувшись домой, Корин весь ушел в работу. Появляются все новые эскизы композиции «Реквиема». Написана внутренность русского храма (этюды для фона картины внутри Успенского собора в Кремле начаты были еще в 1936 году). В тот же год появился «Архимандрит» — старый схима-игумен, настоятель Донского монастыря; через год — митрополит Ленинградский Пимен, написанный в торжественной одежде, сверкающей золотом и камнями. Эти изображения находятся в правой части собора, слева же — черная гамма. В одеждах монахов и неромонахов, монахинь; схимницы, на фоне могучей фигуры резчика с сыном.

Но умер Горький, и рухнул в «духовный обморок», несмотря на

жизненную и творческую силу, художник. Семь лет продлился этот обморок, пока Корин не вступил в новый этап творчества. В 1939 году он написал портрет актера А. М. Леонидова. Вещь полна романтизма, скрытой страсти. Эти черты станут программными в портретном творчестве довоенного Корина. Критики дружно обвиняли его в пессимизме. Он писал трагедию «в лицах». Почти по Горькому: «Я измеряю рост сознания моего моих страдающих силой». И когда Леонидов в первый раз увидел еще не законченную работу, он воскликнул: «Если через много лет люди захотят узнать, каким был артист Леонидов, пусть посмотрят на этот портрет!» Затем мастер пишет портреты Надежды Алексеевны Пешковой (как бы неофициальная проба пера...). Потом В. И. Калалова, когда тот перед занавесом читает текст ведущего в пьесе «Воскресение» по роману Льва Толстого. А какой гордый профиль Мартироса Сарьяна на фоне родных его, древних, как сама вечность, гор! Чрезвычайно сложным в написании оказался портрет К. И. Игумнова: рояль писался в одном месте, профиль пианиста в другом. Но самым трудным были руки — их нужно написать в движении. Во время работы над этим портретом Корин записывает под впечатлением Рембрандта: «Живопись густая, как драгоценные камни. Какая высота живописи!!! Черт возьми! Надо создавать живопись, которая сверкала бы, как драгоценные камни». Это не просто цитата, а настроение, в каком находился Корин, продолжая своими работами русскую живописную портретную галерею. Вообще каждый коринский портрет — повод для небольшой книги о истории русской культуры. Портреты постепенно набирают психологизм, властность композиции, помужичьи крутой «замес» колорита. Написаны «патриарх», предводитель, «глава племени» С. Т. Коненков; придирчивый, заостренный М. В. Нестеров; барственный, ушедший в себя А. Н. Толстой...

Кроме портретов, Корин в эти годы работает над мозаикой для Дворца Советов — «Марш в будущее», который переходит в круговую композицию «Апофеоз», где в центре земной шар, освещенный расходящимися во все стороны лучами солнца... Композиция-утопия не была закончена, скорее — намечена. И над портретами работа оборвалась — грянула война. Павел Дмитриевич в своей, теперь такой холодной мастерской не забросил кисти. Он вглядывается в прошлое. Кто из героев Руси, ее защитников должен стать знаменем для заливающегося кровью, бьющегося на смерть народа?! Конечно, Александр Невский. И вот он возвышается над Волховом, закованный в спланные с музейных подлинников латы, в золоченом шлеме, красном, подбитом мехом плаще — подлинном! — Ярослава. Стиснув железными рукавицами пока еще не вынутый из ножен меч, стоит князь под русским стягом со Спасом Нерукотворным.

Чудны и неисповедимы пути Господни! Художник, готовивший фрески, мозаики для так и не построенного сверхпамятника вождю, написал народного полководца и героя, предсказав победу.

Ни на день не оставлял кисти великий художник России. Тут и

Портрет П. Т. Петровой. 1922.

эскиз триптиха «Дмитрий Донской», и портреты прославленных генералов и маршалов Толбухина, Говорова, Жукова.

После войны Корин создал восемь мозаичных мерцающих золотом панно в барочных картушах-обрамлениях, славивших великие победы России над агрессорами. А еще коринские мозаики свободно и гармонично вошли в архитектуру Актового зала Московского университета на Воробьевых горах. С высокой поэтикой создал скромный мраморный фриз под куполом вестибюля станции метро «Смоленская». И совсем по-особому украсил витражами станцию метро «Новослободская». Подсвеченные изнутри, они вносят цветение в зал-станцию, и кажется, словно взяты они из народного праздничного украшения, из мира сказок.

Вновь вернемся в его дом, в знаменитую гостиную, где я лишь однажды сидела за огромной круглой столешницей вместе с хозяевами и любимым, почитаемым ими за талант, за тонкий юмор, обширнейшую эрудицию архитектором К. Т. Топуридзе, учеником Е. Савинского, И. Грабаря. Это им был создан горно-хрустальный фонтан «Каменный цветок» на бывшей ВДНХ.

Мэтры беседуют о былом великом искусстве и о современном, каковые у нас и на Западе сопоставлялись тогда в истовом запале, о художнических распрях, равнодушие чиновников. «Вон один Сашка Герасимов сколько людей погубил, сколько талантов искорежил». Вспоминают о встречах с ушедшими — А. Толстым, Фединым, Всеволодом Ивановым. Говорят о живом «главе племени» С. Коненкове... Художник жалуется: «Все время каких-то людей приходится принимать, которых назавтра и не вспомнишь, а как хочется еще поработать». И сразу же вспоминает прошедшую выставку: «Сделанное мною и народ хорошо принял, и те, от кого зависела моя судьба. Я доволен, благодарен судьбе и не хочу искушать ее неудовлетворенностью». Неожиданно голос его дрогнул: «Вот пишу убиенного княжича с Куликова... Не знаю, как выйдет. Никому не показываю... В мастерскую никого не пускаю».

Он работал до последнего дня. Работал радостно, «потихонечку». Мечта о большой картине как-то забылась, ушла в прошлое. Да тут еще совершил поездку по Европе и в Соединенные Штаты — через океан!

В Нью-Йорке, в Метрополитен-музее, он долго стоял перед «Венерой перед зеркалом» Тициана — Венерой «тракторной», проданной большевиками якобы для покупки тракторов, которые тут же ломались от неумения работников. Сделал Корин копию и с «Портрета папы Иннокентия X», попавшего в тот же «тракторный» список, конец которого не отыскан и поныне. Каково это было видеть мастеру, вернувшему к жизни, отреставрировавшему «Динарий Кесаря» Тициана, «Вирсавию» Рубенса!.. И увидевшему «проданное» из собраний Эрмитажа, Русского музея.

Когда я встретилась с художником после его поездки за океан, спросила: «Павел Дмитриевич, что вас больше всего поразило в Америке?» И вдруг услышала: «Керенский». Однажды к вечеру в его нью-йоркском номере раздался телефонный звонок. Сняв трубку, он услышал глуховатый баритон: «Здравствуйте, дорогой Павел Дмитриевич! Это говорит Керенский. Да, да, тот самый. Я

Моя Родина. 1928.

*Старинный сказ.
Правая часть триптиха «Александр Невский». 1943.*

Уходящая Русь. Эскиз.

уже был на вашей выставке, испытал восторг и гордость за свое великое Отечество! Вы настоящий большой русский художник! Не выдохлась еще Россия! Под железной пятой, за железным занавесом. Крепка духом и копит силы... Так хотелось бы увидеться, посмотреть глаза в глаза, побеседовать о русском искусстве!»

Корин, конечно, ответил: «Это было бы замечательно!» Но расписание Павла Дмитриевича в Соединенных Штатах было так плотно и насыщено, что встреча не состоялась, к огорчению, видимо, обоих. «Но что поделаешь, — со вздохом развел руками Корин, — каждые полчаса расписаны...»

Вернувшись домой в свой «особняк» — бывшую прачечную, Корин снова взялся за кисть, чтобы продолжить работу над триптихом «Дмитрий Донской», над той его частью, что назвал «Словохоты» — земной и небесный огни, предвещающие великую сечу за свободу и во славу Вечной Руси. Но работать почти не приходилось. «...А мне хочется покоя, хочется работать, писать потихоньку. На вот эту красоту полюбоваться, на родной Палех. Возраст есть возраст. Когда мне было 35 — это одно, 50 — другое, 60 — тоже другое, а 72... Вот сейчас сердце колет. Чуть побойчее пройдешь, или заволнуешься, или заспешишь. Ан нельзя!.. Может, еще и сделаю что, если потихоньку буду работать... Вот и я все потихонечку, а беру кисть. Да вот еще всякие подлецы пишут: «Похлопочите в Верховном Совете». Ему 25 лет дали за ограбление в магазине. Небось сторожа убил... Я, говорит, увлекаюсь живописью... Прохвост! А отвечать надо. А то жалобы пишут всякие наглецы, пристают бессовестно, нахально: «Он загордился», а сверху слушают...»

...Однажды Павел Дмитриевич огорченно заметил, как иностранцы относятся к русскому живописному искусству: «Все уходят, не поглядевши... Рублев, Дионисий, иконы, а все остальное для них — хлам. У нас есть гениальные Иванов, Суриков, Врубель, Нестеров, Серов есть!» А мы теперь можем добавить: «У нас есть и Корин». Его полотна греют сердца, учат любить Отечество. Ведя традиции от замечательного педагога П. П. Чистякова, он смыкает великих русских реалистов с лучшими из сегодняшних живописцев. Вот еще несколько коринских слов: «...хочется узнать побольше. Хотя зачем колим знания? В этом-то и главное, зачем? Откуда у нас это желание, несмотря на то, что знаем, что умрем? Вот пойду сейчас на концерт Бородина. Это мне будет и отдых, и наслаждение. И Рахманинова я много слушал: как у него все значительно, серьезно — не улыбнется! Он относится к искусству как к великому делу». Так же относился к творчеству и сам Павел Дмитриевич Корин, заветом которого было: «Писать, как Шаляпин поет!»

24 ноября 1967 года в трапезной палате Новодевичьего монастыря прошла панихида по Павлу Корину.

*Дождь шелестит по крыше.
Только он и звучит.
Значит, никто не вышел,
Никто сюда не спешит.*

*Комнатка эта в пространстве
Подвешена средь ничего.
Выйди ты чуть пораньше —
Успела б на торжество.*

*Темень вокруг, пустыня —
Сверху, снизу, с боков.
Выстрелами холостыми,
Эхом истертых подков —*

*Капли на гулком металле,
И, холодя внутри,
Смотрит ликом медали
Оттуда некий старик.*

*Смотрит из мрака, из бездны,
Где тихо шуришит вода,
Нелюбящий, нелюбезный,
Отторгнутый на года, —*

*Смотрит, глаз не отводит,
Челом над душой навис...
Что еще будет сегодня?
С чем он отпустит из*

*Этой беспочвенной клетки?..
Смотрит, молчит старик.
Прежде чем он ответит,
Я не осилю крик.*

*Господи, что же будет?..
Громкой капелью бьет.
Я поднимаюсь трудно —
Он, за окном, встает.*

*Я воздеваю руки —
Он взывает к Тебе!..
Того и гляди, он рухнет —
И мне не уйти от бед.*

*Что же никто не вышел,
Никто ко мне не спешит?..
Дождь гуляет по крыше —
Только он и звучит.*

*И рядом ни друга не будет,
Ни враг не наточит свой меч,
Не прянет юница до плеч, —
Другого, такого ж, полюбит.
И тот так же с другом порвет,
И будет он ждать высшей дружбы —
Бессильный, невидный, недужный —
Лишь той, что с косою идет.*

*Не умру ни в Крещенье, ни в Сретенье.
Проживу, сколько надо. А ты
Доживи до той самой черты,
Что мои прервала сновиденья.
Погуляй за той самой чертой,
Вспомни старого, только без грусти,
Не забудь, что ты у нас — русский,
Не забудься за той суетой.
Не забудься, не заблудись —
В мире разные есть палестины.
Но у нашей земли — ты единый:
Погуляй-ко да воротись —
И не блудным, а верным сыном;
Крест какой-никакой, хоть осиновый,
На могилке все ж возведи...
Да побольше детей разведи:
Пусть они вспоминают прадеда,
Что ни грешным не был, ни праведным, —
Жил, мол, Господи, как придется,
А оставил нам — степь да солнце:
Что еще человеку нужно,
Коли хлеб есть, да соль, да дружба...
Это — к слову, родимый, а ты —
Ты живи до заветной черты.*

СЧАСТЛИВЦУ

*Как большинство людей, я родился в капусте
(Хотя — какая там капуста в декабре?):
Мать вышла в огород по утренней заре,
А я — пожалуйте! — кочан лягаю с хрустом.
Тебя нашли под бронзовою люстрой,
На том столе, что годен для царей.
Курьеры стыли у глухих дверей,
А ты на кипы дел уже мочился с чувством.
То правду говорят, что важен первый шаг...
Я к финишу плетусь по кочкам чуть дыша,
Беззубым ртом жуя сухую кочерыжку.
Подобно рысаку породистому, ты
срываешь новый куш, с трудом гася отрыжку.
Ты — Нику лицезришь, я — сытые хвосты.*

==
*Столько лет назад, что погашен свет
в коридоре памяти — и сосед
за стеной шуришит, как бумажный крот,
что картинки в яму с собой берет.*

*Не пожать руки, не подставить плеч.
Говорили: «Нужно себя беречь», —
но где берег мишистый, пушистый яр,
уберегший прошлых дыханий пар?*

*Это сон сквозной, возвращенье лиц,
на карнизе кармы победный блиц
с необъятным призраком буквы «ять»,
что за каждой жизнью должна стоять.*

==
*В речи так много имен...
Ночь. Полнолуние. Ветер
белый, один на свете,
высвистывает на флейте
сны, что легки,
как лен.*

*Милым на слух и на взгляд
льются напевы лилий.
С судьбою сойтись бы линией...
Но променады длинные
гасят фонарный ряд.*

*Юным задором силен,
мир разбросает приметы
неба, а числит предметы,
листья отцветшего лета.
В речи так много имен...*

==
*Поплыла повседневная пыль,
догорали планеты и лица...
Пусть нагая звезда мне приснится,
два крыла, раздвигающих быль.*

*У Икара сиреневый сок,
цвет небес, снятых на ночь с каркаса.
Где-то там, в невесомости, касса,
что гудит, как занывший висок.*

*Я билет свой оставил другим —
тем, чей след ярче млечной кометы.*

Замерцала медвяная мета,
слово легкого счастья: «Летим!»

ДЕБЮССИ

И льющимся светом ран дождевых,
прорехой орешника на поляне
зеленый, каленый песенный стих
ложится на пять линеек. Дворяне —
портреты в туннеле, идущем вслед
народным корням королевских игрищ.
Так чья же луна на постельный след
глядит белым жаром, как Ра (и «Тигрис»)?

Касанием остекленевших рук
дробятся в дрожанье тела фарфора.
Нам фора дана, о прелестный друг,
но не расстояньем, а пеньем хора
под сводами первоначальных вер.
Защита от жизни — колпак хрустальный.
Соцветья — не правило, а пример
гармонии глаз и глазури бальной.

Охватом оленьих чащоб вокруг
тональности пирамидальной, алой
дворцы черно-белый вздымают звук,
а он осыпается трелью малой
и жемчугом слез оплавляет стон
на бледной террасе полудня: поздно! —
уже не прольется нам светлый сон,
стеклярусом не заискрится воздух.

ПОГРАНИЧЬЕ ВРЕМЕНИ

Там были ночи длиннее дня
и зимы теплее лет,
и кто-то, выплеснув лес до дна,
сказал: в нем деревьев нет,

а есть частокол на костях беды,
равнение на покой
прощальный, в котором слова белы
и смерть шелестит полой.

Страницами дали листали близь,
за слухом гнался сигнал.
В толпе есть множество снежных лиц;
ну, что ж ты их не узнал?

Иди теперь в тесноте ветвей
больное искать тепло,
в безвременье ожидать вестей,
что прошлое не ушло.

АНДРЕЙ ИЛЬИН

ОБЕД

Нет для профессионала более нежеланной, более унижительной службы, чем ревизорская. Вдруг без предупреждения, без даже намека на него вас под благовидным предлогом вызывают в Центр и отправляют к чертям на кулички с заданием словить за хвост подобного вам же. И вся ваша дальнейшая карьера, а возможно, и сама жизнь зависят единственно от результатов, которые вы накопаете. Самое печальное — никогда до конца нельзя быть уверенным: ты проверяешь агента или с помощью этой проверки ревизуют тебя самого. Контора — большая охотница до подобных пакостей. Взыграет не к месту гордыня — мол, не хочу перетрясать грязное белье коллеги по службе, не желаю подставлять его голову под карающий меч ревизорской службы, а это не коллега, агент-перевертыш той самой службы. И ты не гончая собака, взявшая след, а вовсе даже наоборот — травимый сворой опытных псов зверь, и не над чужой шеей висит бритвенно заточенный ревизорский меч, а над твоей.

Вот и поиграй здесь в благородство, когда чуть не каждая карта в колоде крапленая, а за столом что ни игрок, то профессиональный шулер. Нет, шалишь, своя шея ближе к телу. Сказано — езжай, сказано — ревизовать, будь добр исполняй службу, каким бы душком от нее ни попахивало. Разведчик — человек подневольный, приказы не обсуждает. И хоть отдаются они не на полковом плацу в полную командирскую глотку, а тихим кабинетным шепотком и не требуется в соблюдение субординации тянуться во фрунт, кушать начальство глазами и щелкать каблуками сапог, суть от того не меняется. Приказ — закон для подчиненного,

ПОЛУЧАЮЩАЯ - 2

Рисунок АЛЕКСЕЯ ОСТРОМЕННОГО

167

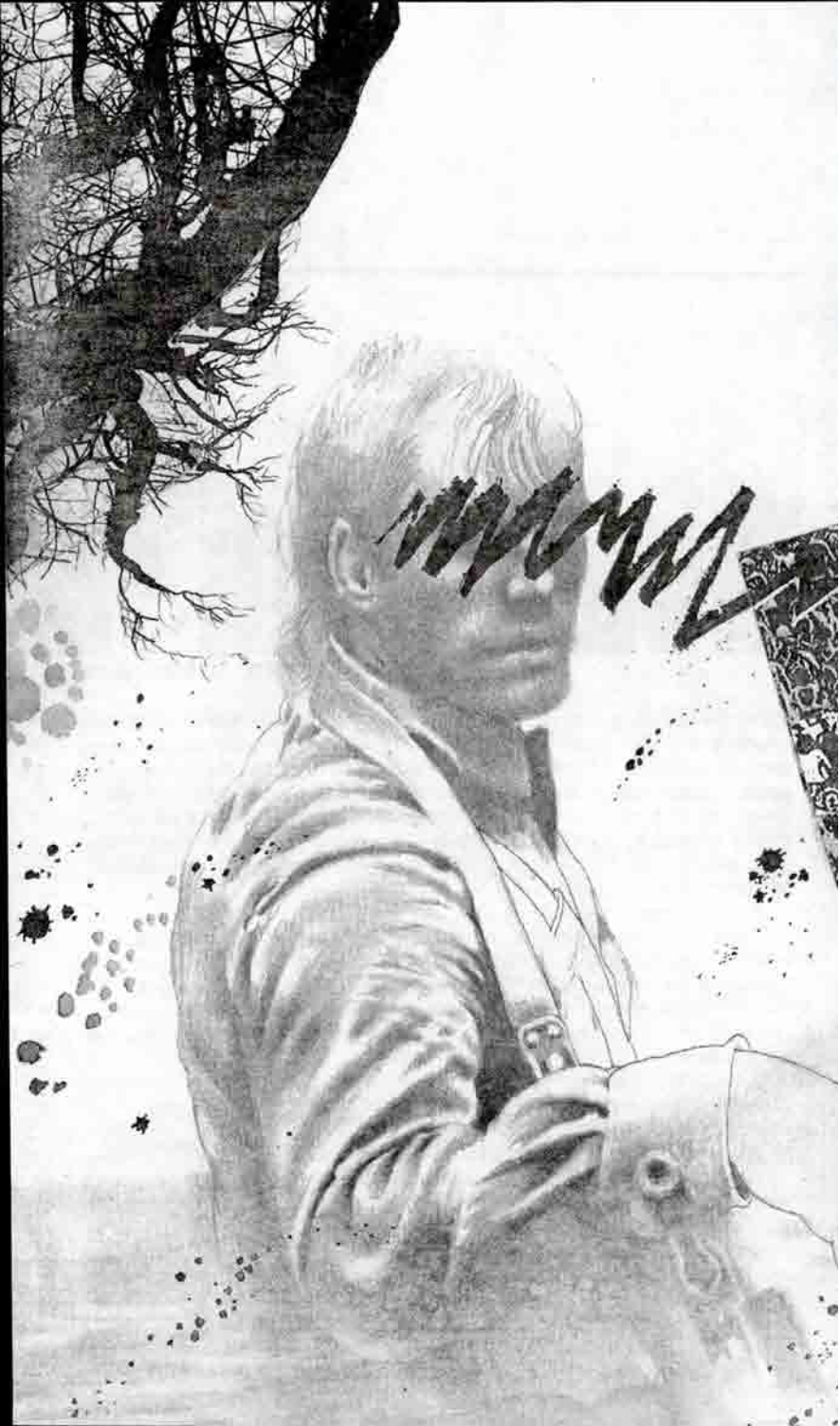
исполнение — доблесть, неисполнение — преступление. Только в нормальной армейской жизни за этим маячат разжалование и дисциплинарный батальон, а в нашем, официально несуществующем, заведении — неожиданный кирпич с карниза или самосвал из-за угла. Короче, очень несчастный случай. Так что смиришься, спец, и тащи службу свою как голгофский крест. Авось, кто-нибудь когда-нибудь оценит твою жертвенность. На том и аминь! И десять часов на сборы!

Время пошло!

Получить под роспись конверт с заданием и необходимой инструкцией, пройти в специальную комнату, вскрыть пломбы, прочесть, изучить, запомнить, уничтожить, ссыпать пепел в специальную корзинку и на выходе позволить обыскать себя с ног до головы, чтобы, не дай Бог, ни одна бумажка не пропала, ни одно лишнее слово за стены не просочилось!

Теперь все зависит от моей памяти. Раньше, чем я запомню каждое слово, каждую букву, каждую запятую, мне отсюда не выйти, даже если на это уйдет неделя. Мне будут приносить еду, водить на opravку, но документы из этих стен не выйдут. Таковы правила. Принял кабинет ознакомления два объекта: папку документов с пронумерованными, подшитыми и заверенными листами и агента ревизорской службы. Отпустит одного — либо агента с перепачканными пеплом пальцами, либо опечатанную, закрытую в бронированный кейс папку, если, к примеру, во время прочтения с агентом случится инфаркт. И никак иначе.

Приступим. Учетная карточка... Дело №... Допуск по форме...

Вторая страница, третья. Фотопортрет. Вот с этим человеком мне предстоит играть в кошки-мышки в ближайшие три-четыре недели. Профиль. Фас. Обычное лицо, каких в нашей стране наберется несколько миллионов. Фото в рост. Сбоку. Со спины. Особые приметы. Привычки. Образование. На этот пункт можно даже не смотреть. У всех у нас одно образование — средняя школа и пять лет безлюдных коридоров Учебки. Владение оружием, специальные навыки... Самая общая информация, позволяющая при необходимости опознать человека или его труп. А вот узнать, что скрывается за этой безлико-канцелярской маской, на что способен ревизуемый, можно лишь в деле, или, как говорят в армии, в условиях реального боя.

Что явилось первопричиной проверки — сбой в работе, число в календарном графике плановых ревизий, перерасход средств по статье 73 дробь Ж или интриги начальства, делящего высокие кресла, догадаться невозможно, и, значит, невозможно предугадать ее начало. Просто однажды начальник ревизорской службы, зачастую не ставя в известность даже непосредственного начальника проверяемого, доводит до сведения Резидента какое-нибудь хитрое, с двойным, а то и с тройным дном задание, а следом засылает ревизорскую бригаду, которая собирает строго определенную информацию, например, часы и минуты ухода и прихода «объекта» из дома, или продолжительность его телефонных разговоров в среду с 17 до 18 часов, или количество людей, посетивших его в третье воскресенье месяца после обеда. В общем, любую чушь.

170

К примеру, едет бригада ревизоров исполнять дело, цели которого им понять не дано. Вслед едет бригада проверки проверяющих. И такое случается. И ставится задача ревизуемому Резиденту проверить работу ревизоров, ревизирующих работу тех самых ревизоров. Уф, запутаться можно. Но, похоже, и такое было! Все ловят друг друга, а оказывается, самих себя, что тот змей, заглотивший собственный хвост. В этом вся Контора. Никто никому не верит, даже доверяя абсолютно.

Сегодня Контролером буду я. Судя по размаху, охота будет нешуточная. В бой брошена, подумать страшно, техбригада полного состава, в которой одного специального оборудования — разных там жучков-паучков — центнера три наберется да плюс к ним еще две светлые, о которых Академия наук мечтать не смеет, башки, да две пары рук, которые при желании могут сломанную кофемолку превратить в баллистическую ракету среднего радиуса действия, да еще охранник, призванный эти головы и руки защищать.

Я выезжаю послезавтра, легализуюсь, обживаюсь на месте. Необходимые документы — паспорт, командировочное удостоверение, права, фотографии семьи, заполненный блокнот с адресами, связка ключей от несуществующей квартиры — вот они. Через неделю объявляются технари. Они, конечно, обо мне не знают — не положено, но знают почтовый ящик, который мне еще предстоит подобрать и через который в случае необходимости они могут получить дополнительную информацию.

21—22-го ревизоры легализуются. 23—25-го отработывают под-

ходы, 26—28-го запускают технику. Вплоть до 15-го нового месяца работают, 16-го сворачиваются. 18-го — эвакуация. Еще неделю я подчищаю «хвосты».

И еще...

И еще...

И еще...

Опять стучат колеса, позванивает стакан в казенном подстаннике, посапывает сосед на верхней полке. Сколько у меня их было, этих соседей, полок, поездов? Сотни? Тысячи? В чем, в чем, а в отсутствии впечатлений мою профессию не обвинишь. Намотанных мною километров с избытком хватит на десять жизней. Да нет, вру, поболее, чем на десять. Одних биографий я изжил, одних паспортов сменил уже штук сорок. Кто я сегодня? Лев Георгиевич Серов, инженер, брошенный в прорыв теребить недобросовестных смежников, не поставивших в срок изделие № 27946 Т/С. Интересно, что это за Т/С? А надо бы знать!

Прибытие на станцию назначения я воспринял как избавление. Я устал от поездного разудалого отдыха больше, чем от самой трудной работы. В городе все пошло-поехало по накатанной колее, не оставляя лишней минуты на праздные раздумья.

Устроиться. Отследить возможные «хвосты». Перепроверить еще раз. Рассчитать варианты ухода для себя, для техбригады. Запомнить, не записать, именно запомнить расписание движения всех поездов, автобусов, самолетов со всех (!) железнодорожных, авто- и аэровокзалов.

Запись я могу оставить только одну: с движением транспорта в сторону города, где я проживаю согласно легенде. Все прочее только в памяти! Засечь время движения до каждого вокзала, на всех видах городского транспорта и такси, а также пешком и бегом, с точностью до минуты. Представить город. Я должен знать, какая улица на какую выходит, с каким переулком соединяется, где ведется ремонт трассы и перекрыто движение. Я должен отыскать проходные дворы и подъезды в десяти — двадцати ключевых точках города на случай отрыва от «хвоста». Я должен ориентироваться в городе лучше самого вьедливого горожанина-старожила. Мыслимо ли осилить такое даже за месяц, даже бригаде из шести человек, работающих без перерыва круглые сутки. А я один, и времени у меня — неделя. И главное — это далеко не самая основная часть моих служебных обязанностей. Успокаивает лишь то, что львиную часть работы возьмут на себя технари. Мое дело — в пустой породе шахту рубить. Лаву ковырять, уголек на-гора подымать — им. Техбригада прибыла в срок. А разве может быть иначе? Опоздание, даже на минуты — это ЧП, автоматически отменяющее всю операцию.

Я не знал способы и формы их транспортировки, но догадывался, что просачивались они поодиночке. Груз частью тащили на себе в специальных контейнерах, внешним обликом не отличимых от какого-нибудь телевизора, стиральной машинки или другой сложной бытовой техники, или получали через посредничество местной мафии как контрабандный товар.

И я тружусь как проклятый с утра до вечера без перекура и

перерыва на обед, обеспечивая надежный прием, страховку, возможные пути эвакуации и отвлекающие внимание преследователей шумовые и звуковые эффекты. Специальная техника и приравненные к ней мозги — штука очень дорогая, поэтому швыряться ими Контора не любит, и, пока есть хоть малая возможность спасти и эвакуировать в безопасное место людские и материальные ресурсы, чистильщик своей метлой не метет.

Ладно, если что-то непредвиденное случится до нашей контрольной встречи — там не моя зона ответственности, не моя голова в залоге, и, значит, не ее в случае чего свинтят с плеч. Но встреча не срывается.

В пятницу в 19.30 я сижу в местном цирке, с увлечением наблюдая за проделками дрессированных обезьян. Но вообще-то смотрю не на обезьян, пусть хоть передохнут все разом, а на противоположные ряды кресел. Ровно через семнадцать минут после начала представления по третьему проходу вниз должен пройти известный мне человек. Пройдет он — контакт состоялся, механизм действия запущен, мосты сожжены. Нет — операция замораживается.

Семнадцать тридцать, сорок, пятьдесят. Идет! Слава Богу!

Обезьяны завершают выступление. Их сменяют ненамного отличные по ловкости гимнасты. На слонах я «скисаю» и, громко икая и отрывивая, покидаю кресло.

Двадцать первое, двадцать второе.

Я отслеживаю операцию. Дело раскручивается на удивление гладко. Ревизоры снимают квартиру напротив объекта, то есть дома, где живет местный Резидент. Редкое везение — старый жилец получил новую квартиру, новый еще не въехал и, чтобы иметь дополнительные средства на ремонт, сдал жилплощадь на краткий срок. Положение идеальное — окна в окна.

Два дня бригада вживалась в обстановку, аргументируя свое вступление именно в это время, именно в эту квартиру. Их легенда — не моя забота. Моя — страховка и контроль.

Еще день коллеги вели контрслежку. Вели профессионально, не подкупаешься. Прислали явно не новичков. Не ограничиваясь типовой контрслежкой, они развернули электронную: прощупали окрестности на предмет слуховой и радиопеленгации и контрпеленгации. Отсмотрели приборы ночного наблюдения.

Двадцать третьего приступили непосредственно к работе. Значит, все чисто, ничего не обнаружили. Мои наблюдения также подтвердили абсолютную стерильность объекта и окружающей местности. Сигнал к отмене операции, разрешенный к применению Контролером, в дело не пошел.

Двадцать четвертое.

Ничего не изменилось. Аппараты, шурша в своих безобидных, абсолютно бытовых, на поверхностный взгляд маскировочных кофрах, писали информацию. Технари по очереди дежурили у свето- и волновой оптики. Охранник слонялся по улицам, выявляя слежку. Я наблюдал за охранником, объектом и окнами техбригады, пытаюсь выявить замечания. Отчет не вытанцовывался. Бригада работала безукоризненно — не к чему было придраться, нечего поставить на вид.

Двадцать пятое, двадцать шестое. Без изменений. Даже скучно.

Первое, второе.

Маленькое ЧП. Сегодня я два раза видел одно и то же лицо! Ошибиться я не мог, даже если бы в первом случае это лицо было женщиной, а во втором — мужчиной. Не так учили! Конечно, это может быть случайностью, а может, и очень серьезным предупреждением. Один человек дважды за день — реальная заявка на слежку. Третья встреча почти наверняка означает провал. Полдня вел контрслежку. Нет, не похож он на шпика, так, случайный прохожий.

Третье. Четвертое. Пятое. Шестое. Седьмое... Десятое.

Все то же самое: рутина страховки, контрслежки и ежедневных отчетов. Хоть бы уж скорее закончилась эта странная тишина...

Меня терзают какие-то дурные предчувствия. И хочется, чтобы скорее прошли эти последние дни, и боязно, что в самом конце что-то непременно случится. Нет, не случилось! Ровным счетом ни-че-го не случилось! Тишина.

Но как же интуиция?!

Шли последние часы пребывания ревизоров в городе. Уже была эвакуирована аппаратура, закуплены билеты. Осталось убрать квартиру и сдать ключи. Что же делать?! Что? Ну-ка еще раз. Я чувствую, более того, я почти уверен в нечистой игре ревизируемых. Почему уверен? Потому что не заметил ничего подозрительного? Абсурдная и не без самодовольства, но и не без доли истины мысль. Не было никаких ЧП. Не было даже мелких недоразумений или микроскопических нестыковок. Все шло как по маслу. Резидент вел совершенно законопослушный, как с точки зрения окружающих обывателей, так и с точки зрения Конторы, образ жизни. Слишком законопослушный! Я сам Резидент, я сам живу и кручусь в точно таких же рамочках. Чтобы за столько лет не научиться маневрировать в заданных параметрах? Не дать себе послабления? Ой, не верится!

Вот он, главный вывод моих трехнедельных наблюдений. Проверяемый не был естествен! И, значит, он знал о проверке. Он отследил ее, оставаясь невидимым! Только в этом случае ему не надо было вести контрслежку! Его наблюдали не враги — коллеги, так чего суетиться, вертеть дырочку на стуле? Довольно лишь изображать приятную Конторе картинку, которую честно зафиксируют и доведут до сведения начальства ревизоры. Но как он раскрыл нас? Где случилась промашка? Я вновь и вновь чуть не по минутам перебирал события операции и не видел прокола. Может, все-таки это домыслы вставшего в паранойю профессионала, и достаточно выпить стакан валерианки, чтобы избавиться от чувства беспокойства?

Нет, и еще раз нет!

Тогда что делать? Оставить все, как есть, или продлить на два дня операцию, рискуя собственной карьерой? И что это дает? Я хотел убедиться, что я был прав. Используя предоставленное мне право, я единоличным решением продлил срок операции на двое суток!

Инструкцию технарям я отправил через резервный почтовый ящик, предварительно вывесив сигнал вызова.

Для ревизоров эта писулька наверняка представилась полной ахинеей. Зачем высиживать в доме двое суток, если ничего не делать? Зачем продолжать охрану и контролсlecky в полном объеме, если защищать нечего — помещение-то пусто? Может, Контролер повредился рассудком? Что ему дают эти два дня бездействия?

Даже не пытаюсь скрыть настроение (а кто обрадуется перспективе взамен заслуженного отдыха получить два-три лишних дня работы?), технари снова заползли в свое логово. Чуть не зевая, приступил к выполнению своих непосредственных обязанностей охранник. Делал он все как положено — не придраться.

Но я смотрел не на него — я смотрел мимо. Охранника пасли! И как пасли. Это была не примитивная, на уровне двух-трех висящих на «хвосте» шпиков, слежка. Это была облава! Улица кишела наблюдателями, как гостиничная койка клопами! Именно масштабы операции позволяли ей оставаться невидимой. Охранник выискивал в толпе двух, трех, четырех следующих определенной логике людей, а их были чуть ли не десятки. Ни на одно мгновение он не оставался вне поля зрения. Он был профессионал, но не был подготовлен к таким масштабам. Он не мог вообразить, что чуть ли не каждый десятый уличный прохожий — шпик. Он искал людей, а не явление. «Лицом к лицу лица не увидеть — большое видится на расстоянии».

Этим расстоянием обладал я. Очень издалека, очень отстраненно, словно биолог в окуляр электронного микроскопа, я наблюдал движение улицы. Но даже не через него — это было бы слишком близко — через вторичное действие, через круги на воде я вычислял слежку. Неужели столь грандиозная работа проворачивается ради второстепенного агента-охранника? Не много ли чести? Или они пытаются вычислить логово? Да трех часов такой слежки довольно, чтобы, вычертив траекторию движения агента и подвергнув ее математической обработке, узнать местоположение объекта, его защиты с точностью до метров! И вообще, о чем я говорю? Вся операция начата в момент возвращения ревизоров. Дураку ясно, что логово давно просчитано и находится под колпаком. Что же они ищут?

Да меня же!

Их интересует ниточка связи, ведущая к человеку, отдавшему приказ на возвращение! Ко мне! Они хотят узнать, что произошло, а это возможно лишь тогда, когда распутаешь весь клубок от начала до конца. Не охранник их интересует — формы оповещения, почтовые ящики, тайники. Именно из-за них закрутилась вся эта карусель!

Они лишили меня главного — возможности передавать и принимать информацию. Я парализован как руководитель. Я лишился связи.

Лучше бы я ничего не заметил, не добавил эти два дня, за которые теперь придется так или иначе расплачиваться. Итак, резюме. Единственное, что меня может спасти, — это доказательство. Единственные, кто может помочь их добыть, — технари.

Как же мне с ними встретиться?

Я нашел выход! Иначе быть не могло!

В очередную проходку охранник снял с доски объявлений свежую начальственную писульку, шпики, как я и предполагал, дураками не были и задерживать его не стали. Их вся цепочка интересовала, а не отдельные ее звенья.

В сообщении были указаны обстоятельства, время и место встречи. До секунды! До метра! Теперь все зависело от пунктуальности моих подопечных. Опоздай они хоть на мгновение, забеги хоть на дециметр, и разработанный план мог рассыпаться, как доминошная пирамидка.

Я начал готовиться к встрече загодя. Достал за пару бутылок у строителей старую телогрейку, замызганный оранжевый жилет, каску и стоптанные резиновые сапоги. Купил объемный рюкзак, полиэтиленовые мешки, раскладную лестницу-стремянку и набор инструментов. Инструменты, лестницу и рюкзак я, конечно, вывалял в грязи, облил и поцарапал, так как они были слишком новыми на вид. После такой работы они выглядели замечательно — грязно и гнусно. Следующие двадцать часов мне предстояло провести не в самом приятном месте. Вечером, шаркая резиновыми подошвами сапог об асфальт, громыхая ящиком с инструментом и проклиная бригадира, пославшего меня на ночь глядя на аварию вместе с куда-то запропастившимся напарником, я брел по улице. На заранее облюбованном перекрестке установил посреди проезжей части треногу с привязанной к ней грязной тряпичей, подцепил монтировкой крышку на кабельном колодце и спустился в люк. Часа два я изображал работу: стучал молотком о железо, распутывал прихваченные с собой провода, матерился вслед неаккуратно проезжающим автомобилям. В итоге я, конечно, аварии на линии не устранил, но зато успел выложить горловину люка тонкой круговой прокладкой из пористой резины. Ближе к ночи, убедившись, что за мной никто не наблюдает, я убрал треногу и задвинул крышку люка. Здесь, в темноте бетонного sklepa, мне предстояло высидеть семнадцать часов тридцать две минуты. До времени «икс» я уже не мог влиять на события, происходящие снаружи, я мог только ждать.

В 16.15 охранник, в точности следуя изложенным в приказе указаниям, завершив шестой от центральной улицы поворот, вышел на пересечение улиц Магистральной и Рабочей. Он никогда здесь не был, но шел уверенно, так как знал, сколько и в каком направлении ему еще предстоит сделать шагов. Его вели мои ноги, отмерившие этот путь с точностью до миллиметра.

Еще один поворот. Небольшой пустырь со сквером, захламленный самостроем и импровизированной стоянкой частного и государственного автотранспорта. Сто двадцать шагов на юго-запад. Поворот! Налево.

Охранник шел, не глядя под ноги, поигрывая брелоком от связки ключей и насвистывая какую-то легкую мелодию. Ему не надо было смотреть под ноги, он был здесь дома, знал каждый камень и чуть ли не каждого встречного прохожего. По крайней мере так должны были думать случайно увидевшие его люди.

Он остановился возле фургончика УАЗа, по-хозяйски, носком ботинка пнул скат, одновременно окинув взглядом замок дверцы, выбрал из связки требуемую отмычку, открыл дверцу, запустил мотор и неторопливо выехал со стоянки. Если бы эта машина по каким-либо причинам сорвалась, он прошел бы еще пятьсот метров до другой стоянки и там открыл бы другой, отмеченный мною ранее, однотипный фургончик. Осечка была исключена.

С 16.15 до 17.20 охранник, вырабатывая резервное время, отстаивался, предварительно залив полные баки, на стоянке возле бензозаправки.

В 17.35 он подхватил на улице в условленном месте покинувших логово ревизоров.

В 18.05 в машину загрузили вытащенное из тайника оборудование.

Конечно, все это время за ними следили чужие глаза, но это было уже неважно: игра пошла в открытую. С 18.20 до 23.00 машина безостановочно болталась по городу, неважно куда, лишь бы крутились колеса и гудел двигатель. И все это время, утирая пот со лбов, технари вертели ручные дрели и постукивали деревянными (чтобы звук был глуше) молотками по остро заточенным зубилам. В 23.05 машина встала в исходную точку. В 23.07 сдвинулась с места со строго запрограммированной скоростью — пятьдесят пять километров в час. Если бы она опоздала или поторопилась хоть на минуту, операция была бы провалена.

176

В 23.17 и 23.25 машина миновала точки контрольного времени. На последней опоздание не превышало трех секунд при допустимом отклонении в шесть.

23.36.15. УАЗик приблизился к условленному месту. Не хватило буквально секунды, чтобы проскочить под угасающий свет желтого глаза светофора. Теперь надо было ждать 30 секунд. От них, этих малых 30 мгновений, зависело все: успех или провал операции, карьера, а возможно, двадцать — тридцать оставшихся лет жизни каждого из нас. Тридцать секунд, разделявших красный и зеленый свет светофора, против тридцати долгих лет жизни. Я не слушал поверхность земли — я смотрел на часы. Дополнительные сигналы условлены не были. Ровно в 23.36.15 я должен был открыть люк. Другой попытки мне отпущено не было. Если бы машины на месте не оказалось, я просто свернул бы операцию.

23.36.13...14...15...16!

Две секунды резерва. 17... Я надавливаю головой и руками, приподнимаю чугунную крышку люка, слышу урчание работающего мотора, чую запах выхлопных газов, вижу тени колес по бокам — машина надо мной, своя ли, чужая. Разбираться нет времени. Я сдвигаю крышку, тянусь руками ко дну автомобиля и сразу вижу чуть более светлый, чем окружение, прямоугольник выпиленного, высверленного, выдолбленного за эти несколько часов с помощью подручного инструмента «десантного» окна. И еще я вижу две пары устремленных в мою сторону рук. Я вытягиваю ладони вперед, и меня мгновенно втягивают внутрь, обдирая

о неровные края ткань телогрейки. Еще пять секунд — закрыть колодец. Люк тихо падает на резиновую прокладку.

23.36.43...44...45.

Зажигается зеленый свет светофора. Машина трогается с места. Для посторонних глаз вся эта хитроумная операция выглядела вынужденной тридцатисекундной остановкой перед закрытым светофором.

Все. Я вошел в контакт с подведомственными мне ревизорами. Они не увидят моего лица: на мне глубоко надетый колпак с прорезями для глаз. Они не услышат моего естественного голоса: я изменяю тембр. Но узнают, что отдающий им приказ за приказом начальник не миф, а вполне конкретный, среднего возраста и среднего телосложения мужчина.

Это грубое нарушение Устава. Несанкционированный контакт Контролера с подчиненными! Куда уж дальше! Но мне некуда деваться, мне необходима их помощь. Их замечательно устроенные электронные мозги, их опыт, их руки. Они мне помогут. Не могут не помочь!

— Поворот налево, и сто километров по Северному шоссе. Без остановок, — команду я водителю. Продолжать крутить бессмысленные вензеля по городу — значит вызывать дополнительные подозрения. Охранник пожимает плечами и делает левый поворот. На все про все у меня не более трех часов. — Ревизия легализована. Вы вторые сутки под облавой. Результаты проверки скорее всего не соответствуют истине, — кратко излагаю я суть дела. — Считаю необходимым продублировать результат.

Технари переглядываются. Они не хотят рисковать, у них семьи, дети, зарплата. Им не так долго осталось до льготной пенсии.

— Вы превышаете свои полномочия.

— Ответственность моя.

— Вы не можете отвечать за то, отвечать за что не уполномочены. Ваши 48 часов истекли.

— И тем не менее.

— Нет.

— Ладно, мужики, — оставляю я начальственный тон. — Я понимаю, что перепрыгнул свои полномочия десятикратно, но четыре недели мы были под колпаком! Четыре недели мы писали туфту! У меня не мания преследования. Я знаю это точно. Я это проверил. Последние два дня я наблюдал облаву! В этом ошибиться невозможно.

Охранник мотнул головой и невнятно хмыкнул.

— Я не знаю, как вас убедить. У меня нет времени вас убеждать. Мне нужны доказательства. Мне нужна ваша помощь.

— Принятие подобных решений вне вашей компетенции.

— Послушайте, ведь я подставляюсь больше вас. Вы рискуете премией, ну, может быть, квартирой. Я — свободой. Да чего там — самой жизнью. Если здесь туфта, она все равно вылезет, рано или поздно. И тогда с вас спросят. Неужели поставленная на кон моя жизнь не убеждает вас в серьезности происходящего?

На этот раз они молчали дольше. Они считали. И все же здравый смысл взял верх.

— Вы должны обратиться по инстанции. Вы не уполномочены.

— Вы дундуки,— сказал я.— Четыре недели вам, профессионалам, терли уши, словно школярам первой ступени. Вы ничего не заметили и теперь боитесь признать это. Вы готовы подыграть чужой игре, всучив запрограммированную дезу начальству, лишь бы не потерять свой вонючий кусок к обеду и свои вонючие полтораста рублей прибавки к пенсии. Вы не технари — вы собаچه дерьмо с законченным высшим образованием!

— А может... — начал один, похоже, младший из ревизоров.

— Нет! — резко прервал его другой.— Мы исполнили свою работу.

— Тогда извиняйте,— разочарованно развел я руки, вытягивая из подрукавной кобуры пистолет.— Я желал сговориться по доброму, но, кажется, вам нагадить на наше общее дело. Извиняйте,— я показал глазами на высунувшееся из рукава дуло,— у меня нет другого выхода, мне нужны доказательства. А тебе,— обратился я к водителю,— одну руку завернуть за голову и засунуть под воротник, другую держать на баранке. И, очень попрошу, без патриотизма. Надеюсь, как профессионал, ты понимаешь, что пальба нам ни к чему.

Водитель громко хмыкнул.

— В общем, будем считать, мы уступили силе. Три дня обещаем потянуть. На четвертый, не обессудь, накачаем рапорт о вооруженном изъятии части аппаратуры. Если желаешь, сакцентируем внимание на твоём неадекватном психическом состоянии. Может, войдут в положение — скостят по болезни. Больше, извини, ничем помочь не можем.

Второй ревизор, не ожидая разрешения, вскрывал замки кофров.

— Что требуется?

— А вы, мужики, ничего! — благодарно сказал я.

Три последующих часа меня в самом убыстренном темпе учили обращению с передовой сыскной техникой.

— Так включать, так устанавливать. Очень аккуратно с этим и с этим блоками. Здесь подстройка, здесь запуск самоликвидатора, здесь... Ладно, этого тебе не понять. В том блоке информация сортируется: лишнее отбрасывается, суть сцеживается сюда. Здесь шифруется. Здесь уплотняется и сбрасывается вот в эту секрет-дискетку. Пароль ликвидатора секрет-дискетки выдумаешь сам. Все?

Я посмотрел на часы: 03.15. Сворачиваемся.

Еще 15 минут покрутив по городу, машина замерла у перекрестка. Нет, не того, другого.

— Счастливого пути! — искренне пожелал я, соскальзывая в десантный люк и через него в очередной колодец.

— Нам счастья хватит — ты лучше о себе побеспокойся,— ответили ревизоры, бросая мне на руки под завязку заполненный рюкзак и в последний момент показывая три пальца.

— Помни — три дня. Три!

Я быстро сдвинул крышку, услышав, как прокатились поверх колеса моего УАЗика. Сделано.

Раз, два, три и еще десять раз проверившись, я приблизился к объекту. В первую очередь меня интересовали окна. К сожалению, установленные ранее микрофоны выработали свой ресурс и самоликвидировались. Мне приходилось начинать все сначала. Задача усложнялась тем, что использовать специальную, предназначенную для отстрела микрофонов винтовку я не мог по причине ее громоздкости. Я располагал лишь небольшой, размером с авторучку, трубкой с приданным ей баллончиком, вроде тех, что используются в сифонах с газированной водой. Дальность стрельбы подобным приспособлением не превышала 15 метров.

Пройти на расстоянии пятнадцати метров от охранного объекта и не быть незамеченным невозможно. А ведь мне предстоит появляться здесь не однажды. Два раза подряд мелькнет перед скрытыми телекамерами или глазами охраны моя физиономия — и на подозрении, три — я раскрыт. Значит, должно быть не одно, а два, три, четыре или, сколько там надо, лиц. Лиц, которые никто не сможет узнать. Задача была бы не из самых сложных, если бы не отсутствие времени и средств.

В первом же магазине галантереи я приобрел требуемый набор инструментов и парфюмерно-косметических изделий. Кое-что прикупил в аптеке, кое-что — в отделе бытовой химии хозяйственного магазина. Заперевшись в кабинке малопосещаемого общественного туалета, я, прилепив пластырем к стене небольшое зеркальце, приступил к созданию образа. В одноразовом картонном стаканчике я смешивал пудры и замазки, губные помады, растворители и размокшую туалетную бумагу. Рецептуру я, по понятным соображениям, приводить здесь не буду. Трудясь, как вдохновенный скульптор, я изменял себе цвет лица и прикус, наращивал щеки и расплющивал нос, вытягивал брови и оттопыривал уши. В итоге из кабинки туалета вышел совершенно не тот человек, который туда зашел. Обновленный гардероб довершил картинку перевоплощения. В булочной я купил максимально длинный батон, разрезал вдоль, выкрошил середину, уложил в образовавшуюся пустоту газовую трубку, предварительно накрутив на затворный конец баллончик. Теперь довольно было нажать на спуск, чтобы прозвучал выстрел.

В толпе спешащих на работу людей я шел по изученной мною до последнего камешка улице. Едва ли охрана смогла бы выделить меня в потоке двигающихся мимо лиц. Такие же уши, нос, глаза. Разве только батон, зажатый в левой руке. Двадцать метров, семнадцать, четырнадцать. Напротив объекта я, чуть запнувшись, сдвинулся влево. Встречный прохожий, не успев среагировать, задел меня корпусом. Качнувшись, я взмахнул руками, стараясь сохранить равновесие. Прохожий извинился, и мы разошлись в разные стороны. Вот что заметили все. На самом деле, когда левая рука вскинулась вверх, я нажал курок. Газ, сжатый под огромным давлением в баллончике, вырвался в трубку, выстрелил из нее капсулу с микрофоном. Пролетев четырнадцать метров, капсула ударилась в окно, размазалась, расплылась по стеклу прозрачной дождевой каплей. Внутри нее темной мушкой завяз микрофон. Таким образом окно превратилось в гигантскую сверхчувствительную мембрану. Достаточно

было кому-нибудь в комнате произнести хотя бы слово, произвести шорох, как звуковые колебания достигали окна и, усиленные стеклом, приводили в действие микрофон. Питался жучок от тепла, поступающего с поверхности стекла.

Самым уязвимым звеном звукового шпионажа был предварительный усилитель. Из-за его малой мощности его могло хватить не далее чем до соседнего здания. Технарям было проще: их логово располагалось в доме напротив, который для меня был закрыт. Я не был настолько безумен, чтобы, пытаясь повторить маневр ревизоров, снимать квартиру в засвеченном доме. Поэтому, чтобы хоть что-то услышать, мне надлежало установить на нем промежуточный усилитель, и поставить мне его следовало в пределах прямой видимости от интересующего меня окна.

В пять я направился в магазин и купил переносной радиоприемник. По-быстрому выдернув из него несколько лишних, но так, чтобы он работал, деталей, я запаковал внутрь усилитель.

Вновь изменив облик, я объявился в одном из подъездов. Планировку квартир я изучил еще ранее, что облегчало решение задачи. Я позвонил в квартиру.

— Здравствуйте, тут вашему соседу посылка, а его дома нет. Передайте, пожалуйста. — И, всунув пакет в руки, стал спускаться с лестницы.

Нет, меня интересовала не эта квартира, где глухая стена съела сигнал, а соседняя, с окнами, выходящими на улицу. Но давать посылку адресату напрямую я не мог: откажется, а так, от соседей, примет. Убедившись, что пакет предназначен не ему, что имелась странная поздравительная открытка на имя какого-то Вовочки, он будет вынужден до выяснения оставить ее у себя. Не станет же он в самом деле выкидывать новый и к тому же чужой приемник в мусорный бак. Так и останется он стоять где-нибудь в уголке, незаметно для хозяина квартиры принимая, усиливая и транслируя дальше тихий голос прилепленного к чужому окну «клопа». Приемную аппаратуру я установил на чердаке другого, стоящего в трех кварталах дальше дома. Разве смогут противоборствующие мне сыскари обшарить снизу доверху целый городской район? Едва ли, просто сил не хватит. Вечером приемник заговорил — посылка дошла до адресата.

Но это был не единственный жучок, который мне пришлось установить. Другой я «выстрелил» в машину Резидента. Еще один надел на него самого! Утром следующего дня я, точнее, не я, а третий мой образ, ожидал Резидента у булочной. Резидент — это он для сведущих большой человек, а для окружающих самый что ни на есть обычный: за молоком ходит, за хлебом, в парикмахерскую. Нельзя ему отличиться от соседей — такая работа. В момент, когда уже знакомая фигура подходила к двери, я, спеша, протиснулся за ним следом и, чуть задев за руку, мгновенно нацепил «клопа» на рукав.

Мое дело сделано, теперь слово за техникой.

Уже к исходу первых суток, прослушивая очередную кассету, я услышал то, что желал. Из бесконечной шелухи сказанных слов я вытянул три ключевых фразы:

«Ревизоров проследить до места»...

«Поиск Контролера прекратить»...

«Благодаря человеку в Центре»...

Остальное не суть важно. Моя, безумная на первый взгляд, догадка подтвердилась: Резидент заранее знал о готовящейся ревизии. За-ра-не-е!! А это было возможно в одном-единственном случае. Его предупредил тот, кто знал о готовящейся операции, кто-то, находящийся в самом сердце Конторы, которая всего-то состояла из нескольких человек.

У Резидента был информатор!

Я не знал, что могло заставить человека Конторы подыгрывать далекому неизвестному Резиденту. Я не знал, что побудило Резидента, рискуя головой, вести двойную игру. Я даже не хотел об этом думать, чтобы не свихнуться раньше времени. Я хотел одного: как можно быстрее доставить информацию в Центр. Все сколько-нибудь важные сведения, полученные за последние сутки, я вогнал в секрет-дискетку, которую запер выдуманным тут же на месте шифром. Дискетку, размером чуть больше человеческого ногтя, я уложил в презентованный мне технарями металлический неразбиваемый и несгораемый контейнер. И был он, этот контейнер, выполнен, в голову не придет, в форме обыкновенного металлического рубля.

Всю прочую аппаратуру я, чтобы лишний раз не подводить технарей, собрал в кофр. Осталось лишь изъять усилитель. Суетиться не стоило — утром изыму приемник, днем сяду в поезд. Но утро все изменило.

На подходах к дому я почувствовал неладное. Нет, явной слезки не было — было ощущение угрозы, которому я привык доверять. Я прошел мимо и подошел к ближайшему телефонному автомату, разыгрывая ужасное волнение, позвонил по «02».

— Поножовщина! Да, пять человек! Одного зарезали! — И для верности добавил еще один звонок «от соседей»: — Ой, убивают! Ой, скорее! Ой, караул!

Милиция приехала через 20 минут. За это время можно было, будучи даже очень вялым хулиганом, успеть вырезать полдома. Патрульный УАЗик остановился на улице. Три милиционера, поправляя кобуру, зашли во двор. Я засек время. Минута на подход, две на подъезд, три на выяснение, пять на лень и утомление от службы. Итого одиннадцать.

Милиционеры вышли через двадцать пять, противно кривя физиономии. Мне все стало ясно.

Еще до этого я заметил, как вслед им во двор протиснулось пяток случайных прохожих. Все-таки они испугались, заподозрили, что под видом патруля приехали спецы изымать аппаратуру. Шутка ли, три вооруженных агента! Тут засуетишься! Вот они и засуетились. Вот они и погорели.

Тихо выйдя из наблюдательного убежища, я, смешавшись с ничего не заметившей толпой, отбыл — нет, не на вокзал: старый путь в связи с изменившимися обстоятельствами отпадал. Также отпадал большой аэропорт. Если облава началась, значит, основные транспортные точки уже пасут. Конечно, они меня не знают в лицо (иначе давно бы взяли), но рисковать не стоит.

Я воспользовался резервным вариантом эвакуации. Отпра-

вился на местный автовокзал, сел на небольшой автобус, уехал и отправился в соседнюю область, где купил на небольшом, местного значения аэровокзале билет на самолет до еще одной соседней области, расположенной севернее. А уж оттуда я полечу в Москву.

Пакет со старой одеждой, обувью, носками и даже бельем я выбросил в мусорный бак и, привыкая к новому обличью и освежая в голове новую легенду — ведь и фамилия, и паспорт у меня изменились, — отправился в аэропорт.

Теперь до завершения самостийно задуманной операции мне оставалось два перелета, пять остановок автобуса и звонок по контактному телефону. А там я погляжу, как засуетится Контора, если, конечно, увижу. Едва ли меня включат в состав трибунала. Да трибунала как такового не будет. Просто пара человек, сидя за казенным столом, почешут затылки, повздыхают, попьют кофейку да и пойдут домой отдыхать в кругу семьи после нудной службы. А где-то в далеком городе скоропостижной, очень естественной смертью умрут три или десять, или тридцать человек. И в самой Конторе, может случиться, у кого-то вдруг оторвется тромб от стенки сосуда и заткнет клапан усталого, изношенного за десять лет непорочной службы сердца профессионала. Сгорают на работе люди жарким пламенем.

И всем этим смертям будет цена — рубль. Один рубль, лежащий у меня в потайном месте. А осталось ему там лежать — сутки.

Но выехать сразу мне не удалось. Рейс отложили на час, потом еще на три, потом на десять.

Через пятнадцать часов заспанный дежурный объявил, что можно собираться. Замызганный АНчик подрулил к взлетной полосе.

— Они чего, левак летали, что так припозднились? — раздраженно возмущались пассажиры.

— Ага, левак — баб на полярную станцию возили.

Все расселись, захлопнули дверь. Взлетели. АН болтало нещадно, и перепивших во время долгого ожидания пассажиров пробрало.

— Вы только салон не пачкайте, — попросил сунувшийся из кабины пилот.

— А вы езжайте потише, — огрызнулись страждущие. — Что вы мотааетесь из стороны в сторону? У вас дорога, поди, прямая и без колдобин.

Через сорок минут АН сел. Снова взлетел. Снова сел.

— Ребята, с поросем можно? — поинтересовалась какая-то старушка.

— А жарким угостишь?

— Мужики, без билета возьмете?

— Так мест нет.

— Ну, очень надо. Жена рожает.

— Ладно, садись.

Ну, чисто деревенский автобус. Провинция, одним словом. Снова посадка.

— Сейчас деньги грузить будут, — сказал кто-то из пассажи-

ров. — Они здесь всегда зарплату для газетчиков загружают. Так что двигайтесь.

— Они что, с ума съехали? Мы и так с перегрузом прилетели.

В салон заглянул милиционер.

— Граждане, освободите хвостовой отсек для спецгруза. Побыстрой.

Снаружи бросили брезентовые мешки, влезли несколько мужиков в гражданском.

— Ну, я пошел, — то ли спросил, то ли поставил в известность милиционер.

— Давай, — кивнули пассажиры.

— Мешки там бросьте, — указал второй пилот. — Сколько килограммов?

— Мы считали, а не взвешивали.

— Чего раньше-то не привезли? — возмутился кто-то из пассажиров. — На четыре дня зарплату задержали. Товар завезли, а денег — шиш!

Инкассаторы сгрудили мешки, сели с краю. Самолет пошел на взлет. Такая сумма и так банально перевозится. Интересно, сколько там, если пересчитать объемы на сумму? Перебравших пассажиров опять затошнило.

— Попросите водителя остановиться, я вылезу, — вяло пошутил один из них. Инкассаторы вытащили бутерброды и начали лениво жевать.

— Ой, мужики, у меня живот схватило, — вдруг сообщил сидевший до этого тихо парень. — Ой, терпелу нет. Ой, мамочки! Ой!

— Но, но, только не здесь, дуй в хвост, — возмутились мучимые тошнотой соседи. Пассажир, мотая головой, держась за живот, встал и пошелся в хвост. Его мало заботило, что он нарушает центровку самолета, ему надо было освободиться.

— Эй, паря, сядь на место! — закричали люди. — Не в автобусе!

Но мужчина, ни на кого не обращая внимания, икая и хныкая, шел назад. Инкассаторы перестали жевать.

— Ну-ка, шагай на место! — приказали они.

— Да на хрена ему ваши деньги, ему скорее ваши мешки нужны!

Пассажиры захихикали.

— Пусть идет, раз приспичило, не помирать же.

Бедный пацан, сгибаясь в три погибели, постанывая и хлопая носом, стал расстегивать штаны. Пассажиры, кто брезгливо, кто стыдливо, отвернулись.

— Тьфу, гадость!

И поэтому они не увидели главного. Согнувшийся, стонущий, опускающий штаны парень вдруг мгновенно распрявился и быстрыми, точными движениями выхваченной из-под одежды монтировки ударил одного инкассатора сверху по голове, другого острием в шею. Инкассаторы упали, даже не успев сменить выражение лиц. Я автоматически подобрался и тут же расслабился. Я не имел права раскрывать свои навыки, ввязываясь в постороннюю драку. Я был обычным гражданином.

— Ты чего, парень? Ты чего? — вначале недоуменно, потом с нарастающей угрозой спросил рабочий-грузчик, так и не полу-

чивший зарплаты.— Ты чего?! — И, поднявшись, шагнул в хвост.— Ну-ка, брось железку!

Еще несколько мужчин встали с кресел. Казалось, парень совершенно не испугался. Скинув недвижимых инкассаторов на пол, он лез к их карманам, не обращая никакого внимания на приближающуюся угрозу. Он зря надеялся на оружие. Все равно не успевал вытащить, взвести пистолеты, даже если бы сразу нащупал их. Справедливый гнев настиг бы его гораздо раньше. Развязка должна была наступить через секунду.

— А теперь все сядут, — раздался из кабины уверенный голос.

Мужики обернулись. Им в глаза смотрели два вороненых ствола.

Перепившиеся, страдавшие от тошноты аэровокзальские алкаши смотрели вперед абсолютно трезвыми глазами, вода от человека к человеку дулами пистолетов.

— Этот готов, — сообщил из хвоста парень.

— А...а...а! — истошно закричала женщина. Ее не прерывали: крик был на руку преступникам. Из кабины, привлеченный шумом, высунулся пилот.

— Что тут?

В подбородок ему уперся холодный ствол пистолета, другая рука сорвала наушники и микрофон.

— Быстро в кабину!

— Послушайте, мужики, это бесполезное дело, — начал выдвигаться вперед пришедший в себя лидер спасателей. Но довершить фразу не успел, получив удар пистолетом в лицо.

— Всем сесть по местам!

Люди повиновались.

Вот это влип! Наверное, даже наверняка, я мог бы справиться с этими подготовленными, но все-таки недостаточно опытными для меня бандитами. Но тогда я неизбежно выкажу свое инкогнито. Внизу нас встретит усиленный наряд милиции. Начнутся допросы, информация о каком-то спеце, голыми руками обезвредившем трех вооруженных бандитов, мгновенно разнесется по округе, и я, еще не успев получить орден за проявленное мужество, получу пулю в слишком много узнавшую голову. Все распнут это как месть со стороны сообщников, оставшихся на свободе.

Я бы еще мог рискнуть, если бы это был, например, автобус. Обезвредить преступников и тихо сойти на остановке, растворившись в ближайшем лесном массиве. Правда, за этим стоит по крайней мере тысячекilометровый марш-бросок. Ну, да это осил бы, в крайнем случае позаимствовал у пассажиров дополнительную одежду и обувь.

Но самолет? А ну как и у них среди пассажиров есть еще сообщники? Наверняка есть, если не дураки. Начнется стрельба, которая в воздухе может завершиться чем угодно. Самолет не человек — от выстрелов уворачиваться не умеет. В результате и я, и дискетка, и пассажиры можем оказаться в одной общей, разбросанной на площади в несколько десятков гектаров могиле.

Нет, сидеть, не дергаться. Читть Устав, который разрешает действия только в случае непосредственной угрозы для жизни и лишь если это не вредит делу. Непосредственная угроза для меня

есть? Пока нет. Значит, сидеть и изображать растерянного и испуганного обывателя, первый раз в жизни увидевшего настоящий пистолет и настоящего преступника.

Из кабины, судя по повадкам, главарь вытолкнул пилота, посадил его на пол и заставил держать руки за головой.

— Значит, так. Самолет меняет курс. Если будете вести себя тихо, отпустим на четыре стороны. Нет — пеняйте на себя. Вставать, говорить запрещается. Смотреть в пол. Женщинам держать руки на коленях. Мужчинам — вытянув перед собой.

Люди повиновались. Молодой бандит прошел по рядам, связывая одной неразрывной бечевой выставленные руки мужчин.

Мудрые ребята — связали не каждого по отдельности, а всех вместе, лишая тем самым некоторых рискованных героев маневра. Как в песне «Связаны одной цепью...».

Ах, как не повезло! Уйти от суперпрофессионалов, чтобы напороться на воинствующих дилетантов. Теперь посадят самолет где-нибудь в чистом поле у черта на рогах, вытащат мешки и, если, не дай Бог, не постреляют всех как лишних свидетелей, бросят на произвол судьбы. Другим ладно, им сиди и жди помощи, а мне эта помощь, что острая кость в горле! Начнутся неизбежные выяснения личности, осмотр документов, запросы по месту жительства. А меня в том месте нет. Мои документы — липа. Протянется эта вольнка, пока не вмешается либо Контора, либо люди Резидента.

А кто первый успеет — поди угадай. Нет, такие перспективы меня не радуют. Надо литься при первой возможности. А будет такая не раньше, чем самолет коснется земли. Поэтому ждать. Ждать и по возможности отдыхать. Силы мне еще пригодятся.

Пройдя второй раз, у пассажиров вытряхнули багаж и вывернули карманы. Жадные ребята. Миллионы взяли, а мелочью не гнушаются. Ладно хоть мой рубль, надежно припрятанный, им не достался, и еще хорошо, что я вовремя освободился от опасного груза, оставив спасенную аппаратуру в импровизированном тайнике.

Самолет сделал еще один глубокий вираж и лег на курс.

«Северо — северо-восток», — определил я направление. «Глубоко забираются — достанется мне оттуда пешком топать!»

Еще минут сорок АН находился в воздухе. Судя по болтанке, он шел над самой землей. Чего они хотят? Уйти от гражданских и военных радаров? Или тянут, грешным делом, к границе? Тогда совсем плохо.

Бандиты заметно нервничали: часто переглядывались, рассматривали в иллюминаторы, ходили в кабину. Пошли на снижение. Сели, причем с такой тряской, что стало сразу ясно — на колхозное поле в лучшем случае. Самолет замер, но дверь не открыли и еще почти час держали всех внутри. Наконец старший объявил:

— Обстоятельства изменились. Милиция захватила наших... — на секунду он запнулся, не зная, какое подобрать слово, — коллег. Вы все будете заложниками. Если их не отпустят в три дня, мы вас порешим. Всех! Кончим до последнего! Всех!

Ну вот, а начал так интеллигентно. Нехорошо! Истерики, они самые опасные противники, с ними не расслабишься. Не по пра-

вилам они играют. По желаниям. Всех вывели наружу. Женщин отдельно, мужчин, не развязывая им руки, отдельно.

Посадочная полоса оказалась даже не полем, а поляной, обжатой со всех сторон лесом. К уже знакомым добавились еще несколько преступников. Да это целое бандформирование. Правда, и куш не маленький — на всех хватит.

Подробнее оглядеться не дали — криками и пинками загнали всех в крытую брезентов машину.

— Что-то будет? — причитали в темноте женщины. — Вдруг убьют всех?

— Эй, без галдежа! А то спущусь — галдеть нечем будет! — орал с крыши охранник.

Мужчины напряженно молчали.

Ехали долго, до темноты.

Хорошо они все продумали: захватить в воздухе, где уж точно никто посторонний не вмешается, самолет, посадить в известной им точке, перегрузиться на машины, затеряться в кутерьме лесных дорог, выскочить где-нибудь в совсем неожиданном месте и раствориться среди жителей. А может быть, залечь месяца на два, пока идет активный поиск, в какой-нибудь дальней заимке...

Жаль, милиция, проявив несвойственную ей оперативность, вмешалась. Так бы, глядишь, уже свободны были.

Остановка. Опять крики. Тычки. Угрозы. Нервничают бандиты. Психуют, что все вкривь пошло, что их почти идеальный план прямиком отправился коту под хвост. Построили: женщины — отдельно, мужчины — отдельно. Повели по тропе, которая закончилась у реки узкими сходнями, переброшенными на замызганное, покачивающееся на воде судно.

Загнали в трюм. Захлопнули, задраили люк. Тишина, непереносимо спертый воздух, насыщенный сотнями оттенков перевозимого здесь ранее груза. Абсолютная темнота и неизвестность. Одна радость — руки развязали.

— А куда в туалет ходить? — глупо спросила одна из женщин.

Заработал двигатель, задрожал от встречной волны корпус, закачало с борта на борт. Плыдем. Куда вот только?

— Ну-ка, мужики, давайте в кучку! — раздался чей-то голос.

Вспыхнула спичка, осветив лицо с запекшейся на щеке кровью. Это был все тот же, получивший по голове пистолетом газовик-рабочий. Экий неугомонный! Мужчины потянулись на свет, женщины остались на месте. Произошла естественная для времен войны и катастроф перетасовка людей. Слабый пол — в ближний тыл, сильный — на передовые позиции. Так было, и так должно быть всегда.

— Мы так и будем покорно по морде сносить? — произнес для затравки кто-то.

— Перестреляют!

— Всех не перестреляют!

— А если всех?

— Значит, будем телками на бойне стоять?

— Ладно, хватит горячку пороть, давайте перекурим.

Пошла по кругу, высвечивая угрюмые серые лица горячей точкой сигарета.

— Предлагаю наверх не выходить, а когда они спустятся, навалиться всем скопом, отобрать пару стволов и дать бой.

— А они бой давать не будут: бросят пару горящих телогреек и задраят люк. Через десяток минут мы спеклись! И оружие не пригодится, разве только к виску приставить!

— Значит, надо прорываться наружу!

— По одному, по узкому трапу? Здесь даже пистолета не надо — стой и лупцуй по объявившимся наружу пальцам и головам. Безнадега.

— Что ж, молча сидеть, смерти ждать?

— А может быть, действительно выкупят?

Замолчали. Ничего здравого на ум не приходило.

— А корпус проковырять можно?

— Ну-да, как в «Монте-Кристо». Пилкой для ногтей.

Я слушал их любительские, словно вычитанные в приключенческих книгах, прожекты, понимая, что, если дойдет до дела, все они покойники. Не имея специальной подготовки, не имея опыта, переть с энтузиазмом наперевес на стволы? Безумие!

— Может, соберем что у кого есть? — прозвучало первое здравое предложение.

Все загремели карманной мелочевкой. Их обыскивали, но забыли далеко не все — лишь то, что показалось бандитам ценным. Снова вспыхнула спичка.

Маленький карманный нож, две зажигалки, связка ключей, денежная мелочь, ручки, блокноты, булавки...

— Короче, ничего у нас нет. Пусто!

Тут они не правы: много чего есть. Для такой ситуации чрезвычайно много! Любой из перечисленных предметов я мог бы легко превратить в смертельно опасное оружие, начиная от металлических дротиков, кончая небольшой, но очень эффективной в ближнем бою бензиновой гранатой, изготовленной из двух зажигалок и спичечных головок. А еще есть ремни, подтяжки, подковки и гвозди в каблуках обуви. А еще есть руки и ноги. А еще — голова! Вот этот последний пункт перечня, пожалуй, и будет самым разрушительным, самым смертоносным оружием, которым обладает всякий живущий на свете человек. И дело даже не в телесных повреждениях, которые можно нанести с помощью собственной башки противнику. Да существует по меньшей мере дюжина головных ударов, обрекающих нападающего на верную смерть. Не считая зубов, самой природой предназначенных для защиты. Но это самое прямолинейное и непродуктивное использование, с точки зрения боя, торчащих на наших плечах голов. Голова дана человеку не для драки, а для того, чтобы думать. Именно эта ее основная функция смертельно опасна для любого противника. Мои товарищи по несчастью об этом забыли. Они искали готовое оружие вместо того, чтобы с помощью фантазии изготовить его из подручного материала. В их руках был целый арсенал пригодных для боя предметов, а они отбрасывали их как ненужный хлам. Будь моя воля, я за три-четыре часа, используя тот же набор, вооружил бы их не хуже солдат срочной службы. Но это бы значило раскрыть себя и провалить всю операцию.

— Ну, хоть бы кто-нибудь догадался из дома нож поприличнее

прихватить, — сокрушался работяга, взявший на себя функции организатора обороны.

Ага, а еще лучше УЗИ, безоткатное орудие, или ПТУРС, кипел я про себя. Снять с вешалки, прихватить, рассовать по карманам, выходя из прихожей! Что ж вы такие слепые?! Да разлепите же глазки, пошевелите извилинами! Что, трудно в трех соединенных друг с другом под углом в 120 градусов и заточенных по краям английских ключах узнать метательную звездочку? Вы что, никогда в жизни боевиков не смотрели? Ну же! Но снова отброшены ключи, булавки и зажигалки.

— Может, что у женщин есть? — попытался подсказать я.

— Да что может быть у баб? Хлам всякий!

Что ж вы делаете, бойцы?! Да женщины — это же склад оружия! Это же боезапас для целого стрелкового батальона. Одних заколок, булавок, застежек — десятки. Прислушайтесь — заколок. Вам что, слова уже ничего не могут подсказать? А ведь есть еще косметички с целым набором смертельно опасных пилочек, ножничек, щипчиков. Безумцы, обрекающие себя на смерть!

— Ладно, раз ничего нет, задавим руками. Как клопов, — подвел итог новоявленный командир.

Эффектное предложение, но бесполезное, как пустая гильза отстрелянного патрона. Руками давить — это уметь надо. Плохой командир — желает взять нахрапом. Не думает, не учитывает ни топографии местности, ни степени боеспособности своих войск. Вместо того, чтобы... Внезапно я поймал себя на мысли, что обдумываю варианты спасения.

Общими усилиями обследовать помещение, исползать его на коленях, ощупать до сантиметра пол и стены, найти любые посторонние, могущие служить оружием предметы. Продумать возможность сооружения тайников-засад. Даже правильно сгруппированная толпа людей может исполнить такую роль, укрыв, спрятав до поры за собой ударную группу боевиков. Проверить возможность проникновения в соседнее помещение.

Затем люди. Это главный материал победы. Научить их ориентироваться в замкнутом пространстве трюма, действовать в темноте. Рассортировать по степени трудоспособности. Тогда одни, наиболее бесполезные, станут «пушечным мясом», смертниками, призванными отвлекать противника на себя, другие изобразят буфер для тех немногих, которые и будут решать исход боя. Им — лучшее вооружение. Им — лучшие куски.

Найдется дело и женщинам. И в их телах застревают пули, предназначенные бойцам. Что, грубо? Но иначе нельзя. Каждый должен принести своей жизнью и даже своим уже мертвым телом какую-то заранее определенную командиром пользу. Только так можно достичь результата. Тогда погибнут многие, но останется жить хоть кто-то. В противном случае сгинут все.

И еще женщины незаменимы как фактор психологической атаки. По сигналу поднятый ими визг может на секунду или на две оглушить, повергнуть в замешательство нападающую сторону. Две секунды! Это срок, который способен превратить поражение в победу! Итак, «пушечное мясо», буфер, отвлечение, бойцы. Есть у них шанс победить в знакомом им и незнакомом

противнику пространстве трюма? Пожалуй, да, если действовать слаженно и по заранее выстроенному плану! Значит, трюм наш, плюс пара трофейных стволов!

Но если после победы в течение трех—пяти секунд не захватить люк, то все будет напрасно! Его просто задроят, и победа обернется гибелью. Для того, чтобы уложиться в такие жесткие временные нормативы, надо тренироваться, надо уметь взлетать по трапу из любого положения, не мешая и не затаптывая друг друга. Надо уметь строить пирамиды из собственных тел, по которым бойцы могут быстро, как по лестницам, добраться до верха.

Будут они тренироваться? Нет. Они будут спорить, строить фантастические планы спасения вместо того, чтобы набивать мозоли на руках и ногах. Потому что они не профессионалы, они хотят жить, но не хотят спасаться! С любителями проще воевать в чистом поле, используя их количественное преимущество. Даже из автомата невозможно мгновенно уложить всех нападающих. Даже суперпрофессионал не сможет отбиться от десятков одновременно тянущихся к нему рук. Кто-нибудь да достанет.

Значит, важно выбраться на палубу. Силой это, конечно, не удастся. А хитростью? Наверное, можно, учитывая, что противостоят им точно такие же, только вооруженные огнестрельным оружием, любители. Подумаем.

Вариант первый. Индивидуальный.

Закрепиться с помощью веревочных вязок возле люка, с противоположной от трапа стороны. Поднять шум, например, изобразить драку в дальнем конце трюма. Заглянувшего, наклонившегося над люком охранника убить быстрым ударом пальцев в лицо, выброситься ногами вперед во входное отверстие, выбить оружие у его напарников, если они есть. Путь свободен.

Но вот долгий и шумный выход всех заложников?..

Вариант второй, более надежный, так как позволяет собрать охранников вместе и сразу всех уничтожить. Изобразить эпидемию: валяться трупами на дне трюма, пока они не всполошатся. В конце концов им нужны заложники, а не мертвецы. Собрать их всех в трюм и напасть. Нет, лучше позволить вынести почти бездыханные тела на воздух и там разом наброситься. Внезапный переход от пассивности к действию может обещать успех. Конечно, бандиты проверят, не дурят ли их пленники. Покричат, попинают ногами замершие тела (до проверки пульса в таких случаях обычно не опускаются). Это самый узкий момент. За подобных мне профессионалов я спокоен: не среагируют. Тренировались так, что хоть каблуками зубы кроши, хоть штыками тыкай, хоть в живот стреляй — стерпят, не могут они вздрогнуть или закричать, зная, что от их реакции зависит жизнь товарищей, а главное — успех операции. Если спецу надо прикидываться трупом, он будет трупом натуральнее настоящего. Тащи на анатомический стол, на куски режь — не пикнет. И лишь когда прозвучит команда, он оживет, встанет и выполнит поставленную задачу. Или, если так сложатся обстоятельства, умрет, ни жестом, ни стоном не выдав себя. Вряд ли способна на это публика, которая страдает даже от того, что ей некуда сходить в туалет. Не смолчат они, когда их ребра будет крушить чужой

ботинок. Для этого надо уметь задавливать болевой страх.

Тогда возможен третий вариант...

В конечном итоге я отработал с десяток вполне реалистичных планов спасения. А чем еще заниматься в замкнутом пространстве запертого трюма, как не думать? Любой из моих планов обещал 65—90 процентов успеха при возможной гибели 10—40 процентов пленников. Не самые плохие показатели. Наверное, ими были бы довольны самые въедливые преподаватели Учебки. Наверное?

Нет! — честно признался я сам себе. Такие результаты не принял бы самый последний конторский инструктор. Да, я победил тактически — я завоевал свободу. Но я проиграл стратегически — развалил легенду, нарушил основополагающее правило Конторы, пытался сохранить жизнь в ущерб данному мне заданию, в ущерб конспирации! Моя жизнь, равно как жизнь всех пленников, не может служить оправданием провала! Провал — абсолютный показатель. Провал — это всегда раскрытие маленького кусочка большой Тайны.

Если сохранение жизни не вредит делу — можешь позволить себе жить, если вредит — будь добр умирай, хоть один, хоть за компанию с тремя десятками сослуживцев: число здесь роли не играет. Когда для сохранения Тайны существования Конторы надо будет уничтожить всю Контору, это будет сделано безотлагательно, и последний, отдавший приказ о ликвидации, начальник, убедившись в четком исполнении указания о повальной гибели подчиненных, не дрогнувшей рукой сделает себе харакири.

Такая дисциплинированность поддерживается не сознательностью (сознание не может поставить чужое задание выше собственной жизни) — безнадежностью. Каждый работник Конторы знает: если ты поколебался, завалил операцию из-за естественного желания сохранить жизнь, у тебя ее все равно отнимут. Во имя сохранения Тайны. Ради прецедента неотвратимости наказания. Чтобы другим было неповадно. Чтобы не возникал соблазн ставить свою жизнь выше общей цели. Жизнь не может быть значимей Тайны! Именно поэтому Контора практически не знает провалов. Страх неотвратимости наказания удерживает людей от предательства. Бессмысленно убежать от случайной смерти, чтобы попасть в лапы запрограммированной.

Я выиграл в единоборстве с бандитами и тем проиграл — вчистую. Я допустил самый крамольный из всех возможных для спеца пропуск — возжелал жить любой ценой. Я думал о жизни, а не о сохранении Тайны. Если Контора об этом узнает, я буду строго наказан, даже за мысленный допуск такого.

Я расслабился. Я унесся в фантазиях непозволительно далеко. Стоп. Теперь без ошибок. Забыть о жизни, забыть о придуманных планах спасения! Теперь только в рамках разыгрываемой роли. Я туп, неразвит, до безумия опасаясь за свою жизнь и в то же время совершенно не умею ее защищать. Я обреченный на умирание обыватель. При приближении смерти, как бы мне это не было противно, я буду плакать, молить о пощаде, лизать сапоги палачей, а если они надумают меня избить, напрягу всю волю, чтобы

не ответить инстинктивно на удар встречной смертельной атакой. Я позволю себя колотить, как только они пожелают: выбивать зубы, ломать ребра, отбивать внутренности. Я позволю с живого сдирать с себя кожу и в конечном итоге убить, но даже в последнее мгновение жизни не разрешу себе отступить от утвержденного мною образа. Только в одном случае я могу позволить себе выказывать свои навыки — если впоследствии о них некому будет рассказывать!

Теперь только так! Шаг вправо, шаг влево — считать предательством!

Весь следующий день мужики продолжали, но уже более вяло строить планы спасения. Они перешли на пустопорожнюю болтовню, не оставив сил на дело. Они проиграли, не начав борьбу. Вместе с ними фантазировал на заданную тему и я, понимая лучше, чем кто-либо, какую несусветную чушь несу. К вечеру люк распахнулся.

— Эй, в трюме, живы еще? — раздался радостный голос сверху. — Хотите о себе радио послушать?

Просунули внутрь приемник:

«...захваченных в качестве заложников. Милиция ведет расследование. Всех, кто может сообщить о местонахождении похищенных людей или дать любую другую информацию относительно данного дела, просим звонить по телефону 02...»

— Ну что, слышали? Вы теперь знаменитые!

Радости от свалившейся вдруг на их головы славы никто не ощутил.

— Лучше бы жрать дали, — раздался голос.

— А жрать заложникам не положено!

— Эй, ты, шестерка, — прервал пустую болтовню командир, — передай своим начальникам, чтобы они дали еды, воды и отвели женщин на opravку. Иначе...

А что иначе? Что, кроме угроз, могли обещать наглухо запертые в трюме люди?

— А пулю в лоб не желаешь? — психанул на «шестерку» охранник. — Ну-ка, подойди к свету!

— Я сказал — воды! — не испугался командир. Он не был профессионалом, но в трусости его обвинить нельзя.

— На дне трюма лужи есть. Вам хватит!

Люк захлопнулся.

Но через несколько часов в пожарном ведре в трюм спустили что-то, напоминающее похлебку. Значит, как-то на бандитов воздействовать можно! Значит, все-таки заложники им зачем-то нужны! Будем иметь это в виду. Следующий день принес сюрприз.

— Три человека ко мне! — скомандовал бандит, стоя над срезом люка.

— Пока вы не удовлетворите наши требования, наверх никто не поднимется! — категорически заявил командир.

— Что? Даю три минуты!

— Может, зря? Может, лучше их не злить? — заробел кто-то.

По трюму загрохотали чужие подошвы. «Пять человек, три пистолета, автомат, обрез, еще пистолет в подмышечной кобуре,

нож...» — автоматически подсчитал я. Мужики выдвинулись вперед. Бандиты действовали на удивление бездарно: спустившись, струдились толпой, оружие уперли в одно место вместо того, чтобы равномерно рассредоточить по людям. Автоматчика, способного держать под угрозой весь трюм, выпустили вперед, в наименее выгодную позицию, где до него можно было дотянуться одним прыжком. Они даже не оставили охранника-наблюдателя у люка! Они абсолютно уверовали в свое всеисилие и не думали о безопасности.

Я, чудак, разрабатывал хитроумные планы, мозги напрягал, а здесь, кажется, довольно одних кулаков! Резко шагнуть, задрать вверх ствол автомата, ударить его владельца ногой в пах, пальцами другой руки достать глаза левого соседа (он, судя по повадкам, наиболее опасен, с него и начинать), согнувшегося от боли автоматчика толкнуть на сзади стоящего бандита, прикладом и ногой одновременно выключить двух оставшихся преступников. Не тратя времени на добивание, вскарабкаться с автоматом на палубу, занять оборону. Полминуты на все про все. Даже стрелять не требуется! Но события развивались иначе, не в профессиональном русле. Когда любители противостоят любителям, неизбежна банальная драка.

- Мы требуем, — сурово говорил командир.
- Три человека, — угрожающе сипел главарь бандитов.
- Мы отказываемся подчиниться...
- Последний раз...

Бандиты, толкаясь рукоятками пистолетов, полезли в толпу. Ну, не безумцы ли? Для чего предназначено огнестрельное оружие, как не удерживать противника на расстоянии? А они врукопашную прут, уравнивая тем возможности пистолета с банальным столовым ножом. Похоже, их обучали тактике ведения боя в ближних, за танцплощадкой городского сада, кустах. Отсюда и тяга к бестолковой, «стенка на стенку», потасовке. Подводит их хулиганское детство...

Истошно закричали женщины.

Ближние к бандитам мужчины, пытаясь оказать сопротивление, неумело замахали кулаками и тут же упали на колени, зажимая разбитые в кровь лица. Среди них был и я. Скучная мне досталась роль — жертвы и не умеющего за себя постоять пацаниста.

Что-то реальное успел сделать только командир. Вырвавшись вперед, он, увернувшись от тычка обреза в живот, хорошим прямым ударом в челюсть сшиб с ног самого крупного бандита. Рассвирепевший главарь ударил его пистолетом по затылку. Черту под дракой подвел выбравшийся из свалки автоматчик: длинная очередь, громоподобно прозвучавшая в замкнутом пространстве металлического трюма, оглушила и нападавших, и защищающихся. Заложники испуганно отхлынули к одной из стен.

— Падлы! Гниды вонючие! — ругался главарь бандитов, утирая кровь с разбитой губы. — Перестреляю гадов! — Рядом с ним недвижимо лежал командир. — Ты и ты, поднимите его наверх, —

приказал бандит, угрожающе поводя стволом пистолета. — Ну! — щелкнул курком.

Заложники, один из пилотов и выживший инкассатор, повиновались. Когда дело было сделано, вниз никто не спустился. Хлопнул люк. Узников стало меньше на три человека.

Вечером нам снова дали послушать радио. Переданное сообщение повергло всех в ужас:

«...тела убитых заложников были обнаружены около городской свалки после анонимного звонка в городской отдел милиции. Преступники продолжают настаивать на своих требованиях, угрожая новыми убийствами. Еще раз обращаемся к помощи населения...»

Дикторша бесстрастным голосом передавала текст, от которого у всех сидящих в трюме волосы на голове поднимались по стойке «смирно».

То есть даже так! То есть трупов они не боятся! Игра идет на полном серьезе, и наши вчерашние собратья по несчастью взяты не для уборки гальюна или допроса, как мы предполагали ранее, а лишь в качестве дополнительного аргумента в затянувшемся между властями и преступниками противостоянии? Их отвели подальше и хладнокровно пристрелили лишь для того, чтобы подтвердить серьезность декларированных ранее угроз.

Мол, сказали убьем — получайте три трупа!

Однажды произнесенное слово «заложник» обрело совершенно реальное для узников значение. Их взяли в залог под чужие жизни и могут затребовать в любой следующий момент. Всякая фраза в словесной перепалке, вроде «мы подтверждаем серьезность своих требований» или «мы вынуждены поторопить события», может обернуться очередными выстрелами из пистолета в затылок. В мой в том числе!

— Послушали? — поинтересовался главарь бандитов. — Все поняли? Тогда черкните записки своим родственникам. Мы перешлем в случае чего. А еще письмецо в милицию, чтобы пошевелились. Пожалобней пишите, а то они там твердолобые, нормального языка не понимают. Складно напишете — еды дадим. Как закончите — шумните.

Теперь стало понятно, почему они так заботились о нашей информированности. Им недоставало весомого психологического фактора — коллективной мольбы о помощи.

И пленники писали, молили пойти на все требуемые бандитами уступки. Они проиграли, потому что хотели сохранить жизнь любой ценой, пусть даже ценой унижения. Их разделили и теперь властвовали над их душами и телами. Они были готовы на все, лишь бы сохранить свой жизни.

К исходу следующего дня из массы пленников бандиты выдернули еще одного обреченного человека. На этот раз обошлось без драки — силы сопротивления заложников были сломлены изъятием из их среды наиболее боеспособных и задиристых мужчин. Заложники не пытались сопротивляться. Они безропотно подчинялись, надеясь лишь на одно — что до них очередь дойдет не сегодня. И даже выбранный в качестве очередной жертвы мужчина не протестовал — шел, потупив глаза, на заклятие, как

бессильный, ничего не желающий понимать агнец. Но униженная смиренность его не защитила: через несколько минут раздался одиночный выстрел.

Дело принимало все более скверный оборот. Так, по одному, они могли перестрелять всех заложников. Я имел все шансы сохранить Тайну, запечатав ее, словно джинна в кувшин, в оболочку собственного тела, а уж труд бросить этот дорогой для меня сосуд на дно самого глубокого моря возьмут на себя бандиты. Что ж, будем безропотно ждать своей участи, заботясь только и исключительно об интересах Конторы.

Но неожиданно события изменили свое плавно-трагическое течение. Непонятно, какими соображениями руководствуясь, бандиты отделили мужчин от женщин, расселив их по отдельным каютам. Что их заставило это сделать? Боязнь нового бунта? Опасение, что эмоциональность женщин рано или поздно облечется в слова, раздражит сильный пол, устыдит их самолюбие? Но зачем тогда разделять мужчин, разводить их по камерам-одиночкам? Чтобы они не сговорились, не передали друг другу информацию?

Бандиты явно не владели ситуацией. Я, наблюдая происходящее изнутри, прекрасно понимал, что новый бунт невозможен, что за призрачную возможность оказаться в живых в дальнейшем каждый готов пожертвовать жизнью соседа. Об общем сопротивлении не могло быть и речи. Каждый нашел десятки аргументов в пользу пассивного ожидания, убедил себя в их абсолютности: бандиты вооружены и готовы стрелять в любой момент, пленники, наоборот, ослаблены долгим полуголодным заключением. Идти в бой — значит провоцировать их на резню. А так остается шанс дожидаться помощи извне. Наконец, самостоятельная борьба может нарушить планы милиции, помешать их действиям, направленным на освобождение заложников... Слова, аргументы, умозаключения, за которыми стоит исключительно страх. Страх умереть на день, на час раньше уготованного судьбой срока. На сегодняшний день пленники охраняли себя лучше самих бандитов. Любой зародыш сопротивления давился раньше, чем обретал форму действия. «Не смейте об этом даже думать! Вы развяжете им руки! Они станут стрелять! Если вам не дорога своя жизнь — пожалейте чужие...» Неужели преступники слепы? Неужели до сих пор не поняли, с кем имеют дело, не считали с лиц рабскую покорность? Или они преследуют какие-то свои хитрые цели?

Как бы там ни было, изменение режима содержания под стражей предоставило мне шанс на спасение. Вернее, даже не шанс, а призрачную надежду на него. Я остался один, без круглосуточного пригляда пусть сочувствующих, но все равно чужих глаз. Один на один с врагом, который в случае неудачи уже не сможет рассказать об удивительных способностях, вдруг выказанных пленником. Фактически я получил право на попытку индивидуального спасения! И я не хотел ее упускать.

Освободиться от наручников, которыми меня приковали к койке, было не так уж и сложно. Открыть дверь каюты — тем более. Обезвредить, не поднимая лишнего шума, одного-двух встреченных в коридоре охранников — по силам. Гораздо сложнее было выжить без снаряжения, без нормальной одежды, обуви,

спичек в окружающей тайге. Топать сотни километров в легких полуботинках и рубаше с коротким рукавом, потому что пиджак у меня предусмотрительные бандиты забрали еще несколько дней назад. Не могу же я выйти в ближайший населенный пункт, где неизбежно привлеку к себе внимание! Я имею право вынырнуть не ближе, чем в соседней области. Волки меня в таком виде, наверное, не сожрут — испугаются, но комары, но гнус — точно! Самое печальное, что у меня нет даже примерного представления, где я нахожусь, в какую сторону идти, чтобы не забраться в безнадежный тупик. Риск много выше среднего. И все же лучше он, чем ожидание стука и приглашения на палубу. Человек должен иметь право на выбор. Я предпочитаю мучительную и долгую смерть в дебрях тайги легкой и мгновенной, но навязанной мне чужой волей. Я хочу умереть так, как хочу умереть я! Я начал действовать. Обшарив по миллиметрам все оставленное мне наручниками свободное пространство каюты, я нашел случайно завалившуюся под матрас скрепку. То, что надо! Припомнив занятия по «взломке», я, словно увидев на классной доске чертеж замка наручников, стал с помощью пальцев и зубов фигурно изгибать скрепку в разные стороны. Первая попытка не удалась, и мне пришлось трудиться еще три часа, чтобы познать секрет замка. Секрет оказался до смешного простым: механизм запора износился до такой степени, что нормальная отмычка к нему не подходила. Она была слишком «правильная».

Я разболтал изогнутые на скрепке углы и выступы и этой, теперь уже ненормальной, отмычкой вскрыл замок. Снова закрыл и снова открыл. И так тридцать раз подряд, чтобы убедиться в бесперебойной работе «ключа». Уходить я решил ближайшей ночью. Оставалось лишь прихватить в последний момент кое-какие могущие пригодиться мне в тайге предметы.

Но бандиты перерешили мое решение. Я опоздал. Нет, они не надели на меня еще трое или пятеро дополнительных наручников; с ними я, наверное, смог бы справиться. Они не поселили ко мне в каюту дюжину наблюдателей, здесь бы тоже я что-нибудь придумал. Они поступили мудро и элегантно: запустили моторы и отогнали судно от берега, бросив якорь на мелководной банке.

Теперь они могли отстегнуть наручники и открыть каюты — ходи, броди, дыши морским воздухом. Бежать все равно некуда. Можно одолеть десять вооруженных противников, можно победить в рукопашной схватке свирепого медведя-шатуна, можно попробовать справиться с идущим на тебя танком, но с морем?! Я не страдаю манией величия и не претендую на полномочия Господа Бога. Я лишь обычный, во плоти и крови, человек, который умеет чуть больше, чем остальные. Но не до такой степени, чтобы согреть собственным телом тысячу кубов морской воды до комнатной температуры!

В этой, не намного выше нуля градусов, водичке я, используя свои способности и преподанные мне на спецдисциплинах навыки, прожил бы много дольше обыкновенного человека. Возможно, на целых... пять минут. За это время я успел бы проплыть лишние сто метров, нахлебаться морской горечи, промерзнуть до самых костей и сто раз покаяться, что выбрал такую ужасную

смерть вместо более легкой — от пули в голову. Увы, законы физиологии обойти невозможно, и тысячи замерзших в Арктике моряков и летчиков это доподлинно знают, но рассказать об этом уже не могут.

Шлюпку я один не смогу спустить так, чтобы не поднять всех на ноги. Сброшенный спас-плот привлечет внимание гулом сработавшего газового баллона, к тому же он плывет не куда надо, а куда ветер дует. А ветер дует в море! Нет, это природное препятствие мне не одолеть. Лучше выбросить за ненадобностью кандажную скрепку-отмычку и не мучить себя надеждами на спасение. «Готовься к достойной смерти», — убеждал я сам себя. Но раз допущенная в голову мечта о лучшем не желала так запросто ее покидать.

Неужели ничего нельзя сделать? Ну придумай же что-нибудь!

А что? Уничтожить всех бандитов, захватить корабль и, подняв на нем гордое знамя свободы, отбыть на Большую землю? Так? И чтобы там спасенные заложники восторженно живописали подвиги своего товарища? Да я с митинговой, по случаю успешной операции, трибуны сойти не успею! Так и скончаюсь на глазах восторженной публики от чрезмерно ударившей в голову с расстояния двести пятьдесят метров радости! Те мои противники этих хулиганов-надомников не напоминают. Они оружием в физиономию не тычут — они его используют по назначению.

Есть, конечно, способ, разом решающий все проблемы. На экзамене по конспирации меня за него даже, наверное, похвалили бы. Уж больно он хорош! Захватить судно, но никого не спасать, а, наоборот, открыть кингстоны и затопить его со всем экипажем, бандитами и заложниками, чтобы никто никому ничего не мог рассказать. И спас-жилеты; чтобы случайно кто не всплыл, заранее попрыскать. Один оставить и еще один спасательный плот для себя. Очередная трагедия на море, разгул стихии, ошибка экипажа и... никакой утечки информации! Идеальный план! Но уж больно затратный с точки зрения человеческих жизней.

Вот если бы судно подошло поближе к берегу на ночевку. Тогда бы я как-нибудь просочился, протек сквозь щели в обороне. И оно, конечно, рано или поздно подойдет, не болтаться же ему на рейде до льда. Но станут ли ждать так долго бандиты? Не придут ли они завтра-послезавтра по мою заложенную душу? Лотерея! Поторопить бы их каким-нибудь образом. Но каким? Сделать опасную для судна пробоину? Для этого надо как минимум иметь толовую пашку. Слить пресную воду? Подвезут катером. А если и подойдет для закачки, то днем. Заполнят баки и уйдут.

Что еще может вынудить преступников обратиться к помощи берега?

Болезнь члена экипажа? Довольно катера. Эпидемия? Как ее вызвать? А вызвав, самому остаться на ногах? Раскрытие местоположения заложников? Захватить радиорубку, передать сообщение через судовую радиостанцию?.. Опять засветка меня как спеца. Замкнутый круг! Если ничего не делать, неизбежно шлепнут, что лишит меня жизни, но сохранит тайну. Если ввязаться в бой, обязательно придется продемонстрировать свои способности, что позволит выжить, но раскроет Тайну. Вот положение! Может,

лучше вены вскрыть: все не так унижительно, как пассивно ожидать чужого приговора. И все-таки, что может заставить экипаж подойти к берегу?

Погода? Я ею не управляю. Лжеприказ шефа? Я не знаю ни его самого, ни формы их связи. Огни Святого Эльма? Морское чудовище, вылезшее из пучины на палубу? Черт рогатый? Призрак министра внутренних дел на баке? Стоп! Я, кажется, начал нервничать! Надо успокоиться. Надо помнить, что я ничего не проигрываю, не найдя решения. Только жизнь. А к ее утрате в каждое следующее мгновение меня подготовили еще на первом курсе Учебки. Жизнь агента не учитывается при решении оперативной задачи...

Итак, на чем я прервал свои рассуждения? На морском чудовище? На чудовище, несущем смерть экипажу? Ну, давай, давай раскручивай дальше. Фантазируй! Если чудовище поможет решить задачу, я стану чудовищем! Может ли быть для бандитов что-нибудь страшнее собственной смерти? Да ничего! Легко отбирающий чужую жизнь обычно панически боится потерять свою. Слишком хорошо он знает, как легко можно заставить душу расстаться с телом. Смерти не бояться!

Но если я начну убивать их, они быстро вычислят меня и, защищая свои жизни, уничтожат. Пусть не вычислят, но, как минимум, удвоят бдительность. Начнут нести службу как положено и в конце концов ухватят меня за хвост. К тому же чем более выдающихся я достигну в этом деле успехов, тем раньше придет подмога. Как в сказке: больше срубил дракону голов — больше их выросло! Тупик.

А ну-ка вернемся к контрольному слову, с которого я начал. Чудище. Чудовище. Жуть морская. Почему его из поколения в поколение боялись моряки? Потому что оно убивает? Да. Но это лишь часть правды. Моряк в море всегда под смертью ходит — шторма, эпидемии, корсары. Отчего же страшнее всего чудище морское?

Да оттого, что они от него защититься не умеют. Оттого, что эта смерть необычна и загадочна в отличие от какого-нибудь там дизентерийного поноса или кинжала «джентльмена удачи». Вот они, два искомым кита, на которые я буду ставить твердь своей теории спасения — загадка и невозможность защититься. Да, бандиты боятся смерти, но, встречая ее нос к носу, отбиваются руками, ногами и зубами. Пока у них есть хоть малая возможность спастись, они будут драться! А если смерть будет незаметна и непонятна? Если от нее нельзя отбиться с помощью пистолета или ножа? Если она будет неотвратима, как восход солнца? Тогда она станет ужасной!

Вот во что мы будем играть в ближайшее время. Они взяли в заложники людей, и я сам на своей шкуре убедился, как это страшно, когда чья-то чужая воля распоряжается твоей жизнью, когда каждая следующая минута может обернуться твоей смертью. Они взяли в заложники нас — я возьму в заложники их. Всех! Мы поменяемся ролями, и я посмотрю, как им это понравится. Каждую ночь их будет наступать тихая, невидимая смерть. Каждый день они будут гадать, кто следующий. Я не доставлю им

удовольствия обратиться к сообщникам на земле. Их смерти будут естественны и тихи, как в лазарете дома престарелых, и никто не сможет заподозрить в них злой умысел. Просто люди будут умирать: один, второй, третий. Они не смогут предъявить ни одного трупа со следами насилия и, значит, не смогут попросить подмоги. Их никто не убивает, зачем же дополнительные стволы и охранники?

Более того, даже друг перед другом, боясь прослыть трусами, они не станут открывать потаенные подозрения. Они будут молчать и молча умирать.

И тогда их настигнет ужас, ибо нет ничего страшнее смерти, которую ты не видишь, но которая неотвратимо приближается. Я создаю ужасную легенду о корабле смерти. Я многократно подтверждаю эту легенду, чтобы ни один сторонний человек даже под дулом пистолета не захотел ступить на его палубу, а те многие, оставшиеся в живых, сами, по собственной воле, покинут корабль. Одним метким выстрелом я завалю не одного и даже не двух зайцев. Я не дам преступникам возможности отыграться по принципу «зуб за зуб» на заложниках, так как они будут совершенно невиновны. Я не спровоцирую усиление охраны, потому что для этого не будет явных причин. Я ослаблю боеспособность боевиков, лишив их полноценного отдыха. Кроме постоянных, лишающих сна, изматывающих размышлений на тему «кто следующий?», они будут вынуждены выполнять рабочие и охранные функции умерших сообщников. Наконец, и это самое главное, я останусь рядовым заложником, спрятавшимся в тени страшной эпидемии смертей. Я не выкажу публично ни одной своей способности, отличающей меня от обычных людей. Невидимка останется невидимкой. Я сохранию Тайну, а если повезет, и жизнь! Двое суток я готовил операцию. Для начала я «сдвинулся умом». Играя отчаяние, я часами лежал на койке, забравшись под матрац. Мне было очень важно, чтобы мои охранники привыкли к новому моему образу и к новому местоположению. Вначале они пробовали снять матрац, для остротки врезали пару раз по челюсти, потом и вовсе его забрали, но я поднял такой крик, что они вернули его на место, предварительно хорошенько избив меня.

— Дьявол с ним, с придурком. Нравится матрац тискать — пусть тискает.

Заглядывающие иногда в каюту охранники привыкли видеть вместо меня полосатый чехол и торчащую из-под него цепочку наручников, пристегнутую вторым концом к ограждению койки. Конечно, когда-нибудь в будущем в самый неподходящий момент они могли задрать матрац, но я сильно надеялся на их лень и инерцию. Люди — рабы привычек. Наблюдая десять раз одну и ту же картинку — матрац и цепочка, — они автоматически домысливают под матрацем меня. Прием сработал. Открыв каюту и увидев уже ставшую привычной картину, они почти сразу же уходили. Чтобы еще более уменьшить их бдительность и заодно заинтересованность в ворошении матраца, я «опустил» свой образ, извините, пару раз сходяв под себя. В каюте закрепился устойчиво отвратительный запах, а вид перекрашенного под маскировочную накидку матраца отбивал охоту за него хва-

таться. Теперь меня почти не тревожили. Ну чем может угрожать совершенно свихнувшийся, опустившийся, утративший человеческий облик узник? Лучше наблюдать за другими — крепкими, не потерявшими внутренней злобы мужиками. Мало ли что они выкинут. Я думаю, подобный нечистоплотный прием сберег меня не только от чрезмерной опеки, но повысил шансы на жизнь. В первую очередь избавляются от представляющих угрозу противников. К тому же кому интересно возиться, то есть снимать голыми руками с койки, волочить по коридору и потом в мертвом состоянии везти в известное место такого засранца. Захочется потом этими руками за хлеб браться во время обеда или пот со лба утирать? На эту чисто человеческую брезгливость я и рассчитывал. Да я бы с ног до головы в дерьме извалялся, если бы это хоть немного помогло делу! Брезгливость ведет к гибели. Брезгливость из нас выбили еще в Учебке на занятиях по психологической подготовке, когда в анатомическом театре заставляли голыми руками копать во внутренностях трупов. Как будто я там чужое дерьмо пальцами не месил! А тут свое, единоутробное, уж как-нибудь переживу. От реализации следующего этапа плана зависел весь ход операции. Мне нужно было найти способ незаметно покидать каюту. Дверь отпала почти сразу: коридор всегда таил опасность. Больше подходил иллюминатор. На вид он был таким маленьким, что, казалось, в него не пролезет и голова. Но я знал, что это не так. Во время учебы на предмете «затаивание» мне приходилось протискиваться в такие щели, что и восьмилетнему ребенку не под силу. На это существовала своя техника. Вначале мы наблюдали поведение кошек. Мы заставляли их пробираться во все более узкие отверстия, замечая, как они это делают, что пропихивают вначале, что следом, как изгибаются, как дышат. Потом мы ползали сами. Стимул при выполнении упражнения был самый прямой — пока не пролез, ни на обед, ни на отбой не отпустят.

— Мы никогда не сможем пролезть в такую малюсенькую дырочку, — канючили мы.

— Ерунда, отверстия подобраны индивидуально, строго в соответствии со строением ваших тел. Мы знаем, что говорим. Но если не хотите есть...

Мы очень хотели есть и продирались сквозь невозможно узкие дыры, не жалея ни сил, ни кожи. Инструкторы нас не жалели и, наблюдая лохмотья содранной кожи, а то и мяса, флегматично заявляли:

— Значит, они были лишние!

Хорошо, что тогда они нас не жалели, и еще хорошо, что у меня был отменный аппетит, а то как же пролез бы я в эту дыру!

Прежде чем лезть, я разделся, чуть смазал края иллюминатора слюной и примерился. Голова прошла в отверстие довольно свободно, значит, можно было протиснуть и все остальное. По краям иллюминатора я, чтобы иметь упор для ног, привязал свернутую толстым жгутом занавеску, точно такую же быстрострельную лямку выпустил наружу. Можно попробовать.

Выпустив вперед левую руку, прижав плечо к щеке и одновременно «сдв» по методикам великого фокусника Гудини мышцы,

я нырнул в круглое отверстие. Правой рукой отжимаясь от веревочной петли, совершая корпусом круговые движения, я ввинчивался в иллюминатор, словно шуруп в стену. О-хо-хо-хо! В курсантские времена я это упражнение проделывал легче. Нарос за последние годы жирок! Спасибо преступникам, согнавшим за минувшую неделю с меня жировой излишек. За это благодеяние им теперь и расплачиваться. Выбравшись наполовину наружу, я вернулся на исходные. Тренировка завершена. Можно переходить к делу.

Первым умер радист.

В ту ночь он задержался в радиорубке, и это решило его судьбу. Ковыряясь в разобранном передатчике, он не подозревал, что двумя палубами ниже из узкого иллюминатора, крутятся, обдирая кожу и чертыхаясь про себя, ползет, словно червяк из яблока, его смерть. Упершись ногой в наружную веревочную петлю, я дотянулся пальцами до среза палубы и, подтянувшись, осмотрелся. Горело только одно окно радиорубки. Переступая голыми ступнями по холодному металлу палубы, я приблизился к объекту своего сегодняшнего вождения — к живому человеку. Я был заряжен смертью, как снаряд порохом. Был чудовищем, выползшим из пучины моря. Был самой смертью, и я не собирался никого ударить! Радист сидел, склонившись над столом, и, перебирая детали, напевал что-то себе под нос. Он был в хорошем настроении. Тем печальнее для него.

Когда негромко скрипнула дверь, радист обернулся. Он увидел странную картину — совершенно голого, посиневшего от холода человека, дружелюбно улыбающегося и тянущего ему приветственно руку. Он был уморителен, этот голый человек, и радист широко заулыбался в ответ. Поди, мужики корки мочат! Известные хохмачи. Притаились где-нибудь и предвкушают потеху. Радист не узнал свою смерть. Наверное, он думал, что это будет старуха с косою или затаившийся в подворотне человек с кистенем.

— С легким паром, что ли? — спросил он, поддерживая неизвестную ему игру, и встал.

Я отключил его несильным ударом в солнечное сплетение, затем посадил обратно на стул, воткнул в розетку два провода и, разведя их, поднес к его ушам. Я не испытывал угрызений совести, так как не был человеком, убивавшим другого человека. Я был заложником, а он — одним из тех, кто взял меня в заклад. Я не хотел его убивать, только пытался вернуть принадлежащую мне собственную жизнь. Я соединил провода через его голову, он затрясся в крупном электрическом ознобе и трясся до тех пор, пока из него не выскочила душа. Я убрал провода, воткнул в розетку сетевой провод разобранного передатчика, засунул внутрь него чужие пальцы и уронил мертвое лицо на открытую плату. Всякий, нашедший его утром, подумает, что радист в нарушение правил техники безопасности работал с включенным радиоприемником, сунул пальцы куда не следует, попал под удар током, на мгновение потерял сознание и упал лицом в хитросплетение оголенных проводов. Это его и добило. Сам виноват — не

работай с необесточенным прибором! Хотя, конечно, жалко парня. Едва ли радиста потащат за тридевять земель на вскрытие. Для этого придется раскрыть множество секретов: где случилось несчастье, на каком корабле, при каких обстоятельствах? Не могут такого допустить преступники. И, значит, истинные причины смерти уйдут на дно или в землю вместе с телом. Некому здесь заглядывать ему в уши, чтобы обнаружить следы микроожогов, тем более когда причина смерти вот она, перед глазами.

Надев висевший на спинке стула черный спортивный костюм (все равно не расскажет другим, был он здесь или нет), я покинул радиорубку.

Стоя на импровизированном иллюминаторном трапе, я разделся, проскользнул в свою каюту, надежно припрятал костюм и хорошо послужившие мне занавески, застегнулся наручниками и лег спать. Кошмары меня не мучили. С чего бы? Разве плохо спит собравший урожай хлебопашец или забивший последний гвоздь в раму столяр? Я должным образом сделал свое дело. Чего же переживать? Когда решение принято, надо действовать, а не угрызениями совести мучаться. Если позволить себе сомнения, провал неизбежен.

— Идя на операцию, затвори дверь, — учил когда-то инструктор по боевой подготовке. — Размышления по поводу — смертельная роскошь. Или останьтесь дома, или хлопните дверь!

Я своей двери в ближайшие недели отпирать не собираюсь!

Проснулся я от более оживленных, чем обычно, хождений по коридору.

— Это ж надо, как не повезло.

— Ночами спать надо, а не в приемниках ковыряться. Энтузиаст тоже мне... — слышал я обрывки разговоров.

Весь день ко мне никто не заходил. Похоже, занимались покойником.

Ничего, скоро мертвец на корабле перестанет быть для них событием. Привыкнут. Я приложу к этому все усилия. Вечером я вновь стал собираться на дело. Я не хотел допускать перерывов. Это расслабляет жертвы, позволяет им надеяться на то, что все происходящее — случайность. Постоянство смертей — важнейший психологический фактор. Ночь — труп, ночь — труп. Страшны не мертвецы — страшна их еженощная прибыль.

Пора. Уже привычным путем я выскользнул в иллюминатор, поднялся на палубу. Сегодня благодаря позаимствованному у покойного радиста костюму я был почти невидим. По понятным причинам экипаж корабля не злоупотреблял освещением. Ни к чему им была лишняя, привлекающая внимание иллюминация. Да и мне ни к чему. Черное дело не расположено к свету. Палуба была пуста. Только где-то возле трюма выхаживал одинокий охранник. Помехой он мне не был.

В первую очередь я прошел вдоль бортов, замечая иллюминаторы, в которых горел огонь. Пленники, естественно, сидели в темноте, свет был привилегией команды и охранников. Зацепляя за леер заграждения обрывок подобранного на палубе каната и выставляя ноги в специально завязанные петли, я спускался к светящимся стеклам, заглядывал внутрь. Более всего мне подхо-

дила одна каюта, где на койке, громко храпя, спал не однажды видимый мной в трюме охранник. Рядом с ним на полу стояла початая бутылка водки.

Судя по всему, его каюта была крайняя в коридоре. Поэтому долго слоняться по внутренним помещениям не придется.

Я спустился по трапу вниз. Тускло освещенный коридор. Ориентироваться во внутренних катакомбах судна мне было еще трудно, но, слава Богу, сильный храп, доносившийся из-за одной двери, помог мне определиться.

Дверь была открыта. Я быстро протиснулся внутрь. Теперь можно было не спешить. Я встал в изголовье койки, взглянул в лицо обреченному. Кажется, это он ударил меня тогда, во время бунта, в трюме. Время возвращать долги. Нет, мстить я не хотел. Давным-давно я был отучен от человеческих слабостей. Нельзя убивать, подчиняясь чувствам, это всегда приводит к ошибкам и, как следствие, — к поражениям. Убивать надо, следуя не желанию, а лишь необходимости. Производственной необходимости. В данный момент необходимость была самая прямая. То, что она не противоречила чувствам (я косвенно спасал своих товарищей по трюму, мстил хладнокровным убийцам), роли не играло. Точно так же, если бы была необходимость, я убил бы и заложников, ну, пусть бы с меньшим чувством удовлетворения, но убил бы! Так меня учили.

Пьяный охранник заворочался, перевернулся на спину. Закинул назад голову. Он что, специально подставляется, чтобы мне удобнее было его прикончить? Даже не по себе как-то. Аккуратно, указательным пальцем, я зажал ему сонные артерии. Он прснулся, но ровно настолько, чтобы увидеть какого-то человека перед собой и почувствовать точечное давление пальцев на шею. Он попытался что-то сказать, может, даже закричать, но глаза его поплыли и закрылись. Мозг, лишенный притока крови, не поступающей через пережатые артерии, отключился. Ему досталась легкая смерть — в блаженном сне. Ему повезло. Он такую не заслужил.

На всякий случай, подвернув его руки под тело и придерживая его голову левой рукой, я правой с силой надавил на его желудок. Недавно съеденная пища вместе с водкой и желудочным соком хлынула по пищеводу в ротовую полость. Бандит судорожно задергался, забулькал. Я держал его три положенные минуты и еще одну — на всякий случай. Он так и не открыл глаза.

Это была вторая смерть.

Уходя, я еще раз бросил взгляд на лежащий на столике пистолет ТТ. Был великий соблазн прихватить его с собой, но это бы нарушило правила принятой мной игры. Пропажа оружия обязательно навела бы преступников на опасные мысли. Ладно, будем обходиться тем, что имеем. Я легко покинул каюту и по уже накатанному пути добрался до своей койки.

Днем в воду плюхнулось еще одно зашитое в мешковину тело. Преступники ходили мрачные и какие-то пришибленные: двое похорон за два дня было уже слишком!

— Допились, мерзавцы! — слышался мне через перегородки незнакомый голос неизвестного бандитского начальства. —

Допраздновались! Допоминались! Если у кого сегодня увижу в руках бутылку — пристрелю на месте! Все! Хватит балдеть! Будете службу тащить! К вечеру проверить всех пленников, привести в порядок судно. И еще это... почистить оружие. Развели бардак!..

Я его за язык не тянул. Он сам это придумал. Он сам выбрал третью смерть.

Следующая ночь была переломной. Два предыдущих происшествия наверняка родили в душах людей смутные подозрения. Хотели они того или нет, они искали объяснения произошедшему. Ужаса еще не было. Была загадка. За двумя последовавшими друг за другом трагическими случайностями они пытались разгадать облик врага. Если они его найдут, они успокоятся. Явный противник, как бы силен он ни был, дает возможность сопротивляться или хотя бы создает такую иллюзию. Люди, увидевшие опасность, начинают действовать. Любое действие ослабляет страх и рождает надежду. Вдруг одолеем, вдруг выкрутимся.

Ужас внушает только невидимая опасность, опасность, лишенная облика. Если завтра, пережив еще одну смерть, они не найдут живого, с руками с ногами, врага, они начнут искать объяснения за пределами реальности. Непонимание рождает мистику. Они будут искать все более фантастические объяснения обрушившейся на них эпидемии смертей и, конечно, найдут их. Следующий несчастный случай лишь утвердит их домыслы. Отсюда следует, что сегодняшнее происшествие должно быть наиболее «чистым». Я бы даже сказал, демонстративно «чистым». Бандиты должны наглядно, собственными глазами убедиться в его случайности. Даже шальной мысли не должно мелькнуть в их головах относительно чьего-то участия в будущей трагедии. Картинка должна быть очевидна, наглядна и однозначна, как школьный букварь. Никаких истолкований! И я знаю, как ее нарисовать.

На этот раз я покинул каюту под утро, догадываясь, что после стольких треволнений бандиты уснут не сразу. Интересующий меня иллюминатор я нашел сразу. За столом, уронив голову на лежащие руки, спала моя очередная жертва. Рядом лежал пистолет, он-то меня и интересовал. Просунувшись в иллюминатор по поясу, я, опираясь руками на стол, плавно втянул внутрь ноги, стек на пол. Все движения я продолжал очень медленно и потому бесшумно. Плавно выпрямившись, я встал у безмятежно спящего бандита за спиной.

— Эгей! Просыпаться пора, — сказал ему в самое ухо.

Спящий встрепенулся, приподнял голову, одновременно потянувшись к пистолету. Все-таки здорово они напуганы, если даже во сне об оружии думают.

Схватить ствол я ему не позволил, быстро обвил правой рукой горло и сжал ее в локте. Корпусом навалившись на его согнутую спину, я нейтрализовал попытку встать.левой свободной рукой придержал кисть, приближающуюся к рукоятке пистолета. Противник обмяк и спокойно улегся на стол.

Теперь на завершение операции мне требовалось не больше минуты. Взяв пистолет, я затолкнул в его дуло уголок найденного в кармане жертвы носового платка, крутнул пару раз, растер

смазку по ткани. Чтобы разнообразить колер, смазал грязь еще в нескольких местах.

Неаккуратно они содержат личное оружие, неаккуратно. Меня в молодости за такую грязь на неделю бросили на уборку унитазов — не умеешь поддерживать чистоту в малых объемах — потренируйся на больших, там все проще, там даже ничего разбирать не надо: везде рукой достать можно. Научили! Всю остальную жизнь мое оружие блестело, как выставочный финский фаянс.

Передернув затвор, я загнал в ствол патрон, прочие вместе с обоймой вытащил и положил на стол. Теперь осталось вложить пистолет в руку лежащему без сознания бандиту, направить дуло ему в лицо и нажать спусковой крючок. Вбежавшие в каюту через пару минут разбуженные соседи увидят агонизирующее тело, дымящийся в руке пистолет, а на столе обойму и испачканный смазкой платок.

При всей неразвитости бандитов, они, я думаю, смогут на основании увиденного составить логическую цепочку причин и следствий. Для этого не надо обладать способностями Шерлока Холмса. Слишком все наглядно. Днем начальник распорядился привести в порядок оружие, вечером дисциплинированный подчиненный разобрал, почистил (конечно, формально, но тут уж кто как может) свой пистолет. Но уж так вышло, что по собственному ротозейству забыл вытащить из пистолета загнанный туда ранее патрон. Надумав проверить действие спускового механизма, он взвел курок, думая, что пистолет пуст, заглянул в дуло, одновременно нажав спуск, — оружие, конечно, выстрелило.

Трагедия.

Что ж, не он первый, не он последний. Такое и в армии случается. Недаром твердят из года в год старшины новобранцам: «Прежде чем приступить к чистке оружия, проверь, сколько патронов в обойме! Не поленись!» А этот поленился!

Примерно так будут рассуждать завтра добровольные следователи. А что они еще могут предположить? Что темной ночью из иллюминатора, куда голову-то, не обрезав уши, не пропихнуть, вылезает голый злоумышленник, чуть ли не через весь корабль, никем не замеченный, пробирается в чужую каюту, шутя справляется со здоровым вооруженным мужиком, который даже пикнуть не успевает... Нет, это слишком сложная, слишком длинная гипотеза, чтобы прийти в голову простым парням-боевикам. Они привыкли верить своим глазам и делать выводы на основании того, что видят. О присутствии какой посторонней силы может идти речь, если выстрел еще не дозвучал, а они уже были в каюте? И куда бы мог спрятаться этот неизвестный злоумышленник? В шкаф? Так они не дураки — перероят всю каюту снизу доверху. В коридоре? Но он мгновенно заполнится людьми. В окно? Не смешите. В такую дыру ребенок не протиснется. К тому же там море. И, главное, откуда здесь взяться злодею? Заложники заперты по камерам да еще для верности прикованы к койкам наручниками. Свои? Но зачем и кому это надо? Вот именно этот почти мгновенный доступ к умирающему телу должен был абсолютно убедить сотоварищей жертвы в случайности трагедии. В

сто процентной случайности и в то же время в страшной, мистической закономерности: третья ночь — третий труп!

Именно это мгновенное проникновение посторонних на место происшествия требовало от меня точности более чем ювелирной. Ювелиру что, запорол украшение — расплавил золото и снова ковыряй его резцом. А я чуть просчитался, чуть запоздал — и получаю пулю в торчащую из иллюминатора задницу. А она у меня одна единственная, и не из золота, и в переплавку не пустишь. В своей каюте я тридцать раз отрепетировал быстрый уход. Прыжок на стол, нырок ногами вперед в дыру иллюминатора, завис на срезе палубы. Десять секунд — идеальный результат, двадцать — допустимый. Соседям убитого, чтобы услышать выстрел, проснуться, протереть глаза, выскочить из каюты в коридор и открыть дверь, потребуется, как минимум, вдвое больше времени. А может быть, они еще застыдятся объявляться на народе в неглиже. Может, захотят на всякий случай прихватить оружие, а его еще взять надо, взвести. Так что резерв времени у меня имеется, но рассчитывать на него опасно. Двадцать секунд, и ни мгновением больше! А там пусть хоть вовсе в каюту не являются. Мое дело петушиное — я прокукарекал...

Раскрыв ладонь все еще находящегося в бессознательном состоянии бандита, я впихнул туда рукоять пистолета, затянул указательный палец на курок, поднял голову жертвы за волосы. Дуло пистолета взглянуло в закрытый глаз человека. Мне оставалось лишь нажать чужим пальцем на курок.

Но произошло то, что случается рано или поздно во время любой операции. В мою тонко и витиевато сплетенную интригу вломился неуклюжий, непредвиденный, все разрушающий случай! Случай, который девяносто девять раз подряд может положить подброшенную в воздух монетку, обыкновенную, не ту, которая находится у меня, в потайном месте, на «орел»! В дверь стукнули и почти сразу, не ожидая приглашения, открыли. Я мгновенно сдвинулся влево. Что увидел входящий? Своего сидящего на стуле друга и склонившегося над ним незнакомца в черном, чем-то очень знакомом спортивном костюме. Положение было более чем критическое. Впервые за многие годы я растерялся. Что предпринять? Достать визитера в проеме двери я не мог. Стрелять — значило начисто разрушить всю затеянную игру, перейти к открытым боевым действиям, в которых я так или иначе проиграл бы. Перевести рукопашную в коридор — наверняка разбудить всю команду.

На поиски и принятие решения мне была отпущена даже не секунда — ее малая часть. Неожиданный визитер еще не сумел до конца осмыслить увиденное, а я провертел в голове уже дюжину вариантов действий. Не подходил ни один.

Ситуация была патовая. Пока гость наполовину торчал в коридоре, все мои ходы вели к обоюдному размену фигур. Я, конечно, убивал его, но неизбежно засвечивал себя. Ничья, равная моему поражению. Увы, на их поле фигур гораздо больше, чем на моем. У меня вообще, похоже, один король, самовольно возложивший на себя функции ферзя и нагло скачущий через клетки, пока противник вышел до ветру. Нет, размениваться мне никак невозможно.

Ладно в шахматах, там короля уважают — не рубят, только матом пугают, а в моей партии еще как рубанут — просто в лапшу расшпикуют. Есть один-единственный шанс завершить начатую партию — затащить противника на свою территорию и уже здесь с ним покончить. Только вот как его пригласить, чтобы он не отказался? Еще мгновение — и он, переварив увиденное, отскочит в коридор, предварительно громко хлопнув дверью.

Надо рисковать!

Расплывшись в самой, на какую только был способен, подкупающей улыбке, я заговорщицким тоном рыкнул:

— Быстро зайди! Ты нас засветишь. — И на треть высунул из-за своего плеча голову бессознательного бандита, как будто бы он заинтересовался, кто там пришел.

Замечено: уверенный, командный тон в первое мгновение заставляет человека подчиниться. Он действует инстинктивно, еще не зная, что за этим последует. Альпинистов такие инстинкты, когда на голову падает булыжник, спасают (услышал крик — не раздумывая прилип к стенке) — моего незваного визитера погубили. И еще его подвела высунувшаяся из-за моего корпуса знакомая голова. Не мог же он догадаться, что башкой этой, словно кукловод куклой, управляю я. Он зашел внутрь.

— Закрой дверь! — гаркнул я.

И он закрыл дверь.

Я уже знал, что буду делать дальше.

Гость был достаточно хорошо тренирован. Он начал приходить в себя уже на второй секунде. Отметил неестественную неподвижность головы своего товарища, увидел закрытый глаз, оценил мой странный вид. На третьей секунде он готов был действовать. Но этой секунды у него уже не было. Я отпрянул направо, отклонил за волосы голову. Визитер заметил второй закрытый глаз и безвольно отвисшую челюсть. И еще он увидел зрачок пистолетного дула. Больше он не увидел ничего. Я нажал курок! Пуля разбила ему голову — он так и не успел вернуться в спасительный коридор.

Теперь отпущенного мне после выстрела времени явно не хватало. Самое малое, его нужно было умножить на два. Я собирался воевать с одним противником, а их неожиданно оказалось двое. Отсюда и двойной временной норматив. Моя голова работала, как запущенная на полную мощность вычислительная машина. Мне надо было решить уравнение с тремя неизвестными. Причем мгновенно. Заранее приготовленное домашнее задание оказалось решенным неправильно. Мне надо было устранить второго бандита, успеть незаметно выскочить наружу (это все нетрудно) и, самое главное, придать двойному убийству облик несчастного случая. За сорок секунд! Разыграть между приятелями дошедшую до стрельбы ссору, отыскать второй пистолет и выстрелить в еще живого бандита? Мол, произошла киношная, в духе вестерна, дуэль? Нет, не успею!

Я уже чувствовал, как ворочаются в койках разбуженные выстрелом соседи. Нет, ничего кардинально нового я придумать не смогу. Будем действовать в рамках первоначального, но чуть более широко трактуемого плана. Я загнал вытащенную обойму

обратно в пистолет. Значит, так, мой подопечный чистил пистолет, к нему в гости зашел приятель. То ли балуясь, то ли случайно, чистильщик нажал спусковую «собачку» по недоразумению заряженного пистолета. Пуля — ах, какое стечение обстоятельств! — попала не в стену, не в дверь, а примехонько в лоб товарища. Стрелок расстроился и, следуя секундному порыву, замешанному на раскаянии и страхе неизбежного наказания... да, да, да, именно так, кончил жизнь самоубийством! Довольно правдоподобно. Я вложил дуло пистолета в рот жертве невнимательности, только что угробившей друга, и нажал курок. Убитый упал, но сделавший дело пистолет остался в его руке.

Все! Секунды для эвакуации. Я уже слышал стук дверей и шаги в коридоре. Запрыгнув на стол, я не ногами, как планировал, а рыбкой, нырнул в иллюминатор. Треснула ткань костюма, хрустнула раздираемая в кровь кожа. Наверное, лишь полсекунды не хватило входящим, чтобы увидеть в иллюминаторе мои улетающие в ночь пятки. На лету срывая импровизированный трап, я свалился в море. В воду я вошел по всем правилам большого спорта, как прыгнул с вышки в олимпийском бассейне. Почти без всплеска.

Опасаясь, что кто-нибудь случайно мог заметить мой прыжок, я поднырнул под днище судна и всплыл с другой его стороны. Бережного Бог бережет. Даже если кто-нибудь что-нибудь и видел, подумает, что ему показалось, а потом за общим шумом-гамом он и вовсе забудет о странном происшествии.

Доплыв до якорной цепи, я поднялся до среза палубы, повис на пальцах и так, перебирая руками, дополз до своей каюты. Идти по палубе я не рискнул из-за поднявшейся на судне тревоги. Спустил еще несколько секунд я «спал» на родной коечке, накрывшись очень мне пригодившимся на этот раз матрацем.

Следующую ночь я решил пропустить. И так перекрыл норматив чуть не вдвое. Пора отдых дать и себе, и бандитам. Мне нужно не расслабляться — мой счет еще не кончен!

Весь последующий день корабль ходил ходуном. Бесперывно бегали, ругались, кричали люди. О заложниках забыли напрочь. Не до них. Третьи сутки — и еще два покойника!

Теперь, я думаю, среди членов команды и боевиков неизбежно образуется оппозиция, требующая немедленно покинуть судно. Командиры, конечно, бунта не допустят — пригрозят страшными карами, рывкнут. А дальше что? Разрастающийся страх приказом не изгнать, ночные кошмары не уменьшить, тихие разговоры по углам не запретить, сомнений не разрешить. Можно призвать к бдительности, наобещать, что подобное больше не повторится, начать искать скрытого, забирающего каждую ночь по одной, а то и по две жизни врага. Только кого искать — ехидного с рогами и копытами черта или тетушку Форуну, повернувшуюся к кораблю исключительно задом? Врага нет. Злой рок. Никто никого не убивал — все умерли сами! Один влез пальцами под напряжение, другой, перепив, захлебнулся в собственной рвоте, третий дурак пристрелил случайного визитера и застрелился сам. Все обычно. Все вполне объяснимо.

По отдельности!

Но вместе! Но с такой леденящей душу последовательностью! Видно, сам дьявол забавляется здесь игрой в кегли. Только вместо фигурок использует тела людей: попадет шаром — и нет человека. Не зря, видно, кляли их почем зря заложники, не даром посылали на их головы изуверские кары. Видно, дошел до небес их голос. Ой, нехорошо будет! Проклятое это место. Проклятое! Попомните мое слово, будут еще покойники!

А это я обещаю. Будут!

Продумывая следующую вылазку, я прикидывал в уме, сколько их там, живых бандитов, еще осталось и успею ли я свести их на нет в ближайшие недели, если продолжать такими темпами. А, пожалуй, что и справлюсь, если не лениться...

Ночью судно не спало. По палубам, по трапу, по коридорам бухали чужие подошвы. В приоткрытый иллюминатор густо тянуло табачным дымом. Встревоженные люди не желали расходиться по каютам, собирались кучками, курили и говорили до самого утра. Психологический надлом был близок — надо было лишь дожать. Совсем чуть-чуть. Малую капельку. Нужен был еще труп — не через неделю, не через три дня, когда люди подустоятся, — немедленно. И снова в результате вполне понятного, если рассматривать в отдельности, несчастного случая. Только случая! Насилия они сейчас ожидают, как спасения! Вид погибшего от пули или ножа товарища для них будет радостью, равной выигрышу на один лотерейный билет трех автомобилей. Нет, только несчастный случай! Четвертый в ряду предыдущих! Вот тогда они взорвутся, вот тогда они забудут! И, если не ринутся дружным гуртом в монастырь замаливать всю оставшуюся жизнь грехи, то судно к берегу направят точно.

Я вообще удивляюсь их долготерпению. Что же это за начальник, который умудряется удерживать их на месте такое количество времени? Это надо талант иметь или палубы судна медом мазать, чтобы ноги прочь не шли. Увидеть бы этого человека, дознаться, где он прячется. Дотянуться бы пальцами до его шеи, ну ничего, я терпеливый, я подожду...

Пятый труп я вынужден был добывать на палубе.

Спускаться в каюты после того, что там произошло, было опасно. В одиночестве, хотя сами не могли бы объяснить, почему, бандиты старались не оставаться. Ночевать тем более. Кажется, они начинали завидовать заложникам, наглухо запертым в похожий на сейф трюм. Там-то уж точно ничего случиться не может!

Протискиваясь сквозь свой иллюминатор мне пришлось очень аккуратно, чтобы не содрать затянувшиеся раны. Я здорово ободрал бока во время последней операции, но считаю, это была не самая высокая плата за четырех поверженных врагов. Можно было и головы лишиться, а не только нескольких десятков миллиметров кожи.

Пробравшись по левому борту вдоль бака, я затаился в тени палубных механизмов и стал поджидать очередную жертву. Я нервничал, я не мог долго находиться на палубе. В любой момент в мою каюту мог зайти какой-нибудь страдающий бессонницей

охранник и обнаружить взамен узника подложенную под матрац табуретку. Прошло тридцать минут. Я уже собирался сворачиваться, когда наконец объявился обреченный. Не очень твердой походкой он брел вдоль борта, иногда поглядывая через леера ограждения. Что его сюда привело, я не догадывался, но наверняка знал, чем для него закончится неосторожная ночная вылазка. Дождавшись, когда незнакомец прошел мимо моей засады, я бесшумно поднялся и, пристроившись к нему сзади, прошел несколько шагов. Он остановился, почувствовав мое дыхание, обернулся.

— Ты кто?

— Боцман, — сказал я первую пришедшую в голову глупость. — Смотри. — И быстро ткнул пальцем вверх. Бандит не успел подумать о том, что делает. Он, следуя инстинкту рядового исполнителя, услышавшего команду, задрал голову вверх. Несильным ударом ребра ладони в горло я свалил его на палубу. Не спеша, но и не затягивая дела, подтащил обездвиженное тело к фальшборту в том месте, где наружу свисал обрывок сети, используемый как дополнительная импровизированная трапестница. Вытянув ее угол, я засунул его в одну из ячеек и заклинил ботинок жертвы.

Перед тем как сбросить тело за борт, я снял с его руки роскошные, с позолоченным циферблатом часы, оторвал одну сторону ремешка и аккуратно зацепил их за случайный выступ на корпусе на расстоянии, создавшем иллюзию, что до них можно дотянуться рукой, перегнувшись через фальшборт. Любой, потеряв такие роскошные часы, захотел бы, пока они не свалились дальше, достать их. Вот и пятая жертва несчастного случая попыталась... Бедолага лег животом на парапет, потянулся, да не рассчитал, потерял равновесие, перевесился корпусом и упал в воду. И все бы могло кончиться благополучно, если бы нога по воле рока не запуталась в сетке. Так он и повис вниз головой, наполовину погрузившись в воду. Утоп, конечно. А часики, вот они, лежат, тикают, отсчитывая уже не принадлежащее хозяину время. Печально.

Это некрасиво висящее, раскачиваемое водой тело, по моему мнению, должно бы переполнить чашу терпения оставшихся в живых. Слишком жуткая получилась картинка. И, похоже, я достиг результата. Днем с палуб были слышны громкие речи, беспорядочный топот. Кажется, даже пытались выбрать якорную цепь, но потом все стихло. Или они все ушли? Но я не слышал ни ударов шляпки о борт, ни гула моторов катера. Или смирились с судьбой, или произошло что-то еще.

Ночью я решил произвести разведку и, если представится случай, добрать очередного покойника. У меня в редакционном портфеле было заготовлено еще три сценария роскошных — пальчики оближешь — несчастных случаев: в машинном отделении, на камбузе и на палубе, в районе грузовых кран-балок и стрел. Дело было только за исполнителем главной роли, его-то я и предполагал отыскать в ближайшую ночь. Но, как говорится, гладко было на бумаге... Поднявшись после полуночи на борт, я удивился царящему там покою. Я был уверен, что после последнего ЧП они

приберут палубы или хотя бы навесят дополнительное освещение. Но все было, как и всегда, беспорядочно и темно. Странно, конечно, но я не в претензии. Мне чистота и лишний свет не в подмогу. Мое дело темное.

Озадачивает только их терпеливость. Какие-то они непробиваемо толстокожие. Ну ничего, сегодня я постараюсь их удивить. Сегодня я буду действовать в лучших традициях фильмов ужасов: крови, мяса, жути не пожалею. Ну, держитесь! Во мне бунтовал творец. Я такие эффектные сценарии пишу, такие режиссерские ходы нахожу, а зритель остается равнодушным. Но я их растроваю, наизнанку вывернусь, но за живое задену! Мастер я в конце концов или нет?! Мне бы задуматься о той тишине, настроиться, а я творческого признания возжелал, удила по-глупому закусил. Не понравилось мне, что зритель действовал не по моему, режиссерскому, а по своему усмотрению. Обиделся.

Меньше чем за час облазив судно, я убедился, что экипаж его не покинул. Тем хуже для них. Сегодня я ставил целью разведку и лишь попутно, если повезет, операцию, но теперь в лепешку расшибусь, но шестого покойника добуду.

Изрядно повозившись с грузовыми стрелами и лебедками, я подготовил предпосылки для несчастного, с производственным уклоном, случая. Полагаться на везение, ждать очередной жертвы, которая могла прийти, а могла и задержаться, я не стал — отправился на охоту. Подкараулю где-нибудь главного героя, пристукну слегка, оттащу на сценическую площадку и там разыграю трагическое, в одной картине (на большее просто времени нет), действие.

На судне, как и в любом другом общественном месте, легче всего застать человека в буфете или в туалете. Эти два помещения в силу понятных физиологических потребностей не может миновать ни один человек. Столовая ночью на судне не функционировала, а вот галюн действовал исправно. Возле него я и организовал очередную засаду.

Ждать пришлось недолго — по коридору затопали каблуки, показался долговязый, зевающий, протирающий кулаками глаза матрос. Или бандит! Или совмещающий обязанности в одном лице матрос-бандит? Не важно. Все они здесь одной краской мазаны. Красной.

Он шел, покачиваясь, спотыкаясь, натываясь на стены, на ходу расстегивая штаны. Он все еще никак не мог проснуться. С таким проблем не будет.

Я впустил его в галюн, подождал, пока он сделает свои дела (нашим легче, меньше на несколько сот граммов на плечах вдоль лебедки тащить), и, услышав звук текущей воды, встал за дверь. На выходе я ударил его костяшками пальцев в висок и, присев, подставил под бесчувственно падающее тело плечо. Даже поднимать, взгромоздить на себя не пришлось. Сам куда надо лег и какую нужно позу принял. Торопливо, чтобы случайно еще кого в коридоре не встретить, но тем не менее совершенно бесшумно, я выбежал на палубу. Напрямую до места было шагов пятьдесят, но я шел по затененным малопосещаемым местам и намотал втрое больше. Возле лебедок я снял с плеча ношу и потянулся к тросам. На завершение работы мне требовалось не более трех минут.

«Завтра сделаю выходной, — думал я, освобождая массивный крановый крюк, — а вот послезавтра...»

А вот послезавтра я уже ничего не сделал.

В самые глаза мне ударил мощный прожектор. Подчиняясь уже не разуму — он так быстро реагировать не умеет, — а наработанному в ходе многочисленных тренировок рефлексу, я отпрянул вправо и наткнулся на упертое в лицо дуло автомата.

Поднырнуть, вырвать оружие, убить противника ударом кулака в кадык, откатиться, взвести затвор... автоматически выстраивал я действия. Но не успел продумать и половины, когда мне в спину, чуть повыше лопатки, уперся еще один ствол.

— Только не надо подныривать, выбивать, убежать, — предостерег голос сзади, — без шевелений!

Значит, это не случайность, и, значит, кроме этих двух, как минимум, есть еще один человек, который находится возле прожектора. Я попробовал чуть сместиться в сторону, чтобы проверить плотность контакта. Но дуло сзади словно приросло к телу.

Хватко действуют ребятки. Миллиметра надежды не оставляют.

— Но-но, не балуй!

Ствол автомата спереди больно вдавился в мой живот. Хорошо вдавился, чуть не на дециметр. Теперь дергайся — не дергайся, ничего не выйдет. Зажатый двумя стволами, словно букашка иглоками, я не мог даже шевельнуться. Если бы напор был не таким сильным, я бы мог попытаться неожиданным рывком ускользнуть в сторону, предоставляя противникам возможность пристрелить друг друга. Но в таком положении я непременно потащил бы зацепившиеся за одежду и тело дула за собой и получил бы две пули: одну сзади, другую спереди. По той же причине я не мог выбить оружие. Мне некуда было отпрыгнуть. Чужие руки обшарили мне карманы, подмышки, пах.

— Пусто!

Еще бы не пусто! Я не мародер — трофеев с трупов не брал. И, кажется, зря. По крайней мере сейчас мог бы изобразить происшествие как попытку случайно вырвавшегося заложника завладеть оружием. Но зачем я тогда тащил оглушенного бандита чуть ли не через все судно на грузовую площадку?

Я испугался оставаться в освещенном коридоре, боялся, что он придет в себя, поднимет шум. Чего ж не пристукнул сильнее?

Страшно. Я никогда человека пальцем не трогал, а тут вдруг убить! Я и в первый-то раз еле сил набрался его ударить...

Вот это хорошо! Потому-то он и жив остался. Это похоже на правду, это подтверждается действием. Мне главное, чтобы они не связали предыдущие пять случаев с этой неудавшейся попыткой. Те мертвецы не мои, о них я даже не знаю! Я лежал себе на койке, ковырялся в замке наручников, пока он вдруг, бац, не открылся, а как он открылся, я начал о побеге мечтать, хотел пистолет добыть, а потом шлюпку спустить и до берега добраться... Теперь продумать детали: как выбрался, как на палубу поднялся. Главное, чтобы за всеми моими действиями стоял не план, а случайность. Случайно наручники расстегнулись, непонятно как в иллюминатор пролез. Сам не пойму, как умудрился

на палубу подняться. Не иначе без сознания был! Не упомяну, с какой веревки спортивный костюм снял...

— Шагай,— скомандовал все тот же голос.

Это пожалуйста. Это я с удовольствием. Только как вы меня поведете? Так же: одно дуло в спину, другое в живот? Пятиться будете? Или с боков в клещи возьмете? Тогда у меня появляется надежда. Чихнуть для аргументации движения (на чих они, надеюсь, стрелять не будут), резко упасть на спину и ударить по рукам, удерживающим оружие, ногами... Наверное, все же пристрелят, но могут и не успеть. Ах да, еще тот, за прожектором. Похоже, придется сигать в воду. Ну что, попробуем?

— Ой, мужики, секунду. А-а-а-а... — начал я свой смертельно опасный чих.

— Кончай гримасничать!

— Сейчас, мужики, сейчас. Что-то в нос попало. А-а-а!

Чихнуть я не успел. А успел увидеть мелькнувший в свете прожектора чужой, летящий мне в висок, кулак.

Левша, успел отметить я и отключился.

В той темноте мне было блаженно. Не надо было никого убивать, не надо было ни от кого спастись. В той темноте я был свободен.

Глаза я открыл уже в каюте, вернее, не в каюте, а в каком-то подсобном, вроде склада, помещении. В нем не было иллюминатора, не было ничего, напоминающего мебель, — только несколько стеллажей-полок и зарешеченная лампа под потолком. Руки и ноги у меня были связаны, а сам я лежал на металлическом полу.

— Очухался,— сказал уже знакомый мне голос.

Я догадывался, что нахожусь в кладовой не один. Вряд ли меня до прихода в сознание оставили бы без присмотра. Демонстративно застонав и одновременно шевельнувшись, я, не до конца открывая глаза, скосился в сторону. Три человека. Один с автоматом наперевес. Другой возле двери. Третий стоит ко мне спиной. Что-то нехорошее, что-то зловещее почудилось мне в этой третьей фигуре, словно потусторонним холодком дохнуло в лицо. Но вдаваться в подробности я не стал. Не до лирики. Даже если это окажется сам Джек Потрошитель, что с того? Изменить что-либо я не могу. Если Потрошитель, значит, выпотрошит, если Франкенштейн, значит, оживит. Это не суть важно. Жизнь я уже проиграл. Главное, как вместе с этой жизнью унести в тартарары Тайну.

Все-таки меня поймали за руку, и как бы ни были тупы бандиты, они могут начать сопоставлять факты. Отсюда моя задача — запутать их, поставить как можно более глухую, скрывающую правду дымовую завесу лжи. Засыпать безудержным словоизвержением проклюнувшуюся ненароком истину. Такой будет моя тактика. Раскисать, плакать, каяться, врать направо, снова каяться и снова врать. До бесконечности. Я им такую словесную кашу заварю, что сам черт не расхлебает. Теперь повторить новую легенду. Подтвердить каждый ее пункт фактическим материалом. Это я смогу. Любой факт — палка о двух концах: каким хочешь, таким и поворачивай.

Начнем с самого начала...

Продолжая лежать неподвижно, я на самом деле работал на пределе своих возможностей. В считанные минуты я выстраивал каркас легенды и на него, как на скелет, налеплял события последних дней. В нормальных условиях такая работа потребовала бы недели. Мне нельзя упустить ни единой мелочи. Я должен быть очень убедительным.

Какта...

Наручники...

Иллюминатор...

Я не гадаывался, что вся моя титаническая работа — лишь пустое времяпрепровождение играющего в мудреца идиота. Что ровно через минуту столь тщательно собранная легенда рассыплется на микроскопические кусочки. Словно сброшенный с крыши небоскреба глиняный горшок. Я суетился, не в силах понять всю глубину постигшей меня катастрофы. Мои слова были никому не нужны. Меня никто не собирался слушать. Самое мудрое, что я мог сделать, — это отдохнуть перед последним броском в ледяную воду реальности. Расслабиться, подумать о вечном. А я изводил себя напрасными надеждами. Строил планы!

Остановись, чудак! Тебе уже ничего не поможет. Твоя игра сделана. Время подбивать бабки! И то, что должно было случиться, случилось.

Стоящий между бандитами человек обернулся. Кто бы мог за таким простейшим физическим действием предполагать такие разрушительные для меня последствия. Казалось, я на полном скаку ткнулся головой в бетонную стенку. Только что видел горизонт, дорожки, скачущих рядом соперников, препятствия, которые мне предстояло брать, перспективы — и вдруг, хлоп, не вижу ничего, кроме издохшей кобылы, собственной, вдребезги разбитой башки и неодолимой безнадежности монолитного бетона.

На мгновение я даже утратил контроль над мышцами лица. Моя челюсть отвалилась, и глаза вылезли из орбит. Хороша была, наверное, моя физиономия в этот момент! Недавно упорядоченные, как патроны в пулеметной ленте, мысли мгновенно разбежались врассыпную, подобно неожиданно освещенным яркой лампой тараканам. Гениальные наработки, составлявшие костяк легенды, превратились в прах. Все, ранее произошедшее, представилось глупым, бессмысленным и наивным. Как детская боязнь купания в ванной новобранцу, призванному служить три года на подводной лодке.

Оказывается, ничего не было нужно. Вообще ничего! Ни в трюме безропотно подставлять другую щеку, когда бандиты съездили по одной. Ни под себя ходить (вот ведь до чего докатился по глупости). Ни об иллюминатор шкуру обдирать. Ни бандитов, беря лишний грех на душу, по одному давить. Ни-че-го! Я проиграл изначально! Сев за партию, я умудрился не сделать ни одного правильного хода. Я мечтал о победе, думал, что в капусту крошу противника, а на самом деле играл в поддавки. То есть я-то в поддавки, а он по нормальным правилам и в полную силу. Так выиграть невозможно: я подставляюсь — он рубит, я снова подставляюсь — он опять рубит. Уже и фигур на доске нет, а я все считаю, что до триумфа осталось всего два хода! Короче, слепец,

но еще и дурак, безнадежный. Ничего не вижу, если вижу — не понимаю, а если понимаю, то неправильно истолковываю.

Я посмотрел на человека, лишившего меня не только будущего, но и прошлого! Это был он!

— Да. Это я, — очень просто сказал человек.

Это был местный Резидент!

Это не мог быть Резидент! Это невозможно! Это противоречило самой логике и здравому смыслу. Но это был он! Он!!

Но как, каким образом они умудрились меня найти? Как вычислили мое местоположение? Как договорились с бандитами, угнавшими самолет, о доступе на корабль? Заплатили? Пообещали помощь? Выступили в качестве парламентаров-посредников? Я начинал приходить в себя, начинал мыслить. Выламывая мозги, я искал ответы на вопросы, которые раньше мне даже не приходило в голову задавать.

Где я допустил прокол? Возле самолета «хвоста» не было! Голову на отсечение даю. Да если бы они вычислили меня до посадки, то до нее бы и повязали! Может быть, нашли список заложников, составленный милицией? Ерунда! По фамилии меня опознать невозможно: у меня новая фамилия, новое имя и новые, ни разу не использованные до этого документы. По фотопортрету? Но бандиты нас не фотографировали. К тому же лицо у меня иное, более похожее на фото в паспорте, чем на прежний облик. Нет, не сходится. Никак не сходится!

Может, среди угонщиков случайно затесался их человек, который меня каким-то образом узнал? И тут меня, уже напавал убитого, убили еще раз.

— А никакого угона и не было, — ответил Резидент на незаданный вопрос. — И заложников не было. Это наш самолет.

О готовящейся ревизии Резидент знал заранее. Человек из Центра предупредил его за шестнадцать дней. Ревизоры еще только паковали чемоданы и получали командировочные, а он уже знал, как нейтрализовать их деятельность. Он не рассматривал их фотографий, не читал ориентировок с указанием роста, веса, цвета волос, особых примет. Он не интересовался даже их численным составом. Человек сообщил цель и сроки выезда. Этого было довольно. Ревизоров не надо было вычислять, не надо было опознавать в толпе прибывающих в город командировочных, достаточно было знать об их прибытии. Они сами по собственной воле выйдут на ловца, выкажут себя своим поведением и повышенным интересом к определенному рода объектам.

Ревизия, о которой известно, теряет свой смысл. Резидент хорошо подготовился к проверке. В убыстренном темпе он завершил все, какие могли его хоть как-то скомпрометировать, операции, притормозил начало других. Он создал искусственный вакуум в делах, не укладывающихся в должностные обязанности. Все лишние люди были отправлены во внеочередные отпуска до особого распоряжения. На места его обычного пребывания было наложено вето — никто ни под каким видом не мог в них показаться в объявленный период. На крайний случай были отработаны аварийные каналы связи.

В облегчение работы себе, а заодно и ревизорам, в доме напротив его штаб-квартиры была освобождена жилплощадь. На одного ответственного квартиросъемщика вдруг свалилась неожиданная радость — нашелся чудак, который согласился его двухкомнатную поменять на свою двухкомнатную же, но полнотражную в более близком от центра районе. То есть вначале, конечно, было объявление, расклеенное на ближайших подъездах, но потом из вех предложенных квартир он почему-то выбрал именно его. Планировка ему, видите ли, понравилась. Ну не чудак ли? Для убыстрения разезда он даже машину умудрился найти. Просто сказочно повезло...

Однако торопившийся с обменом новый хозяин в квартиру сразу не въехал, а, предполагая капитальный ремонт, до времени сдал ее случайным жильцам. Был он привередлив — одним, предлагавшим хорошую цену, отказал, отказал другим, а вот третьих пустил.

Очень уж они походили на ревизоров. Зачем же отказывать тем, ради кого и была затеяна вся эта возня с разменами. Ревизоры заступили на пост. Резидент стал вести образцовый образ жизни.

Игра началась.

Въедливый топтун-охранник, честно с утра до вечера отбивающий тротуары определенных улиц и просиживающий штаны в случайных кафешках и скверах, ничего подозрительного не заметил, потому что ничего подозрительного и не было. За ревизорами никто не следил. А зачем? Ревизоры делали угодное прежде всего ревизируемым дело: фиксировали полезную, выставляющую их в самом выгодном свете информацию. Стоило ли им мешать? Хитрые машинки писали разговоры исключительно на бытовые и официально-производственные темы. Сверхдорогая записывающая пленка тратилась впустую. Хронометраж ежедневных маршрутов Резидента тоже ничего не мог дать. Он ходил строго туда, куда и насколько нужно. От случайных дураков и непредвиденных происшествий ревизоров охраняла бригада из трех человек, неделю назад по случаю нанятых жэком для ремонта изношенной бойлерной, жэку тоже очень повезло — полная бригада со своим инструментом и за такую божескую цену! Вообще в последнее время вокруг этого дома многим везло. Резидент перестраховывался, он не мог допустить прокола из-за какой-нибудь досадной, вроде нахального квартирного грабителя, случайности. Сорванная ревизия автоматически влекла за собой другую, контрольную. А в том, что его предупредят второй раз, Резидент уверен не был. Мало беспокоила Резидента и фигура Контролера. Что он мог выявить? Добросовестную работу ревизоров и охранника? Дело идет гладко, слежка не обнаружена, происшествий нет. Все о'кей. О чем и доложено по инстанции. Проверяемым даже не надо было знать его в лицо. Зачем? Если он хочет оставаться невидимым, пусть будет! Важен не он — важны возложенные на него функции. Приехал, подтвердил чистоплотность работы бригады и уехал к себе обратно строчить отчет. Для этого-то, для отчета, он и был нужен. Без его официального подтверждения результаты проверки могут подвергнуть сомнению. Чем добросовестнее он

будет работать, тем надежнее подтвердит подsunутую ревизорам легенду, тем в большей степени на руку сыграет проверяемым. Так и крутилась эта карусель — ревизоры писали дезу, охранник охранял их от несуществующей слежки, Контролер собственноручно написанным отчетом заверил результат их работ.

Все было прекрасно до тех пор, пока после успешного завершения всех работ ревизоры не вернулись в уже покинутую квартиру. Это было вопреки всем правилам подобных операций. Это было ЧП! С этого мгновения весь тщательно продуманный и многократно обсчитанный план заговорщиков стал рассыпаться на отдельные, плохо состыкуемые друг с другом части.

Не лежала к тому у Резидента душа, но пришлось объявлять спешную мобилизацию и все наличные силы, вплоть до последнего агента-курьера, бросать в бой. Каждую минуту каждый шаг ревизорской бригады пасли несколько пар глаз.

Наверное, это был самый серьезный просчет подследственных. Они выказали свое присутствие. Но что было делать? Им ни в коем случае нельзя было допустить контакта ревизоров с Контролером. Он единственный мог дать приказ о продлении операции, но лишь в случае чрезвычайных обстоятельств. Приказ он дал. Значит, он зацепил какую-то тревожную информацию. Соединение его подозрений с техническими возможностями ревизоров могло дать очень взрывоопасную смесь. Догадки не должны были получить объективных подтверждений! Любой ценой! Тогда кто поверит Контролеру? Домыслы без доказательств — «пшик», пустое сотрясение воздуха. Пока он бьется с конторскими бюрократами, доказывая свою правоту, пока, настаивая на проверке, пишет рапорты, можно свернуть работу и рассыпать по звеньям не одну, а десятки таких цепочек. Ни одна самая пронизательная комиссия, даже если он ее добьется, не подтвердит его подозрений. Это если она будет, что сомнительно. Максимум, чего он сможет добиться, не владея дополнительной информацией, — списания перерасхода, вызванного продлением ревизии на двое суток по статье «непредвиденные траты». Тоже хлеб, все-таки не из своего кармана платить.

Нет встречи — нет доказательств — нет комиссии. Но встреча состоялась и, как подозревал Резидент, не без посредства угнанного охранником «уазика». Не зря же он чуть не полсуток выпысывал кренделя по городским улицам. Слежка ничего не заметила, но это лишь доказывало успех противной стороны.

Резидент, несмотря на протесты измученных двухсуточной облавой сыскарей, настоял на повальной проверке всего маршрута следования ревизорского «уаза». Осмотреть все: тротуары, окна, подворотни, откуда можно выстрелить сообщение, канализационные и кабельные колодцы, не пропуская ни метра. Несколько бригад, замаскировавшись под дорожные, аварийные, газовые службы, прочесали город. Через четырнадцать часов на одном из люков нашли ободок из уплотнительной резины. Резидент вызвал инженеров, обычно помогавших решать вопросы технического обеспечения. Они провели электронную контролсложку, оцупав своими чувствительными приборами каждый квадратный дециметр указанных им территорий. Когда они

обнаружили микрофоны на окне и в машине, было уже поздно. Восстановив в памяти (а память у него была профессиональная) все до последнего слова и вздоха разговоры, проведенные во всех прослушиваемых помещениях за последние двадцать часов, Резидент понял, что Контролер дознался до главного — до человека в Центре.

Ситуация достигла критического уровня. Упущенный человек, о котором не было известно решительно ничего, обладал, кроме личных подозрений, смертельно опасными для дела доказательств. За несколько часов он превратился из досадной помехи в угрожающее катастрофой явление. Не взять его в ближайшие часы значило проиграть все.

Снова и снова Резидент ломал голову над неразрешимой задачей — как вычислить в полумиллионном городе человека, не владея ни единым параметром, необходимым для его опознания? Он понимал, что был единственным человеком, способным противостоять Контролеру. Среди всей этой мелко- и крупномафиозной швали он один был профессионалом. Один. Другим — Контролер.

У них была одна школа, одни учителя, одинаковый стиль мышления, они играли по единым, известным только им правилам. Они были похожи, как близнецы, только жизнь развела их по противоположным знакам: одного — в плюс, другого — в минус. Только он мог понять ходы противника, попытаться отыскать в его обороне уязвимое место. Помощников у него не было и быть не могло. В принципе все прочие люди мыслили иначе, не обязательно хуже, но иначе. Они никогда не смогли бы понять логики поступков людей, подобных Резиденту и Контролеру.

Резидент поставил себя на место Контролера. Что бы сделал в его положении он? Вернее, что бы он не мог не сделать? Он бы не мог покинуть поле боя, не подобрав хвосты! Он должен максимально чисто убрать после себя территорию. Куда там лондонскому дворнику, с него за пропущенную соринку не спросят, а со спецов, случись такое, голову снимут вместе с погонами. Это значит, что хотя бы один раз Контролер появится возле объекта. Он попробует изъять приемники, промежуточные передатчики, снять микрофоны. Даже после самоликвидации они представляют улику. В крайнем случае он попытается узнать, стоят ли они еще на месте или нет, понять, насколько близко к нему подобрались преследователи. Конечно, он их не изымет и не снимет. Он очень осторожен и наверняка учует слежку за версту. Но придет. В этом Резидент был уверен.

Это рефлекс. Это необъяснимая логикой тяга, ведущая преступника на место совершенного им преступления. Как лиса, уходящая от погони, метет свой путь хвостом, так и он будет стараться уничтожить ведущие к нему следы, улики. Не сегодня, так завтра он пройдет здесь. Его не надо искать, его надо просто ждать.

Но как среди многих, прошедших по улице прохожих, найти одного-единственного неизвестного человека? Как узнать среди тысяч текущих мимо лиц одно, которое к тому же совершенно неизвестно. Должен же быть выход! Не бесплотный же дух Контролер. Не невидимка же в самом деле. Должен же он, пройдя

здесь, оставить хоть какой-то, самый малый след. След! Оставить след...

Следы...

Резидент снова и снова проговаривал зацепившее его слово, вертел его и так и эдак, пробовал на вкус. След. Что-то было в нем очень тревожное, приближающее к решению проблемы. След в жизни. След за горизонт. След, оставленный на земле.

Ну, конечно, следы! Вот оно, решение!

Резидент вызвал физика. Физик использовался редко. Он давал такие советы, какие никто, кроме него, дать не мог. Физик работал заведующим кафедрой в местном техническом университете. Когда-то ему срочно понадобились деньги, и он попался на крючок. С тех пор он время от времени подрабатывал в неизвестной ему организации, выполняя не всегда понятную ему работу. Он подозревал, что работает «на безопасность». Ему так было удобнее.

— Что произойдет, если улицу полить раствором радиоактивной жидкости? — спросил Резидент.

— Полгорода схватит дозы.

— Это второстепенно. А можно ли прочесть следы ушедшего человека?

— Если концентрация будет достаточной.

— Посчитайте насыщенность раствора и подготовьте двадцать приборов, способных принимать сигналы с расстояния до двух метров. Сколько на это потребуется времени?

— Неделя, — ответил физик.

— Пять часов! — объявил Резидент. — За каждую сэкономленную минуту вы получите один процент от общей суммы, за каждую просроченную минуту мы снимем полтора процента.

— Это невозможно!

— Возможно. На этом листе напишите все, что вам нужно...

Приборы были готовы через четыре с половиной часа, что стоило Резиденту трети резервного фонда. Но это стоило того!

Поперек всех улиц и переулков, по всем мостовым и тротуарам, где мог пройти Контролер, был разбрызган радиоактивный раствор.

Хотел того Контролер или нет, он, переступив невидимую контрольно-следовую полосу, дал начало следу, который неизбежно должен был вывести к нему.

Дальнейшее было делом техники.

На подходах к вокзалам, аэропортам, на перекрестках магистральных дорог, на остановках встали «слухачи». Молодые симпатичные парни тащили в руках над самой землей спортивные сумки и дипломаты, на поясах у них болтались плееры, в ушах торчали наушники. Они не привлекали ничего внимания. Нормальные парни. Ходят или стоят на месте, кого-то поджидая, балдеют, слушая только им известную музыку. Ничего необычного. Необычное было в дипломатах и сумках — чувствительные, настроенные на нужную волну счетчики Гейгера. К ним через неработающие плееры тянулись провода наушников. И слушали парни не очередную модную попсу, хотя и пританцовывали ногами в такт незвучавшей мелодии, — слушали чужие следы.

Резидент рассчитал правильно. Контролер не мог задерживаться, ему нужно было как можно быстрее покинуть смертельно опасный город, и, значит, он не мог миновать контролируемых «слухачами» транспортных развязок. Резидент ждал результатов.

Поисковики, проверяя счетчиками вокзалы и аэропорты, наткнулись на стучащий в уши след. Это был один-единственный след на целый город. Всего лишь один так нужный Резиденту след. Один, а не несколько тысяч, как было в начале операции.

«Слухачи» шли по нему, как собаки-ищейки по хорошо натоптанной волчьей тропе. Они должны были настичь Контролера через час, через полчаса, через минуту. Но они опять опоздали. Контролер успел переодеться. Счетчик Гейгера привел к мусорному баку. Сыскари нашли аккуратно запакованную в бумагу фонающую обувь и одежду. След прервался, но сомнений не оставалось: не найдется ни одного здравомыслящего человека, способного вдруг по какой-то непонятной прихоти выбросить в мусор полный комплект еще вполне приличной одежды. Это мог быть только Контролер. Он был рядом, в нескольких метрах. Но он был все еще неизвестен.

Резидент определил следующую задачу — вычислить рейс, на котором может отбыть Контролер, и изолировать его до установления личности вместе со всеми пассажирами, исключая детей и уж совсем немощных стариков. Первое было нетрудно: из не очень-то бойкого расписания заштатного, оттертого на второй план новым аэровокзалом-гигантом, аэропорта было ясно, что в ближайшие часы ожидается только один рейс «кукурузника» местной авиакомпании. Резидент догадывался, что Контролер не захочет лишнее время маячить на вокзале, что, следуя старой конспиративной привычке, он постарается приехать ближе к отлету, в идеале чуть ли не к трапу. И еще он понял, что Контролер купит билет именно на этот, местный, совсем не совпадающий с истинным направлением его движения, рейс. Резидент научился понимать преследуемую жертву, уловил логику его поступков — он всегда выбирал очень дальнюю, окольную, но на самом деле очень прямую дорогу. На его месте Резидент поступал бы точно так же. В деле, которым они занимались, прямо не всегда означало быстро.

Второй пункт программы — изоляция нескольких десятков собирающихся лететь этим рейсом пассажиров — был много сложнее. Выход нашелся простой и элегантный — позволить пассажирам сесть в самолет, в который они сесть хотят! Тогда не надо их запугивать, тащить, отстреливаться от встрянувшей милиции, отмазываться от свидетелей. Они придут туда, куда надо, по собственной воле, собственными ногами. Они предъявят билеты, рассядутся по местам и в это мгновение будут изъяты вместе с самолетом. Товар принят согласно описи, надежно упакован и в полной целостности и сохранности едет, точнее, летит, в пункт назначения. Дело за малым — за самолетом.

Резидент приказал доставить ему пилота, подвизавшегося у местной мафии на левых полетах на левом же самолете в дальние стойбища для обмена водки на мясо, шкуры и песцовый мех.

Пилота притащили через двадцать минут в состоянии жесто-

чайшего алкогольного похмелья. Он был в переходном от живого человека к трупному состоянию.

— Я даю час на его поправку, — приказал Резидент, — делайте что хотите, хоть перелейте ему всю кровь, хоть жарьте на огне. Его дальнейшее здоровье меня не интересует. Мне он нужен только на один день. Через час доложите результат. Если он умрет в процессе лечения, я с вас не спрошу. Если он будет жив, но не сможет держать штурвал самолета, полетите вы. Все!

Через час пилот, бледный как смерть, слегка покачиваясь на ногах, но в здравом уме и ясной памяти, стоял перед Резидентом.

— Этому — кофе и рюмку коньяка. На сбор четыре минуты.

В это время неизвестный, проникший на взлетное поле злоумышленник свинтил несколько очень важных гаек с мотора уже готового к полету АНа. Диспетчер срочно вызвал бригаду ремонтников. Рейс был отложен на десять часов.

В это же время несколько мужчин за бешеные деньги перекупили у многолетней мамыши, древней старушки и старика посадочные билеты, оформив их как положено: одни сдали, другие приобрели, через кассу. Свободных мест в самолете не оставалось.

За пять минут до отправки была проведена подмена пилотов. Вел переговоры, принимал машину, запрашивал взлет один экипаж, а взлетел уже другой. Резидент хотел быть уверенным, что самолет полетит туда, куда нужно. Ему надоели непредвиденные случайности.

Внешне все выглядело досадным недоразумением на летном поле: в нарушение инструкции, а чего только не может случиться во второстепенном аэропорту, возле уже загруженного пассажирами АНа проезжал бензозаправщик. И, бывает же такое, заглох возле самой кабины, заслонив ее от диспетчерской. Пока водитель демонстративно крутил ручку, пытаясь запустить заглохший мотор, два притаившихся в ближайшей лесопосадке снайпера двумя одновременными выстрелами сняли сидевших на своих местах пилотов. Никто ничего не заметил, только на стеклах кабины появились две аккуратные, с недалеко разбежавшимися в стороны трещинами, дырки. Под прикрытием бензовоза по специальным складным приставным лестницам в кабину, предварительно продавив стекла, влезли дублеры. Так они и летели дальше усиленным — двое живых, двое мертвых пилотов — экипажем.

Менее всего организатор столь грандиозной операции опасался вмешательства внешних сил. Он учел и это. Вначале, когда план только оформлялся, эта проблема признавалась одним из самых узких и спорных мест. Что предпримет администрация, узнав о тайственном угоне вместе с экипажем и пассажирами рейсового, местного сообщения, самолета? Не поднимет ли сама, испугавшись такого ЧП, в ружье все наличные силы МВД, безопасности, ГО, спасателей? Не обратится ли за содействием к войскам местного гарнизона? Не запросит ли помощи Центра? И не докопаются ли они совместными усилиями до истины?

Нет, не поднимет, не обратится, не запросит. Потому что угона не будет! Будет самолет, прилетевший с требуемым грузом в нужное время, в нужное место. А для всех прочих? Для всех

прочих случится авиационная катастрофа. Трагедия в небе. Такое, увы, бывает. Самолеты, они тяжелее воздуха, и поэтому имеют дурную привычку падать вниз. Вот он и упадет.

Нет АНа. Развалился над морем. Все погибли. Только расплывшееся по воде масляное пятно и кое-какие плавающие части корпуса и смогут найти спасатели. Когда заранее знаешь о предстоящей катастрофе, можно очень хорошо к ней подготовиться.

Техническую сторону легенды аварии обосновали специалисты. Они постарались учесть все: конструктивные особенности самолета, степень изношенности его механизмов и узлов, погодные условия, посещаемость предполагаемого места аварии судами и самолетами и пр. Пилоту надо было лишь в точности исполнить рекомендации: занять требуемый эшелон высоты, попасть в поле зрения нужных локаторов, привлечь внимание случайных наземных наблюдателей в заранее определенных местах. Чуть сбиться с маршрута при полете над морем и, наконец, сыграть голосом тревогу, передавая несколько заранее составленных и предназначенных для ушей диспетчеров фраз прежде, чем спикировать к поверхности воды. И уже после «аварии», изменив курс на 110 градусов, над самыми волнами тянуться в условленное место на берегу. И сколько бы потом ни искали водолазы самолет и останки людей, они ничего не отыщут, потому что ничего нет — люди спрятаны на небольшом, стоящем на мелководье судне, самолет разобран и зарыт в укромном месте в землю.

Поиски продлятся еще день или неделю, а потом в связи с чрезмерными для имеющегося водолазного снаряжения глубинами (а как же иначе, именно такая глубина для места аварии и подыскивалась) или из-за неблагоприятных погодных условий поисково-спасательные операции будут прекращены. Членам семей экипажа и пассажиров будет выплачена единовременная материальная помощь и выдан символический, предназначенный для захоронения прах. Нет людей, нет розысков, нет проблем. Пассажиры, и среди них Контролер, окажутся в полной власти Резидента на поджидавшем их судне. Он сможет держать их день, два, неделю, месяц, их никто не хватится, потому что на земле их уже не будет. О том, отпустить людей впоследствии, когда будет вычислен Контролер, или найти другой выход из двусмысленного положения, Резидент не думал. Это было не его ума дело.

Ночью судно не спало. На мачтах, на кран-балках были посажены и замаскированы наблюдатели. На палубе установили три накануне привезенные видеокамеры. В коридорах, возле специально пробитых из кают глазков, притаились боевики. В пяти кабельтовых от судна поставили на якорь шлюпку, там было два человека с приборами ночного видения, которые должны были отслеживать борта. Резидент сел в зашторенной рубке возле телевизионных мониторов. Теперь оставалось лишь ждать, когда Контролер выйдет на охоту. Лишь бы он не сделал перерыва.

Контролер не сделал перерыва. Контролер вышел. Со шлюпки доложили: «Из иллюминатора по правому борту вылез человек».

Резидент взглянул на схему. Вот уж чего он не ожидал! Обита-

тель семнадцатой каюты — Контролер? Ничем себя не проявивший, принимающий издевательства как неизбежность? Зажмуривающий глаза... Среднячок.

Тюфяк.

Мямля.

Вот именно! Серая мышка на сером фоне. Идеальный портрет невидимки. Идеальный портрет Контролера. Он, профессионал, должен был понять это раньше! Резидент с досады чуть не грохнул по столу переносной радиостанцией. Но не грохнул. Раз и навсегда его отучили выражать эмоции публично. Единственное, что он позволил себе сделать, — это жирным крестом перечеркнуть на схеме каюту № 17. Работа была закончена. Контролер был известен.

Контролер еще успел пройти по палубе, не подозревая, что каждый его шаг отслеживается. Он крался, затаивался, не зная, как комично это выглядит на экране монитора. Он унижал себя соблюдением уже ненужной конспирации.

— Свет, — распорядился Резидент. — К захвату!

Резидент говорил час. Это была странная беседа, где один, свободно двигаясь по камере, беспрестанно болтал, другой, валяясь спеленутый по рукам и ногам на холодном полу, молчал, ни единого раза не раскрыв рта. Это была нормальная беседа победителя и побежденного.

— Может, ты подозреваешь, что я блефую? — спрашивал Резидент. — Тогда это странно. Какие еще нужны аргументы? Я вот он. Ты вот он. Ты знаешь, что я Резидент, я знаю, что ты Контролер. Операция провалена, ее участники, включая руководителя, раскрыты. Чего еще надо? Игра в кошки-мышки завершена.

— Ремни вы, конечно, не развяжете? — спросил я, хотя заранее догадывался об ответе.

— Конечно, нет. Сам понимаешь, нам тебе свободу действий давать нельзя. Мы еще не нашли то, что нас интересует. Нам тебя еще перетряхивать до самых кишок. Так что потерпи, если можешь.

— Хоть матрац подстелите.

— Подстелим.

Я догадывался, что произойдет дальше. Я понимал, для чего нужна была вся эта болтовня. Пока шеф трепался, на самом деле зорко наблюдая за пленником (чужим глазам это дело не доверил, только своим), подчиненные в спешном порядке «обрабатывали» мою каюту.

— Дискетку, конечно, не отдашь? — на всякий случай спросил Резидент.

— Так нету. Давеча в море потерял, — с легким сердцем соврал я.

— А если станем искать? — Не ради угрозы, просто предупредая о скорых действиях, сказал Резидент. Я пожал плечами. Мол, что будет, то будет.

Как они будут искать, я знал. Вначале по нитке распустят одежду, потом ощупают, заглянут во все естественного происхождения тайники, потом потащат на рентгеновский аппарат. Хотя нет, не потащат. Откуда ему здесь, на судне, взяться? А потащат

меня, сердешного, прямиком в анатомичку, положат на обитый оцинкованным железом стол и начнут резать на тонюсенькие кусочки, каждый такой кусочек протирая, словно тесто, между пальцев. Вдруг я вшил посылку под кожу? Такие приемы известны.

В помещение вошел один из командиров и что-то шепнул Резиденту. Тот внимательно посмотрел на меня и, усмехнувшись, продолжил разговор:

— К сожалению, расстрою тебя — анатомического театра не будет. Я выкупил твою посылку. За рубль!

Значит, нашли! И тут я тоже проиграл.

— Вообще дело закончено и подшито в папку. Информация уйти не успела. Контролер в наличии. Остальное — дело техники. Осталось утрясти маленькую проблемку. Честный ответ на честно заданный вопрос. И на этом все. Пароль дискетки?

Я категорически мотнул головой.

— Это последнее слово?

Я молчал.

— Тогда все. Считаю — отмучился.

Он был нормальным парнем, Резидент. Он не желал доставлять мне лишних страданий. Он избавлял меня от анатомички.

Резидент вызвал подручных

— В расход, — коротко сказал он. — И не затягивайте. Охрану, наручники не снимать до самого конца. Выполняйте. Прощай, Контролер. Извини за доставленное неудобство.

Меня вывели на палубу. Судно стояло возле берега.

— Давай шагай, — толкнули в спину охранники.

Непонятно, зачем меня ведут на берег? Отчего не шлепнули на судне?

— Направо, — скомандовали провожатые.

Я поднялся на небольшое возвышение. Впереди был довольно крутой склон оврага, сзади море. Прямо кинематографический вид такого дела пейзаж. Сцена расстрела главного героя. Дубль первый и единственный.

— Остановись там.

Я встал.

Боевики тянули, о чем-то препираясь.

— Ну вас к дьяволу! Я не полезу. На черта надо! Наручники не мои. Они все в мозгах будут, а мне с ними возиться, — возмущался самый молодой. — Или сейчас снимайте, или пусть пропадают.

— Да, ладно, черт с ним, отстегните ему наручники. Куда ему бежать? Он на ногах еле стоит, — согласился старший. — Чего спорить? Тут делов-то на две минуты.

Я напрягся. Обстоятельства резко изменились — мне освободили руки! Мои пока еще остающиеся на месте мозги быстро просчитали расстояния. До кустов было сорок пять метров. Четыре — до боевика с карабином (тоже оплошность, на расстрел лучше автомат брать). Пять — до другого. Что у него? Макаров? Эта хлопושка меня не пугает. Прицельность у него как у слепого глазомер.

Молодой подошел ко мне, расстегнул наручники. Играя на ослабление противника, я, пошатнувшись, упал на колени, с тру-

дом поднялся. Я слаб, для меня каждый шаг — мучение. Я безопасен. Меня можно даже не стрелять, я и так умру через пяток минут.

— Сдвинься, — приказал молодой, взвоя ТТ.

Это — с готовностью. Такие перестановки мне только на руку.

Холодный ствол уперся в затылок. Через секунду должен был раздаться выстрел, уносящий мою жизнь. Всего через секунду... Нет, через целую секунду! Для таких, как я, это много. Когда фаланга его указательного пальца вдавила спусковую собачку, моего затылка под дулом уже не было. Пуля и горящий порох вбили мне дорожку на макушке, но не больше. Волосы не башка — отрастут новые. Мгновенным ударом локтя в солнечное сплетение я вывел боевика из строя. Он охнул, мешком осел мне на подставленные плечи. Именно этот прием давал мне шанс на сохранение жизни. Во всех других случаях я был бы покойником, уже через секунду. Я получил надежную защиту, бесплатный, из чужой плоти и крови, бронезилет. Длинными прыжками я побежал вниз по склону. От перегрузки страшной болью отозвались внутренности, ноги и все тело. Но, когда дело идет о спасении жизни, на такие мелочи внимания не обращают.

Быстрее, еще быстрее!

Бандиты на секунду растерялись. Но именно на ту, которая решала исход побега.

Пока они соображали, пока выискивали мишень для своих пуль, я в спринтерском беге успел одолеть расстояние, давшее мне приличную фору. Следующим их чувством после растерянности был испуг. Они вдруг поняли, что смертник может уйти, что расстрел не состоится, что они ответят за его потерю своими головами. И они стали стрелять. Вначале по ногам. Но попасть по мелькающим пяткам из неавтоматического оружия очень сложно, а до кустов оставалось не более десяти метров. Они испугались еще больше. «Уйдет!» И, наплевав на своего напарника, стали стрелять в корпус. Они были неплохими стрелками, я услышал, как несколько пуль ткнулись в спину моего в прямом смысле слова телохранителя. Я с трудом устоял на ногах.

Бросая на ходу первоначального движения шишки и камни, я, согнувшись, стараясь не производить излишнего шума, уходил все более в сторону. Слыша шум, видя вздрагивающие ветки кустов, бандиты палили туда, где меня уже не было. Выпрямляясь и наращивая ход, я бежал совсем в другую сторону. Мне выпала удача. Мне подарили жизнь!.. Я шел час, два, пять. И не догадывался, что в это время Резидент, свернув стихийную погоню, сел за карту. Он не стал уподобляться гончей собаке, бегать за мной вслед. Он привык опережать события. Изучив карту, он определил шесть наиболее вероятных точек, которые я не смогу миновать. Он правильно учел топографию и мое физическое и моральное состояние. Никаких «Стоять! Кто идет?» или «Руки вверх!» не предусматривалось. Он был научен горьким опытом, чтобы желать меня заполучить живым. Такого приказа не было. Был другой — всякий, кто меня первым увидит, должен без раздумья и ни в коем случае не приближаясь более чем на десять метров всадить мне в голову пулю.

Я был обречен и, топая по галечному дну ручья, не догадываясь, что от смерти, рассматривающей мой висок в перекрестье прицела, меня отделяют лишь восемьдесят метров. Боевики честно выполнили приказ. Они не окликали меня, не пытались брать в плен. Они меня убивали.

Выстрел!

И пуля отправилась в недолгое путешествие от дула винтовки к моей глупой голове. Спасибо случайной ветке, вставшей в начале траектории выстрела. Она отклонила смертельный свинец на доли миллиметра, но именно эти доли сохранили мою жизнь. Пуля, отбросив меня назад, прошла мягкие ткани плеча.

Боевики бросились навстречу убитой жертве.

— Эй, ребятки, вы чего? — вдруг раздался спокойный голос.

На другой стороне ручья, на полянке, по-портновски сложив ноги, сидел, просыпая сквозь пальцы табак в сложенную углом бумажку, старик. На коленях у него лежала потрепанная тозовка-мелкашка, в ногах валялся вещевой мешок.

— Ты откуда, дед?

— От папы с мамой. А вы чего мужика мучите?

— Это, дедуля, преступник. Бандит. Он жену свою зарезал. Ступай давай отсюда.

— А, тогда понятно. Тогда, конечно, — согласился старик. — А почему милиции нет?

— Мы и есть милиция. Уйди, дед, от греха.

— А чего ж вы так не по-божески? Без суда, без этих, как их, адвокатов?

Боевики переглянулись. Въедливый дед попался, так просто не отстанет. Видно, надоело ему бирюком в тайге сидеть. По живому слову истосковался. Общения жаждет. Старший боевик незаметно кивнул глазами. Другой, отойдя в сторону, отправился к ручью, ненароком заводя на деда дуло карабина.

— Тут, дедуля, понимаешь, дело такое секретное. Я сейчас подойду, расскажу.

— Ты бы, паря, не шел, а оттуда рассказывал. У меня с ушами все в порядке.

— Ах ты, сука! — выругался боевик, вскидывая карабин. Выстрелить он не успел. Каким-то неуловимым движением дед поднял винтовку. По сравнению с карабином тозовка хлопнула глухо, еле слышно, как-то по-игрушечному. Боевик выронил оружие, схватился руками за лицо. Маленькая пятимиллиметровая пуля вошла ему точно в глаз. Дед-то, видать, был охотником. Привык белок в зрачок бить, чтобы шкуру не попортить. И этому не попортил — целехонький боевик. Только мертвый.

Оставшиеся бандиты мгновенно вскинули оружие. Одного — ударом ноги в пах и другой в подбородок — обезвредил я. Второй смог по достоинству оценить меткость случайно встреченного охотника. Он сыпанул очередь из автомата под ноги старику. Чуток промахнулся, видно, поторопился. В свою очередь, тот, даже не шелохнувшись под ударами камешков, выбитых из земли, послал одну пулю, но куда надо. Боевик увидел вспышку выстрела и больше не увидел ничего, потому что глаз не может видеть пули, прошедшей сквозь него.

Все. Два выстрела. Три тупа.

— Ну, ты даешь, дед, — восхитился я, потянувшись рукой к выроненному убитым боевиком автомату.

Прозвучал выстрел. Автомат, отброшенный ударом пули, отлетел на полметра.

— Не балуй! — предупредил дед.

— Ты чего? Ты ж меня только что спас! — удивился я.

— А это ничего не значит. Сегодня спас, завтра не спас. Кто ты такой, я не знаю. Может, ты и впрямь жинку порешил. Мне что ты, что они — все едины. Ты вона как лихо того парня вздул. Он и охнуть не успел. Ты вот что, паря, отойди за-ради Христа шагов на десять.

Я повиновался. Как стреляет дедок, я видел, изображать мишень для его очередных спортивно-прикладных упражнений мне не хотелось.

— Вот так. А теперича видишь ту березку? Вот и подойди к ней, не поленись. Ближе, еще ближе. Теперь прикоснись. Чай, не грязная. А дальше, мил человек, обхвати березку вокруг руками и ногами. Сделал? Теперича руки засунь под коленки. Не падаешь, нет? Вот и ладно. И ползи теперь по стволу вниз, скока можешь. Понял?

Ай да дедок! Это ж надо, что учудил! Таким приемом японцы еще во время третьего года войны пленных рассаживали. Веревки экономили. Заставят обхватить ствол, наваятся сверху так, чтобы человек, сползая вниз, ногой ногу заклинил, руки под ремень запустят или свяжут — и вся недолга. Век будешь сидеть, не поднимешься.

— Вот теперь ладно, — заключил старик. — Ты пока посиди. А потом мы побалакаем.

Дед сходил за хворостом, развел костерок, вскипятил на нем воду в пол-литровой загаженной кружке и, заварив, стал гонять чай, поглядывая на меня да подсушивая промоченные в ручье портянки.

— Ты чей будешь-то?

Подумал я соврать, рассказать очередную байку-легенду, да плюнул: с двойным дном дедок, не понравится ему выдуманная наспех история — останусь здесь до окончания века, пока меня либо подручные Резидента не обнаружат, либо муравьи заживо не съедят. Лучше ближе к правде.

Рассказал я деду всю свою историю, кроме, конечно, конторских тайн.

А что поделатъ, если этот занюханный таежный охотник покрепче других спецов оказался.

С дедом мы поладили. Похоронив убитых, мы ушли на займку.

Два дня дед, не отходя, отпаивал, обмазывал меня травяными настоями. На третий я решил возвращаться. Я не мог поступить иначе. Там был Резидент, там была дискета. Мне не с чем было явиться пред светлы очи начальства. Что бы я рассказал, особенно после гибели ревизоров? Резидент не дурак, найдет способ навешать на меня всех возможных и невозможных собак, хоть на мертвого, хоть на живого. На мертвого предпочтительнее. Реаби-

литировать меня могла только дискета. Я мог либо ее добыть, либо погибнуть. Без середины. Другого выхода из этого леса для меня не было.

Выбросив кровавые лохмотья, я экипировался в снятую с убитых боевиков одежду и обувь.

Дед подозрительно наблюдал за моими сборами.

— Чудак-человек, днями еле ноги унес, и опять башку в капкан суешь. А как захлопнется? Чего не живется спокойно?

— Дела, дед. Дела, — односложно отвечал я.

— Важнее жизни дел нет. Погодь-ка, с тобой пойду. Сам гляну. — Дед нагреб три горсти патронов и рассовал их по карманам.

Вышли мы часа на три позже, чем я планировал. Дед спешки не терпел — собирался основательно, как будто жить в другое место приезжал.

При приближении к морскому побережью я стал раздумывать о том, как нейтрализовать энтузиазм своего лесного спасителя. Помочь мне он не мог, потому что не должен был знать моих дальнейших планов. Он и так за эти дни услышал более чем достаточно.

— Послушай, дедуля, — пытался выбраться я из щекотливого положения. — Подмога скоро подоспеет... Наверняка подоспеет. Моя задача — удерживать силы противника в поле зрения до подхода основных сил. Если ты хочешь помочь в добром деле — отследить тылы. Я не умею смотреть одновременно вперед и назад. Перекрой подходящие дороги и тропы. Если по ним кто-нибудь пройдет, сообщи мне. Это спасет меня и хорошее дело.

Не знаю, слова, интонация или выражение моих глаз убедили старого охотника, но он согласно кивнул и, забросив мелкашку за спину, отправился к ближним кустам.

— Будь, дед!

— Буду, сынок!

НП я оборудовал прямо на берегу, под поваленной вершиной к воде елью. На несколько ближайших часов мне предстояло замереть, слившись с близким неживым окружением, — вот ствол, вот камень-валун, вот и измазанный землей и вдавившийся в землю я. Все одинаково неподвижные и молчаливые. Одним словом, неодушевленная природа. Ландшафт.

Уже в первые часы наблюдения я заподозрил неладное: людей на судне и возле него явно поубавилось, но, главное, не было признаков, указывающих на наличие Резидента. Неужели Резидент вместе с боевиками рыщет по тайге в поисках сбежавшего пленника? Вряд ли, скорее всего он отбыл в город готовить встречу неизбежной, как ночь, конторской проверке. Центр действия сейчас смещается туда. Здесь подбираются уже ничего не могущие изменить остатки. Значит, так ему и быть. Резидент не плетется в хвосте событий, он имеет привычку забегать вперед.

Но если он там, зачем я здесь?

Дождаться ночи и уходить в город — принял я единственно возможное решение. Бог знает, сколько суток мне придется топтать ножками по тайге в обход бандитских кордонов. Но уйти мне не удалось. К вечеру к самым сходням, разбрызгивая гальку,

подкатила машина. Из нее выскочили несколько вооруженных и чрезвычайно возбужденных боевиков, поднялись на судно. Им навстречу вышла охрана. На палубе возник импровизированный митинг. Боевики кричали, прерывая друг друга, махали оружием, указывая в сторону берега.

Похоже, они отыскивали свежие могилки своих собратьев по штыку и кастету. Тогда их возмущение можно понять. Митинговых страстей я не опасался: чем больше шума, угроз, публично произнесенных клятв, тем меньше дела. Покричат, посуеются — глядишь, на действие сил не останется. Однако на этот раз я ошибся. Разговорами дело не ограничилось. Командиры митингующих боевиков, неожиданно прекратив суету, ушли с палубы. Отсутствовали недолго, минут тридцать, но, как выяснилось, вполне достаточно для того, чтобы в корне изменить ситуацию. Им потребовалось примерно двадцать шагов по палубе, чтобы подняться в радиорубку, открыть дверь и включить передатчик. Остальное сделал Резидент. Он умел в секунды из ста неизвестных извлекать одно-единственное верное решение. Такой ход мог придумать только человек Конторы, который хорошо знал условия игры, который был абсолютно уверен, что чудом избежавший смерти пленник не побежит сломя голову по тайге прочь от места своего заточения, а, наоборот, презрев опасность, пойдет навстречу своим преследователям, чтобы в мутной воде стихийной погони словить свою золотую рыбку счастья. Он был уверен, потому что этот пленник был не просто пленник, но Контролер. И он думал, как Контролер, и действовал, как Контролер, а иначе быть не могло. Человек Конторы не может уйти, не подчистив хвостов! Мне бы понять это чутьчку раньше, мне бы предупредить события, но я благоденствовал в тиши своего прибрежного убежища. Я ожидал вечера, чтобы под прикрытием темноты тихо и неблагодарно покинуть своих недавних негостеприимных хозяев.

Я опоздал.

Командиры вытащили мегафон. Еще до того, как они открыли рот, я понял, что сейчас произойдет.

— Эй, ты! Мы знаем, ты прячешься где-то близко! Ты слышишь нас? Если ты не объявишься, мы каждые пять часов будем убивать по одному человеку. Ты понял? Пять часов — один человек! Их жизнь зависит от тебя!

Боевики тащили по палубе плачущую женщину.

— Ее мы убьем первой. Время пошло, — крикнул бандит с мегафоном и приставил ко лбу заложницы дуло пистолета.

— Минута.

— Две.

— Три!

— Десять!

«Одиннадцать!» боевик сказать не успел, он сказал: «О...!» — и упал на палубу, схватившись руками за лицо. Из-под его пальцев густо поползла кровь. Никто ничего не понял. Кроме меня. Я услышал слабый хлопок и увидел то, что увидел. Так мог стрелять только один известный мне человек, и этим человеком был мой знакомый дедок. Похоже, тылы мои уже никто не охранял.

Бандиты попадали на палубу и открыли ураганную пальбу

наугад. Они не столько пытались поразить невидимого им противника, сколько унять свой испуг. Пули хлестали по берегу, выбивая каменную крошку из валунов. Плотно садят! Так можно и на неприятность нарваться! Окаменевшая в первое мгновение женщина пришла в себя и, пытаясь спастись, побежала к сходам. Спрятавшийся за кнехтом боевик повел стволом в ее сторону. Вряд ли кто при такой интенсивной стрельбе сможет выделить еще один выстрел. Мой выстрел. Я вскинул карабин и поймал чужое лицо в рамку прицела. Теперь я не смогу навредить ни себе, ни делу. Теперь я волен в своих эмоциях. Добрые поступки, если они не мешают основной работе, у нас не возбраняются. Это личное дело каждого.

Я, конечно, стреляю похуже, чем дедок, и не смогу с такого расстояния взять зверя, не попортив шкуру, но этого и не требуется. Мне этого хищника в заготконтору не сдавать. Мне его только убить требуется.

Выстрел.

Бандит откинулся головой за кнехт. Но женщину это не спасло. По меньшей мере несколько пуль ударились в ее спину, опрокидывая через фальшборт в море. Вновь стрельба пошла по нарастающей. Сейчас они перегруппируются и пойдут в атаку или, того хуже, отгонят судно подальше, высадятся где-нибудь на берегу и прочешут местность. А с другой стороны подкатит вызванная по радию подмога, которая охватит побережье подковой, вытеснит опасных стрелков к воде и там спокойно, словно мишени в тире, расстреляет из полусотни стволов. И на весь этот предполагаемый бой у меня в наличии всего четыре патрона!

Похоже, надо рисковать.

— Старик! — крикнул я. — Антенну! Антенну! Антенну!!!

Мне важно было отсечь сухопутную подмогу. С оставшимися мы как-нибудь совместными усилиями справимся. Фонтанчики пуль поползли влево, пытаясь нащупать мое тело.

Старик молчал.

Я еще раз прикинул расстояние, отделившее срез дула от антенны, технические возможности карабина и свои. Нет, как минимум, три патрона на пристрелку, в остатке один. Не осилю. Это будет напрасная трата зарядов. Мне их хотя бы штук двадцать, тогда — может быть.

— Эй, паря, ты живой? — услышал я сверху, от корней упавшего дерева, знакомый голос. — Я патроны принес.

Пора было выбираться из убежища, которое в любое мгновение могло превратиться в смертельно опасную ловушку. Прояви дедок хоть малую неловкость — и заметившие его боевики разнесут в щепу прикрывающие меня ствол и ветки.

— Старик, автоматчика видишь? — негромко спросил я.

— Ну?

— Я сейчас к тебе буду перебираться, а ты его пугни.

С Богом!

Одну за другой я выпустил последние пули в прятавшихся на палубе бандитов, заставив их на мгновение притихнуть, и, быстро выскочив из убежища, пробежал четыре шага вперед. Пятый шаг я сделал нелогичным. Я не продолжил траекторию

бега, а отпрыгнул назад. Несколько пуль ткнулись в землю впереди меня. Еще шаг назад и рывок вверх по склону. Самое приятное, что автомат молчал. Или стрелок меняет рожок, или дед отогнал его от иллюминатора. Снова прыжок в сторону, упасть, откатиться, вскочить на ноги — осталось совсем немного...

Дедок спокойно лежал за стволом сосны, выцеливая кого-то на палубе судна.

— Там еще один рядом был, в каюте, — сказал старик, не отрывая глаз от мушки винтовки.

Значит, был? Похоже, что автоматчика дед испугал до смерти. Как он умудрился отыскать его в темноте иллюминатора? Но стрелки меня уже не волновали.

— Антенна? Как антенна? — сходу спросил я.

— Там много железок. Какая антенна-то? — спросил дед.

— Мачту видишь? Теперь левее, еще, еще. Понял?

— Ага, — сказал старик и прилег щекой к ложу винтовки. — Теперь вижу.

Он выстрелил пять раз, пока перебитая антенна не упала на палубу.

— Теперь ладно?

Дело было сделано. Еще с полчаса мы, переползая с места на место, постреляли по судну. И даже зацепили одного боевика. Вот и весь итог. Бой принимал затяжной характер. Лимит нашего превосходства, заключавшийся во внезапности нападения, был исчерпан. Если мы хотим спасти свою жизнь, то делать это нужно незамедлительно. Каждая упущенная минута лишает нас нескольких десятков метров, отделяющих от опасного побережья. Каждая минута закрывает еще одну свободную тропу.

— Не пора ли нам, старик, прощаться? — внес я, как мне казалось, наиболее разумное в данной ситуации предложение. — Пока не поздно.

Ответ старика меня насторожил.

— А как же остальные?

Но еще более меня насторожило плавное движение ствола тозовки от судна в мою сторону.

— Мы можем для них что-нибудь сделать? — ответил я вопросом на вопрос. — Можно вдвоем в наступательном бою одолеть два десятка вооруженных головорезов и остаться живыми хотя бы в течение одной минуты? Что об этом говорит наука, тактика? Или вы японцев один к десяти укладывали?

Старик молчал.

— А что делать, когда наступит ночь и мы не сможем контролировать их перемещение?

Старик молчал.

— Пошли, дед. Заложникам мы не поможем, только бандитов озлобим. Так они людей просто пристрелят, а по злобе издеваться будут. Пошли? А?

Я сделал движение в сторону. Старик проследил меня дулом тозовки. Ну не стрелять же в упрямца! Я сел.

— Чего ты добиваешься? Нашей смерти? Ну пошли, постоим минутку на берегу, доставим ребятам удовольствие.

Старик молчал.

— Ну ладно, дед, — сдался я наконец и быстро изложил ему суть дела. — Главное, не допускай их в рубку и к якорям, — в заключение повторил я, — если они уведут судно, наша карта бита.

Сам я, спустившись к небольшой, впадавшей в море речке, начал собирать бутылки. Нет, я не хотел богатеть за счет сдачи дармовой посуды, я хотел разжиться дополнительным оружием.

Как я и рассчитывал, бандиты трезвенниками не были — бутылок я нашел в изобилии.

Не стало дело и за бензином. Прокравшись за кустами к бочкам с горючим, предназначенным для заправки автомобилей, я пробил одну из них сбоку ножом и заполнил пять бутылок. Горлышки я заткнул обструганными по размеру сучками. К ним привязал обрывки случайной тряпки. Фугасные гранаты системы «молотовский коктейль» были готовы. До Ф-1 они, конечно, не достигали, но в деле сгодиться могли.

Следующий этап операции, стоятидесятиметровый заплыв, обещал мне крепкий насморк или пулю в голову.

Вообще-то я предпочитал насморк, но меня могли и не спросить.

Ближе к темноте я не без удовольствия срубал конфискованный у старика шмат копченого сала, чтобы обеспечить организм тепловыми калориями. И без удовольствия шагнул в воду. Одежду я, конечно, не снимал. Это только в кино героин-красавчики прыгают в холодную воду голяком. Понятно, им не выжить надо, а свои мужские достоинства восторженным зрительницам продемонстрировать. Более того, кроме своей одежды, я поддел снятую со старика меховую безрукавку. Лишние пять минут жизни мне не в тягость, а без красоты я обойдусь.

Чем больше на мне будет надето, чем плотнее будет одежда, тем позже до моего тела доберется холодная вода.

Чтобы не булькнуть камнем ко дну, я затолкал под куртку на живот пук сухого камыша, а чтобы не всплыть на поверхность, как надутый воздушный шарик, набил карманы мелкими камнями. Таким образом, я стал похож на малюсенькую подводную лодку. Хочешь всплыть — сбрось часть камней из карманов. Потянула вниз намокшая одежда — опять-таки избавься от части балласта. Надумал погрузиться глубже — вытяни пару палочек камыша. Прямо подводный атомоход.

Жанль, с очень ограниченным районом плавания и еще более ограниченным запасом воздуха. Ну ничего, тут мы применим старинный, придуманный еще первобытными разведчиками способ подводного дыхания через толстую соломинку. Главное — подобрать оптимальную глубину.

Слишком близко к поверхности — можно ненароком булькнуть коленом, слишком глубоко — легким не хватит силы преодолеть давление окружающей воды. Тактику плавания я отработал за камышами на реке. Недурно, надо бы добавить лишних камней, так как морская вода более «тяжелая» и сильнее выталкивает человека.

Как только солнце село за горизонт, я отправился в недалекое, но очень неприятное путешествие.

— По местам стоять, со швартовых сниматься! — командовал я сам себе. — Принять балласт в правые цистерны! Срочное погружение!

Нырнули. Поверхность вечернего моря почернела, и увидеть меня было практически невозможно. Плыл я очень медленно не оттого, что не спешил, а оттого, что хотел максимально долго сохранить тепло. Чем быстрее человек плышет, тем сильнее его тело омывается холодными водами.

Я кое-как согрел протиснувшуюся к телу влагу и не желал ее менять на новую, более холодную. Все море я все равно не обогрею. Я один, а его вон сколько! Мне бы под одеждой тепло удерживать.

Вот и судно. Тень от него я заметил сразу, так как плыл на спине, животом вверх. Так было намного удобнее удерживать дыхательную соломинку и контролировать глубину погружения. Обогнув корму, я приблизился к иллюминатору жилых кают и под самым бортом поднял из воды руку.

Теперь все зависело от добросовестности старика. Если он запоздает, я скоро замерзну до состояния бесчувственной сосульки и тихо опущусь ко дну морскому на радость местной трупопитающейся живности. Но дед оказался на высоте. Ровно через секунду после моего знака пуля, пущенная из карабина, вышибла стекло иллюминатора. Я сбросил из карманов каменный балласт, вытащил из-за пазухи снаряженную бутылку, сорвал с пропитанного бензином запала полиэтилен и чиркнул вытасченной из герметичной упаковки (плотно закрытой и обмазанной сосновой смолой стеклянной пол-литровой банки) зажигалку. Вспыхнувшую бутылку я изо всей силы бросил в разбитый иллюминатор каюты. Раздался звон, пахнула яркая вспышка пламени. Теперь счет пошел на секунды. Держа в вытянутой вверх руке, чтобы, не дай Бог, не замочить, зажигалку, я подплыл к следующей каюте. Новый выстрел, звон стекла, вспышка запала, новый бросок, взрыв бензина.

Я играл в очень опасную, непозволительно опасную игру. Любая случайность могла погубить меня в любое следующее мгновение: прицельный выстрел боевика с палубы, упавший сверху осколок иллюминаторного стекла и, наверное, самое страшное — взрыв не попавшей в дыру иллюминатора боевой бутылки. В последнем случае я бы просто сгорел, облитый пылающим бензином. Нырнуть в толщу воды сразу я не смог бы из-за набитого за пазуху камыша.

Третья бутылка.

Топот, крики на палубе. Сейчас я увижу высунувшийся из-за фальшборта ствол. И это будет последнее, что я увижу.

— Он здесь! Здесь!

Выстрел. Звон разлетевшегося стекла и почти тут же еще один, гораздо более тихий, вскрики, падение мертвого тела на палубу.

Дед что, из двух рук палит? Карабином — в иллюминатор, тозовкой — в боевика? Выстрелы разделяло не более четырех секунд! Как за такое время можно успеть переменить оружие, прицелиться и, судя по проклятиям, доносящимся сверху, попасть

в цель? Гений! Ему бы инструктором в Учебку, а не по лесам, зарывая талант в землю, шастать.

Четвертый иллюминатор. Четвертая бутылка. Все! Пора уходить. Пятую бутылку я использовать не успею. Для пущей убедительности, чтобы побольше страху нагнать, я решил забросить последнюю бутылку на палубу. Не пропадать же посуде впустую. Сильно загребая ногами, я максимально высоко высунулся из воды и, запалив тряпку, швырнул «гранату» вверх. Эффект получился потрясающий — бутылка рванула в воздухе над палубой, над залегшими на ней боевиками, разбрызгивая во все стороны осколки стекла и горящий бензин. Как же это вышло? Это же просто бутылка и просто горящая тряпка. Нет в ней взрывателя! Как же бензин мог взорваться в целой, неразбившейся бутылке?

Лишь спустя секунду я осознал, что за мгновение до взрыва я услышал выстрел. Они почти слились — хлопок взрыва и вспышка пламени. Старик? Старик? Неужели он умудрился подловить летящую в воздухе бутылку? Неужели смог попасть в нее пулей? Не дробью, как при стрельбе по летающим тарелочкам, — пулей! Это уже что-то из репертуара цирка. В жизни, в реальном бою такого не бывает!

Эту мысль я додумывал уже под водой. Расстегнув одежду, я выпустил камышовый наполнитель, глубоко нырнул и что есть силы погреб к берегу. Вынырнул, услышал выстрел с берега — не дает дедок высунуться боевикам, снова занырнул, снова всплыл, снова нырнул. Река, камыши.

Судно разгоралось, как добротный пионерский костер, освещая все вокруг ярким светом. Из иллюминаторов выплескивались языки пламени. Такой фейерверк им не остановить. Нет у них больше судна. То есть пока еще есть, но минут через сорок не будет. Куда же вы денетесь, brave ребята? К нам на берег запроситесь? А мы еще и не пустим. Мы злопамятные! Пробираясь сквозь кусты, я добежал до старика.

— Все нормально? — крикнул я.

Старик молча кивнул. По палубе в огне пожара носились испуганные фигуры.

— Справа возле пожарного щита, — скомандовал я.

— Вижу, — ответил дед.

Выстрел! Минус один.

— У носа. Плывет к берегу, — сказал я.

Выстрел! Минус два. Двое боевиков, презрев опасность, бросились к сходням. Нахрапом решили проскочить. Минус три и четыре.

— У мостика.

— А зачем его? Он в стороне!

Как мне было объяснить старику, что теперь меня интересовали командиры. Командиры, которые видели меня возле Резидента, которые знали пусть не много, но гораздо больше других бандитов. Именно они могли поведать будущему следствию о некоторых странностях в моем поведении, именно они могли быть косвенной причиной утечки информации.

— Зачем?

— Не задавайте вопросов! — отрезал я.

Выстрел.

Следующего командира я выцелил сам.

Минус шесть.

Семь...

Восемь. Последний опасный мне командир. Ничего. Они заслужили эту участь. Они командовали бойцами, творившими зло. Они ответственны дважды. Как исполнители и как вдохновители, отдававшие приказ. Виновны дважды, а умирают только один раз. Они еще легко отделались. Не по заслугам!

Девять. Затих пытавшийся отстреливаться боевик, спрятавшийся возле грузовых стрел. Кажется, пора прекращать вакханалию смертей.

— Эй, на палубе! — крикнул я. — Оружие бросить на сходни! Всем собраться на носу. Стреляю без предупреждения!

Пожар, раздуваемый ветром, набирал градусы. Судно не сулило ничего, кроме смерти.

Еще один боевик попытался спастись вплавь. Минус десять.

— Собраться на баке!

На сходни полетели карабины и пистолеты. Бандиты потянулись к носу судна.

— Открыть заложников! — приказал я.

Трюм отдраили. На палубу, суетясь и толкая друг друга, полезли заложники.

— Заложникам — к сходням! Мужчинам подобрать оружие.

Один из бандитов метнулся к пленникам, схватил, потащил женщину, закричал: «Я убью ее! Выпустите нас на берег!» Ну не терпелось ему открыть счет второму десятку. Старик ткнул в него пальцем. Я согласно кивнул. Минус одиннадцать. И опять без порчи шкуры. Заложники, истерично рыдая, что-то выкрикивая, сбежали по сходням, собрались, сгрудились в кучу на берегу. У трех оставшихся среди них мужчин в руках поблескивало оружие. Деморализованные, испуганные, потерявшие весь свой свирепый вид боевики, прикрываясь от близкого пламени, теснились к сходням.

— Спускаться по одному, — крикнул я. — При попытке к бегству стреляю.

И для пущей убедительности сделал выстрел над самыми головами. Боевики инстинктивно пригнулись. Спасенным заложникам-мужчинам я приказал встать с двух сторон поодаль от сходней. Двое — один с повадками отставного офицера, другой — охотника — с оружием обращаться умели. Им нести охрану. Третьему и женщинам обыскивать и вязать преступников.

— Ну что, дедок? Я тебе больше не нужен? Сам справишься? — спросил я не без озорства в голосе. — Вон ты какой, в одиночку цельный корабль захватил!

Старик, не отрываясь от прицела тозовки, поморщился, сплюнул досадливо в сторону.

— Ладно, не держи зла! Но помни, в тундре погода холодная, а печка в бараке одна на всех. Это я, кроме шуток! Я свои слова держу и щадить, если что, не буду.

— Это я видел, — проворчал дед.

— Тогда все?

— Все.

— Будь. А где пленных разместишь? — уже уходя, на всякий случай спросил я.

— Не твоя забота, — огрызнулся дед, но вдруг размягчел: — Лес большой, стволов на всех хватит.

Я представил, как будут высиживать, обвив ногами березки, бандиты, и расхохотался. После таких сидений им скамья подсудимых будуаром представится, а прокурор в сравнении с дедом — отцом родным.

— Я пошел.

— Ступай, только в лесу не заблудись, — буркнул дед.

Ну что поделаешь, вредный старикашка, не может, чтобы за ним последнее слово не осталось.

— А за подарок все же спасибо, — поблагодарил я.

— За какой?

— За тот, который жизнь! — ответил я, забросил на плечо карабин и пошел от берега.

Мой путь был в город. Мне еще надо было повидаться с Резидентом. Время торопило меня. Я должен успеть добраться до города раньше, чем бандиты обнаружат остов сгоревшего судна и пропажу всей его команды. Зная из рассказов старика примерное местоположение ближайших поселков, я направился к второстепенной грунтовке, связывающей лесхоз с другой, более оживленной магистралью. Выбрав на дороге разбитый, в глубоких ямах участок, я засел в ближних кустах. Две машины пришлось пропустить. Третья — бортовой, приспособленный для перевозки горючки «Урал» — подходила мне как нельзя лучше. Я дождался, когда она притормозит перед препятствием, и легко заскочил в кузов. Через три часа я был на трассе. Еще через два — на окраине города.

Вспомнив курсантскую молодость, я в первую очередь направился в сберкассу за «своими», снятыми посетителями со счетов и неосторожно положенными в наружные карманы деньгами. Во вторую — в магазин, где обзавелся подходящей мне для дела одеждой. В третью — в баню, где смыл с себя соляренный запах. Между походами в сберкассу, магазин и баню я успел сделать три анонимных звонка в милицию, безопасность и исполком по поводу счастливо спасшихся во время авиакатастрофы пассажиров. Я очень надеялся, что поднятый по этому поводу шум и организованная спасоперация отобьют охоту у бандитов строить планы мести.

К Резиденту, опять-таки из соображений экономии времени, я решил подбираться без обычной в таких ситуациях подготовки. Нахрапом. Я знал, где он живет, знал, что рано или поздно он там объявится, значит, там и ладить засаду. Лучше всего было обосноваться у соседей по лестничной площадке, живущих напротив. Они были натуральные, без второго дна. Это я установил во время еще тех, положивших начало всем последующим приключениям, наблюдений. Два старичка пенсионера, изредка посещаемые детьми. Жалко было их тревожить своим бесцеремонным визитом. Но дело превыше эмоций.

На операцию я шел снова через общественный туалет, где уже в который раз за последний месяц изменил внешность. Жизнь, как у популярного артиста, который из грим-уборной не выходит. Действительно, в буквальном смысле «грим в уборной».

Из грим-туалета выходил не я, выходил неблагодарный сын собственных, живущих по соседству с Резидентом родителей, лет тридцати молодой человек в типичной для него одежде, с типичной для него походкой и манерой держаться. Хорошо нам память в Учебке натренировали. Больше месяца назад я всего два раза его и видел, казалось, за ненадобностью забыл напрочь, а не: приспичило — все до последней мелочи вспомнил. Даже неродную, отличающуюся цветом и формой пуговицу на куртке! Даже перстень на безымянном пальце. Конечно, полного портретного совпадения при столь ограниченных технических возможностях я добиться не мог. Но общего сходства — вполне. В сутолоке по характерному внешнему облику, по индивидуальному почерку движений и жестов: ступил именно так, а не иначе, повернул голову, кашлянув, прикрыл рот по-собственному рукой — мы понимаем, что это наш знакомый. Используя эти внешние атрибуты, характеризующие личность, я и стану перестраивать свой облик под требуемый образец. А для страховки (ведь не все же мелочи поведения другого человека я могу вспомнить) к подъезду я подойду не один. Подгадаю еще одного-двух визитеров и, глядишь, в толпе проскочу. Двух шпииков я выделил из толпы, продвигаясь к объекту. Они мазнули по мне взглядом, «узнали» (значит, не разучился я еще рисовать) и стали шарить глазами дальше. Конечно, если бы они наблюдали пристально, то заметили бы ошибку, но сзади напирала требующая особого внимания группа незнакомцев. Под ее прикрытием я и проскочил.

Позвонив в «родительскую» дверь, я отступил назад и, чтобы прикрыть лицо (мать — не шпион, она сына тридцать лет изучала), стал озабоченно тереть лоб. Мне поверили — дверь отворилась, и я мгновенно протиснулся внутрь. Женщина, конечно, никакого сопротивления не оказала, только ойкнула и тихо опустилась на стул, когда я продемонстрировал специально приобретенный для этой цели топорик. Женщина была достаточно интеллигентна, чтобы вспомнить красочные криминальные описания Достоевского. Ну не отключать же ее в самом деле ударом кулака в грудь. Неловко как-то.

Десять раз извинившись, я привязал хозяйку к стулу и вместе с ним перенес в дальнюю глухую комнату, предварительно заклеив рот широкой полосой лейкопластыря. Те же манипуляции я провел с ее до последнего мгновения мирно спавшим мужем.

— Сидите тихо, — очень вежливо попросил я. — Не нервничайте. Ни ваших жизней, ни ваших вещей я не возьму. Я просто поищу кое-какие ценности, спрятанные здесь первыми жильцами. Уж так получилось. Как найду, тихо исчезну. Договорились?

Хозяева согласно закивали головами. Я бы тоже на их месте согласился.

Для пущей верности я зашторил окна, включил громче приемник и перешел в коридор. Это был мой новый НП. Два часа я

неотрывно наблюдал в глазок лестничную площадку. Резидентская дверь внешне ничем не отличалась от прочих, но сутью приближалась, могу поспорить, к дверце среднего банковского сейфа. Ни отмычкой, ни домкратом такую не возьмешь. А если и откроешь, специальный электрический сторож зафиксирует проникновение в помещение чужого. Нет, в лоб на такое препятствие лезть не резон. Дождемся провожатого.

И я ждал. 17 раз по площадке проходили люди. Дважды задерживались, но, не позвонив и не постучав, уходили. Наконец из-за наблюдаемой двери вышла роскошная, в роскошной же упаковке женщина. Резидентскую пассию сопровождал свирепого вида, с оттопыренным внутренним карманом молодец. Это правильно, такое тело без хранителя оставлять опасно. Хитрец Резидент. Приставил человечка не столько от опасностей фифу оберегать, сколько от соблазнов. Я подошел к окну. К тому же ее и казенная машина развозит! Красивая жизнь.

Дама с охранником вернулись через час. Сунула «хитрый» ключ в замочную скважину. Пожалуй, пора. Я распахнул дверь, возможно шире разведя руки и уголки губ, закричал:

— Здравствуй, хозяйюшка!

Телохранитель напрягся, потянулся к карману, но тут же расслабился. Он узнал меня. Вполне понятно. Он знает как минимум по фотографиям или видеокассетам всех жителей подъезда и их постоянных гостей. Такая у него работа.

— А я беспокоюсь, куда она подевалась? А она вот она! — шумел я, играя в меру пьяного и оттого не в меру дружелюбного соседа. — А это кто? — Потянул для позитива растопыренную пятерню.

Охранник брезгливо поморщился. Об исполнении служебных обязанностей в этот момент он забыл. Не распознал он в пьяненьком недомерке-соседе угрозы. И напрасно. Не пришлось бы ему, согнувшись в три погибели и хватая губами воздух, лежать на затоптанном, грязном и холодном полу лестничной площадки.

— Давай, давай, соседюшка, открывай, — подбадривал я растерявшуюся от таких перемен дамочку. — А то твой дружок, — кивнул я на отключенного телохранителя, — стынет. Ну!

Резидентская пассия повернула ключ, открыла дверь.

Я вытянул из кармана телохранителя пистолет — ого, Стечкин! — и втащил его хозяина внутрь.

Ворочая бесчувственное тело, я продумывал тактику разговора с дамой. Вначале напугать, потом подольстить или, наоборот, сперва подольстить, потом напугать?

— В общем, так, милая соседюшка, — сказал я, закрыв дверь и убедившись, что квартира пуста. — Попал я в такую передрыгу, что вынужден тебя просить мне помочь. Грозить смертью не стану. На такую красоту руку поднимать — грех великий. Смертью грозить не буду, а вот личико бритвой исполокую. И не станет такой сказочной красоты. Одни шрамы. Хозяин когда объявится?

— Скоро.

— Тогда переоденься по-домашнему и приготовь чай, у тебя гость в доме!

Хозяин позвонил через полчаса.

— Ты дома? — спросил он. — Все в порядке?

— Да, — ответила моя подопечная.

— Я буду через десять минут.

Пассия вместе с охранником перекочевали на стульчики в квартиру напротив. Так они и сели друг против друга, выпучив глаза и сомкнув рты, как в сеансе одновременной игры.

Я тщательно убрал в квартире все следы неуставных действий и, встав за портьерой, стал ждать. Приход Резидента был не таким, как я предполагал. Совсем не таким...

Он открыл дверь. Он пошел в кухню. Он прочитал записку. Но он не успел еще снять пиджак, как в дверь позвонили. Три сводящих на нет мои планы гостя ввалились в квартиру. Четверо против одного — это если не безнадежный, то очень жесткий расклад.

Я плотнее обхватил рукоять трофейного Стечкина вмиг вспотевшей ладонью. Без шумовых эффектов мне, похоже, не уйти.

— Извини за неожиданный визит, — сказал старший.

Резидент неопределенно пожал плечами.

— Где она?

— У соседей, — ответил Резидент. — Полчаса болтать будет точно.

И впрямь у соседей. В корень зрит коллега. Только болтать не будет по причине того, что рот у нее залеплен пластырем. Как бы она от такого непривычного речевого воздержания не скончалась.

— Обстоятельства изменились, — продолжил старший.

— ?

— Мы потеряли судно. Заложники освобождены.

— Он?

— Подробностей мы не знаем. Информация получена от своих людей в милиции. Что предпримет Контора?

Я чуть не вывалился из-за портьеры. Так запросто о запретнейшей из тайн?! Мы среди посвященных о ней иносказательно говорим, намеками да полунамеками, а эти бухают как есть!

— Она уже предприняла. Выезжает дубль-ревизия. Я получил сегодня подтверждение.

— А наш человек?

— Он ничего не может сделать. Далее тянуть невозможно. Он исчерпал свои возможности.

Гости переглянулись.

— Что вы советуете?

— Прочесать все прилегающие к базе леса, перекрыть пути проникновения в город...

— Вы считаете необходимым перехватить заложников?

— Мне плевать на заложников! Это ваша головная боль. Меня интересует Контролер. Если он доберется до ревизоров, мы можем заказывать коллективную панихиду.

— Но вы утверждали, что подготовленная контрверсия о его участии в гибели первой ревизорской бригады нейтрализует проверку.

— Да, но только в случае его исчезновения. Если он выживает, все пойдет прахом. Как минимум, они будут вынуждены проверить его слова. Мертвый, он подтверждает канву легенды,

живой — опровергает. Он не будет молчать, он будет защищаться! А узнал он немало!

Гости долго молчали, переваривая сказанное Резидентом.

— Лично вы можете повлиять на ситуацию?

— В самой малой степени, — честно ответил Резидент.

Сообщники переглянулись еще раз и так же неожиданно, как появились, стали собираться обратно.

— Вопрос пока остается открытым. Завтра встречаемся в обычном порядке.

Все встали, двинулись в коридор.

Неужели пронесло? Неужели везение еще не оставило меня? Даже не верится.

Хлопнула входная дверь.

Я решил выждать, дав пять минут Резиденту на то, чтобы очухаться, и те же пять минут его гостям на то, чтобы они отъехали подальше.

Резидент, вернувшись из коридора, опустился в кресло. Он уставился в одну точку и замер, уперев руки в подбородок. Сейчас он не напоминал опасного, непредсказуемого недруга. Сейчас он был лишь отчаянно уставшим человеком.

Истекло 4,5 минуты. Я перенес тяжесть тела на правую, опорную ногу, приготовившись левой к решительному, как с обрыва вниз, шагу.

Во входной двери заскрежетал ключ.

— Катя? Это ты? — спросил, не поднимая голову, Резидент.

Какая Катя? Какая может быть Катя, когда она в соседней квартире, повязанная по рукам, по ногам, сидит.

— Я сейчас! — крикнул Резидент.

А я увидел то, что не мог заметить он. По коридору, почти припадая спинами к стене, на цыпочках крались три одетые в темное фигуры. У передней поперек живота висел короткоствольный, вроде УЗИ, автомат, другие были вооружены пистолетами с накрученными на дула набалдашниками глушителей.

Передний, подняв, показал два пальца, развел их в стороны, сжал кулак, выставил большой, махнул им в проем двери.

Все ясно: двое одновременным шагом проникают в комнату, отступают за дверные косяки, третий с автоматом зависает в двери, страхуя разом комнату и входную и прочие ведущие в коридор двери. Секунда — шагнуть вперед. Еще одна — отшатнуться в сторону. Мгновение — вскинуть оружие. Две секунды с небольшим до открытия огня. Стрелять будут двумя стволами разом. Ни единого шанса для Резидента. И очень мало для меня, если высунусь.

Я принял решение ничего не предпринимать в момент, когда уже всю действовал. У меня почти не было шансов выиграть без потерь бой, но у меня не было и шансов уклониться от него.

Убийцы подняли оружие.

Я плавным, чтобы портьера не шелохнулась, движением бросил в дальний угол снятый ботинок. Его полет загородили стоящие в ряд стулья. Его не увидели. Его слышали. На долю мгновения убийцы скопились на неожиданно раздавшийся в углу звук и туда же, следуя за глазами, сдвинулись дула их пистолетов.

Все-таки они не были достаточно натасканы. Это были любители, дорожившие своими жизнями больше, чем порученным делом.

Именно в то мгновение, когда ботинок ударился в стену, я выступил из-за портьеры. И, ещё не закончив движение, я сделал два выстрела: один — в автоматчика, другой — в убийцу, стоящего у первого косяка. Третий выстрел я, как и ожидал, сделать не успел. Последний оставшийся в живых бандит обладал отменной реакцией. Он упал за второе свободное кресло на долю секунды раньше, чем дуло Стечкина нащупало его голову, и стал для меня недосягаем.

Осел в смертельной истоме так и не успевший нажать курок автоматчик. Упал, откинувшись головой на косяк, стоявший слева убийца. Упал я. Очень вовремя упал. Три пули в том месте, где только что находилась моя грудь, вляпались в стену, разбрызгивая во все стороны штукатурку. Кажется, я недооценил последнего противника. Он не только ушел из-под моего выстрела, но и успел точно в цель послать три своих!

Еще только услышав, нет, не выстрел, удар ботинка, Резидент переместился на пол. Он не вскочил с кресла, не прыгнул вбок, как это бы сделал на его месте всякий любящий баловаться оружием «чайник». Он, резко оттолкнувшись ногами, завалил кресло на две задние ножки и, перевесив спиной, вместе с ним перевалился назад. Он поступил очень правильно, но он не знал, что его смерть притаилась сзади, а спереди был только пустой ботинок.

Мой противник сделал еще пять выстрелов наугад, чтобы, выиграв паузу, переместиться в более надежное укрытие. Я, опираясь на локти, переполз за стулья.

Я ждал еще один назначенный Резиденту выстрел. Выстрела не было! Либо у него перекосил патрон, либо он меняет обойму, мгновенно прикинул я. Есть шанс...

Я перекатился еще раз в сторону двери под прикрытием второго мертвого убийцы. Теперь на пути чужих пуль встало подергивающееся в агонии тело. На пути моих — ничего. Я вскинул пистолет... В глаза мне смотрело матово поблескивающее кольцо дула! Он успел раньше меня.

Прошла секунда. Ни он, ни я не стреляли. Такое случается, когда равные по силам стрелки вдруг сходятся в суতোлке боя лоб в лоб и за мгновение до того, как давануть на курок, понимают, что их выстрел будет одновременным и одинаково последним для обеих сторон. Что далее будет только смерть. Я оторвал взгляд от смертельного колечка и поверх мушки прицела увидел глаза. Это не были глаза убийцы. Это были глаза Резидента!

— Брось оружие, — тихо сказал он.

Каким-то удивительным образом в падении через спину он успел сориентироваться и обезвредить посланного к нему убийцу. Как? Я мгновенно зыркнул в сторону глазами. У лежащего на полу неудавшегося наемника из глазницы торчала выломанная из днища кресла толстая деревянная ножка. В последний момент, откидываясь назад, Резидент успел раздобыть себе оружие, которое тут же пустил в ход. Неприятная смерть настигла его противника.

— Пистолет, — вновь потребовал Резидент.

— Взаимно, — ответил я.

Идиотская ситуация на грани могилы.

Пауза затягивалась.

Но Резидент? Почему он не стреляет?

На что-то надеется, раз затягивает эту идиотскую дуэль. На что-то рассчитывает! Ну, конечно, надеется! А что ему делать, как не надеяться! Ах, балда я, балда! Три пули в стену, пять в молоко. Итого восемь. Да у него обоима пустая, а другую так быстро у убитого он выцарапать не мог! Он же меня на пушку, ту, которую в руках держит, берет! Он же блефует, а я, лопух, ему подыгрываю.

Я поднялся и, приопустив оружие, спокойно спросил:

— Три плюс пять — восемь? Я не разучился считать?

Резидент опустил пистолет.

— Два шага назад, руки на затылок в замок, — распорядился я, — и, пожалуйста, дискетку.

— Через пару минут здесь будет подкрепление. Водитель наверняка слышал шум, — предупредил Резидент.

— Это ничего, — ответил я. — Дискетку!

— Водитель будет не один. Я знаю, как они работают.

— Дискетку!

— На что ты надеешься, Контролер?

— На здравый смысл Резидента! Для кого ты бережешь дискетку? Для своих хозяев, которые только что послали к тебе трех убийц? Для себя, так или иначе покойника? У тебя не осталось союзников. Ты обложен со всех сторон.

Я замолчал. Больше мне нечего было сказать.

— Дискетку ты не получишь, — ответил Резидент после долгого раздумья.

— Тогда ты пойдешь со мной.

Во входной двери заскрежетал ключ.

— Это они, — сказал Резидент. — Я предупреждал. У тебя есть секунда на уход.

Он был абсолютно спокоен. Слишком много на него сегодня было направлено стволов, чтобы беспокоиться еще из-за пары.

— Дискетку! Я не сдвину с места.

Резидент усмехнулся и, не спрашивая разрешения, сел в кресло, приняв расслабленную позу. Он понимал, что стрелять я не буду.

Дверь открылась.

Я отшатнулся за косяк двери.

— Это я. Не стреляй! Прошу тебя, не стреляй! — закричал женский голос.

Это была его красавица пассия. Значит, они нашли ее и теперь, словно живым тараном, пытались пробить оборону. Они воображали, что Резидент, чудом избежав кары, одолел убийц, и теперь стремились довершить так неудачно начатое дело.

Резидент напрягся.

— Не стреляй, — одними губами попросил он.

Я неопределенно пожал плечами. Мой жест можно было истол-

ковать и как несогласие, и как сомнение: есть мне интерес свою голову за чужих баб закладывать!

В коридоре снова закричала женщина.

— Дискетка в брелоке, — сказал Резидент, бросая в мою сторону связку домашних ключей. — Сколько их?

Я прислушался и показал три пальца.

— Мне можно встать?

— Только без пионерских порывов. Первая пуля — твоей дамочке, — предупредил я, нащупав слабое место в обороне Резидента.

Но мою пулю грех миновал.

Раздался выстрел, и уже мертвая женщина упала в комнату. Она должна была прикрыть нападавших и забрать на себя все наше внимание. Но я был готов к подобным, ниже пояса, приемчикам. Я отбросил падающее тело локтем правой руки, одновременно с левой сделав три выстрела в темноту коридора. Раздался вскрик, но убитый нападающий не остановил двух других. Они ввалились в проем, таща впереди, как бронезащиту, старуху соседку. Мне некуда было стрелять. Я увидел направленный в глаз ствол, упал, почувствовав, как пули сдирают с моей головы шевелюру (ну не везет моей прическе — быть ранней производственной лысине!), и выстрелил в дальнего, выступившего из-за старухи нападающего. Кажется, зацепил, но убил вряд ли. Ближний опустил пистолет, пытаюсь отыскать им мое тело.

Я откатился, еще раз обманув пули. Но дальше мне катиться было некуда — на пути стоял шкаф. Можно было попытаться выстрелить сквозь старушку, но едва бы я добился желаемого результата. Пуля, увязнув в чужой плоти, утратит ударную силу и вряд ли убьет моего противника сразу. Он успеет выстрелить еще как минимум три-четыре раза. Одна из пуль непременно достанет меня. По той же причине было бессмысленно стрелять в видимые ноги. Единственная возможность — попасть в выступающую за дулом пистолета голову. Не выцеливая — на это уже не оставалось времени, — я нажал на спуск.

Выстрел! Я понял, что промахнулся! Теперь очередь была за ним. Я понимал, что через малое мгновение моя грудь встретится с чужой пулей. Мои возможности были исчерпаны. Его — нет.

Выстрел! Голова нападающего дернулась, ударилась о косяк, по стене плеснула кровь.

Что за чертовщина!

Второй выстрел!

Вскрик. Падение тела в коридоре. Что за добрый волшебник возвращает меня к жизни? Что за ангел-хранитель спустился с небес в сутолоку боя? Я оглянулся. Резидент держал в руках дымящийся Макаров.

Каким образом? Как он успел воткнуть новую обойму в отброшенный пистолет? Когда? Такая скорость невозможна! В принципе!

Вдруг я понял. У него действительно не было времени на то, чтобы перезарядить оружие. Но вся петрушка в том, что ему не надо было его перезарядить. Пистолет был полным! До последнего патрона! Еще до того, как он уничтожил покушавшегося на

него убийцу, тот успел сбросить пустую и на ее место поставить новую обойму.

И когда пистолет смотрел мне в лицо, он не был пустым! Мне в глаза была направлена девятимиллиметровая пуля! Довольно было только нажать спуск, чтобы я покинул этот бранный мир.

Он не нажал на курок. Даже тогда, когда я первым опустил оружие!

Я не выиграл тот бой, как предполагал. Я был пощажен. А это не равно победе. Это совсем другое.

— Собери оружие, — сказал Резидент. — Уходим. — И повернулся, подставив мне незащищенную спину.

Я подчинился ему молча, как новобранец старшему по званию командиру — не задумываясь, с готовностью и должным почтением. Я встал, обогнул сидящую на полу впавшую в ступор старушку, прошел в коридор. Мы спустились по еще пустой лестнице, вышли на улицу. Перед подъездом стояли два пустых автомобиля. У заднего мы прокололи три колеса, в переднюю сели сами. И опять мы поехали не туда, куда считал нужным я, а куда желал Резидент. Каким-то неуловимо странным образом мы из заклятых врагов превратились в союзников. Больше месяца мы нащупывали кадыки друг друга, а нащупав, вместо того, чтобы сжать пальцы, слились в братском объятии. Как такое можно объяснить? Машину мы бросили посреди города на второстепенной улице, пересели в рейсовый автобус, потом еще в один и еще в один, ехавший в противоположную сторону.

— Есть у меня одно чистое местечко. Там отсидимся три дня, — пояснил Резидент.

Мы сменили еще один автобус, сели в электричку и, протопав пешком через лес пару километров, вышли к небольшому домику.

— Дача знакомого, — сказал Резидент, нащупывая под порогом ключ. — О ней никто не знает.

С этого места нам с Резидентом не по пути. Ему туда, а мне отсюда. И чем скорее, тем лучше! Проверить брелок на наличие в нем дискетки, задать пару очень интересующих меня вопросов и, дождавшись темноты, отбыть восвояси. Так определил я очередность действий. Хотелось бы начать с последнего пункта, но дискетка, черт бы ее забрал, важнее жизни, а ответы на вопросы стали важнее дискетки. Уж так повернулись обстоятельства. Ничего не напишешь.

Я посмотрел, где его оружие. Оно лежало на тумбочке возле двери. Я занял позицию между тумбочкой и Резидентом.

Резидент, иронично усмехаясь, доставал из стенного шкафчика консервы и хлеб. Все он понял, и телодвижения мои оценил правильно, и пистолет положил подальше от себя специально, чтобы оберечь мои расшатанные в бесперывной борьбе за сохранение жизни нервы. Он опять подставлялся. Он опять вел игру и ответил на мои вопросы до того, как я их задал.

— Выбраться отсюда я тебе помогу. Это самое простое.

«Раз», — посчитал я.

— Человека в Центре указать не могу. Это невозможно, и к этому вопросу лучше не возвращаться. Все равно ничего не выйдет.

«Два», — сказал я сам себе. Точнее — минус два.

Оставался главный пункт моего короткого перечня вопросов. Без ответа на него все прочие, по крайней мере для меня, теряли свою значимость.

Резидент молчал, размазывая по засохшим кускам хлеба жир и мясо из тушенки. Полевой курсантский завтрак. Как в былые времена.

— Ты, конечно, хочешь знать фамилии? — наконец спросил он.

— Конечно, — честно ответил я.

— Уверен, что справишься?

— У меня есть другой выход?

— Наверное, нет.

— Кстати, это в твоих интересах, — попытался я перевесить чашу весов на свою сторону.

— У меня на этом свете интересов не осталось, — резко ответил Резидент. — Хорошо, я дам тебе фамилии.

Я получил то, что желал, — фамилии и адреса людей, знавших о существовании Конторы, знавших о Резиденте и знавших обо мне. Этого было довольно для решения их судьбы в пользу обвинения. Прокурор требовал самых суровых мер, защита не нашла ни одного смягчающего вину обстоятельства, вышестоящие инстанции апелляции отклонили. Дело оставалось за мной.

Нет, я не жаждал мести. Я спасал свое дело, а возможно, и жизнь. Разглашение Тайны существования Конторы — событие экстраординарное. Но здесь, кроме утечки общей информации, просочились конкретные и оттого особо опасные детали. От целого можно, как от безумной легенды, откреститься. От конкретики, точнее, от носителей конкретики, возможно только избавиться. Физически. Если они останутся живы, Контора будет вынуждена избавиться от утративших инкогнито деталей. То есть от Резидента и меня.

— Контейнер дашь? — спросил я Резидента.

— Дам. Семь бед — один ответ.

Вечером я покинул дачу.

По расчетам Резидента, они должны были появиться не позднее чем через пять-шесть часов. Он не боялся скорой встречи и того, что за этим последует. Он был Резидент, и этим все сказано. Он боялся самого себя. Можно расслабиться, дать отдых мышцам, но невозможно отключить память. Много лет назад, еще только заступив на должность, он допустил просчет. Случайно узнав о планируемой местной мафией долгосрочной операции, которая прошла мимо местных органов правопорядка, он без согласования с Центром внедрил в преступную среду своего человека. Он разгласил очень малую и на первый взгляд второстепенную часть большой Тайны человеку, назначенному для внедрения в одну из мафиозных структур. Он рассказал, что есть секретная и могущественная, не чета общеизвестным, организация, ведущая борьбу с глобальной преступностью. Это была не совсем правда — выявление мафиозных заговоров всегда было лишь малой частью работы Конторы. Но все же это была правда. Организация существовала.

Агент же оказался не подготовлен к обрушившимся на него

соблазнам. Он вдруг узнал, что есть хорошая, о какой он не слышал, еда, удобные жилища, роскошная мебель, престижные женщины. Он все еще думал, что исполняет среди этих интервью роль борца за справедливость, а на самом деле просто жил. В свое полное удовольствие.

Сначала он заметил, что затягивает исполнение каждого этапа задания. Он понял, что окружающие его друзья-приятели уже не враги. Врагом стал пославший его на задание Резидент.

В это время Резидент подсчитывал дивиденды, которые принесла его самостоятельной затеянная операция. В короткие сроки, практически в одиночку, не используя ни рубля государственных денег, он вычислил лидеров местной мафии, установил большую часть источников их доходов, узнал о коррумпированных чиновниках и органах власти и правопорядка, нащупал ниточки, ведущие к преступным организациям соседних областей. Он достиг действительно многого, но достиг запрещенным способом. Он мог выиграть, но он проиграл.

Его запутавшийся в борьбе противоположностей агент покался перед своими новыми хозяевами. Мафия собрала срочную сходку. Ситуация сложилась угрожающая. Посторонний владел опасной для них информацией. Большинство авторитетов высказались за физическое устранение источника проблемы, и лишь один — против. Но этот один был важнее всех прочих. Его единственное слово перевесило.

— А если это не блеф? Если организация существует? Тогда мы рискуем вместо одного поверженного врага получить десяток новых, более осторожных и настойчивых. Лучше допустить невероятное, чем не распознать очевидное. Не убивать его мы должны, а оберегать как зеницу ока. Он гарант нашего спокойствия. Ангел-хранитель, лучше он, чем взвод креповых беретов. И почему сразу убийство, если не испробованы другие методы?

— Взятку он не возьмет, — уверенно заявил продавшийся агент.

— Тогда это сэкономит нам деньги!

Резидент работал на идею, на этот крючок его и решено было ловить. Агент-перевертыш дал информацию о том, что преступники решились на крупную и необычную по тем временам операцию — изъятие инкассаторской машины. Был объявлен негласный конкурс идей. Чтобы поддержать легенду, агент должен был представить какой-то свой проект. Его придумал Резидент. Придумал так, между делом. Он не знал, что обречен на успех, что весь этот конкурс задуман исключительно для него, что в нем участвует единственная его работа.

В назначенное время группа боевиков разыграла предложенный сценарий. Попытка захвата шедшей из банка инкассаторской машины не удалась. Погибли два инкассатора, и был тяжело ранен водитель. Почти все деньги остались целы. Они и должны были остаться целы. Преступников интересовали не сумки с пачками банкнот — жизни защищавших их людей. Такая была установка. Резидент попал в безнадежную вилку. Он явился вдохновителем особо тяжкого, повлекшего за собой человеческие жертвы, преступления. Пропавшие деньги ему бы простили, но жизни

людей вряд ли. Чем дольше Резидент размышлял, тем безнадежней представлялась ему ситуация. И он решил отомстить.

Эту идею ему подсказал внедренный в ряды мафии агент. Так же, как Резидент, он тяжело переживал произошедшее.

— Жаль было бы оставлять эту сволочь безнаказанной, — печалился он. — До суда дело не дойдет. У них все схвачено, все повязано в один узелок. Если посадят, то мелкую сошку. А те будут благоденствовать.

В глубине души Резидент понимал, что поступает вопреки правилам. Но покончить с собой или сдаться на милость Конторы значило умереть и избавить главарей преступного мира от заслуженной ими кары. Ему нужна была громкая победа. Только она могла в какой-то степени реабилитировать его в собственных (о Конторе разговор не шел) глазах.

Но он не знал главного. Он не знал, что его агент-соратник работает против него, что передаваемые ему, в том числе через нейтральные, не участвующие в игре источники, факты строго дозированы и интерпретированы в желаемом преступниками направлении. Резидента подводили к необходимости личного участия в операции. Поступающая косвенная информация намекала на все более грандиозные масштабы преступной деятельности. Удивительные связи расходились в регионы страны, Москву, за границу. Здесь было чем поживиться уже и Конторе.

Но дело в том, что и масштабы, и связи были чистой воды дезой, назначенной для питания ума одного-единственного человека. Местные мафиози ничем не отличались от тысяч подобных им. Кроме одного — они в отличие от ближайших и дальних коллег знали о существовании какой-то могущественной организации. Они знали о Конторе!

Логика следствия не позволила Резиденту остановиться на полпути. Он разузнал очень много, но для того, чтобы вынести обвинительное заключение, ему нужно было узнать все. Он не мог более довольствоваться догадками, слухами и умозаключениями. Ему нужны были доказательства. Добыть их можно было, только находясь в гуще событий. Но вся беда в том, что послать в эту гущу было некого. Несанкционированность операции лишала Резидента возможности опереться на материальную и кадровую мощь Конторы. У него не было людей и не было дополнительных денег. У него был только он.

Резидент решил ввести в игру себя. Это было еще одно, уже необратимое нарушение.

По каналам агента он внедрился в одну из дочерних организаций и не без его же помощи начал строить головокружительную карьеру. Каждый его шаг вверх по преступной лестнице требовал компромиссов. Компромиссов с законом, с совестью, с общечеловеческой моралью. Необходимость выделить из наивно-примитивной среды рядовых исполнителей вынуждала его в той или иной мере использовать навыки, преподанные в Учебке. Цель оправдывала применение самых крайних, в том числе недоступных простому смертному, средств.

И чем больше он использовал известный ему арсенал приемов тайной борьбы, тем более раскрывал внимательно наблюдающим

за его действиями мафиозным главарям Тайну. Теперь они уже не сомневались в существовании организации. Более того, они не без успеха использовали в своих корыстных целях одного небесталанного ее члена, решая с его помощью мелкие, но зачастую неразрешимые для них задачи. Резидент уже работал на преступников. Работал давно и плодотворно.

Когда он догадался об истинном значении происходящего, было безнадежно поздно. Он совершил массу правонарушений и преступлений, увязнув в них, как муха в патоке. Он стал стопроцентным преступником и выбрал предательство с комфортом.

С той же скрупулезностью, с какой выслеживал преступников, теперь он предавал свое дело. Он был профессионал и все, что делал, делал на должном уровне. Когда решение принято, сомнения должны уступить место действию. Пятьдесят процентов дохода с предоплаченных Резидентом операций в отдельные месяцы перекрывали все прочие поступления организации. Ради этого стоило пожертвовать жизнями нескольких, не самых ценных работников и не совать нос в его дела.

Здесь у Резидента был пунктик. Любой интерес на тему его профессиональных обязанностей вызывал неадекватно болезненную реакцию. Двое чрезмерно любопытствующих искателей истины заплатились за свою природную любознательность жизнью. Мафиозные главари остались недовольны bestолоковой гибелью людей, но возражать не посмели. Резидент не выходил за рамки первоначально оговоренных условий сделки. Тайна профессиональной жизни была его полной собственностью. Но более всего его тревожила возможность плановой ревизорской проверки. Он мог легко обыграть периодически объявлявшихся в регионе эмиссаров МВД, безопасности, прокуратуры. Но он никогда не смог справиться с тайной ревизией своих собратьев по «перу». Он не знал, в какой из следующих дней хитроумные приборы и внимательные глаза коллег возьмут его под контроль.

Опасность проверки осознавал не только Резидент, но и мафиозные главари. Они лихорадочно искали выход из создавшегося положения. И, как им показалось, нашли его. Логика их размышлений была пряма, как полет выпущенной из карабина пули. Им угрожала самая опасная за все время их существования организация. Единственным, кто мог гарантированно защитить от нее, была сама эта организация. Только она была равна себе по силе и возможности. К ее помощи и следовало обращаться.

У мафии был богатый опыт по части подкупа работников органов, призванных бороться с ней. Но в этих простеньких случаях они знали, куда, к кому и с чем идти. Нынешний ставил их в тупик. Они бы не поскупились, дали взятку, но не знали, кому ее давать.

Только один человек располагал требуемой информацией. Резидент. Но он молчал, как пойманный и изжаренный прошлым летом пескарь.

Авторитеты собрали внеочередную сходку.

— Мы приняли решение! — объявили они Резиденту. — От тебя требуется немного — московский адрес.

— Это безумие. Контора неподкупна.

— Во всякой конторе служат люди. Дай нам их координаты, остальное не твоя забота.

— Я не согласен.

— Твоего согласия никто не спрашивает. Ты не выйдешь из этого помещения, пока не дашь устраивающего нас ответа. Рано или поздно твои начальники хватятся своего работника и пришлют проверку.

— Они уничтожат всех!

— Пусть так. Они все равно доберутся до нас.

Главари были глупы. Они надеялись на победу в деле, где победа не была возможна изначально. Они мыслили знакомыми категориями милиции и иже с ней организаций. Их наивность была самоубийственна.

В принципе Резидент был не против. Ему было не жаль своих новых приятелей. В конце концов именно они послужили первопричиной его падения. Если им хочется коллективно умереть, он не станет им препятствовать. Давно пора подраспустить этот вкопец запутавшийся узелок.

Не вдаваясь в детали, Резидент указал три известных ему в Управлении личности. Наверное, это нельзя было назвать предательством в чистом виде. Скорее хитрый стратегический ход — отступить, чтобы заманить противника в ловушку, из которой он никогда не сможет выбраться. Они узнают о Конторе больше, чем знают, но лишь на несколько дней. Потом они умрут, и Тайна останется Тайной.

248

К разработке деталей операции Резидент не приложил ни грамма своих усилий. Зачем выполнять пустую работу? Зачем изображать то, что обречено на неуспех? Пусть разбираются сами.

Сняв практически всю воровскую кассу и часть прибыли с еще не завершенной сделки, эмиссар отбыл в Москву.

В глубине души Резидент надеялся, что затеянное дело провалится, не начавшись, поскольку эмиссар не решится предпринять сколько-нибудь решительные действия, а если решится, то отступит при первой же неудаче. И все останется как есть. Но эмиссар не отступил. Более того,говор состоялся. Случилось то, что случиться не могло никогда!

Неизвестно, где, когда и с кем встретился авторитет, но в итоге через надежного курьера он передал устное «добро» и хорошо продуманную схему конспиративной, в две стороны, связи.

Вначале Резидент засомневался в добросовестности столичного визитера — поди, мотает по московским кабакам и гостиницам назначенные для взятки деньги, а взамен гонит липу. Оттого и курьера-то прислал, а не сам приехал.

Потом заподозрил контринтригу Конторы. Выяснят все, что хотят, и прихлопнут мышеловку, плотно забитую добычей. Скорее всего так и есть.

Но через сутки эмиссар погиб в дорожно-транспортном происшествии, так и не успев открыть инкогнито завербованного московского агента. Случайный «КАМАЗ» разутюжил его «Жигули», как сброшенная с девятого этажа пудовая гиря — куриное яйцо.

Резидент понял больше, чем остальные. Человек из Конторы убрал единственного знающего его свидетеля, оставив только

каналы обезличенной связи. В Москву уходили деньги, очень приличные деньги. Обрато поступала информация, которая этих денег стоила. Заказ — оплата — исполнение. Все это могло означать только одно — совершенное не было блефом! В сердце Конторы объявился предатель. Предатель, работающий в паре с другим предателем!

Странно, но от того, что он перестал быть в единственном числе, Резидент не ощутил облегчения, одну только горечь.

Шумно отпраздновав победу и заодно поминки по безвременно усопшему сотоварищу, мафиозные главари взялись за дело. Обеспечившись надежными тылами, они стали действовать с большим напором. Дела пошли в гору.

Все изменилось после банально-книжного — «к вам едет ревизор» — сообщения конторского человека.

Резидент нимало не обеспокоился. Заранее известная ревизия не ревизия — фарс. Она может найти лишь то, что ей позволят найти. По крайней мере так думал Резидент.

Но в дело вмешался случай и... Контролер. Противостоя неожиданно объявившемуся противнику, Резидент предпринял все, что должен был предпринять, то есть много больше, чем смог бы простой смертный. Он находил самые нестандартные ходы, но каждый раз проигрывал. Он не сумел превратиться в настоящего врага. Он все-таки не мог до конца предать свои, годами воспитанные идеалы. Планируя и совершая очередное преступление, он как бы играл понарошку. Когда «понарошку» кончилось, он потерпел крах. Его поражение было запрограммировано им самим. Он был своим главным противником. И он выиграл. И он проиграл.

Теперь, сидя на даче в ожидании своих бывших дружков, он ни о чем не сожалел. Он вдруг почувствовал огромное облегчение. Как будто вернулся из дальней разведки в свой старьй, обжитый окоп. Здесь его последний рубеж, здесь ему принимать бой и смерть. Но его смерть — это не просто смерть, а продолжение чьей-то жизни. Хоть даже Контролера.

Бандиты объявились вечером. Подъехали на четырех машинах, взяли дачу в кольцо, крикнули в мегафон:

— Слышь, выйди, поговорить надо!

— А ты сам подойди, коль надо, — отвечал Резидент, готовя к бою свой арсенал: автомат для дальнего боя, пистолеты для ближнего и еще консервный нож. Он хоть и консервный, но в умелых руках животы вскрывает не хуже банок. С таким арсеналом не уложить взвод противника — непростительный грех!

— Кончай ломаться! У нас дела всего на три минуты!

По кустам под прикрытием разговоров к даче подбирались боевики.

— Давай-давай, ребятки, поближе ползите, — подбадривал их шепотом Резидент. — У меня с патронами напряженка, мне наверняка бить надо, одна штука — одна жизнь.

— Ну и черт с тобой, — безнадежно вздохнул человек с мегафоном. — Начинайте!

Боевики остановились, затаившись за случайно подвернувшимися укрытиями. Они даже не пытались подлезть со слепой, где

не было окон, стороны, как предполагал Резидент. Они просто лежали и ждали. Подкрепления или сигнала к атаке? Чего?

Из-за ближнего холма, лязгая гусеницами, выползли два бульдозера.

— Не передумашь? — еще раз на всякий случай спросил координатор боевых действий.

Резидент, больше полагаясь на удачу, чем на свое умение, выстрелил. Пуля ударила в мегафон.

Координатор упал, выматерился, махнул рукой.

Бульдозеры подняли отвальные ножи до уровня кабин и двинулись в сторону дачи. Они шли не торопясь, тяжело переваливаясь на кочках, разбивая и подминая под гусеницы заборы, случайные деревья и кусты. Стрелять было бессмысленно. Окна кабин были закрыты недоступной пулям броней металла.

«Все-таки чему-то я их научил, — подумал Резидент, — не жаедают подставляться под пули, хотят выдать меня из убежища на улицу, а там из-за укрытия расстрелять, словно «кабана» на стенде. Возможно, попытаются взять живым. Засадят по пуле в коленные чашечки и в локти и утащат в стоящий неподалеку медицинский «рафик». Не так уж глупо, если иметь дело с любителем».

Резидент не был любителем. Он знал, когда надо бороться, а когда это бессмысленно и даже на руку врагам. В данном случае это было бессмысленно. Единственное, что он мог сделать, — это не позволить взять себя живым.

Он проверил пистолет, развернул его дулом к себе.

«Одна пуля — один поверженный враг», — вспомнил он давнее стрелковое наставление. Один враг! Грустные ассоциации. Но, наверное, справедливые. Раздвоенность не может продолжаться вечно. Рано или поздно ей приходит конец.

Резидент взвел курок. Рокот моторов стал ощутимо близок. Заметно подрагивал под ногами пол, дребезжали окна.

Очень жаль, что все случилось именно так, подумал Резидент и нажал на курок. За гулом моторов выстрела никто не услышал. Бульдозеры сдвинулись, смяли хрупкие стены, перемололи гусеницами обломки досок, стекол и кирпичей.

В этом последнем бою Резидент не смог уничтожить ни одного противника. Он умер один.

— Обязательно найдите тело, — распорядился человек с мегафоном и сел в подошедшую машину.

Покидая дачу, я не знал, как умрет Резидент. Но я был абсолютно уверен, что сегодняшний день он не переживет. На этом свете его ничего более не удерживало. Передо мной же стояла вполне определенная, не терпящая отвлечений цель. Ей принадлежали мое время и сама жизнь. Первое, что я сделал, — это обыскал резервный резидентский контейнер. Судя по пломбам, его не тревожили со времен закладки. Из полутора сотен предметов, заключенных в малопривлекательную внешним видом упаковку, меня интересовали лишь два десятка: документы, оружие, униформа, спецсредства, деньги и еще кое-какие мелочи. Сложив все в объемную спортивную сумку, я отбыл в город.

Вторым пунктом перечня подготовленных к основной операции мероприятий было обеспечение надежного «логова». Точнее, не одного, а трех. Используя разные, наспех заполненные в подъезде документы, я, отправившись на жилищную толкучку, снял три квартиры в разных районах города. Все были расположены на вторых этажах, чтобы возможно было проникнуть в них и покинуть через окна. Все подъезды имели двухсторонний — на улицу и во двор — выход.

Хозяева были рады-радешеньки щедрому квартиранту и лишних вопросов не задавали. И слава Богу.

Штабной я избрал четырехкомнатную, старинной планировки, с парадным и черными входами, квартиру в самом центре города, с окнами, выходящими на областное УВД. Здесь, хотелось надеяться, бандиты открывать массированную стрельбу поостерегутся.

Оставшееся до ночи время я убил на рекогносцировку местности. Пять интересующих меня адресатов располагались кустообразно и очень недалеко от занятой мною штаб-квартиры. Имеющая деньги мафия стремилась жить в престижных, по соседству с сильными мира сего, районах.

Последний клиент обитал в частном секторе, в неказистом на поверхностный взгляд домике. Если не обращать внимания на преднамеренно облупленную штукатурку на стенах и потрескавшийся шифер на крыше, домик можно было смело причислить к средней величины дзоту. Капитальный забор, по нему наверняка сигнализация. Усиленные входные двери и ставни на окнах. Умудрись, выковырни из такого убежища хозяина. Он там, как черепаха в панцире.

Ладно, этот орешек оставим на десерт, а начнем с менее крепких, но не менее аппетитных.

К исходу ночи я придумал шесть версий чужих смертей.

Если бы мой первый клиент каким-нибудь образом узнал, что его выбор был обусловлен только затянувшимся ремонтом фасада здания, он бы очень удивился и очень расстроился. Не облупись штукатурка, не выцвети краска, и он, возможно, прожил бы на несколько часов дольше. Не затяни штукатурку работу — и его смерть не была бы столь ужасна. Но ремонт шел ни шатко ни валко, и поэтому первым предстояло умереть именно ему. Странные в нашем деле случаются иногда причинно-следственные связи. Кто-то вовремя раствор не подвез, а кто-то от этого раньше положенного умер.

Я встретился с бригадиром, отвечающим за ремонт дома, и, представившись одним из жильцов, попросил отложить окраску подъезда, где я живу, на несколько дней.

— У меня, понимаешь, важное событие. Помолвка. Невеста будет, родители, друзья. А тут краска, штукатурка, окна заляпанные. Можно одежду попортить и настроение. Хорошо бы перенести работы на пару дней. А связанные с этим затраты, я же понимаю, я возьму...

Моя просьба, а вернее, размер предложенной — о какой мастер и мечтать не мог — компенсации возымели действие.

— Конечно, конечно. Мы же понимаем. Мы для того и поставлены, чтобы людям облегчение было. Это дело святое. Я сам женился, — бубнил ополоумевший от свалившегося на него счастья мастер, рассовывая деньги по карманам. — Я сейчас сразу и распоряджусь. Вы не беспокойтесь...

Уже через час работа кипела, как забытый на плите чайник. Ванну из-под раствора перетащили дальше, кучу мусора разбросали по дальним углам, строительную люльку перевесили на подъезд дальше, то есть все сделали, как и надо было, и даже быстрее, чем надо было.

Когда работы были уже почти закончены, я, проходя мимо стоящей на земле люльки, случайно споткнулся и, падая, вывихнул ногу. Пришлось, хватаясь за железные перильца и тросы, ковылять вдоль стены к подъезду. Не повезло, одним словом.

А пока я поднимался и ковылял, мои хватающиеся за что ни придется пальцы налепили на несущие стальные тросы пластиковую, похожую на жевательную резинку взрывчатку с вкрапленными внутрь дистанционными взрывателями. Вот и все.

Люльку подняли до верхних этажей, штукатурки, отработав смену и не желая тратить время на долгий и не самый комфортный спуск, ушли через окно в подъезде, оставив часть инструментов и краску на рабочем месте. Люльку подняли еще выше и оставили как есть. Ограждение сняли.

Подготовка для ликвидации второго объекта мне не требовалась, и я перешел сразу к третьему. Его должна была сгубить любовь к автомобилям. У него была роскошная, с форсированным двигателем иномарка. Он гонял на ней самозабвенно, мало обращая внимания на ограничительные знаки. Все его права были издырявлены гаишными компостерами за превышение скорости. Похоже, единственным, кто мог усмирить его страсть к лихачеству, был я.

После полуночи, когда улицы наиболее пустынные, я вышел готовить предпосылки следующего несчастного случая. На случай встречи с хулиганами я припас крупную сумму денег, чтобы откупиться, и, если денег будет недостаточно, пистолет Макарова, чтобы пугнуть. Для объяснений с органами — заполненное на вымышленное имя удостоверение следователя по особо важным делам. Бланк удостоверения со всеми необходимыми штампами и печатями взял из резидентского контейнера, фотографию мне в моем присутствии изготовили в ближайшем ателье. Теперь я не просто бродил по улицам, а выполнял следственную работу, и встретившиеся патрули не только не могли навредить мне, но были обязаны оказать моей персоне всяческое содействие и почтение. Обеспечив надежное прикрытие, я приступил собственно к делу.

Прямым солдатским шагом подойдя к автостоянке, я сунул в нос сторожа удостоверение и пошел проверять номера машин.

Сторож засеменял за мной.

— Вам что, делать нечего? — резко обрезал я его.

Нужную машину обнаружил сразу, но для проформы до нее осмотрел еще дюжину. Я обходил автомобили вокруг, наклонялся, вставал на колени, заглядывал под днища, щупал протекторы.

Сторожу скоро наскучило наблюдать за странными телодвижениями ночного визитера, и он ушел в теплую дежурку. Еще с полчаса я честно исполнял необходимую, но вообще-то совершенно бессмысленную работу и лишь после этого подошел к машине, ради которой здесь и оказался. Бросив на землю заранее прихваченный кусок полиэтилена, я нырнул под днище и обматывал тормозной шланг и рулевую тягу пластиковой взрывчаткой. Исполнив работу, я не ушел сразу, а еще четверть часа шатался по стоянке, записывая номера, соскребая с крыльев засохшую грязь, задумчиво массируя пальцами правой руки виски, приговаривая: «Н-да! Теперь все ясно!» — то есть делал все то, что и должен делать согласно многочисленным кино- и телеверсиям особо важный следователь. И хоть зритель был единственный, играл я в полную силу своего драматического таланта. Ранним утром я совершил шесть преступлений, потому что угнал не одну, а шесть автомашин.

Что же мне пешком ходить, когда все мои противники поставлены на колеса? Нечестно получается! Один может рассчитывать только на свои силы, другие — еще и на лошадиные. Несправедливо! А то, что машин шесть, так и враг не один. Мне на одной и той же легковушке развезжать — все равно что саморекламой заниматься. Я не автолюбитель, я профессионал!

Машины, навесив на них номера, снятые с других, попавшихся под горячую руку автотранспортных единиц, я расставил по городу с таким расчетом, чтобы можно было легко ими воспользоваться. Шесть планируемых акций — шесть автомобилей, шесть импровизированных стоянок.

Война была подготовлена, войска выведены на исходные позиции. Больше, чем сделано, сделать было нельзя. Пора поднимать личный состав в атаку.

Первую засаду я устроил недалеко от ремонтируемого дома. Я уселся на скамейку возле дальнего подъезда и, развернув газету, стал ждать. Ждал я, как и предполагал, 25 минут. За эти дни я хорошо изучил график приходов и уходов приговоренного и мог с большей долей вероятности просчитать время их перемещений.

Первый появившийся обреченный был весел и оживлен, как и следовавший подле его правого плеча телохранитель. Мой подопечный имел дурную привычку бегать по утрам трусцой. Он думал, это сбережет ему здоровье. Он предполагал долго жить.

Я пошарил во внутреннем кармане и вытащил непечатую пачку сигарет.

Подопечные прошли второй и третий подъезды.

Я открыл пачку.

Они шагнули на крыльцо, потянулись руками к двери.

Мой указательный палец уперся в слегка выступающую над другими сигарету. Вообще-то это была не сигарета, а пусковая кнопка, а сама пачка заряжена не табачными изделиями, а хитрой электроникой. Да и была она не пачкой, а электронным дистанционным пускателем.

Легкий нажим. Полторы сотни противлений микросхем и конденсаторов преобразовали движение моего пальца в радиоэлектронный импульс, который, сорвавшись со стержня антенны

(расположенный рядом с кнопкой сигареты), достиг микроприемников. Те дешифровали принятый сигнал, превратив его в слабый, но достаточный для взрывателей, электрический разряд. Взрыватели были очень тихие и очень действенные. Они разрушали только трос и ничего вокруг. Люлька вздрогнула и бесшумно рухнула на ничего не подозревающие головы обреченных мною на смерть людей.

Они даже не почувствовали боли, когда триста килограммов металлических труб, досок, краски и полупустых, привязанных к раме, ведер раздавили их.

Специального состава взрывчатка сгорела, не оставив никаких следов, кроме распушенных концов непонятно по какой причине оборвавшихся тросов. Кое-что могла бы объяснить специальная экспертиза, но кто ее в этой глуши будет делать?

Я вытащил из пачки пускателя сигарету, закурил и пошел себе подальше от места случайной трагедии. Не люблю наблюдать разможенные трупы.

Пройдя два квартала, я остановился у «своего» «Москвича», на всякий случай осмотрелся вокруг и, запустив мотор, неторопливо, соблюдая все дорожные правила, покатил к объекту № 2.

Подкарауливая следующую жертву, я сидел в небольшом кафе за столиком возле окна и изжевал уже вторую порцию сосисок с гарниром. Еще два стакана чая с пирожком — и придется уходить, перенося операцию на вечер. Но мне повезло. На последнем глотке объект появился. Машина остановилась возле тротуара на своем обычном месте. Теперь от ее дверцы до двери подъезда жертве нужно было пройти пятьдесят метров.

Я вывалился из кафе и, играя изрядно подвыпившего гражданина, пошел вдоль стены дома. Возле самого подъезда мне стало плохо. Я прислонился к двери и схватился за горло. Вот и долгожданное освобождение от ужасных общепитовских сосисок, плавающих в общепитовском чае. Уж как-нибудь без поликлиник обойдемся, своими силами. Вот сейчас! Вот-вот!

Но мне помешали.

— Ну-ка ты, дерьмо бутылочное, вали отсюда! — крикнул приблизившийся телохранитель и брезгливо отбросил меня в сторону. Что от него и требовалось.

С трудом удержав тело в равновесии, а сосиски в желудке, что доказал судорожным зажиманием рта ладонью и подозрительными бульканьями (а зачем мне показывать полное лицо, если можно только половину?), я отскочил на два шага, больно наступив каблуком на ногу объекту покушения. Одновременно незаметным движением свободной руки ткнул его сквозь одежду в бедро тонкой иглой небольшого, зажатого меж пальцев шприцатюбика.

Боль в отдавленной ноге должна была отвлечь его внимание от игольного укола. Сильная боль перекрывает более слабую.

Объект раздраженно оттолкнул меня. Я, бормоча извинения, отлетел на тротуар и покинул поле боя. Выигранного боя! Мой подопечный еще ходил, еще чувствовал, но был уже покойником. Поступившее в его кровь «лекарство» начало уничтожать его организм изнутри.

Он умер через три часа от внезапно случившегося сердечного приступа, хотя до того на сердце не жаловался. Бывшие при нем близкие и друзья ничего сделать не успели. Да и не смогли бы. Он был обречен. Как говорится, медицина в данном случае бессильна.

Но я кончины своего подопечного не ожидал. Я спешил. Бросив «Москвич», уже на других, но опять-таки «своих» «Жигулях» я мчался на следующую сценическую площадку, где мне предстояло разыграть третье трагическое действо.

Пока в графике. Опережение — семь минут. Признаков слезки нет. Только бы не нарваться на опасную своей непредсказуемостью случайность.

Третьего мафиозного главаря я добыл с крыши его же дома. Нет, я не прыгал сверху Тарзаном ему на плечи, не ронял с карниза кирпичи. Я, поднявшись на заранее отпертый чердак, запустил в опять-таки заранее просверленное в вентиляционном стояке отверстие двоянную тонкую трубку. В одной половинке был запрессован глазок микрокамеры, в другой не было ничего.

Аккуратно опуская ее вниз, я подсчитывал стравливаемые с катушки сантиметры. Кажется, все. Теперь воткнуть ближний конец видеошнура в гнездо, расстегнуть верхнюю панель, открыть монитор, включить питание, отрегулировать настройку. Сделано. На тусклом экране я различил лохмотья висящей по стенам пыли и светлый узор точек от декоративной вентиляционной решетки. Так, понятно. Для того чтобы хоть что-то увидеть, надо развернуть камеру на 180 градусов. Я тронул ручку горизонтального смещения. Решетка вползла в экран. Сквозь нее я различил дверь, сливной бачок, унитаза.

На месте.

И снова ожидание. Десять минут, двадцать, сорок... Минуту расчетное время. Пошел наработанный запас. Час десять, час двадцать... В ход пошел неприкосновенный резервный час. Он что, вообще в туалет не ходит? В принципе? Ну, наконец-то! В невеликий объем туалета ввалилась массивная туша третьего претендента на смерть. Отдуваясь и ворча, он расстегнул штаны и опустился на хрупкий фаянс унитаза.

— Уф-ф! — Авторитет пыхтел, пыжился и обливался потом.

— Ну, ты скоро? — кричала из-за двери, судя по обращению, супруга.

— Счас. Еще попытаюсь. Счас.

Мне стало жаль страдающего запором преступного вожака, и я достал из сумки небольшой, внешне похожий на аэрозольный, баллончик. На нем для маскировки даже написано что-то вроде «Дезодорант для ног. Не распылять вблизи огня, не давать детям» и пр. Но это был не дезодорант. И предназначался он не для ног.

— О-о-о,— охал, стонал и проклинал судьбу пищеварительный страдалец.

Ну, потерпи еще. Немножко осталось! Я присоединил баллон к свободному патрубку и открыл вентиль. Смертельный даже в малых дозах газ с шипением вырвался в трубку и по ней потек вниз, к расположенному тремя этажами ниже туалету. Я видел, как вначале вздрогнул, а потом сразу обмяк сидящий на унитазе

человек. Проблема кишечной непроходимости его больше не волновала.

— Ты скоро? Я не буду ждать! — возмущалась, кричала, негодовала не ведающая, что творит, жена. — Ты слышишь? Слышишь?

Он не слышал. Его уже не было в туалете, в квартире, на земле. Его легкая, не ведающая запоров душа выпорхнула из тучного тела и вознеслась, возможно, через ту же отдушину, откуда поступил газ. Я вытянул видеоцуп, смотал его на бобину, упаковал в чехол. Отверстие в вентиляционной шахте я заткнул и затер специально подобранной под окружающий колер замазкой.

Номер три. Без сучка, без задоринки. Пока мне везло, но лишь потому, что еще живые противники не узнали о безвременной кончине своих товарищей. Мое преимущество было очень шатким и уменьшалось с каждой новой минутой. Мне надо было спешить. На № 3 ушло слишком много времени. Слишком много...

По чердаку я прошел в дальний подъезд, спустился во двор и вышел на улицу.

Машины не было!

Вот это номер! Это называется «Вор у вора дубинку украл!». И, главное, как не вовремя!

Можно было попытаться перехватить любую другую машину, свободную или выкинув из занятой водителя, но, как назло, улица была пуста. Пришлось, вспоминая курсантскую юность, совершать марш-бросок: очень быстрым шагом в людных местах и только там, где никого не было видно, бегом до ближайшей «своей» машины. Я бежал, но уже понимал, что не в графике, что темп потерян. Я срезал расстояние, проскакивая с улицы на улицу через проходные дворы, обходил долгие кварталы, пользуясь сквозными подъездами. Я хорошо изучил город в дни предшествующей подготовки. Сегодня это сэкономило мне массу драгоценного времени. Даже больше, чем я мог рассчитывать.

В сравнении с машиной я опоздал лишь на три минуты. Поиск и угон, тем более захват новой машины стоили бы мне гораздо больших временных потерь. Я очень правильно рассчитал. Но это меня не спасло...

Когда я захлопнул дверцу своей очередной легковушки, у меня еще оставалась возможность наверстать упущенное время. Но на первом же перекрестке в меня въехал неизвестно откуда взявшийся «уазик».

Удар!

Вот она, идиотская роковая случайность, которой я опасался. Ее невозможно учесть, к ней невозможно приготовиться, ее невозможно избежать. Хотя нет, последнее утверждение — ложь! Я не верю в мистические предначертания. По большому счету любая случайность — это обратная сторона закономерности. Стоит лишь получше покопаться в прошлом.

Там, на чердаке, я проиграл уйму времени. Угнанная машина стояла мне еще трех минут. Если бы я работал не один, такого произойти не могло бы. Мой напарник просто ожидал бы меня за рулем, не снимая ноги с педали газа. Но я работал в одиночку, и

вероятность случайности из-за этого возростала стократно. Рано или поздно она должна была сработать. Два предыдущих прокола потянули за собой третий. Пытаясь наверстать потерянные минуты, я гнал машину чуть быстрее, чем должен был, и проскакивал перекрестки чуть более рискованно, чем если бы никуда не спешил. Не случись эти две в принципе одолимые затяжки, не произошла бы роковая третья.

Но и ее можно было избежать, если бы я смирился с дополнительным двух-трехминутным опозданием. Я повторил ошибку прохожего, перебегающего ради экономии тридцати секунд перекресток на красный свет. Я, как на придорожном плакате, сэкономил минуту и поставил под угрозу жизнь. Так что не будем взваливать на рок свои ошибки.

Но об этом я размышлял позже. В тот момент столкновения и переворота машины мне было не до отвлеченных материй. От удара о баранку я на мгновение потерял сознание. И именно этого мгновения хватало зевакам, чтобы заполнить своими любопытствующими телами все подходы к дверцам перевернутой машины. Они были искренни, они хотели помочь, но мне от этого было не легче.

Сразу десяток рук потянулись внутрь разбитого стекла. Они думали, меня волновала жизнь. Но меня в данный момент волновала только набитая спецсредствами сумка. Утрата сумки была бы равнозначна потере жизни. То, что в ней находилось, не предназначалось постороннему взгляду.

— Сумку! Сумку! — требовал я, отталкивая добровольцев-спасателей. — Вначале сумку!

Наверное, они удивились такому невероятному перед лицом смерти крохоборству, но сумку дали. Только после этого я позволил вытащить себя наружу. Я не чувствовал боли. Мне некогда было чувствовать ее, мне нужно было покинуть место аварии до того, как сюда придут полиция и «скорая помощь». Я не мог допустить ни забирающего последнее время лечения, ни связанной с наездом проверки документов.

Я продирался сквозь руки, как сквозь колючий кустарник. Я отодвигал руки, я раздвигал руки, я отдирал руки от себя.

— Остановите его!

— Помогите ему! У него шок!

Я не мог выбраться из такой плотной и активной толпы, не применив известные мне приемы. Но не смог бы избежать жертв, применяя эти приемы. Я раскрыл бы себя, допустив эти жертвы. И я из охотника превратился бы в дичь. Круг замкнулся. Я оказался обезоруженным. Силовые методы оказались невозможны. Нужно найти какой-нибудь простой и действенный ход. Что может убедить людей оставить меня в покое? Страх! Чего люди боятся больше всего? Потери жизни. Только это может перекрыть все прочие сиюминутные чувства.

— Вы что, с ума сошли?! — заорал я что было сил. — В багажнике двести литров бензина! Он сейчас рванет! Спасайтесь!

Мой вид и мой крик оказались убедительными. Люди отшатнулись от машины. Используя их секундное замешательство, я, отбросив в сторону двух ухвативших меня доброхотов-спасате-

лей, кинулся к ближайшей подворотне. Теперь я мог позволить себе действовать чуть более жестоко. Возможным взрывом я аргументировал свое нежелание оставаться возле разбитой машины. Все. Вырвался! Ушел!

В одном из ближайших подъездов я позволил себе минутную передышку. В принципе я отделался легко. Seriously пострадала только левая нога. Встать на нее было можно, но сгибать в колене затруднительно. Все прочее, несмотря на обилие крови (ей-богу, словно поросся резали), было несущественно — так, мелкие телесные повреждения, хуже дело обстояло с одеждой. Ее просто не осталось. Показаться в этих пропитанных кровью лохмотьях на улице нельзя. Необходимо как можно быстрее обновить свой гардероб.

Я поднимался по этажам, прослушивал двери. Отбегая, вернее, отпрыгивая на одной ноге на верхние марши, позвонил в одну, вторую, третью квартиры. Ту, где никто не ответил, вскрыл универсальной отмычкой. Нельзя сказать, что мне повезло, но кое-что подходящее в одном из платяных шкафов я обнаружил. Замыв кровь в ванной, я залепил раны пластырем со специальным покрытием, заглотал две болеутоляющие таблетки из аварийной аптеки. Через тридцать минут я покинул давящую мне уютную квартиру. Свою одежду, сложенную в прихваченный на кухне пакет, я бросил в мусоропровод.

Я довольно удачно выкрутился из случившегося дорожно-транспортного происшествия, но как бы не ценой провала операции. Мой кредит выглядел угрожающе. Частичная трудоспособность заставляла забыть об активных, связанных с бегом и прыжками, лазанием и рукопашным боем действиях. От целого агента нынче осталось едва ли не треть.

Случившееся на перекрестке странное происшествие рано или поздно через каналы милиции дойдет до ушей авторитетов. Вполне возможно, что они смогут связать его с эпидемией смертей, постигших их товарищей. Кстати, последнее обстоятельство — информированность оставшихся в живых об имевших место несчастных случаях — сводит на нет все мои ранее разработанные планы. Вряд ли они теперь будут открыто появляться в городе. А это значит, что прекрасно задуманные и подготовленные четвертый и шестой несчастные случаи останутся неостребованными. Может быть, пятый сработает? Хотя и тут не без сомнений. Могу поспорить, интересующие меня окна ночью будут плотно зашторены. Любой опасающийся мести человек инстинктивно избегает глядящих в темноту окон. Это, если хотите, рефлекс. Темнота всегда таит угрозу. А вот день? Будем надеяться, что их подозрительность не переросла в панику, чтобы, отгораживаясь от мира, превращать квартиру в подводную, без доступа свежего воздуха и солнечного света, лодку.

И еще будем надеяться, что сегодня, сейчас информация в полном объеме до них еще не дошла. А если дошла, то еще не переварилась. Сегодня днем они нападения, наверное, не ожидают. Опасность еще не определена, она только подразумевается. А вот за завтрашний день поручиться нельзя.

Значит, только сегодня. И только днем!

Через пятьдесят минут я стучал в двери квартир дома, стоящего напротив нужных мне окон. В четырех квартирах я, представляясь разносчиком срочных телеграмм, наткнулся на хозяев. В пятой было тихо. Я подавил на звонок еще минуты три и, открыв дверь, зашел внутрь. Пусто! Закрыв дверь на внутреннюю защелку, я прошел на кухню, растворил настежь окно, открыл «дипломат». Там лежала винтовка, точнее, ее части: дуло отдельно, затворная часть отдельно, приклад отдельно. С помощью пяти движений и двух винтов я превратил разрозненные запчасти в цельную винтовку, легким толчком поставил на место оптический прицел, загнал в патронник обойму, накрутил набалдашник глушителя. Сорок секунд на всю сборку! Качественно работают привлеченные Конторой оружейники.

Из того же «дипломата» я вытащил небольшой, вроде велосипедного насоса, цилиндр и, сняв фиксаторы, раскрыл три ножки — каждая из которых состояла из четырех телескопических колен, — раздвинул их до полуметровой длины. Треногу, напоминающую внешним видом фотографический штатив, я поставил на пол у дальней стены кухни. Но приторочил к ней не фотоаппарат. Вовсе нет. Не для того я сюда пришел, чтобы заниматься художественной фотографией. Быстро оглядев в прицел окна противоположного дома, я определил зону обстрела и задернул шторы на кухонном окне. Оставшейся щели хватит для того, чтобы держать под контролем требуемое пространство.

Тренога обеспечила значительную свободу действий. Теперь мне не надо было, изображая дурака, стоять на изготовку с прижатой к плечу винтовкой, рискуя тем, что, когда дело дойдет до выстрела, мое оружие будет трястись в перетруженных пальцах, как бутылка в руках наполняющего стакан алкоголика.

Ждал я, слава Богу, недолго. Объект, потягиваясь, почесываясь и зевая, прошел поперек комнаты. Он что, до такого времени спит? Или вовсе в койке живет? Теплая жизнь у мафиозинов. Жаль, короткая...

Я прижался глазом к окуляру прицела, прикинул его сокрытый обратный путь, траекторию полета пули, ветер и все прочие влияющие на результат выстрела объективные и субъективные обстоятельства. Промахнуться я не мог. И не промахнулся бы, если бы объект прошел прежней дорогой. Но он в последний момент изменил свои планы и, не дойдя до спальни, бухнулся в кресло, стоящее за фасадной, то есть ближней ко мне, стеной. Я видел его в висящем на дальней стене зеркале и ничего не мог поделать. Он стал недостижим для моих пуль.

Я лихорадочно соображал, что предпринять, прекрасно понимая, что предпринять ничего невозможно. У меня была винтовка, а не пробивающая стены базака. Я мог только ждать. Но сколько? Судя по всему, клиент не собирался покидать уютное кресло — включил магнитофон, разложил журналы, накинул на ноги плед. Ну, чисто английский лорд, отдыхающий у камина. Быстро он не встанет. Я бы так согласился месяц просидеть!

Я расслабил пальцы, сжимающие ложе винтовки. Можно, конечно, и подождать, лишь бы дождаться. Но во входной двери заскрежетал ключ! Кажется, вернулись хозяева. По идее я должен

был немедленно ретироваться. Но как вернуться в этот дом после того, как я своим незванным присутствием в чужой квартире расстрою покой жильцов всех подъездов? Уйти сейчас — значит уйти как минимум недели на две. Их у меня нет! А если рискнуть? Я еще раз взглянул в окуляр прицела. Сидит, зараза! В моей голове мелькнула шальная мысль. Сколько у меня есть времени до того, как сюда вернутся хозяева? Одна минута, две, три?

Это зависит от их темперамента, физической силы и финансовых возможностей, ответил я сам себе. Если сил и денег в достатке, то вышибут дверь в минуту. Если мало, то, спасая замок, пойдут искать слесаря, на что потребуются уже десятки минут.

В дверь сильно забарабанили.

Пожалуй, силы есть. Затихли. А вот денег на ремонт двери нет. Опять забарабанили? Или есть? Черт с ними, пусть стучат!

Я быстро отскочил к раковине, открыл на полную мощность оба, с горячей и холодной водой, крана и сдвинул хобот смесителя за пределы мойки. Мощная струя ударила в пол.

Я снова припал к прицелу. Вот он, сидит в зеркале. Видимый и одновременно недоступный. А почему видимый? Потому что угол падения равен углу отражения! Потому что мой глаз и его кресло находятся в одинаковом относительно зеркала положении. А зеркало висит на стене. Так? Именно так! Вот и выход! Хорошо меня учили в школе, если спустя столько лет я вспомнил такое бесполезное тогда и столь пригодившееся теперь оптическое правило.

Углы равны! Равны!

Быстрым движением я выбросил из винтовки обойму с патронами. Эти, с разрывными пулями, бесполезны. Их не в кого послать. А вот эти, вытащенные из «дипломата» запасные, со стальным сердечником, как нельзя кстати!

Я тщательно выверил расстояние и углы. Глубоко вздохнул. В дверь ломались со все усиливающейся настойчивостью. Все-таки еще и богатые. Не повезло. Выдохнув воздух, я замер, нежно обжал указательным пальцем курок и плавно потянул его на себя. Раздался выстрел. За ним второй. И сразу третий. Стальные пули вошли в стену чуть выше зеркала и, срикошетив, отскочили в сторону. Отскочили под тем же углом, что и ударили. Угол их падения был равен углу их отражения! К великому сожалению сидящего в кресле четвертого мафиозного главаря, этому правилу подчинялись не только световые лучи.

А он думал — спрятался. Думал, я его не достану.

Для верности выпускаю пулю за пулей, я пересек зеркало сверху вниз, заметив в разлетающихся осколках, как по телу сидящего в кресле человека запрыгали черные пятна дырочек. Дверь затрещала.

Я быстро разобрал винтовку, рассовал части по соответствующим углублениям в «дипломате» и, подхватив полусложенную треногу, пошел в коридор.

Дверь охнула и сдалась.

В прихожую, весь в щепе и мате, ввалился здоровенный парень, позади него, испуганно прикрывая рот, стояла растерян-

ная старушка. Из соседних квартир вылезали заинтересованные соседи.

— Ты, бабка, где бродишь? — грозно гаркнул я, памятуя, что лучшая оборона — нападение. — Ты что же делаешь, старая?! У тебя нижние соседи по уши плавают! Кто платить за ремонт будет? Кто, я спрашиваю? Кто?!

Опешившие от неожиданного напора соседи испуганно отшатнулись.

— Вот так, одни краны не закрывают, а другие должны аварии ликвидировать! Я в последний раз соглашаюсь! В последний! Так и знайте. Я не нанимался на каждый потоп бегать! У меня своих дел не переделать! — продолжал орать я, спускаясь по лестнице и потрясая, словно гаечным ключом, треногой. — А вы что стоите? — крикнул я уже снизу. — А ну марш воду собирать, пока стены не размыло! Быстро!

Пока они собирают тряпками и отождут в ведра воду, пока обсудят происшествие, я буду в семи кварталах отсюда, у объекта № 5. А когда они надумают обратиться в местный жэк и в милицию, вовсе покину город.

Уже на подходах к № 5 я почувствовал, что опоздал. От известных мне окон исходило что-то неживое, покинутое. Не грели они. Я не знал, что это было — воспитанная сверхчувствительность или справедливое, вызванное всеми предыдущими действиями подозрение. Назовем это интуицией и не будем углубляться в дебри парапсихологических изысков. Я чувствовал, что квартира пуста. И все тут!

№ 5 оказался на редкость трусливым и проницательным человеком. Только слышав о первых смертях, не раздумывая долго, решил сделать ноги из ставшего опасным города. Исчезновение пятого ставило под сомнение целесообразность четырех предыдущих смертей. Здесь, кроме меня, владели запретной информацией еще по меньшей мере двое. Один — очень хочется надеяться — заперся в своем доме-каземате. Второй ударился в бег. Где его искать? Я прикинул все варианты и остановился на единственном, обещающем быстрый результат. Или я отыщу его в течение одного-двух часов, или потрачу на поиски всю следующую неделю. Я отправился к стоянке. Не может такой фанатичный автолюбитель бросить свою любимицу-иномарку. Душа не стерпит!

Машина была на месте. В ближайшем переулке я устроил моторизованную засаду. Проще говоря, подремывал, сидя в угнанных «Жигулях», удерживая в поле зрения въездные ворота автостоянки. Я пытался восстановить столь необходимые мне в скором будущем силы, набирая тридцати — пятидесятисекундными урывками полночные часы сна. Распахивались ворота — открывались мои глаза.

Не то.

Не то.

А вот это то, что надо.

За рулем сидел пятый, если считать от сегодняшнего утра, претендент на смерть. Сейчас он выедет на автостраду, я пристроюсь ему в «хвост», а там посмотрим.

Но я недооценил своего противника! Я настроился на охоту и все свое внимание посвятил гону. Я забыл, что загнанная дичь может очень болезненно огрызаться...

Иномарка выходила одна. «Хвоста» не было. Это упрощало задачу. Я повернул в замке ключ зажигания.

— Эй, мужик, у тебя колесо сдуло, — радостно сообщил мне какой-то прохожий парень.

— Где?

— Да вон же, вон. Правое заднее. Э-эх, дядя! Машина не жена, за ней пригляд нужен.

Я наклонился к сиденьям, открыл ближнюю боковую дверь, высунулся наружу. В лоб мне уперся пистолет.

— Садись по-быстрому в машину. И без нервов!

На асфальте вдоль борта машины лежал второй вооруженный Макаровым парень. Его напарник, уже всунувшись в салон через опущенное стекло, хватал ключ зажигания.

Это ж надо так банально вляпаться! Мальчишки, сопляки завалили спецагента чуть не с пятнадцатилетним стажем! Позор!

— Ну! — Дуло пистолета недвусмысленно помассировало мой лоб.

Пришлось подчиниться. Между мгновенной смертью и компромиссом я всегда выбираю компромисс. Запустить пулю в извилины я всегда успею.

— Выезжай и держись за той машиной, — приказали ребята, указав на иномарку.

Это можно. Я все одно собирался за ней ехать.

— Тише. Еще тише.

Я повиновался. А вы бы стали спорить, когда бы вам сверлило четвертый позвонок дуло поставленного на боевой взвод девяти-миллиметрового пистолета?

— Теперь чуть быстрее. Вот так.

Кажется, я становлюсь таксистом. Впору счетчик включать. А пожалуй, что и надо. А пожалуй, что и включу! Не возить же их бесплатно.

Машины недолго покрутились по городу и вышли на междугороднее шоссе. Здесь, вжимая педаль газа в пол, я подуспокоился. Не будут они стрелять без предупреждения в держащегося за руль водителя идущей на полной скорости автомашины. Не самоубийцы же они.

— Закурить-то можно? — спросил я.

— Валий, — разрешили незваные пассажиры. Впереди показался поворот. Стрелка спидометра зашкалила за 110. Куда ж он так спешит на своих импортных лошадиных силах? Он что, придорожных знаков не видит? Напрасно!

Не снимая левой руки с руля, я достал сигареты, большим пальцем откинул крышку.

— Угощайтесь.

Сигареты были хорошие, и парни потянули свободные от пистолетов руки к раскрытой пачке. У скорого покойника последний табачок брать не брезгают! Ох и молодежь пошла! Ничего святого. Ну а мне сам Бог велел, не чужое прощу.

Я тряхнул пачку, вышиб сигарету и взял ее губами. Правый охранник, потянувшись к зажигалке, приблизил свою голову к моей. Так бы мы, наверное, и закурили, если бы не маленькая неприятность — не закрывалась пачка, мешала крышке одна высунувшаяся сигарета. Пришлось поправлять, продавливать ее большим пальцем.

В это время впереди идущая иномарка вошла, почти не сбавляя скорости, в поворот. Лихачит авторитет, не жалеет здоровья. А шоссе, между прочим, не космос, а иномарка хоть и иномарка, да не «Шаттл».

Однако закроем коробку. Время пришло. Я нажал на выступающую сигарету. Цепь замкнулась. Два одновременных микровзрыва под днищем иномарки перебили рулевую тягу и тормозной шланг. Все-таки не зря я ковырялся ночью на автостоянке, не зря тратил время и пластик. Пригодилось!

Мгновенно потерявшую управление машину бросило на встречную полосу под колеса идущего навстречу «ЗИЛа». Смерть пятого приговоренного главаря была безболезненна и мгновенна.

— Тормози-и-и! — хором заорали обалдевшие от удивленной, действительно ужасной катастрофы охранники. Ну, конечно, слушать я их буду! За чужую жизнь душа не болит, а за свою сразу «Караул!». Нет, милейшие, я буду делать то, что задумал делать. У меня своя голова на плечах имеется. А вот за ваши я сгоревшей автомобильной свечки не дам. Ваши вас подвели!

В мгновение, когда пассажиры не сводили вылезших из орбит глаз с кувыркающейся под откос машины с их непосредственным начальством (а от такого зрелища не смог бы отвести взгляд и более подготовленный профессионал), я быстрым движением вбок выскочил из-под дула ослабившего давление пистолета и головой толкнул его в сторону, одновременно страшно закричав:

— Стреляй!

Сидящий сзади охранник, инстинктивно подчинившись, нажал курок. Пуля ударила его тянувшегося к зажигалке напарника в щеку навывлет, на излете пробив правое стекло. Тот даже не успел пустить в действие свое оружие, чего я очень опасался.

И опять-таки, не делая перерыва и пользуясь тем, что Макаров направлен в сторону, я откинул назад голову и резко тормознул. Задний пассажир вцепился носом и глазами мне в затылок. Я услышал противный хруст и увидел, как из обмякшей руки выпал пистолет. Еще бы. На что затылок крепче лицевых костей, и то у меня в голове мелкие «молнии» запрыгали. Выровняв скорость, я проскочил место аварии. Теперь добраться до ближайшего леса, бросить машину с простреленной дверцей и двумя бездыханными телами и пешком или попутными машинами возвращаться в город. Я, как всегда, должен спешить. Мой счет еще не окончен!

Шестой объект разочаровал меня совершенно. С такой, почище средневековых, крепостью мне без ракеты «земля—земля» не совладать. Подходы открыты — не подойдешь незамеченным, не подползешь. Высотных зданий, на которых можно было бы залечь с винтовкой, нет. Да, кстати, и окна здесь плотно зашторены, а

местами, где скорее всего и обитает хозяин, круглосуточно закрыты плотными ставнями. Машина паркуется во внутреннем закрывающемся гараже и если выезжает, то сразу на скорости, предварительно разогнавшись во дворе, который, в свою очередь, кишит охранниками. Похоже, и здесь потрудился Резидент. Хорошо потрудился. Внешнюю форму — не очень новый и не очень просторный на вид частный дом — оставил неприкосновенной, а содержание сломал в корне. Местные бандиты до этого своими куцыми мозгами никогда бы не додумались. Это не купи-продай. Это почерк!

Крепок оказался домик. И не только стенами! Но должен же быть в обороне противника изъян.

В дом незаметно не проникнуть. Нахрапом не прорваться. Выезжающего или въезжающего авторитета не подкараулить, потому что он не выходит, а сиднем сидит где-то во внутренних помещениях. Где сидит, тоже установить невозможно. Изображать из себя почтальона, врача, милиционера, собирающего макулатуру пионера или умирающего от истощения прохожего бессмысленно: все равно дальше ворот не пустят. Положеньице! Что-то не упомяну, когда такие имели место быть.

Еще раз.

Забор...

Ворота...

Стены...

Входящие-выходящие люди...

Люди. Главное дело, и людей-то почти нет. Более-менее постоянно выходит только охранник, прогуливающий собаку. Шлепнуть бы этого пинчера, раз до хозяина добраться не могу. Может, его с расстройства инфаркт хватит. Вон какая собаченция ухоженная. Другой детей родных так не содержит. Ей-богу, укуошу с досады, чтобы не отвлекал, не маячил туда-сюда со своим провожатым на поводке. То-то будет удар для подопечного обнаружить своего любимца в дохлом, как самая беспородная дворняга, виде! Ведь притащит, поди, ее пред светлы очи шестерка-охранник. Не бросит где-нибудь возле мусорки. Еще и похороны устроят, и поминки богаче, чем иному человеку. А ведь точно притащит. И устроят. Как пить дать!

А ну, крутанем обратно.

Собака. Охранник, выводящий ее каждый день. Каждый Божий день. Каждый, без перерывов. Один и тот же охранник. Одну и ту же собаку...

Еще не раз, не два и не десять я обсасывал пришедшую в голову идею.

Собака. Охранник. Приход-уход. Каждый день...

Утром я вышел на последнюю, шестую, охоту. Из всего оборудования у меня был небольшой, чуть длиннее спичечного коробка, пистолет с глушителем и истекающая дамскими запахами сучка эрдельтерьера, купленная накануне на «птичьем» рынке. Эрдельтерьеру мне до того пришлось малость поколотить, чтобы у нее выработался устойчивый отрицательный рефлекс на своего нового хозяина. Я воспитывал ее примерно так же, как дрессировали в свое время в Учебке меня, когда хотели надежно закрепить

какие-нибудь вновь требуемые навыки. За короткое время я добился выдающихся, куда там Дурову, результатов. При виде меня прикупленная на рынке собака, даже если в руках я держал, поводя у ее носа, первоклассную сахарную кость, норовила сорвать с места в галоп и убежать на самый край собачьего света. Контрольным словом, запускающим этот механизм страха, я избрал команду «Нельзя!». Это «нельзя» для моей любимицы было страшнее вышедших на промысел собачников! Слаба в коленках оказалась породистая животиная. Люди, я в том числе, такие упражнения годами выносили без скулежа и поджимания хвостов. Еще и спасибо инструкторам говорили! А говорят — «собачья жизнь». А курсантская жизнь — не слабо? Свою милую собаченцию я, замаскированный под средней руки интеллигента, совершенно случайно прогуливал по маршруту, по которому водили известного мне добермана. Моя эрделька успела изрядно пометить чужую территорию, когда нас догнал возжелавший немедленной любви пинчер. Охранник еще удерживал поводок, и ему было не до того, чтобы рассматривать меня подробнее. Могу поспорить, максимум, что он запомнил, — это второй свежести плащик, круглые очки и нудные сюсюканья по поводу того, что моя девочка такая умница, достаточно сказать «фу» — и как обрезает. И родители у нее привезены из Франции. И ценилась она два раза. И...

Верно подмечали инструктора-сыскари, менее всего привлекает внимание навязываемое знакомство. После такого занудства в памяти у собачьего охранника остается только ощущение беспокойной тоски.

— А вы вашего пинчера развязывали? Да? Нет? А кто его папа? А мама? А бабушка? А шлейку вы где покупали?

Я довел охранника до такого состояния, что он, наплевав на собаку, смотрел уже только на меня, подбирая слова для достойного, желательно в нецензурной форме, ответа.

— А все-таки согласитесь, у вашего пинчера окрас несколько тускловат... — не допуская паузы, бубнил я, отвлекая внимание на себя, одновременно вытаскивая из рукава хорошо заточенный стропальный нож и приближаясь к поводку.

— Вот моя эрделька... — Я резко повернул голову в сторону своей собаки, охранник сделал то же самое, и я мгновенным движением перерезал натянутый поводок добермана-пинчера.

Освобожденный кобель радостно отскочил в сторону.

— Нельзя! Нельзя! Фу! — что было сил заорал я и отпустил поводок.

Услышав знакомую, не сулящую ничего доброго команду, терьерша, взвизгнув, отпрыгнула сразу на два метра и, напрочь забыв о только что закрученном с пинчером романе, припустила со всех четырех лап туда, куда смотрели ее выкатившиеся испуга глаза.

— Нельзя. Нельзя. Стой! — орал я вслед, закрепляя первоначальный успех. От моих возгласов бедная собака все более и более припускала ходу. — Нельзя-а-а!

Доберман-пинчер рванул за невестой.

— Стой! — совершенно по караульному Уставу кричал вместе

со мной охранник. Я так и ожидал услышать необходимую в таких случаях добавку:— Стрелять буду!

Так мы орали дуэтом. Он — «Стой!». Я — «Нельзя!». Вильнув на прощание хвостами, собаки скрылись за ближним поворотом. Доберман был утрачен хозяином навсегда. А вот терьерша вовсе нет. Хватаясь за сердце и голову, изображая отчаяние по поводу внезапной утраты любимицы семьи, я, честно говоря, совершенно не волновался. Куда она денется. У нее в ошейнике вмонтирован микропередатчик, каждые сорок секунд посылающий сигнал на мой находящийся в кармане приемник.

Уже через четыре квартала я обнаружил пропавших собак, самозабвенно занимающихся в подворотне любовью. Я приблизился, вытащил пистолет и, пусть меня простят члены общества охраны животных, выстрелил. Единственно, что я могу гарантировать защитникам городской фауны: доберман почил не в худший из моментов своей жизни. Хотел бы я скончаться в процессе такого захватывающего мероприятия. Несбыточная мечта!

А что прикажете поделывать? Пожалеть разжиревшую на ворованных харчах собаку и тем подставить себя? То есть моя жизнь против жизни пинчера? Такое справедливо? Простите за резкость, но я столько видел на своем веку людских смертей, что не могу себе позволить жалеть какого-то кобеля, даже если он породистей, чем я. Богу — Богово, собакам — собаково! Давайте не будем путать фауну и человека! А кому такой подход не нравится, пусть посетит палаты умирающих от лейкоза детей. Это его несколько отрезвит! Я убил необходимую мне для дела собаку и притащил ее на одну из снятых квартир. Там, в ванной, еще раз извиняюсь за неприятные подробности, я распотрошил покойного добермана, вытащил внутренности и набив пустое брюхо солидным запасом пластиковой взрывчатки и мелких гвоздей для повышения убойной силы заряда. В другой разрез, сделанный под челюстью, я всунул микрофон микропередатчика. Брюхо и шейный разрез я зашил косметическим швом самым тщательным образом, замаскировав шерстью. Я несколько раз осмотрел собаку и взвесил ее, чтобы первоначальный вес совпадал с нынешним. Вроде ничего.

Собаку я положил в трехстах метрах от недоступных мне ворот. Ее нашли через час. Два охранника, ухватив ее за лапы, потащили тело в дом. Я рассчитал абсолютно правильно. Они не могли ее захоронить, не показав последний раз хозяину.

Я занял позицию десятью дворами дальше. Стоял на остановке, всунув в уши наушники плеера, и «слушал музыку», вертя в руках коробку из-под сигарет. Я ждал автобус, который мне был совершенно не нужен. В наушниках звучали глухие шаги, скрип дверей, оклики, ругательства несущих не самую легкую ношу охранников. Наконец, я услышал тяжелый, похожий на стон, вздох хозяина, увидевшего мертвую собаку, его сдержанные, а потом уже не сдерживаемые всхлипы и причитания.

— Кто ж это тебя? Кто этот злодей?!

Я слышал шуршание руки, гладившей мертвую шерсть, и постукивание слез о микрофон, сочувствующие вздохи телохранителей. По собачке печалишься?

А что же ты не жалел заложников, когда их морили голодом в протухшем судовом трюме? Не жалел вставших на твоём пути случайных, ни в чём не повинных прохожих? А что же ты не пощадил полного состава ревизорскую бригаду? Ведь у них были дети! Не щенята какие-нибудь! Дети! Почему ты не жалел меня, Контролера, когда готовил к работе анатомичку? А? Что же ты тогда не был добрым интеллигентным дяденькой, исходящим слезой по невинно убиенным жертвам? Где ты был тогда? Где? Или тебе собака стала ближе человека, а человек хуже собаки? Я нажал кнопку. И, честное слово, в тот момент больше жалел второй раз умирающего добермана, чем его хозяина! Зло должно быть наказано! Творящий смерть подлежит смерти!

Ногами я почувствовал глухой, дробно раскатившийся удар. Ушами я не услышал ничего! А ведь, похоже, и впрямь он обитал в атомном бункере. Такого количества заряда должно было хватить, чтобы, как минимум, выбить в доме рамы. А они остались целехонькими!

Не защитили его крепкие, пожалуй, прочнее, чем крепостные, стены, не уберегли для новых преступных дел. А он так надеялся дожить до 130 лет. Не вышло: собака не дала! Любимица! Подвела причуда, любовь к четвероногому другу. Людям не доверял, двуногих друзей ни одного не имел, а к четвероногому привязался. За что и поплатился. По всей строгости не знающего апелляций и пересудов закона.

Приговор приведен в исполнение!

Странно, но, завершив дело, я не испытал ни радости, ни даже удовлетворения. Я устал брать на себя ответственность за чужие жизни. Никогда у меня еще не было дела, связанного с таким количеством трупов. А начиналось оно как банально рутинная ревизия. Кто мог догадываться, что все обернется таким кровавым образом. Я стоял на остановке, словно в столбняке. Я пропустил один автобус за другим, не в силах сделать даже шаг. Если бы сейчас меня кто-нибудь надумал ловить, я бы не стал защищаться. Я настолько зарядился чужой смертью, что свою уже не воспринимал как трагедию. Смерть стала обыденностью моей жизни, такой же, как еда, питье, сон. Эти дни я умирал сам и отнимал чужую жизнь так же часто, как принимал пищу. И так же безразлично. Я ел, чтобы жить, и убивал, чтобы выжить. Но я уже не знал, хочу ли продолжать свой земной век после всего, что произошло.

Раньше меня питали логика долга и жажда мести. Сейчас я исполнил долг и испил чашу мести до самого доньшка. Сделал все, что требовалось.

Сколько их было, знавших или догадывающихся о Конторе, о Резиденте и обо мне? Семь или восемь мелких почивших на судне командиров?

Их уже нет.

Шесть когда-то разговоривших Резидента авторитетов?

И их нет.

Рядовые бойцы-исполнители не в счет. Они не знали ничего, кроме того, что им говорили командиры. А командиры не говорили ничего.

Значит, Тайна сохранена?

Да.

Значит, дело защищено?

Да.

Значит, жизни моей больше ничего не угрожает?

Да.

Так отчего же так тошно на душе? Отчего хочется побежать к пруду и утопиться, как истеричная, не получившая ответа на свою пылкую любовь, гимназистка?

Оттого, что победил?

Да, оттого, что победил. Оттого, что победил такой дорогой ценой! Отсюда такой двойственный результат. Война выиграна! Война проиграна!

Я стоял на остановке еще час, пока мне в лицо не стали заглядывать обеспокоенные моим здоровьем прохожие.

— Товарищ, вам плохо? Вам помочь?

— Нет, спасибо. Уже не помочь. Уже поздно. Слишком поздно...

ЭПИЛОГ

Дело — худо ли, бедно ли, о том разговор особый — было завершено. Я сидел на чемоданах в ожидании приказа и последнего прости городу, который не оставил мне никаких приятных воспоминаний. Строго говоря, для меня это не город — это поле затяжного и чрезвычайно жестокого боя, где убивали меня, где убивал я и где доставшаяся большой кровью победа не доставила чувства глубокого удовлетворения.

Мне осталось терпеть еще десять часов до приказа на возвращение. Я сорвал плановые сроки завершения операции, я потерялся почти на четыре недели и уже не мог вернуться в точку, оговоренную первоначально. Теперь командование разрабатывало запасную версию своего внушившего недоверие агента. Как минимум, для выяснения всех обстоятельств моего исчезновения меня ожидал принудительный карантин. Но я его не опасался. Дома как-нибудь разберемся. Дома и стены помогают.

В назначенное время (плюс-минус тридцать секунд равны отмене контакта) я снял с резервного почтового ящика назначенную мне информацию. Она была неожиданной.

Выезд до особого распоряжения отменялся. Мне надлежало выйти на встречу с куратором находящейся на месте ревизорской бригады. Место, время, форма связи...

Я совсем приуныл. Задержка агента на месте завершённой операции ничего доброго не сулила. За ней могло последовать что угодно: пристрастное расследование, перевод в должностную ссылку, отставка и в том числе очередной несчастный случай. Гадать бессмысленно. Агент предполагает, начальство располагает. Я мог лишь ждать приговора.

В назначенное время я был в назначенном месте. Я стоял и тупо читал самодельные объявления, густо расклеенные на будке автобусной остановки. Мое было пятое с краю. Я узнал то, что должен был сделать. Оторвал корешок с телефоном. Унес. Проявил. Расшифровал.

Место... Время...

От таких свиданий не отказываются. Себе дорожке выйдет.

Входная дверь назначенной квартиры была открыта. Открыли ее ровно минуту назад и еще через минуту, если бы я не явился, закрыли. Я вошел в пустую прихожую и, нет, не снял одежду, а, наоборот, надел дополнительную, натянув до самой шеи только что купленную шерстяную шапочку с вырезанными отверстиями для глаз. Я не должен был, даже случайно, увидеть лицо своего скорого собеседника так же, как он не должен был увидеть мое. Таковы железные правила Конторы. Если человек имеет возможность не узнать человека, он должен его не узнать! Слишком мало людей трудится в нашей почтенной организации, чтобы позволить им приятельствовать друг с другом.

Я прошел в гостиную, поднял со стола «шлем», воткнул в него свою непутевую башку и сел в кресло. Точно такой же «шлем» надел спустя минуту мой, севший спиной к моей спине, собеседник.

— Добрый день!

Голос, конечно, изменен.

Разговор, конечно, фиксируется.

— Кому как.

— Мне надлежит задать вам несколько вопросов.

— Валяйте.

— Число, время вашего приезда...

Подготовка, детали легенды...

Контакты...

Отчеты...

Десять, двадцать, тридцать, пятьдесят заданных в быстром темпе вопросов. Нет, это не похоже на опрос свидетеля, это похоже на допрос обвиняемого. Предварительный, который послужит сравнительным эталоном для неизбежных последующих. Но почему это делается здесь, а не в конторских стенах? Отчего такая спешка? Я не пытаюсь уйти от разборки. Я сам заинтересован в ней. Я сам все расскажу, но не второстепенному, ниже меня по должности и званию, а ревизору. Он вообще не имеет права допрашивать Контролера. Задать пару вопросов по существу ревизуемого дела — да, но не допрашивать! Я не по его ведомству, не по его зубам... Его задачи, если он нормальный ревизор, локальны и должны касаться лишь пропажи техбригады и охранника. Что здесь происходит?

Я отвечал на прямолинейно опасные и второстепенные, внешне совершенно безобидные вопросы, подозревая, что суммарно они загоняют меня в безнадежный тупик. Какие грозней: об имевших место контактах с Резидентом или о погоде в десять часов в позапрошлую пятницу, — еще надо посмотреть...

Мне надлежало отвечать, потому что отказ мог быть истолкован как желание скрыть какие-то факты. Одно то, что он задавал такие вопросы, говорило о его далеко выходящих за рамки обычных знаниях. По уровню информированности он был по крайней мере равен мне. И я отвечал.

Но уже понимал, что за шелухой сотен предстоящих мне разрозненных и мало связанных друг с другом вопросов таится глав-

ный, волнующий Контору, — что произошло со мной за неподконтрольные ими дни.

И еще один, боюсь уже не Конторы, — что я знаю?!

Из-за него ревизор превысил свои полномочия. Из-за него весь этот торопливый допрос.

Я попал в западню. Я могу объяснить все, если скажу о главном. И я не могу объяснить ничего, если об этом главном умолчу. Главный был человек в Центре!

Он единственный стоил всех угробленных здесь сил, средств, нервов, жизнью ревизоров и трех десятков тел погибших в боевых действиях преступников. Он единственный сводил дебет с кредитом. Без него победа превращалась в поражение, в спровоцированную маньяком-Контролером ради удовлетворения своих извращенных наклонностей кровавую бойню, повлекшую жертвы как среди мирного населения, так и среди собственных работников. Без него все теряло смысл!

Он был единственным моим спасением. Но его не было! Потому что я не знал его имени! В этом заключалась вся трагическая обреченность моего нового положения.

Я не знал его и потому не мог говорить о нем! Я не мог гарантировать, что он не допрашивающий меня Куратор вновь присланной ревбригады. Что он не пославший его сюда начальник. Что он не начальник того начальника. Я не мог довериться никому, кроме себя, без риска всунуть голову в мгновенно стянувшуюся на шее петлю репрессий. Единственным, перед кем бы я рискнул открыть рот, отважился бы передать дискетку, — был Первый. Я никогда не видел его в лицо, но знал, что он есть. Все прочие ради моего же блага — под подозрением! Чтобы не попасть в идиотскую ситуацию — указать на предательство в стенах Конторы самому же предателю, — я должен молчать.

Я не могу открыть истину!

Но что мне тогда говорить?!

И я стал сочинять легенду. Не изменяя выражение лица, тональности голоса, не изменяя решительно ничего, я тем не менее изменил направление первоначального движения на 180 градусов! Для меня главное — выиграть время. Для меня главное — выбраться отсюда живым! Я взял инициативу в свои руки. Я искажал истину, добываясь требуемой мне по легенде картинки. Я изменял прошлое, почти не изменяя события! Да, изначально все было хорошо. Ревизоры работали. Контролер контролировал. Но ревизоры не заметили главного — что Резидент был под колпаком. Его пасла местная мафия. Нет. Я не знаю, когда и почему она села ему на «хвост». Я знаю и рассказываю то, что знаю. Ревизоры не выявили параллельной слежки, мафия обнаружила работу ревизоров. Ревизоры, как и Резидент, попали под чужое влияние. Это был провал, но о нем никто не догадывался.

Да, признаю, это был брак в работе ревизоров, равно как и курировавшего их Контролера. Но удара с этой стороны никто не ожидал. Установки были другие. Охранник должен был выявлять слежку, направленную на ревизоров, а не на Резидента. Что очень существенно! К тому же он работал один на малознакомой территории, а его противник, противник многочисленный, — на

давно освоенной и приспособленной для этих целей местности. Охранник не мог сделать больше, чем сделал.

Слежку мафиозных шпиков за ревизорами заметил Контролер. К сожалению, донести соответствующую информацию до начальства он не успел из-за крайне динамичного развития событий, отсутствия, о чем вопрос ранее дебатировался неоднократно, быстродействующих каналов связи и запрета использовать телефонные и прочие, не гарантирующие от технического проникновения линии. Руководствуясь пунктами 2 и 3 в параграфе 86 общего Положения, разрешающего самостоятельные действия в случае угрозы разглашения служебной информации, Контролер был вынужден выйти на прямой контакт с ревизорами.

При попытке захвата экстренно эвакуируемой ревизорской бригады Контролер лично отслеживал ситуацию и содействовал ликвидации информационного банка, аппаратуры, а когда потребовали обстоятельства, потерявших дееспособность исполнителей.

К сожалению, в процессе ухода Контролер «потасил» за собой «хвост». Мафия решила на захват рейсового, местной авиалинии, самолета, на котором он летел. О подробностях данного происшествия можно при необходимости запросить местные органы МВД и безопасности.

Узнав о случившемся бое и захвате воздушного судна, являющийся объектом проверки Резидент, сопоставив известные ему факты, сделал верные выводы и через своих подвизавшихся на третьестепенных должностях в иерархии местной преступной организации агентов узнал о подробностях происшествий, угоне самолета в том числе. Опять-таки, ставя интересы организации выше соблюдения должностных обязанностей, что в особых случаях допускается вышеперечисленными пунктами Положения, он вычислил местонахождение Контролера и предпринял успешную попытку его освобождения.

Просчет лиц, в той или иной степени соприкоснувшихся с запретной информацией и способных повредить интересам дела, выявил шесть фамилий. Чтобы исключить ее, информации, нежелательное расползание, Контролер и Резидент были вынуждены предпринять меры по очищению территории. Для чего вскрыли резервный контейнер. Во время подготовительных работ Резидент был узнан и уничтожен.

Согласуясь с общей концепцией организации и пунктами, и подпунктами Положения и инструкцией, Контролер завершил операцию чистки самостоятельно. Отсюда при всех имевших место вынужденных нарушениях и гибели личного состава соблюдена центральная, подчиняющая себе все прочие, задача — сохранение Тайны существования организации. За срыв плановых мероприятий Контролер готов нести полную меру ответственности...

Вот так! С ног на голову!

А что мне было говорить? Что представляющий интересы Конторы в северном регионе Резидент чуть ли не пятнадцать лет успешно трудился на мафию, то есть фактически против той самой Конторы? Что Тайна Конторы для местных мафиозных

деятелих вовсе не тайна, а повод для застольных, под водочку, разговоров? Что ревизоры вместо контроля, не желая того, исполняли функции прикрытия для развернувших бурную деятельность преступников? А все это покрывает человек, входящий в руководство Центра, получающий от той же мафии денежное или еще какое содержание?

Нет, единственное спасение — это сделать так, чтобы человек в Центре не заподозрил, что кто-то раскрыл истинное лицо Резидента, а через него узнал о предательстве в верхних эшелонах. По крайней мере, чтобы он не узнал это сразу. Здесь любая дымовая завеса, размывающая контур правды, сгодится. Здесь любая ложь во благо и спасение!

Пусть лучше Резидент, не успев сказать на суде ни единого слова, погибнет в неравной схватке с бандитами. Молчаливый герой — и баста! Герой — пустяк, а вот то, что молчаливый... А нарушителем производственной дисциплины могу быть я. Лучше им, чем покойником. Мне посмертных медалей не надо. Мне бы время выиграть. Мне бы до Москвы раньше, чем до смерти, добраться! Она, как в песне поется, моя надежда и моя отрада. Правильно рассуждали чеховские героини: «В Москву! В Москву!» Периферия — смерть! Очень прозорливо.

Либо я подпрыгну выше головы неизвестного предателя, либо моя голова скатится к его ногам. Третьего не дано! Я слишком много узнал, даже если считать, что не узнал ничего. Я встречался с Резидентом, одного этого довольно будет для смертного приговора. В любом сомнительном случае сидящий в высоком кресле предатель предпочтет перестраховаться. Отсюда следует: чем в более высокие кабинеты я заберусь, тем более укоротятся его, тянущиеся к моей шее, руки.

Но все эти кабинеты — в Москве!

— Все?

— Пока все. Следующая встреча через семь часов. Место и форма связи в условленном ранее почтовом ящике.

Меня отпускают? Меня отпускают живым? Это по меньшей мере странно. Значит, все-таки Ревизор не липовый, а самый натуральный? Честный служака, привыкший исполнять инструкции, как Божьи заповеди. Скорее всего ему, не спросясь, нахомутили дополнительную работу, вручили кучу вопросов, об истинном смысле которых он не догадывался. Он не может действовать без указаний сверху. Вот для чего семь часов — зашифровать, передать мои показания и получить ответную шифрограмму!

И еще это значит, что начальственный изменник действует с оглядкой, с перестраховкой. Возможно, подозревает, что Контора пытается вычислить с помощью фиктивных происшествий с ревизорами и Резидентом подозреваемого в двойной игре высокопоставленного работника. Возможно, боится собственной чрезмерной суетой натолкнуть на подобные подозрения близких сослуживцев. Выходит, подвязаны у него ручки? Выходит, не всемогущ он? Выходит, так?! Или, что для меня менее предпочтительно, он пытается выяснить каналы возможной утечки информации, чтобы, удалив оперативным путем смертельно опасную

для него опухоль, не нарваться на неожиданно проросшие метастазы?

Может быть, так?

В любом случае, отпуская меня сейчас, он фактически дарит мне жизнь, ставя под угрозу свою собственную. Я ему, случись нам поменяться местами, такой возможности не предоставлю. А вот свою постараюсь не упустить. Долой «шлем», долой из квартиры, пока курьер не передумал, пока не запросил вышестоящее «добро», долой из города. Одной моей произнесенной фразы о встрече с Резидентом довольно будет для изменения меры пресечения. Бери, Контролер, вот эти покалеченные ноги вот в эти не успевшие отдохнуть руки и беги, как таракан, учуявший запах дихлофоса. Улепетывай во весь, пока еще на месте, дух! И Боже тебя упаси на этот раз исполнить полученный приказ. Никуда, кроме как в преисподнюю, он тебя не приведет. Извини, куратор, но второй встречи не будет. Недосуг мне!

А что касается Контролера, будем считать, что он с этого мгновения вынесен за скобки закона! Теперь, когда человек в Центре узнает о моих контактах с Резидентом, когда поймет, что за мной никто, кроме меня самого, не стоит, за жизнь мою не поручится ни один самый безответственный ангел-хранитель. Теперь мне не с периферийной мафией воевать — с самой Конторой, по крайней мере с той ее частью, что подведомственна предавшему ее человеку. Из-под такой опеки выскочить сложнее, чем на Южном полюсе в голом виде тепловой удар получить. Ему моя жизнь дороже своей стала! Теперь, как в дуэли — кто первый успеет. И фора у меня всего ничего — семь часов. Восьмой начнет работать против меня. Уж я-то знаю, какой приказ получит Куратор. Только я единственный и знаю!

Ну что, опять гонка? Опять на старт, внимание, марш?

Без отдыха, без перерыва на обед? Опять?!

Опять! Без перерыва и без отдыха!

Тогда на старт... Тогда внимание... И даже супервнимание, потому что в конце дистанции победителя ожидает роскошный приз — собственная, в собственные руки врученная жизнь. А проигравшему уготованы позор и смерть. Потому что альтернативы снова нет. Или — или!

С Богом, Контролер! И с надеждой. Она, надежда, единственное, что осталось тебе на этом свете. А на тот постараемся не заглядывать!

Время пошло.

Впереди меня ожидали две тысячи миль неизвестности и Москва. Что опаснее — не знаю...

ЧТО-ТО ЖЕНА
ДАВНО НЕ ПИШЕТ...

"ПОЛЕ ЧУДЕС"

Я ХОЧУ ПЕРЕДАТЬ
ПРИВЕТ ОДНО-
СЕЛЬЧАНАМ...

ВИКТОР

278

Мастерская

В картинах московского живописца Виктора Прохорова все дышит счастьем, покоем, умиротворенностью и жизненной полнотой. Можно предположить, что художник с грустью погружается в светлые видения прошлого, в грезы о Москве «белокаменной», дворянской и купеческой, очаровавшей всякого приезжего звоном своих «сорока сороков» и прелестью своих полудеревенских видов. Не случайно московский Новодевичий монастырь становится его излюбленным мотивом; благо, сам художник живет неподалеку от его старых стен и имеет возможность в любое время года любоваться его старинной, благородной статью. Новодевичий в картинах Прохорова — это не просто чудом уцелевший осколок той, прежней, Москвы, уникальный архитектурный памятник XVI—XVII веков, это и есть та самая Москва, Россия, полузабытая и полувыдуманная в наших мечтах о ней.

Вот осень в самом монастыре. Расплавленное золото главного купола Смоленского собора соперничает в своей ослепительной яркости с золотом старых монастырских небес. Короткая, но какая пронзительная и поэтичная пора в жизни русской природы! И как хорошо, что эта нездешняя красота побуждает художника населить «свой» монастырский двор несовершенными, но такими органичны-

ми ему фигурами: старой толстой тетушкой в чепце и с клюкой, словно вышедшей из пьес Островского, молодыми парнями в черных поддевках и девками в цветастых платьях, мирно беседующими кумушками. Навсегда ушедшая, но бесконечно милая и дорогая Россия...

Прохоров с наслаждением пишет и натюрморты, стремясь передать на холсте очарование простых полевых ромашек и тяжелых веток сирени, нежную бледность роз и осеннюю прелесть пестрых астр. Он любит матовую поверхность виноградных гроздей и глянец твердых красок яблок, шероховатостью спелого персика и соком разрезанного арбуза. Каждое лето Виктор Прохоров ездит в деревню, в Вышневолоцкий район, в свой собственный старый бревенчатый дом, купленный по случаю на берегу величавого озера Мотино. Полтора века назад неподалеку отсюда в знаменитом Сафонково Венецианов писал свои прославленные шедевры: «Гумно», «На пашне», «Сенокос». А в соседнем поместье его ученик, крепостной художник Григорий Сорока, создавал чудесные полотна, увековечивая неспешный быт и печальную прелесть русской усадьбы. Давно уже нет простодушных крестьянок, так проникновенно воспетых Венециановым, но остались еще кусочки незагаженной русской природы: и долгое озеро, опущенное камы-

ПРОХОРОВ

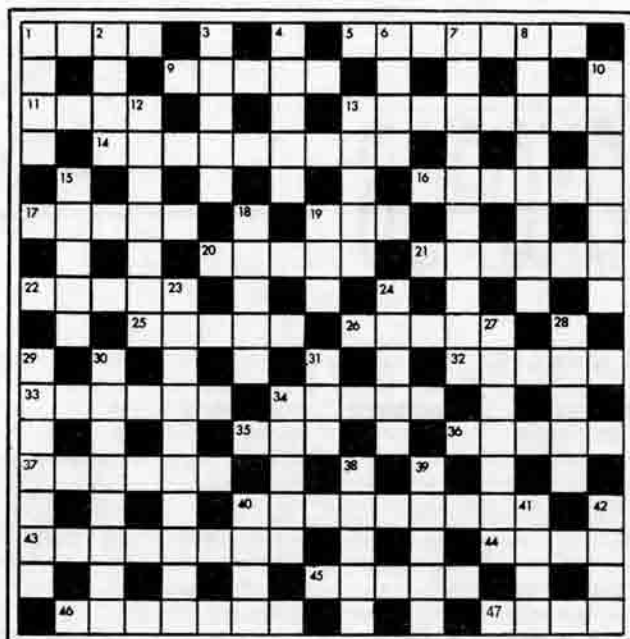
шами, и проселочная дорога среди желтеющих овсов, и высоко летящие над головою цапли. Виктор любит эти места. Тишина полей, тверские неоглядные просторы, кровавые закаты во всю небесную ширь, озерная синяя гладь — все это есть в его пейзажах, и все это напитано любовью и нежностью к земле, ставшей родной.

Виктор Прохоров — уже сложившийся мастер. Позади — долгий и трудный путь в искусство, упорный поиск собственного языка и темы. В детстве талантливого мальчишку из многодетной семьи заметил педагог изостудии московского Дома пионеров имени Зуева. Он и посоветовал поступать в лучшую художественную школу страны — Среднюю художественную школу при институте имени В. И. Сурикова. Здание школы располагалось тогда напротив Третьяковки, и юный художник частенько пропадал там, влюбленно вглядываясь в полотна корифеев русской школы: Саврасова, Соломаткина, Поленова, Врубеля... В пятнадцать лет композиция Виктора была послана на Международную выставку в Индию и получила там Диплом. В восемнадцать он становится студентом Художественного института имени В. И. Сурикова.

В 1980 году Виктора Прохорова принимают в Союз художников, он участвует почти во всех крупнейших общероссийских и московских

выставках. Его картины закупают музеи и галереи, среди них такие, как Киевский музей Русского искусства, Таганрогская картинная галерея, Пензенская картинная галерея имени Савицкого... В 1994 году серия его картин была приобретена тайваньским государственным музеем «Дракон». Его новые картины: виды старой Москвы, подернутые ностальгической дымкой, лирические пейзажи, красивые, сочные натюрморты — можно встретить почти в любой точке земного шара: в Австралии и Англии, в Америке и на Мальте, в Германии, Испании, Италии и многих других странах мира.

ЛИЛИЯ БАЙРАМОВА

1. Река. Нырнув у одного берега и вынырнув у другого, попадешь из Азии в Европу или наоборот. 5. Трава, о целебных свойствах которой упоминает папирус Эберса. 9. Деталь, общая у граблей и пилы. 11. Римский баснописец, считавший, что терпение надежнее борьбы. 13. Женщина, которой героиня романа Л. Толстого «Анна Каренина» отдала перешить три платья. 14. Полевой певец, не пьющий воду. 16. Пряное растение, помогающее, как считали древние греки, от бесплодия. 17. Рыба, поедаящая много сельдьяной икры. 19. Средневековый корабль венецианских купцов. 20. Самый популярный в средние века учебник латинской грамматики. 21. Стальная полоса для производства сварных труб. 22. Первый иностранный поэт в жизни А. Пушкина. 25. Арабское гадание с помощью трех стрел, хранящихся в храме. 26. Поэт-обэриут. 32. Горы, где Жан Малом обнаружил три с половиной тысячи наскальных рисунков. 33. Механизм, дающий машине обратный ход. 34. Греческая игра; выплескивание вина в цель. 35. Швейцарский психолог, чье учение сильно повлияло на Г. Гессе и Т. Манна. 36. Представитель народа, чья кровь течет в жилах калмыков. 37. Главный противник Бога. 40. Камень, из которого построен Колизей. 43. Последний русский князь-жрец. 44. Семейная реликвия у адыгейцев и кабардинцев. На ней в сакле висел котел над очагом. 45. «... превращающийся в Ипокрену» — первый в Сибири ежемесячный журнал.

46. Хлопчатобумажная рубаша, обычная одежда египетского крестьянина. 47. Бургомистр Франкенбурга в XVI веке, общий предок Гете и Гегеля.

По вертикали.

1. Древний город в Верхнем Египте, центр культа Гора. 2. Английский археолог, прозванный на Ниле «отцом черепов». 3. Каждый шелковый предмет в двух сундуках императрицы Елизаветы. 4. Ягненок в устах Волка (басня И. Крылова). 6. Каждый из уплетающих картофель на картине Ван Гога. 7. Цветок, какой в Италии кладут только на могилы. 8. Мнимая смерть при истерии. 10. Ю. Вострелов как музыкант, ставший чемпионом мира в 1968 году. 12. Яйцевидное судно поморов с одной или двумя мачтами. 13. Важнейший жанр средневековой многоголосной музыки. 15. Тип московского извозчика во времена В. Ключевского. 18. Самоцвет, дающий как талисман родившимся в ноябре верную дружбу и любовь. 19. Молдавская флейта Пана. 23. Женщина, приносимая в древности в жертву Яриле. 24. Единственный морской зверь среди куньих. 27. Основоположник позиционной игры в шахматы. 28. Военное препятствие из срубленных деревьев и бревен. 29. Фамилия сестер Ангелины и Виктории, русских балерин. 30. Фрегат на картине И. Айвазовского, подаренной художником адмиралу К. Посьету. 31. Предмет, изображенный на рукоятках древних критских мечей. 34. Немецкий пейзажист, автор замечательной серии «Сказки царицы Зимы». 38. Запасной якорь на судне. 39. Документ на княжение во времена татаро-монгольского ига. 40. Знак, роднящий стихи А. Белого и М. Цветаевой. 41. Река, где русские лодки победили два шведских корабля. Петр Первый приказал выбить медаль с надписью «Небываемое бывает». 42. Учитель Петра Первого Никита Зотов по чину.

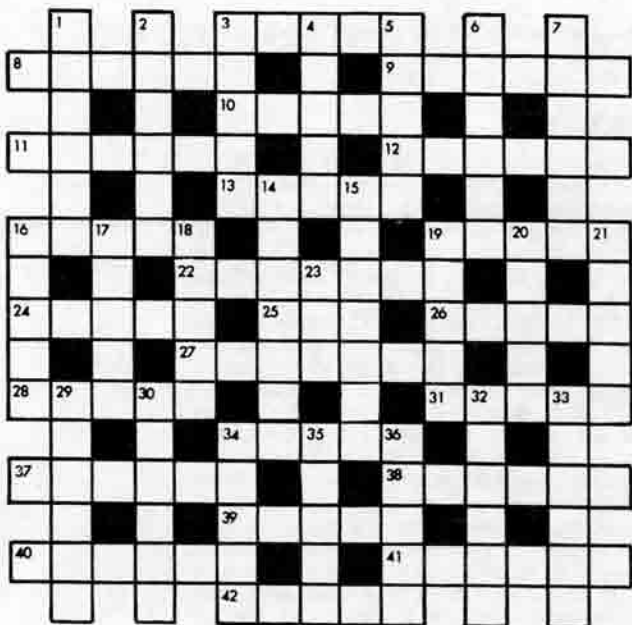
ОТВЕТЫ НА «ЗРУДИТ», НАПЕЧАТАННЫЙ В № 3

По горизонтали.

1. Зевака. 5. Ибн. 9. Халда. 10. Ненец. 11. Польза. 12. Ерь. 13. Астат. 14. Пламя. 15. Уклея. 17. Легро. 19. Цвель. 22. Рано. 23. Ненастье. 24. Пшено. 25. Выть. 28. Обед. 31. Дудук. 32. Гайдамак. 33. Энгр. 34. Мидас. 37. Горио. 39. ...червь... 40. Арион. 41. Браун. 43. Мал. 44. Юденич. 45. «Демон». 46. Шофер. 47. Див. 48. Железо.

По вертикали.

1. Зель. 2. Волькенштейн. 3. Кузнец. 4. Барселона. 5. Идеал. 6. Бартенев. 7. Весло. 8. Герма. 14. Приам. 16. Явишт. 18. Тревога. 20. Стабунивание. 21. Бездарь. 26. Фуникулер. 27. Турач. 29. Закон... 30. Марибаши. 35. Сердце. 36. Аррет. 37. Горох. 38. Орлов. 42. Очко.

КРОССВОРД
Составил
М. РЯЗАНСКИЙ,
Чита

По горизонтали.

3. Французский утопист, теоретик «равных». 8. Род войск. 9. Флажок на острие старинного шлема. 10. Каждый из демонов плодородия в свите греческого бога Диониса. 11. Англосаксонский ученый, советник Карла Великого. 12. Восточный музыкант. 13. Дерево, чьи хромосомы напоминают человеческие. 16. Русский художник-сезаннист. 19. Греческий драматург, «отец трагедии». 22. Сердце атомной электростанции. 24. Темно-коричневая минеральная краска. 25. Мыс на восточном побережье Вьетнама. 26. Строитель ледяных мостов. 27. Рыболовная снасть. 28. Человек (в Восточной Азии), впрягающийся в повозку. 31. Тонкость, оттенок. 34. Стихотворение А. Пушкина. 37. Свирепый страж. 38. Самый известный владелец залатанного кафтана. 39. Прежнее название города Шевченко. 40. Робот с человеческим обликом в фантастике. 41. Враль, заливала. 42. Перечень учитываемых предметов.

По вертикали.

1. Сельхозмашина, создающая искусственный ветер. 2. Птица, способная, по утверждению «Журнала экспериментальной психологии», отличить музыку Баха от музыки Стравинского. 3. Стихотворение с моралью. 4. Существование. 5. Шахматная фигура. 6. Диалог между следователем и подозреваемым. 7. Свиноподобное американское животное с клыками, направленными вниз.

14. Французский поэт и писатель, создатель бурлеска и поэм-трагедии. 15. Библиотека музыкальных произведений. 16. Молдавский народный музыкальный инструмент. 17. Русский народный вид графики. 18. Повесть В. Астафьева. 19. Немецкий ученый, издавший самый полный словарь древнеегипетского языка. 20. Южный плод. 21. Растворение живой клетки под действием фермента. 23. Одно из самых простых и самых жестоких орудий казни. 29. Помещичье земельное владение с усадьбой. 30. Трафарет, штамп. 32. Зевс, «переехавший» в Древний Рим. 33. Старое название убытка, ущерба. 34. Французский ученый, по чьей подсказке У. Лавуазье теоретически открыл планету Нептун. 35. Второй поэтический сборник А. Ахматовой. 36. Самый необычный металл.

**ОТВЕТЫ
НА
КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 3**

По горизонтали.

5. «Явор». 8. Лава. 9. Иваси. 11. Огарь. 12. Пяст. 14. Тета. 16. Кабельтов. 18. Ладан. 19. Радио. 20. Уллас. 23. «Тарар». 24. Квота. 25. Какао. 26. Флора. 27. Блеск. 29. Нгала. 32. Флиер. 34. Школа. 35. Таратайка. 36. «Юмор». 39. Медь. 41. Желна. 42. Абака. 43. Эйве. 44. Золя.

По вертикали.

1. Хвоя. 2. Кит. 3. Альт. 4. Цвет. 6. Чабан. 7. Табор. 10. Идеал. 11. Ольга. 13. Старт. 15. Ехида. 16. Кабриолет. 17. Вагонетка. 20. Уркан. 21. Лукка. 22. Скоба. 26. Фолио. 28. Колье. 30. Глава. 31. Лиана. 33. Рабле. 34. Шквал. 37. Майя. 38. Ржев. 39. Мазь. 40. Долг.

Шахматная эпиграмма

284

Под редакцией
международного гроссмейстера

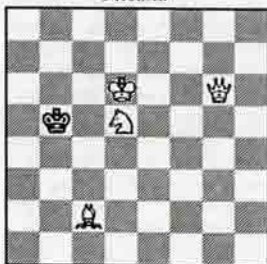
ВИКТОРА ЧЕПИЖНОГО

Продолжаем публикацию оригинальных композиций, присланных на V международный конкурс составления шахматных задач-миниатюр журнала «Смена». Напоминаем нашим читателям, что миниатюрами называются задачи, в которых общее количество фигур не превышает семи. Приглашаем участвовать в конкурсе всех желающих!

ПУБЛИКУЕТСЯ ВПЕРВЫЕ

34. В. СУРКОВ

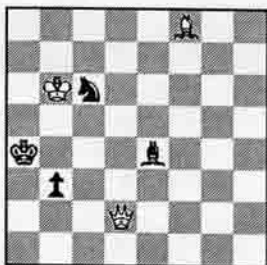
Рязань

Мат в 2 хода

35. Р. ЛИНКОЛЬН

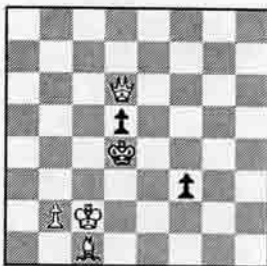
США

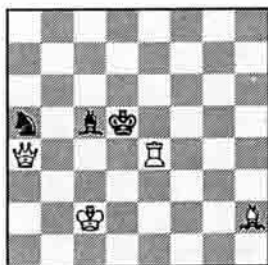
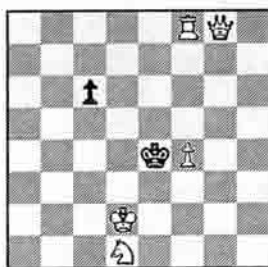
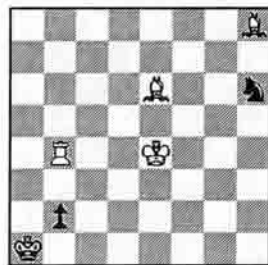
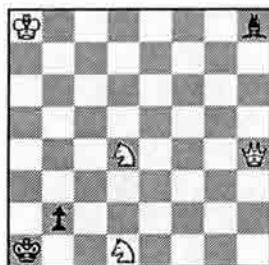
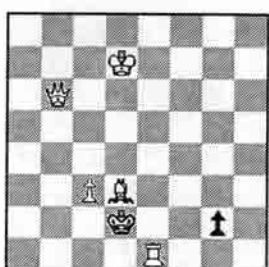
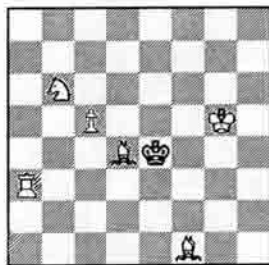
Мат в 2 хода

36. В. КОВАЛЕНКО

*г. Большой Камень
Приморского кр.*

Мат в 2 хода

37. С. МИЛЕВСКИЙ*Польша***Мат в 2 хода****38. Ю. СУШКОВ и Ю. ФОКИН***Санкт-Петербург***Мат в 2 хода****39. Л. ГРОЛЬМАН***Казань***Мат в 3 хода****40. Ю. ГОРДИАН и В. ЖЕЛТОНОЖКО***Одесса|Екатеринбург***Мат в 3 хода****41. З. ГНАТ***г. Стрый, Украина***Мат в 3 хода****42. М. МАРАНДЮК***г. Новоселица, Украина***Мат в 3 хода***б) Kpg5-g4*

«СМЕНА»-96

Это детективные, фантастические, мистические или просто остросюжетные романы, повести, рассказы лучших отечественных и зарубежных писателей, очерки о малоизвестных эпизодах нашей истории, шедеврах мирового искусства и еще очень много интересного. И все это — в каждом номере.

Ф. СП-I

„СОЮЗПЕЧАТЬ“

АБОНЕМЕНТ на _____ журнал

70820

(индекс издания)

«СМЕНА»

Количество комплектов

1

на 1996 год

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда _____

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому _____

(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

ПВ _____

место _____

ли-
тер _____

на _____ журнал

70820

(индекс издания)

«СМЕНА»

Стои-
мость

подписки
пере-
адресовки

руб.
руб.

коп.
коп.

Количество
комплек-
тов

1

на 1996 год

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда _____

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому _____

(фамилия, инициалы)

«СМЕНА»-96

Это — 7900 рублей за один номер, 23 700 — за три, полугодовая подписка — 47 400 рублей (цены указаны по каталогу без стоимости доставки).

Подписка принимается без ограничений всеми отделениями связи.

Проверьте правильность оформления абонемента!

На абонементе должен быть поставлен оттиск кассовой машины.

При оформлении подписки (переадресовки) без кассовой машины на абонементе проставляется оттиск календарного штампа отделения связи. В этом случае абонемент выдается подписчику с квитанцией об оплате стоимости подписки (переадресовки).

.....

Для оформления подписки на газету или журнал, а также для переадресовки издания бланк абонемента с доставочной карточкой заполняется подписчиком чернилами, разборчиво, без сокращений, в соответствии с условиями, изложенными в каталогах Роспечати.

Заполнение месячных клеток при переадресовании издания, а также клетки «ПВ-МЕСТО» производится работниками предприятий связи и Роспечати.

**ВИКТОР ПРОХОРОВ. Золотая осень.
Дикие розы.**

ИНДЕКС 70820

ЮЛИАН